

Л. М. САНДАЛОВ

На московском направлении

**ВТОРАЯ
МИРОВАЯ
ВОЙНА**

**В ИССЛЕДОВАНИЯХ
ВОСПОМИНАНИЯХ
ДОКУМЕНТАХ**

Л. М. САНДАЛОВ

генерал-полковник

На московском направлении

Предисловие

Маршала Советского Союза

М. В. ЗАХАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1970

Л. М. САНДАЛОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга принадлежит перу одного из крупных и талантливых советских военачальников — Леониду Михайловичу Сандалову, представителю славной плеяды командиров Советских Вооруженных Сил, которым довелось строить нашу армию, воевать в Великую Отечественную.

Жизненный путь генерала Сандалова типичен для людей, чья молодость совпала с Великой Октябрьской революцией. Он родился и вырос в старинном городе русских текстильщиков в Ивановской области — Вичуге. Здесь под влиянием революционной рабочей среды формировалось мировоззрение юноши, рано познавшего тяготы жизни трудящегося в царской России. Окончил фабрично-заводскую школу, подростком работал на текстильной фабрике и готовился, идя по пути родителей, стать потомственным рабочим, но жизнь повернулась иначе.

Октябрьская революция, изменив судьбы мира, меняла и судьбы людей. Перед Л. М. Сандаловым, как и многими его сверстниками, выходцами из рабочей среды, открылись новые пути. Он стал одним из организаторов и руководителей комсомольской ячейки, а когда прогремели первые залпы гражданской войны, поступил на Иваново-Вознесенские курсы командного состава и вскоре стал красным командиром. Именно они, первые в истории пролетарские командиры рабоче-крестьянского государства, вдохнули в могучую армию ту силу, которая сделала ее непобедимой в суровые легендарные дни борьбы с контрреволюцией и интервенцией. И недаром говорил тогда В. И. Ленин, что именно Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск дали основные кадры командного состава для Красной Армии.

Молодая Советская республика призвала Л. М. Сандалова на передний край сражений. В огне боев на Туркестанском и Южном фронтах взводный командир Л. М. Сандалов постигал искусство боя. Трудная школа закаляла ум, сердце, волю и привила ту любовь к военной профессии, которую он затем пронес через всю жизнь.

Кончилась война. Л. М. Сандалов получил роту в одной из частей Киевского военного округа. Но он жадно стремился к знаниям, понимая, что без них не раскрыть всех тайн военной профессии,

которой он решил посвятить жизнь и которая становилась все более сложной. Наступила пора серьезной учебы. Сначала Киевская объединенная школа командиров имени С. С. Каменева, потом, после трех лет службы, — Академия имени М. В. Фрунзе. Наконец, показавший отличные способности, энергичный командир, он проходит подготовку в Академии Генерального штаба. Леонид Михайлович еще не переступил порог 40 лет, когда по окончании Академии получил очень ответственный пост начальника оперативного отдела штаба Белорусского военного округа. Вскоре, за год до войны, он уже возглавляет штаб 4-й армии, находившейся под Брестом.

Знания, приобретенные во время учебы, опыт службы, глубокий аналитический ум позволили Л. М. Сандалову выработать широкий оперативный кругозор, редкое умение точно обобщать военные события, принимать рациональные и смелые решения — качества, ценность которых известна каждому воину. И они оказались бесценными в последующие годы, когда грянули главные испытания.

Генерал Сандалов с честью прошел испытания войны. Он был среди тех, кто участвовал в смертельных схватках с фашистскими захватчиками под Брестом. В июле 1941 г. он был назначен начальником штаба Центрального фронта, сражался под Гомелем, Брянском, Тулой, Курском, в Прибалтике и активно участвовал в великой Московской битве и других славных операциях Великой Отечественной войны. Везде он выступал как один из крупнейших организаторов. Его оперативные идеи лежали в основе ряда победоносных фронтовых операций на ключевых участках великой борьбы. Начальник штаба 2-го Прибалтийского, 4-го Украинского фронтов — таковы должности генерала Л. М. Сандалова на завершающем этапе войны. А после 1945 г. он начальник штаба Прикарпатского, затем Московского военных округов.

Однако судьба уготовила Леониду Михайловичу еще одно испытание — в 1951 г. в результате авиационной катастрофы он лишился возможности передвигаться. Теперь он совершает еще один подвиг — подвиг труда. Он пишет книги, в которых обобщает и передает новым поколениям свой громадный опыт. Увидели свет четыре его печатных труда, а широко известные мемуары «Пережитое» вышли вторым изданием.

Перед читателем — пятая книга Леонида Михайловича Сандалова, и не удивительно, что она отражает один из самых трудных и славных периодов нашей истории — Великую Отечественную войну. Книга — плод долгих, глубоких размышлений. Она посвящена воспоминаниям автора о капуте Великой Отечественной войны и о самых трудных ее временах — начальном периоде. Автор доводит изложение событий до Курской битвы, а в центре его внимания остается та сложная и необычайно острая борьба, которая протекала именно в первые месяцы войны с фашизмом.

В предвоенные годы, как подчеркивает автор, опасность империалистической интервенции заставляла партию и правительство неустанно заботиться о повышении обороноспособности страны.

Успехи социалистического строительства создавали для этого необходимую материально-техническую базу. Производство оборонной промышленности неуклонно росло. Это позволило нам за исторически короткий срок превратить Красную Армию в передовую и современную. Парастающая угроза войны потребовала в конце 30-х годов провести ряд чрезвычайных мер, направленных на увеличение для подготовки страны к отпору агрессору. За три года последней предвоенной пятилетки Советский Союз достиг больших успехов в повышении обороноспособности. Достаточно напомнить, что по объему машиностроения, имевшему первостепенное значение для развития военной экономики, СССР накануне войны занял первое место в Европе и второе — в мире. Перед войной была создана новая танковая промышленность, переоборудовалась авиационная, быстро росло количественно и качественно артиллерийское вооружение, получили новую технику военно-морской флот.

Наши Вооруженные Силы накануне нападения фашистской Германии обладали значительной мощностью. Армия, флот, авиация располагали многочисленными, преданными делу партии кадрами, оснащались современным вооружением.

В целом за две с половиной предвоенные пятилетки Советский Союз создал необходимые материальные и экономические предпосылки для максимального подъема обороноспособности Родины. Именно эти обстоятельства и позволили нам в необычайно тяжелых условиях внезапного нападения врага дать отпор агрессору. Обо всем этом Л. М. Сандалов ярко и убедительно рассказывает в своей книге.

Началу войны Л. М. Сандалов посвящает много страниц, которые читаются с большим интересом и волнением. Они не оставят безучастными ни ветерана войны, ни молодого офицера, ни каждого из советских людей, чья память постоянно обращается к событиям минувшей эпопеи. А интерес к прошедшей войне, хотя ее уже отделяет от современности четверть века, неизменно высок. Генерал Сандалов развертывает перед читателем широкую панораму борьбы на самом сложном ее этапе. И хотя, казалось бы, он ведет речь лишь о своем участке фронта, о 4-й армии, но, когда читаешь страницы книги, перед мысленным взором встает картина всей гигантской схватки нашей армии с фашизмом в те незабываемые дни 1941 года.

Мастерство автора позволило ему увидеть самое главное, наиболее типичное, что характеризовало действия советских воинов. Он раскрывает непреклонное мужество советских людей, их героизм, беззаветную преданность Родине, партии, ее великим идеалам.

Большая заслуга Л. М. Сандалова состоит в том, что его перо не сводит повествование, как это еще иногда, к сожалению, бывает, к сухому перечислению фактов, оперативному обзору событий, вызывающему, быть может, интерес лишь у специалистов. Он пока-

зывает события, если можно так выразиться, «через людей». У него всюду живые люди. Перед читателем встают яркие образы многих наших военачальников, командиров, тех, чьи имена потом навсегда вошли в историю, и тех, чья судьба была более скромной, но кто честно выполнял свой долг. Любовь к людям военной профессии, тонкость понимания характеров тех, кто стоял плечом к плечу с автором в борьбе, — необычайно ценное качество книги, делающее ее яркой и запоминающейся.

Я хотел бы сказать еще об одной примечательной стороне книги. Тот факт, что она написана крупным военным специалистом, имеющим за плечами не только богатый опыт, но и широкие военно-теоретические познания, делает ее поучительной в чисто военном и военно-историческом отношении. Л. М. Сандалов высказывает ряд интересных суждений по вопросам оперативного искусства в миновавшей войне, дает порой своеобразные оригинальные описания некоторых событий, участником которых он был, рассказывает малоизвестные факты, дополняющие новыми яркими штрихами уже изученную в целом картину первых лет войны.

Исключительный интерес вызывают страницы книги, посвященные историческому сражению под Смоленском, героической борьбе за Тулу, великой битве за Москву и другим событиям первых лет войны. Везде автор старается рассказать новое, подчеркивая прежде всего все то, что наиболее поучительно и важно.

Творческий дух, стремление автора донести свой опыт до тех, кто посвятил себя военному служению Родине, показать советским людям возвышенную и немеркнущую славу подвига нашей армии — вот достойные самого высокого уважения черты этой книги.

Л. М. Сандалов прошел большой жизненный и боевой путь. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги генерал-полковника Леонида Михайловича Сандалова, наградив его двумя орденами Ленина, орденами Суворова 1-й степени и Кутузова 1-й степени, тремя орденами Красного Знамени и другими орденами и медалями.

В апреле 1970 г. за большие заслуги перед Родиной и в связи с 70-летием со дня рождения Л. М. Сандалов Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден третьим орденом Ленина.

Маршал Советского Союза

М. В. ЗАХАРОВ

В начале 1936 г. в Москве, в Генеральном штабе, под руководством наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова проводилась большая военно-стратегическая игра. Непосредственно возглавлял ее начальник Генерального штаба А. И. Егоров. В этой чрезвычайно важной игре, помимо руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба, принимали участие некоторые командующие войсками военных округов вместе с начальниками штабов и начальники военных академий.

На «красной» стороне в роли командующего Северо-Западным фронтом выступал командующий Ленинградским военным округом Б. М. Шапошников. Западный фронт возглавлял командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич, а Юго-Западный фронт — начальник штаба Киевского военного округа Д. А. Кучинский. В роли командующих армиями этих фронтов выступали командующие войсками внутренних военных округов и начальники военных академий.

Роль командующего немецкой армией — «коричневой» — играл заместитель наркома обороны М. Н. Тухачевский, а командующего армией буржуазной Польши — «синей» — командующий Киевским военным округом И. Э. Якир.

За несколько дней до поездки в Москву Иона Эммануилович вызвал меня, помощника начальника оперативного отделения штаба округа, вручил мне папку с материалами по игре и, улыбаясь, сказал:

— Поедете со мной в Москву на военную игру. Будем командовать на игре «синими» — польской армией. Изучите все материалы о военном потенциале Польши, о ее армии и подготовьте исходные документы для игры.

В течение недели командующий напряженно готовился к игре и готовил меня. Наконец мы приехали в Москву и включились в игру. Надо сказать, что ни прежде, ни после мне не приходилось участвовать в военной игре таких грандиозных масштабов и совместно с такими выдающимися военными деятелями, как Тухачевский, Уборевич, Якир и Шапошников. Однако проведенная игра

ни ее руководителям, ни участникам ожидаемых ценных результатов не принесла. Оказалось, что по ряду основных стратегических вопросов у участников военно-стратегической игры единства во взглядах нет. Ряд участников игры во главе с М. Н. Тухачевским высказывали мнение, что Генеральный штаб занижил число дивизий, которые Германия может выставить против нас, почти вдвое (не 200, а 100 дивизий)¹. Пограничное сражение получилось на игре встречным, с равными силами у сторон, без резких колебаний в обстановке, без кризисов. Получившая в то время признание новейшая теория советского военного искусства толковалась разноречиво. В общем игра подтвердила необходимость создания особого высшего военного учебного заведения для подготовки высшего командного состава и разработки новых, более современных положений и наставлений по ведению операций. Игра ускорила решение этого важного вопроса.

И вот в конце лета 1936 г. в одном из тихих переулков, выходящем на Большую Пироговскую улицу, недалеко от 2-го Медицинского института появилось новое военно-учебное заведение.

Непосредственно к скромному, ничем не выделявшемуся особняку, в котором проводились учебные занятия, примыкало общежитие для учащихся. И слушатели даже в холодные и дождливые осенние дни ходили на занятия обычно без шинелей.

Слушатели и преподаватели нового учебного заведения носили не сапоги, как все военные в то время, а ботинки, их одежда была необычайно ярка. На кителях и шинелях отложные воротники из черного бархата с белой окантовкой. Такая же окантовка на красных фуражках. Брюки навыпуск с широкими малинового цвета лампасами. И нередко, когда слушатели нового учебного заведения появлялись в своей яркой форме в общественных местах, москвичи останавливались и с любопытством рассматривали нарядных военных.

Непосвященных поражал не только внешний вид, но и возраст «военных студентов». Большинство это были командиры в звании полковника и в возрасте 35—40 лет. Некоторые из них, видимо, в результате длительной сидячей работы в штабах уже утратили спортивную форму, столь характерную для командиров Красной Армии того времени.

Что же это было за учебное заведение?

Это — Академия Генерального штаба. С того момента Военная академия имени М. В. Фрунзе — *alma mater* для большинства высшего и старшего командного состава Красной Армии — безоговорочно уступила первенство новой Академии.

Во вновь созданную Академию было принято 137 человек, главным образом из числа работников Генерального штаба, штабов военных округов, начальников штабов соединений и преподавателей военных академий. Большинство зачисленных в Академию являлись

¹ В 1941 г. немцы вместе с союзниками двинули против СССР 190 дивизий.

И. Э. Якир

М. Н. Тухачевский

представителями наземных войск — пехоты, конницы, артиллерии, танковых и инженерных частей. Но были здесь и представители авиации и даже Военно-Морского Флота.

Все слушатели Академии имели за своими плечами большой стаж службы в наших Вооруженных Силах, отличные аттестации; как правило, являлись участниками первой мировой или гражданской войны и окончили до этого одну из военных академий (в подавляющем большинстве Академию имени Фрунзе). Никаких экзаменов поступающие в новую Академию не держали.

В число принятых в Академию посчастливилось попасть и мне. Произошло это все очень просто. Весной 1936 г. меня вызвали к командующему Киевским военным округом Якиру. Беседа состоялась в присутствии начальника штаба и начальника политического управления округа.

— Вы, очевидно, знаете, что в Москве открывается Академия Генерального штаба, — спросил командующий. — Мы решили посылать вас учиться туда. Желаете?

Мне оставалось только поблагодарить командующего.

— Вот закончите Академию и приедете сменять меня, — пошутил начальник штаба.

Разумеется, никто из намеченных кандидатов от учебы в Москве не отказался. Из Киевского военного округа в новую Академию поехало 14 человек. Нашу группу будущих слушателей Академии возглавлял комбриг Леонид Александрович Говоров. Вместе со мной были мои старинные друзья — полковники А. И. Гастило-

вич и Н. И. Четвериков, а также мой однокурсник по Академии имени Фрунзе полковник И. Х. Баграмян. Иван Христофорович ехал в Москву из Житомира, где он занимал должность начальника штаба кавалерийской дивизии. Естественно, что все разговоры в пути вращались вокруг предстоящей учебы в Академии.

В дни, предшествовавшие началу запытий, Академия Генерального штаба представляла собой нечто вроде старинной Запорожской Сечи. Это сходство подчеркивалось и тем, что часть слушателей, особенно москвичи, уже надели новую, сшитую заранее форму и в новых с широкими малиновыми лампасами брюках напоминали казачьих командиров. То и дело раздавались радостные восклицания боевых товарищей по гражданской войне, дружеские приветствия недавних сослуживцев и однокашников, встретившихся вновь.

Среди слушателей нашел и я своих давних друзей — полковников Александра Николаевича Боголюбова и Николая Федоровича Ватутина, с которыми служил в 28-й стрелковой дивизии, и даже земляка из Кипешмы — тоже полковника Александра Михайловича Василевского.

Все мы отлично понимали, для чего и почему именно сейчас создана Академия Генерального штаба. Уже тогда ни для кого не было секретом, что фашистская Германия создает вооруженные силы и развертывает военную промышленность для нападения на Советский Союз с целью удушения коммунизма и завоевания для немцев, как неоднократно цинично заявлял Гитлер, «жизненного пространства» на Востоке.

В 30-х годах в результате успешного выполнения первых пятилетних планов Советский Союз превратился в могучую индустриальную державу. Создавалась возможность для коренного технического перевооружения армии.

Предвидя неизбежность нападения фашистской Германии, Центральный Комитет ВКП(б) и Советское правительство к 1936 г. осуществили целый ряд мероприятий по укреплению обороноспособности нашего государства и усилению мощи Вооруженных Сил. Реорганизация и перевооружение нашей армии проводились в значительной степени с учетом новой теории военного искусства — глубокой наступательной и оборонительной операций. Правда, разработана оборонительная операция была еще слабо.

Основателем глубокой теории по праву считался В. К. Триандафиллов.

Сущность теории глубокой наступательной операции заключается, коротко говоря, в следующем. Скрытно создать на намеченном для удара участке превосходящие в несколько раз над противником силы. Прорвать его оборону и ввести в прорыв подвижные войска. С помощью авиации и воздушнодесантных войск нанести одновременный удар на всю глубину обороны противника. И, превратив тактический успех в оперативный, завершить разгром вражеской группировки.

К 1936 г. Советские Вооруженные Силы уже имели механизированные и танковые корпуса, а в каждую кавалерийскую дивизию был включен механизированный полк. К этому же времени развернулось формирование воздушнодесантных войск, в создании которых Советский Союз бесспорно был пионером.

Таким образом, новая теория военного искусства не повисла в воздухе. Ведение глубоких наступательных операций обеспечивалось теперь самой структурой войск.

Но в жизни всегда существует своего рода цепная реакция. Вместе с реорганизацией и техническим перевооружением Красной Армии и Военно-Морского Флота потребовалось улучшить подготовку высшего командного состава. Войска нуждались в кадрах, способных управлять по принципам глубокой операции новыми соединениями, объединениями и возглавлять крупные штабы. Имевшийся в Военной академии имени М. В. Фрунзе оперативный факультет уже не мог удовлетворить возрастающие запросы армии в высшем командном составе ни в количественном, ни в качественном отношении. И вот было создано принципиально новое учебное заведение — Академия Генерального штаба, призванная готовить высший командный состав. Это было еще одним ярким проявлением заботы Коммунистической партии и Советского правительства об укреплении Вооруженных Сил первого в мире социалистического государства.

Формирование новой Академии было поручено начальнику штаба Киевского военного округа комдиву Д. А. Кучинскому. Накануне отъезда в Москву он выступил перед руководящими работниками штаба округа:

— Академия имени М. В. Фрунзе и военные академии специальных родов войск готовят в основном командный состав только для управления боем соединений и частей. Академии Генерального штаба предстоит готовить кадры с широким оперативным кругозором, способные разрабатывать и осуществлять армейские и фронтовые операции.

Первые дни нашего пребывания в Москве целиком уходили на то, чтобы наладить быт. На первых порах Академия могла предоставить слушателям, приехавшим с семьями, лишь отдельные комнаты. Только многосемейные получили сразу двухкомнатные квартиры. В последующем, уступив большую часть забот по благоустройству семейных очагов своим женам, слушатели целые дни проводили в учебном корпусе Академии, знакомились с учебными планами и программами, дискутировали о задачах Академии, обменивались мнениями о ее руководителях и преподавателях.

В группе слушателей, приехавших из Киевского военного округа, чаще всего слышался голос комбрига Говорова. Высокого роста, темный шатен с волевым лицом, серьезный, всегда подтянутый и безупречно одетый, Леонид Александрович Говоров пользовался у нас большим авторитетом. Он держался несколько особняком, в разговорах на бытовые, повседневные темы участия не принимал,

и даже его присутствие при таких разговорах несколько стесняло собеседников.

— Леопиду Александровичу анекдота не расскажешь, — отзывались о Говорове его бывшие сослуживцы.

Однако неразговорчивый, замкнутый Говоров мгновенно преобразился, когда разговор заходил на военные или военно-политические темы. Говорил он с воодушевлением, буквально чеканя слова своим несколько глуховатым голосом. Его суждения часто были резки, но в логике ему нельзя было отказать.

Для работы в новой Академии были приглашены лучшие преподаватели военных академий, главным образом Академии имени М. В. Фрунзе, пользовавшиеся известностью в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам. Назову в первую очередь одного из талантливых военных деятелей старой армии, вступившего в Красную Армию в самом начале ее образования, — профессора военно-инженерного дела, комдива (накануне Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта инженерных войск) Дмитрия Михайловича Карбышева.

Офицер старой армии Д. А. Кучинский сразу после Октябрьской революции встал на сторону Советской власти. Во время гражданской войны занимал различные штабные должности в Красной Армии. Затем он командовал корпусом, а перед самым назначением в новую Академию, как я уже писал, занимал должность начальника штаба округа.

Справедливости ради не могу не сказать, что среди преподавателей Академии встречались и такие деятели старой армии, которые хотя и перешли на сторону Советской власти, но до конца своей жизни остались, если можно так выразиться, лишь «военспецами». Я имею в виду профессора А. А. Свечина, крупного военного теоретика, написавшего ряд интересных работ уже при Советской власти, в частности известную книгу о стратегии². Таким же был и профессор А. И. Верховский, в прошлом военный министр Временного правительства, преподававший в Академии оперативное искусство и военную историю.

Особый состав слушателей, их возраст и служебное положение до поступления в Академию исключали присутствие иногда студентам, да, пожалуй, и слушателям других академий некоторые школярские приемы. Мы не столько готовились к предстоящим занятиям или зачетам, сколько пополняли запас своих знаний впрок, для будущей работы в войсках. Учебной литературы по оперативному искусству в свете новой теории и новой организации войск тогда почти не было. Поэтому, решая учебные задачи по проведению армейских и фронтовых операций, слушатели широко использовали собственный опыт. Многие поддерживали тесную связь с управлениями Генерального штаба и Наркомата обороны, откуда они пришли в Академию, и частенько необходимые для занятий материалы получали

² «Стратегия» А. А. Свечина вышла в свет в 1924 г.

там. Методические разработки Академии Генерального штаба по оперативным вопросам размножались, а затем через Генеральный штаб и непосредственно поступали в военные округа, а также в другие академии и становились там основным пособием при проведении военных игр и полевых поездок. Так с помощью вновь созданного высшего военного учебного заведения начали широко прививаться в войсках общие взгляды на армейскую и фронттовую операции. Академия Генерального штаба стала научным центром Красной Армии.

Учебный процесс в новой Академии был организован не так, как в других академиях. Впервые в практике военно-учебных заведений значительная часть времени отводилась на самостоятельную подготовку. Два-три дня в неделю слушатели занимались совершенно самостоятельно — в библиотеках, дома или в лабораториях Академии. И только половина всех занятий проводилась в учебных группах, состоявших из 12—15 человек.

Забегая вперед, хочу отметить, что в одной со мной группе оказались Николай Федорович Ватугин, Владимир Васильевич Курасов, Павел Алексеевич Курочкин, Герман Капитонович Маландин. В других группах также было немало слушателей, имена которых в годы Великой Отечественной войны стали известны во всей стране.

На занятиях в группах отработывалось умение дать всестороннюю оценку обстановки, сделать из нее выводы и принять решение на операцию. При этом каждый слушатель неоднократно бывал и в роли разведчика, и в роли оператора, и в роли начальника того или иного рода войск, и, наконец, в роли начальника штаба и командующего армией. Затем руководитель группы утверждал решение одного из слушателей, и на основе этого решения продолжалась дальнейшая разработка темы.

Последующие групповые занятия посвящались составлению приказов на операцию и разного рода документов по планированию ее. В частности, отработывались документы по планированию действий специальных родов войск (авиации, артиллерии, инженерных и связи), а также по тыловому обеспечению. С этой целью проводились специальные групповые занятия, которым предшествовали консультации специалистов-преподавателей. Лишь после тщательной самостоятельной подготовки по разделам темы слушатель должен был сдать зачеты.

В новой Академии все было организовано так, чтобы слушатели могли получить максимум знаний. В немалой степени этому способствовали товарищеские отношения между слушателями и преподавателями. И хотя нередко слушатели и преподаватели в недавнем прошлом были сослуживцами или коллегами (я уже говорил, что в новую Академию были приглашены преподаватели из других академий и в то же время некоторые преподаватели из этих академий пришли в новую Академию в качестве слушателей), ни каких поблажек никому не делалось. А попытки отдельных слу-

П. И. Вакулич

— Для вас, опытного тыловика, Алексей Иванович, это, конечно, не зачет, а лишь зачетик, — с проницей ответил Трутко. — Вот билеты, выбирайте.

Быстро ознакомившись с содержанием билета, Шimanaев заявил, что он готов отвечать. Мы охотно уступили ему очередь. Однако общие рассуждения Шimanaева не удовлетворили преподавателя. Он ставит дополнительные вопросы. Самоуверенность и развязность моментально покидают слушателя. Наступает неловкая пауза.

— Вы, Алексей Иванович, по-видимому, сегодня не в настроении, — говорит Трутко, еле сдерживая улыбку. — Давайте-ка лучше встретимся через недельку слова.

Смущенный Алексей Иванович соглашается, что настроение у него сегодня действительно неважное.

А через неделю полковник Шimanaев успешно сдал зачет и получил самую высокую оценку. Правда, всю эту неделю он просидел в библиотеке.

Я, пожалуй, не ошибусь, если скажу здесь, что все наши преподаватели искренне хотели как можно лучше помочь нам в приобретении глубоких знаний. Но люди это были разные, и между ними иногда возникали недоразумения.

— Товарищ профессор, — обратился как-то к Свечину после его лекции кто-то из слушателей. — А нам этот вопрос профессор В. А. Меликов объяснял иначе.

шателей использовать дружеские отношения с преподавателями приводили только к конфузу. Об одном таком случае я и хочу рассказать.

Однажды сдавали мы зачет по так называемому оперативному тылу. Зачет принимал помощник начальника оперативно-стратегической кафедры полковник И. И. Трутко. Я и еще два слушателя взяли билеты и стали готовиться. В это время в аудиторию вошел полковник А. И. Шimanaев, в недалеком прошлом коллега Трутко.

— Здравствуйте, Иван Иванович, — начал он, широко улыбаясь. — Вот зашел к вам зачетик сдать. Мы переглянулись, пораженные развязностью Шimanaева.

Г. С. Иссерсон

А. И. Готовцев

— Меликов?.. Да ведь в военном искусстве он дилетант, — брызжливо пробормотал Свечин.

Этот выпад Свечина против одного из представителей молодой, более прогрессивной части профессорского состава стал достоянием широкой гласности. И на него немедленно отреагировал любимец слушателей Дмитрий Михайлович Карбышев. Очередную свою консультацию по военно-инженерному делу он закончил так:

— Сегодня я привел вам много примеров инженерного оборудования позиций, сооружения разного рода заграждений в оборонительных полосах. Вы не могли не заметить, что эти примеры почерпнуты мной как из операций первой мировой войны, так и из войны гражданской. Приходится лишь сожалеть, что некоторые мои коллеги — не буду называть их фамилий — не считают нужным углубляться в гражданскую войну, игнорируют ее опыт. Гражданская война, по их мнению, велась не по правилам военного искусства, она, видите ли, выходит за рамки, установленные великими военными теоретиками — Клаузевицем и Мольтке...

И хотя Карбышев не назвал имен своих коллег, для всех стало ясно, что речь идет о Свечине и Верховском, которые после этого так разобиделась, что в течение нескольких дней не разговаривали с другими профессорами Академии. Инцидент был улажен только после вмешательства начальника Академии и политотдела.

И все же, несмотря на такие шероховатости, мы никогда и нигде не имели возможности так обстоятельно изучать историю войн и военного искусства, как в Академии Генерального штаба.

Хорошо проводились у нас и оперативные игры с участием начальников основных кафедр — П. И. Вакулича, Г. С. Иссерсона и А. И. Готовцева. Вероятным противником на этих играх выступала обычно армия фашистской Германии. Столкновение с ней считалось неизбежным. Однако, по тогдашним нашим представлениям, темпы роста немецкой армии были значительно ниже, чем в действительности, и потому мы рассчитывали, что Германия развяжет войну не так-то скоро. Кроме того, существовало убеждение, что наша армия по численности и техническому оснащению к началу войны непременно будет сильнее войск фашистской Германии и ее потенциальных союзников. В связи с этим отработке тем по обороне уделялось, к сожалению, недостаточно внимания.

Хочется отметить одну весьма полезную традицию, перенесенную в новую Академию из Академии имени М. В. Фрунзе. Это — периодические доклады ответственных руководителей Наркомата обороны, Генерального штаба и командующих войсками наиболее значительных военных округов. Таким образом, мы, слушатели, были всегда в курсе важнейших организационных мероприятий, проводившихся в армии.

Совсем не так, как в других академиях, строилось у нас изучение марксистско-ленинской теории, практики партийно-политической работы. Обычно два-три раза в месяц нам читали лекции о международном положении, нам делались сообщения о ходе выполнения народнохозяйственного плана, важнейших решениях Центрального Комитета партии. С лекциями нередко выступали высококвалифицированные лекторы Московского, а иногда и Центрального Комитета партии. В свою очередь и слушатели Академии довольно часто направлялись с докладами на фабрики и заводы Москвы и Подмосковья. Я, например, раз десять ездил с этой целью в Ногинск, Мытищи, Дмитров, Подольск и Серпухов.

Особенно запомнилась мне одна поездка в Серпухов.

Было это 21 января 1937 г.

Нам предстояло выступить перед текстильщиками с докладами о жизни и деятельности Владимира Ильича Ленина. Ехали мы в Серпухов поездом. В группе было человек десять. Мне с полковниками Н. Ф. Ватутиным и К. Ф. Скоробогаткиным предстояло выступать на двух соседних фабриках, и поэтому во время поездки мы держались вместе. В те дни стояли сильные морозы, как бы переносившие нас в памятные дни зимы 1924 г. Слушатели, выезжавшие с докладами в Подмосковье, могли получить для поездки овчинные тулупы. Но так как эти тулупы имели весьма непривлекательный вид и напоминали те, в которых ходили ночные сторожа, а также потому, что они были покрашены в черный цвет и малейшее прикосновение к ним угрожало одежде, большинство слушателей отказались от тулупов и поехали в своей новой форме. И только один Ватутин не отказался от тулупа. А чтобы не испачкать академическую форму, он надел поверх нее поношенную гимнастерку и брюки. Когда мы со Скоробогаткиным зашли к Ватутину, чтобы

вместе ехать на вокзал (наши квартиры находились в одном доме), он как раз падал тулуп. Невысокого роста, довольно плотный, с умными глазами, в которых часто светилась легкая ирония, Николай Федорович отличался исключительной твердостью характера, которую плохо знавшие его нередко принимали за обычное упрямство. Не выразив восторга по поводу его наряда, мы со Скоробогаткиным попытались уговорить Ватутина отказаться от тулупа, так как в поезде ему будет очень жарко.

— Чтобы не замарать вас своим тулупом и не шокировать, я рядом с вами в поезде не сяду и даже вида не покажу, что знаком с вами, — отшутился Николай Федорович.

В Серпухове наше трио разделилось: у Николая Федоровича Ватутина была путевка на одну фабрику, а у меня с К. Ф. Скоробогаткиным — на другую. Рабочие встретили нас очень радушно. После собрания пригласили посмотреть художественную самостоятельность. И хотя мы боялись опоздать на последний вечерний поезд в Москву, отказаться от приглашения не смогли. А когда нам сообщили, что Ватутин тоже задерживается, твердо решили заночевать в Серпухове. Однако у Ватутина были какие-то срочные дела в Москве, и он заявил, что должен уехать ночью на машине, предложенной ему секретарем Серпуховского райкома партии.

— Через полчаса выезжаю. Если хотите, можете присоединиться. Места хватит, — соблазнял нас Николай Федорович.

И мы согласились, хотя очень скоро пожалели об этом. Никогда в жизни я не мерз так, как в ту ночь. А Ватутин в своем тулупе только посмеивался.

Широко был развит в новой Академии и спорт, хотя программой он не предусматривался. Наши волейболисты почти ежедневно проводили дружеские встречи или соревнования. Большой популярностью пользовалась верховая езда. В зимнее время многие из слушателей посещали каток, а два-три раза в неделю все выходили на Москву-реку и становились на лыжи.

В 1937 г. весной наши спортсмены сделали попытку включиться в соревнования спортивных команд Фрунзенского района столицы. Особые надежды возлагались на волейбольную команду, лучшими игроками в которой считались М. И. Казаков, К. Д. Голубев, А. В. Сухомлин, А. Н. Боголюбов, Ф. П. Озеров и я — три будущих командарма и три начальника штаба фронта.

Начались усиленные тренировки. Капитан команды Михаил Ильич Казаков, в прошлом кавалерист и отличный спортсмен, переживал каждый наш промах. Особенно много внимания уделял он Константину Дмитриевичу Голубеву, который иногда пропускал тренировки и, как нам казалось, недостаточно серьезно относился к предстоящим соревнованиям. Удручало Казакова и то, что Голубев (уже несколько полноватый) не подпрыгивал для удара по мячу, когда стоял у сетки, а бил «из положения стоя», в результате чего мяч чаще всего оказывался в сетке, а не на площадке противника.

А. М. Василевский

М. В. Захаров

— Константин, может, ты отдохнешь? Посидишь, посмотришь, как другие играют, поучишься, — умолял Казаков.

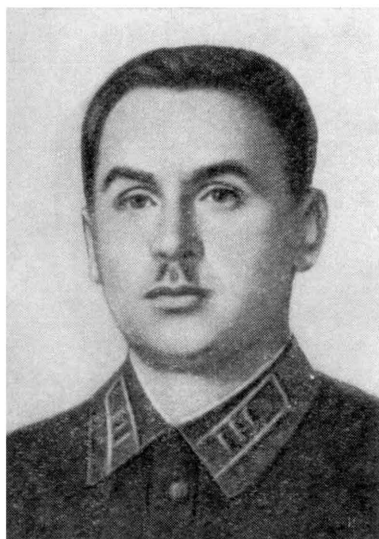
— Не беспокойся, это случайно, — уверял после каждого неудачного удара Голубев и направлял очередной мяч в сетку или сторону.

Но вот наступил день соревнований. По жребию мы должны были играть с командой школы-десятилетки, находившейся недалеко от Академии. И встреча эта оказалась для нас роковой. Старшеклассники нанесли нам жестокое поражение и лишили права на дальнейшее участие в соревнованиях. . .

Раз в неделю по вечерам слушатели и преподаватели со своими женами под руководством опытных мастеров обучались танцам. Этому повешеству предшествовало такое событие. Группе высшего командного состава нашей армии незадолго до открытия Академии Генерального штаба довелось быть с официальным визитом в одном из сопредельных государств. И из всех наших военных умением танцевать блистали там только Семен Михайлович Будешный. После этого визита и было решено ввести в нашей Академии «в виде опыта» обучение слушателей танцам.

Руководство Академии заботилось о том, чтобы мы всегда и во всем были примером и образцом. Вероятно, этим следует объяснить две попытки поставить нас во главе колонны военных академий, открывавшей парад войск Московского гарнизона. Но впоследствии от этого пришлось отказаться. Ни наш опыт командования частями и подразделениями, ни солидный багаж в области военной

А. И. Антонов

Н. Ф. Ватутин

теории, ни даже самая красивая в армии одежда не позволили нам выдержать на параде соревнование с более молодыми слушателями других военных академий. К тому же подготовка к параду отнимала очень много времени, а у нас его и без того не хватало. В результате высокая честь возглавлять столичные парады по-прежнему осталась за Военной академией имени М. В. Фрунзе.

В течение зимы 1936/37 г. слушатели первого набора всесторонне изучали армейскую и фронттовую операции в рамках новой теории военного искусства, а с наступлением весны мы занялись в основном оперативными играми на картах. Каждый выступал то в роли командующего фронтом (армией), то в роли начальника штаба фронта (армии) или его заместителя. В ходе этих игр мы практически сдавали экзамены по теории оперативного искусства.

На одной из таких игр мне довелось выступать в качестве начальника штаба армии, которой командовал Матвей Васильевич Захаров. Его по праву относили у нас к числу наиболее опытных штабных офицеров. М. В. Захаров еще в 1931—1932 гг. вместе с Л. А. Говоровым и А. И. Антоновым успешно закончил оперативный факультет Академии имени Фрунзе. Его подготовка в области оперативного искусства была, несомненно, выше, чем у других слушателей. Поэтому Матвей Васильевич имел даже освобождение от целого ряда занятий, обязательных для нас, и работал главным образом при оперативно-стратегической кафедре. Однако я хорошо помню, что во время игры он волновался не меньше других, а по

Л. А. Говоров

И. Х. Баграмян

окончании ее мы с ним радовались высокой оценке, как школьники после сдачи трудного экзамена.

В начале лета 1937 г. слушатели Академии проходили стажировку в Военно-Морских Силах. Половина курса была направлена на Балтийский, половина — на Черноморский флоты. Я попал в Севастополь. Разместили нас во флотских казармах на Корабельной стороне. Мы изучали линейный корабль, крейсер, миноносец, подводные лодки, торпедные катера, выходили на них в море. Каждый такой выход имел учебную задачу. Мы накапливали знания о возможностях Военно-Морского Флота в совместных оборонительных и наступательных операциях с наземными войсками.

Успех нашей поездки на Черноморский флот мог бы быть большим, если бы вскоре по прибытии в Севастополь многие из нас не заболели свирепствовавшей там в то время так называемой «москитной лихорадкой». Болезнь сопровождалась высокой температурой и на много дней выводила человека из строя. Возбудителем этой болезни был особый комар, и, чтобы предохранить себя от его укусов, в комнатах жгли специальные свечи. Но и это не спасало.

В Севастополе мы, кажется, впервые почувствовали, что наша академическая форма одежды далека от совершенства. Прежде всего в ней было очень жарко. А кроме того, она была чрезвычайно кричащей. Где бы мы ни появлялись, за нами устремлялась толпа мальчишек, громко споривших между собой и пытавшихся угадать, к каким войскам мы принадлежим.

П. А. Курочкин

М. И. Казаков

— Это казачьи начальники, — уверял один. — Они приехали в Крым на маневры и будут перевозить козину на кораблях.

— Много ты понимаешь, — возражал другой. — Если бы это были казаки, у них имелись бы шашки и шпоры.

Как завидовали мы морякам, одетым в легкую, удобную и не такую уж броскую одежду.

В конце лета Академия выезжала на Украину. Там проводились заключительные оперативные игры на местности с применением средств связи. Из слушателей формировались в сокращенном составе фронтовые и армейские управления, которые размещались на некотором удалении одно от другого и общались между собой только с помощью технических средств связи. Здесь же, на Украине, мы приняли участие и в совместных учениях наземных войск с авиацией.

Оперативными играми на местности и участием в войсковых учениях завершился первый курс нашего обучения в Академии. Новая Академия с таким глубоким и широким диапазоном учебной программы стала поистине замечательной кузницей высшего командного состава.

Однажды во время очередных занятий Академии был срочно вызван Матвей Васильевич Захаров. В тот же день он выехал в Ленинград и вступил в должность начальника штаба Ленинградского военного округа. Вскоре уехал в Киев Николай Федорович Ватутин. Он стал вначале заместителем, а позже начальником

штаба Киевского военного округа. Одновременно пачальником штаба Московского военного округа назначили Алексея Иннокентьевича Антопова. Один за другим слушатели разъезжались на руководящие должности в войска.

В конце августа 1937 г. вызвали в Главное управление кадров и меня. Там я был представлен командующему Белорусским военным округом — прославленному полководцу гражданской войны командарму I ранга И. П. Белову.

— Мне нужен начальник оперативного отдела штаба, — сказал Белов. — Я просмотрел личные дела предложенных на эту должность кандидатов и в конце концов остановился на вас. Скажу откровенно, мне хотелось, чтобы в наш округ поехал ваш однокурсник полковник Никишев, которого я хорошо знаю. Но он уже назначен начальником штаба одного из внутренних округов. Эта должность, на мой взгляд, менее важна, чем должность начальника оперативного отдела штаба округа в Белоруссии.

— Польщен вашим предложением и с удовольствием принимаю его, — ответил я. — Хотя не скрою, что лелеял надежду вернуться в Киевский военный округ, где служил до Академии. Но туда, как я знаю, уже назначен полковник Трофименко.

— Через три дня будьте в Смоленске, — оборвал меня Белов, явно недовольный последними моими словами. — Мы приступаем к подготовке больших маневров.

И вот я уже на перроне вокзала прощаюсь со своими друзьями по Академии. . .

Трудно переоценить значение этого нового высшего военно-учебного заведения. Академия Генерального штаба за короткий срок дала нашим Вооруженным Силам крупных командиров. Только из числа слушателей первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба — А. М. Василевский и А. И. Антонов; командовали фронтами — И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин; возглавляли штабы фронтов — А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маладин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский и я; командовали армиями — А. И. Гастрилович, К. Д. Голубев, М. И. Казаков, А. Н. Крутиков, А. В. Петрушевский, В. П. Свиридов, А. В. Сухомлин, С. Г. Трофименко. Свыше 20 человек были начальниками штабов общевойсковых, танковых или воздушных армий. Около 40 человек командовали стрелковыми, танковыми и авиационными соединениями. 6 человек, в том числе М. П. Милоский и Н. И. Четвериков, руководили управлениями в Наркомате обороны, а Н. Е. Басистый стоял во главе штаба Военно-Морского Флота.

Накануне войны успешно окончил Академию Генерального штаба и А. А. Гречко — ныне Маршал Советского Союза, министр обороны Советского Союза, а также многие другие наши видные военачальники — И. С. Глебов, А. А. Грызлов, Г. Ф. Захаров, Н. А. Ломов, И. А. Плиев, А. И. Радзиевский.

В предвоенные годы

1. В войсках Белорусского округа

В первых числах сентября 1937 г. я приехал из Москвы в Смоленск. Поезд пришел рано утром. Было пасмурно, моросил мелкий дождик, и это навевало какую-то тоску и грустное настроение. Встретивший меня на станции майор Т. М. Сидорин сообщил, что командующий выражал недовольство по поводу того, что я затянул срок явки к месту службы.

Здесь же, на вокзале, я узнал, что мне придется временно жить в гостинице, так как свободных квартир нет. Со станции я поехал сразу в штаб округа.

Наша машина переехала мост через Днепр и стала медленно подниматься в гору, к центру Смоленска. Я с любопытством рассматривал этот древний русский город. Но в ненастную погоду он предстал передо мной в явно невыгодном свете. Приземистые темно-серые дома и узкие улочки Смоленска, безусловно, проигрывали в сравнении с милым моему сердцу Киевом.

Затем мысли мои перенеслись к личности командующего.

Перед тем как ехать в Смоленск, мне удалось узнать кое-какие подробности из его биографии. Иван Панфилович Белов родился в 1895 г. в семье крестьянина. Семья жила бедно, и Ивану Панфиловичу удалось закончить только начальную школу. Но способный, энергичный юноша страстно мечтал об образовании. Работая пильщиком, он продолжал пополнять свои знания и еще до революции сдал экстерном за учительскую семинарию. В годы первой мировой войны служил унтер-офицером. В 1917 г. вступил в Красную гвардию. Был активным участником подавления контрреволюционного восстания в Семиречье (Средняя Азия), затем начальником гарнизона Ташкента и командующим Бухарской группой войск. Награжден двумя орденами Красного Знамени и Почетным оружием. В 1919 г. вступил в партию большевиков. После гражданской войны окончил Военную академию РККА и более десяти лет командовал разными военными округами.

И. П. Белов

Л. Г. Петровский

И. П. Белова считали человеком с недюжинным военным дарованием и отличным организатором. Он смело выдвигал на руководящие должности молодых командиров, ненавидел рутину и безынициативность, т. е. был человеком безусловно прогрессивных взглядов, хотя и с довольно трудным характером.

Я встречался с Иваном Пауфиловичем в Северо-Кавказском военном округе в сложных условиях, близких к боевой обстановке. Как известно, в конце 20-х годов в южных республиках и областях было немало шпионско-диверсионных групп. С их помощью создавались банды, которые получали из-за границы оружие. Такие банды появились тогда и на Северном Кавказе, в частности в горах Чечни и Дагестана. Банды терроризировали местное население. Для борьбы с ними из нашей дивизии было выделено несколько отрядов. Одним отрядом довелось командовать мне. Отряды действовали на значительном удалении один от другого, в отрыве от штабов частей.

И. П. Белов все время находился в районах, где обосновались банды. Верхом, с небольшой группой охраны, он перескакал из одного отряда в другой и руководил действиями отрядов.

В ту пору в горных аулах Чечни обтывился новый глава мусульман — имам, который утверждал, что является потомком Шамиля. Рассказывали, что имам творит чудеса, раздает горцам деньги и подарки. Стало известно, что у него появились помощники-мюриды и около него собралась банда, которая постепенно увеличи-

вается. Влияние нового имама день ото дня росло, распространялось из одного аула в другой. И вот однажды новоявленный имам объявил, что в назначенный день он покажет народу чудо: переплывет сидя на бурке озеро. Как стало известно, это небольшое озеро находилось в междугорье, возле аула, где обосновались бандиты. Известен стал и день, в который решено показать чудо. Утром этого дня к озеру съехались из ближайших аулов почти все мужчины, а дальние аулы прислали представителей.

И вот как поступил Белов. Он удачно использовал счастливый случай. Новым имамом был недоволен один из мюридов, который сам претендовал на роль имама. Через верных ему людей он сообщил командованию округа следующее: новый имам переброшен из-за границы; имеет много денег и вещей, которыми подкупает чуждых людей; он сформировал банду, оружие ему пересылают из-за рубежа; его чудеса — фокусы; переплывать через озеро собирается на бурке, под которой будет надувная лодка.

Белов во главе конного отряда приехал к озеру. Предупредил, что приехал посмотреть на чудо (рассказывали, что Белов велел передать имаму: если совершишь чудо, приму магометанскую веру).

Однако имам отказался выйти к народу. Велел передать, что в присутствии неверных он не может совершить чуда. На завершение Белова, что он с отрядом уедет за гору и смотреть не будет, имам ответил: оскверненная взглядом неверных вода озера его не удержит.

Тогда Белов приказал конникам войти в дом, где находился имам, и разыскать лодку. Спрятанную лодку нашли, надули. Один из конников набросил на лодку пинель и поплыл по озеру. Имама в это время арестовали, банду разоружили. Собравшемуся народу Белов объяснил:

— Вы видели, как этот мошенник, называющий себя имамом, хотел обмануть вас, надругаться над вашими религиозными чувствами. Он совсем не имам, а главарь переброшенной из-за границы бандитской группы. Он хотел обманным путем завлечь некоторых из вас в свою банду, вооружить привезенным из-за границы оружием. Мы самозванца-имаму арестовали и будем всенародно судить.

Так лопнула эта провокационная акция империализма в Чечне.

Позднее в том же Северо-Кавказском военном округе я встретился с Беловым на областной партийной конференции в Чечне. Он выступал от имени Северо-Кавказского краевого комитета партии.

Но вернемся к Белорусскому военному округу.

Начальником штаба округа был комдив А. М. Перемытов. Близко знавшие его командиры давали ему весьма противоречивые характеристики. Перемытов — в прошлом кадровый офицер царской армии — умен, обладает широким оперативно-стратегическим кругозором. Вместе с тем во взаимоотношениях с подчиненными он не всегда был сдержан.

— Сразу же беритесь за подготовку окружных маневров, — сказал командующий. — Нужно, чтобы по размаху и содержанию они превзошли любые другие, проводившиеся в Красной Армии до сих пор.

Я немедленно приступил к делу и совершенно неожиданно стал объектом довольно странных педагогических экспериментов, с помощью которых мои начальники, видимо, хотели привить мне инициативу и самостоятельность. Передавая директиву Генерального штаба, которой пужно было руководствоваться при составлении плана маневров, начальник штаба округа обратил мое внимание на резолюцию командующего: «Разработать план согласно моим личным указаниям». Я попробовал уточнить: каковы же эти указания?

— Командующий любит давать указания исполнителям непосредственно, — смотря куда-то в сторону, ответил Перемытов.

Приняв это за чистую монету, я поспешил к командующему.

Выслушав мое желание получить личные указания, Белов очень рассердился. Он встал из-за стола, подошел ко мне вплотную и, нервно пощипывая бородку, произнес:

— Я более чем удивлен вашей беспомощностью. Вы ведь не раз принимали участие в разработке плана маневров в Киевском военном округе, учились в двух академиях, носите бархатный воротник... Какие же еще дополнительные указания требуются вам? Я же сказал, что наши маневры должны быть небывальными по размаху и стать важным событием не только для округа, но и для всей армии. Вложите в них все, чему вас учили. Для вас это двойной экзамен: вы должны доказать, что я не ошибся, доверив вам очень ответственный пост, и что в вашем лице штаб округа приобрел именно то, в чем нуждается...

Пулей вылетев от командующего, я встретил в приемной спешившего к нему начальника штаба. Хорошо зная нрав Белова, он по моему виду без труда угадал, что произошло. Пряча улыбку, Перемытов спросил:

— Ну как, получили личные указания командующего?

— Получил, — ответил я, еле сдерживая свое раздражение.

— Теперь неясных вопросов нет?

— Все понятно, никаких разъяснений не требуется...

Белорусские маневры 1937 г. действительно были самыми крупными в предвоенный период маневрами Красной Армии, и проводились они с учетом новейшей теории. На стороне «красных», наступавших от Бобруйска к Днепру против оборонявшихся западнее Рогачева и Жлобина «синих», участвовала целая армия. Руководство действиями «красных» осуществляло, пожалуй, впервые в истории Красной Армии, армейское управление, а не штаб руководства непосредственно, как это бывало раньше. Наступление «красных» поддерживалось сильной артиллерией и авиацией. Стрелковым корпусам были приданы отдельные танковые бригады. По достижении «красными» рубежа Жлобин—Рогачев с целью развития прорыва в «бой» вводилась подвижная группа в составе кавалерий-

ского и ганкового корпусов под командованием комкора И. Р. Апанасенко. Для совместных с подвижной группой действий планировалась высадка на противоположный берег Днепра двух воздушно-подесантных бригад.

Во время проигрыша маневров на местности я впервые по-настоящему понял, почему командующий и начальник штаба округа не стали связывать меня своими указаниями в первые дни моей работы. Главное состояло не только и даже, пожалуй, не столько в том, чтобы проверить, на что я способен, сколько в намерении заставить меня вложить в идею маневров все то новое, что дала нам Академия. Как только эта цель была достигнута, поведение моих начальников резко изменилось. Объезжая намеченный для маневров район, И. П. Белов тут же, на местности, внимательно выслушивал каждого из представителей штаба руководства и давал самые детальные указания.

— Вносите все ваши предложения, пока еще можно внести исправления. — требовал он от нас. — Не говорите потом, что у вас было другое мнение, но его не приняли во внимание.

В ином свете предстал передо мной и Алексей Макарович Перемытов. Умный и опытный штабной руководитель, он вместе с таким же талантливым командующим артиллерией округа полковником Николаем Дмитриевичем Яковлевым очень искусно дополнял и развивал мысли Белова.

В ходе подготовки к маневрам я лучше узнал и ближайших своих помощников. Почти все они окончили Академию имени Фрунзе и обладали широким оперативным кругозором, хорошо знали свое дело. Особенно мне понравились В. Б. Борисов, В. С. Корнеев, И. О. Семенов. Наблюдая за их работой, я очень скоро отметил для себя, что они ни в чем не уступают командирам штаба Киевского военного округа.

Постепенно стала крепнуть уверенность, что служба моя здесь складывается не хуже, чем она могла бы сложиться в Киевском военном округе. У подчиненных не было оснований вспомнить о том, что их начальник совсем еще недавно сам был таким же, как они. А в штабе Киевского военного округа без этого навряд ли могло обойтись. Там у меня со многими командирами сложились очень близкие отношения, и кто знает, как бы они встретили меня после Академии.

— Вы быстро вошли в новую роль, — подбадривал весьма благожелательно настроенный ко мне комиссар штаба К. Н. Березкин. — Об одном помните: всякий начальник становится в десятки раз сильнее, если он тесно связан с партийной организацией.

Этому доброму совету я всячески старался следовать на протяжении всей дальнейшей службы.

Но вернусь к маневрам 1937 г. Чтобы обеспечить их посредническим аппаратом, Генеральный штаб командировал к нам много командиров из числа высшего и старшего командного состава дру-

гих военных округов, а также из военных академий, в первую очередь, конечно, из Академии Генерального штаба.

На маневры прибыли народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов и командовавший в то время Московским военным округом С. М. Вуденный. Большую группу командиров прислали Генеральный штаб и Главное политическое управление Красной Армии. На маневрах присутствовали представители ЦК Компартии и правительства Белоруссии. Съехались многочисленные военные миссии из сопредельных государств.

По общему мнению, эти маневры наглядно продемонстрировали жизнеспособность впервые разработанной у нас теории глубокой наступательной операции и заставили командиров всех степеней серьезно задуматься над тем, как надо и как не надо действовать на войне.

Однако не обошлось и без изъянов. Некоторые командиры, желая в лучшем свете показать нарком обороны свои части и соединения, допускали, как принято сейчас говорить, послабления и уловности. У таких командиров войска окапывались и маскировались без особого усердия (главным образом тогда, когда оказывались в поле зрения руководства маневров или старших посредников), заграждения применялись в редких случаях, причем их не строили, а только обозначали; разведкой и оборудованьем бродов на реках или наводкой через них переправ войска не утруждались. Были случаи, когда некоторые части переправлялись через водные преграды по мостам, невзирая на выставленных там часовых и указатели с надписью: «Мост взорван».

Как уже упоминалось выше, под конец маневров планировалась выброска воздушного десанта, который должен был захватить в тылу у «противника» плацдарм за Днепром и обеспечить переправу через реку танкового корпуса и конницы. Однако нарком обороны маршал Ворошилов, незадолго до того бывший на маневрах Ленинградского военного округа, где выброска десанта из-за сильного ветра прошла не совсем удачно, вдруг запретил нам десантирование за Днепр.

— Вероятно, вы недостаточно убедительно докладывали, что выброска десанта необходима, — заметил я Белову.

— Попробуйте сами уговорить Ворошилова, вас он, безусловно, послушается, — язвительно парировал командующий.

Однако, когда Климент Ефремович посетил штаб руководства, Белов все же попытался переубедить его и привлек на помощь начальника штаба и меня.

— Отмена выброски десанта приведет к изменению утвержденного вами плана маневров, а это сейчас никак невозможно, — в три голоса докладывали мы. — К тому же по прогнозу погоды большой скорости ветра в намеченное для выброски время не ожидается.

И нарком уступил нам.

— Из двух воздушнодесантных бригад, подготовленных к десантированию, разрешение даю только одной бригаде, — сказал он. — А за безопасность вы отвечаете головой.

Десант был выброшен успешно. С его помощью войска «красных» захватили плацдарм на восточном берегу Днепра, а затем прорвали оборону «синих» и устремились на Кричев, Гомель.

Мог ли я думать, что через четыре года на этих рубежах, примерно в таких же условиях, какие сложились для «синей» стороны, мне придется руководить тяжелыми оборонительными боями 4-й армии с прорвавшимися сюда фашистскими полчищами!

На маневрах я ближе познакомился с членом Военного совета округа армейским комиссаром II ранга А. И. Мезисом. Он был блестящим организатором партийно-политической работы в войсках. И это дало свои результаты.

На разборе отмечались глубина и многообразие форм политической работы на маневрах.

Многим понравилась и сама концовка маневров, которая ни в каких планах не значилась и явилась своего рода сюрпризом. Это был грандиозный парад войск в районе Довска. Организатором его был сам командующий.

На обширном ровном поле заранее появились обозначения мест построения каждой части. Предназначенная для парада обширная территория была радиофицирована. Для высшего командования и гостей построили трибуны.

В течение нескольких часов под звуки сводного духового оркестра перед трибунами проходили пехота, конница, артиллерия, танки, саперные части. А над ними пролетали самолеты. По количеству участников это был самый крупный парад, какие только знала до того Красная Армия.

Белорусские маневры 1937 г. произвели на всех огромное впечатление. Командиры и бойцы с гордостью говорили о росте могущества нашей армии, которая в то время была бесспорно самой сильной в мире. Убедились в этом и присутствовавшие на маневрах иностранные гости. Они собственными глазами увидели, что Советские Вооруженные Силы обладают первоклассной техникой.

Однако следует сказать и об одном существенном недостатке как этих, так и многих других войсковых учений предвоенного периода. Хотя проводились они обычно как двусторонние, внимание руководства и инспектирующих лиц привлекали главным образом вопросы наступления. Войска обороняющейся стороны всегда как-то оставались в тени. Им уделялось внимание лишь постольку, поскольку они выполняли вспомогательную роль в проигрыше наступательной операции.

Вскоре после маневров командующий Белорусским военным округом решил проверить прочность наших границ. По боевой тревоге сначала были подняты войска, дислоцировавшиеся в районе Полоцка, а затем и в районе Минска, где у нас имелись укрепленные железобетонные сооружения с пушками и пулеметами. В каждом таком доте круглосуточно нес службу небольшой гарнизон. А позади Полоцкого и Минского укрепрайонов располагались обычные стрелковые соединения, которые по особому сигналу должны были

тоже выдвигаться к границе и при обороне ее становились войсками усиления укрепрайонов.

Одним из таких соединений был стрелковый корпус под командованием комдива Т. И. Шевалдина, другим — стрелковый корпус во главе с комдивом В. И. Кузнецовым. Проверка готовности этих двух соединений к выполнению своих ответственных задач выявила ряд существенных дефектов. В частности, штаб корпуса Кузнецова, дислоцировавшийся в то время в Могилеве, из-за удаленности от своих войск оказался не в состоянии по-настоящему управлять их выдвижением к границе.

Вслед за проверкой боевой готовности войск, расположенных в районе Полоцка и Минска, начальник штаба округа возглавил группу, которая занялась проверкой состояния частей и подразделений, находившихся в лесисто-болотистых районах северо-восточной части Полесья, где также имелись железобетонные сооружения (Мозырский укрепрайон). Здесь оборона оказалась более надежной, что блестяще подтвердилось в первые месяцы войны.

Особенно беспокоило нас положение в районе Бобруйска и Слуцка. Направление это было чрезвычайно важным и в то же время наиболее слабым. Железобетонных укреплений со специальными гарнизонами здесь не имелось. Участок железной дороги Осиповичи—Слуцк, а также вновь построенный участок Слуцк—Тимковичи были однопутными, с очень низкой пропускной способностью. Чтобы тщательно изучить это направление и наметить меры по усилению его, требовалось время. Возглавить эту работу командование округа поручило мне и армейскому инспектору комкору Е. И. Ковтюху.

Епифан Иович Ковтюх широко был известен по замечательной книге А. Серафимовича «Железный поток» (там он выведен под именем Кожуха). Ковтюх оказался очень интеллигентным, широко образованным человеком с артистической внешностью и манерами. Остроумный собеседник, он при первом же знакомстве покорял всех своим обаянием. Правда, те, кто знал его продолжительное время, постепенно приходили к выводу, что Епифан Иович несколько избалован своей популярностью. По-видимому, этот вывод был правильным. Но самому Ковтюху страстно хотелось стать еще популярнее, и ради этого он решался иной раз на самые рискованные эксперименты. Помню, как одно время многие вдруг начали подмечать странные перемены в поведении Е. И. Ковтюха. Он стал хмурым, неразговорчивым, а если и говорил, то нарочито нелитературным языком, пересыпая свою речь украинскими словами. Я не удержался и спросил его, чем это объясняется.

— Вы видели кинокартину «Чапаев»? — ответил Ковтюх вопросом на вопрос.

— Кто же ее не видел?! Только не понимаю, к чему вы клоните.

— Сейчас объясню, — оживился Ковтюх. — Мы готовим киносценарий для картины, которая будет называться «Железный по-

ток», а возможно, просто «Кожух».

Я согласился, что по талантливой книге Серафимовича можно написать прекрасный сценарий. А если еще привлечь хороших артистов и опытного режиссера, картина может получиться замечательной.

— Артист уже есть, — сказал Ковтюх и с несколько смущенным видом признался: — Я уже давно мечтаю сам сыграть роль Кожуха. Представляете, какая это будет сенсация: герой гражданской войны Кожух — не литературный персонаж, его настоящая фамилия Ковтюх, он жив-здоров и в картине снимается.

Я хотел было возразить против этой странной затеи, но Елифан Иович перебил меня.

В дальнейшем Ковтюх при встречах со мной неоднократно возвращался к разговору о постановке кинокартины с его личным участием и даже читал мне отрывки из сценария. Я не помню, кто был автором этого сценария и принимал ли участие в его разработке Серафимович. Мне известно только, что некоторые эпизоды, включенные в сценарий, были написаны по личным воспоминаниям Ковтюха. В книге Серафимовича этих эпизодов нет.

Но фильм фильмом, а служба службой. Во второй половине сентября 1937 г. мы с Ковтюхом во главе довольно значительной группы командиров штаба округа выехали из Смоленска в Кричев, а затем по Варшавскому шоссе направились в Бобруйск. Здесь к нам присоединился командир 5-го стрелкового корпуса Л. Г. Петровский, и мы последовали дальше — через Слуцк к самой границе. По пути часто сворачивали с шоссе к станциям и полустанкам железной дороги, проверяли их состояние и подьезды к ним, осматривали грунтовые дороги на бобруйско-слуцком направлении, обследовали мосты через реки и речки, проверяли военные склады и базы, а также телефонную и телеграфную связь.

В заключение мы подняли по боевой тревоге гарнизон Слуцка и пограничные части этого направления, а затем в течение нескольких дней уточняли вблизи государственной границы рубеж для сооружения железобетонных укреплений.

В последние дни нашей работы под Слуцком мешали ливневые дожди. Одежда на нас буквально не высыхала. В то же время погода помогла нам определить реальные сроки выдвижения войск к гра-

Е. И. Ковтюх

нице в условиях распутицы при низком в то время качестве дорог и мостов.

По окончании всех работ мы собрались в Слуцке, чтобы подытожить проделанное.

На столе появилась довольно объемистая папка со схемами, выкладками, записками.

— И что вы намерены делать со всем этим? — серьезно заинтересовался Петровский.

— Прежде всего сведем результаты всех наших работ в общий документ и поставим его на обсуждение Военного совета округа, — ответил я. — Затем, по-видимому, такие важные вопросы, как строительство укрепленного района, шоссежных дорог, новых железнодорожных разъездов, расширение сети аэродромов и постоянных телеграфно-телефонных линий, после соответствующего согласования с правительством Белоруссии Наркомат обороны поставит перед правительством Союза.

— А что касается работ местного значения, таких, как ремонт старых шоссежных и прокладка новых грунтовых дорог, то вам придется выполнять их самим, конечно, совместно с областными властями, — дополнил меня Ковтюх...

2. На защиту Западной Белоруссии

В первой половине лета 1939 г. угроза войны в Европе надвигалась со страшной быстротой. Фашистская Германия, захватившая Чехословакию, готовилась к новой агрессии против Польши, правительство которой отвергло предложение Советского Союза о совместном отпоре. Правительства Англии и Франции тоже не приняли советских предложений об организации коллективного выступления против агрессора.

— Они сознательно решили пожертвовать Польшей, рассчитывая, что следующим агрессивным шагом фашистской Германии будет нападение на Советский Союз, — говорил на окружном совещании партийного актива в последних числах августа 1939 г. недавно утвержденный в должности члена Военного совета округа корпусной комиссар И. З. Сусайков. — Чтобы разрушить эти козни империалистов, Советский Союз принял предложение правительства Германии и 23 августа заключил с ней договор о ненападении.

В конце совещания актива выступил новый командующий войсками командарм II ранга М. П. Ковалев. Сумрачный, с низко опущенными на глаза густыми черными бровями, он вначале как-то отталкивал от себя. Но в действительности это был сердечный, жизнерадостный, всегда подтянутый человек. Я внимательно следил, как встретит его партийный актив, и был искренне обрадован, что внешняя неприветливость не помешала командующему установить контакт с аудиторией.

— Из некоторых выступлений и особенно из поданных в президиум записок, — говорил Ковалев, — можно сделать вывод, что часть товарищей расценивает заключение договора с Германией как наступление безмятежной эры. Это заблуждение. Политический кризис в Европе обостряется, и, если разразится война, нет никаких гарантий, что в нее не будем втянуты мы. Поэтому войска в приграничных районах по-прежнему должны сохранять полную боевую готовность. Отпуска и длительные командировки военнослужащих, вывод войск в лагеря, а артиллерии на полигоны, о чем здесь просили некоторые командиры, запрещается. Мы должны быть начеку...

1 сентября 1939 г. армия фашистской Германии вторглась в Польшу. Согласно ранее данным гарантиям, правительства Англии и Франции должны были оказать Польше военную помощь. Но этого не случилось.

Польская армия не смогла противостоять немцам. Самолетов и танков у нее было мало (к тому же все они безнадежно устарели). Да и в живой силе она более чем в полтора раза уступала гитлеровской армии.

В результате немецкие моторизованные и танковые соединения, поддерживаемые авиацией, несмотря на героическое сопротивление польских войск, устремились к Варшаве, а затем в направлении Западной Украины и Западной Белоруссии. Правительство Польши бежало из столицы. Польские войска, оставшиеся без управления, в течение двух недель были разгромлены.

Центральный Комитет нашей партии и правительство Советского Союза не могли в создавшихся условиях оставаться равнодушными. Чтобы предупредить возможность захвата фашистской Германией Западной Украины и Западной Белоруссии, не допустить порабощения братских народов западных районов Белоруссии и Украины, было решено ввести на их территорию войска Красной Армии.

На второй неделе сентября я был послан командованием округа в Москву для получения от начальника Генерального штаба письменной директивы и устных указаний по этому вопросу. Борис Михайлович Шапошников, вручая мне документы, сказал:

— Войска округа к 15 сентября должны быть в полной готовности. Однако окончательный срок выступления будет указан особой телеграммой наркома. Построение войск должно обеспечивать наиболее выгодные условия для развертывания наступательной операции, хотя мы надеемся, что ни против польской, ни против немецкой армий боевых действий вести не придется. Конфликтов с немцами избежать. Дальше рубежа Вильно, Ломжа, Западный Буг не выдвигаться. По достижении этого рубежа войскам занять оборонительное положение. Содержание директивы, кроме Военного совета округа, начальника штаба и вас, никто знать не должен.

Исполнявший обязанности комиссара Генерального штаба Николай Иванович Гусев, которому я представился перед отъездом из Москвы, также напомнил мне:

М. А. Пуркаев

М. П. Ковалев

— Смотрите, чтобы при выдвижении к Бугу не спровоцировать войны с Германией.

Перед отъездом в округ почти весь день провел в Генеральном штабе, где меня инструктировал начальник оперативного отдела полковник В. Д. Иванов.

По возвращении в Смоленск я приступил к разработке директив армиям. И, вспоминая сейчас об этом, хочется рассказать об одном курьезе.

Когда документы уже были готовы и их оставалось лишь перепечатать на машинке, я вызвал к себе машинистку Никифорову и строго предупредил ее:

— Имейте в виду, Клавдия Ивановна, бумага, которую вы будете сейчас печатать, представляет государственную тайну. О ее содержании вы не только не имеете права делиться с кем-либо, но и вообще обязаны забыть.

Машинистка оказалась особой слишком нервной. Пробежав глазами первые строки, она побледнела и потеряла сознание. Пока ее приводили в чувство, я сам сел за машинку и одним пальцем «отстукал» весь документ...

В ночь на 15 сентября командование и штаб округа переехали из Смоленска в Минск. А 17 сентября, в окончательно установленный правительством срок, войска Белорусского военного округа перешли границу и, вступив на территорию Западной Белоруссии, в походных порядках начали быстро выдвигаться на указанный им

рубеж. Из района Минска на Белосток двигались конно-механизированная группа под командованием комкора И. В. Болдина и кавалерийский корпус комкора А. П. Еременко. Вслед за ними шла 10-я армия. От Полоцка на Вильно следовала армия комкора В. И. Кузнецова, а от Слуцка на Брест — армия командира В. И. Чуйкова. Погода нам весьма благоприятствовала. Осень в тот год была теплая, без дождей.

Прибывшие из передовых частей командиры штаба рассказывали, что жители сел и городов с восторгом встречают наши части. Население выходило на улицы с цветами и фруктами. Бойцов и командиров обнимали, целовали, рукопожатиям не было конца.

— А как реагируют на вступление наших войск в Западную Белоруссию в польской армии? — спросил командующий у одного из прибывших к нему с докладом командиров.

— Высший командный состав разбежался. Большинство офицеров, особенно же солдаты считают, что правительство предало Польшу, не согласившись защищать ее совместно с советскими войсками от фашистской Германии. Враждебных выступлений польских частей против наших войск не было.

18 сентября командование и первый эшелон штаба округа передислоцировались в Волковыск. На командный пункт я ехал вместе с новым нашим начальником штаба комкором М. А. Пуркаевым и комиссаром штаба бригадным комиссаром К. Н. Березкиным. По пути мы заходили в крестьянские дома, на фабрики, в мастерские, беседовали с жителями деревень, рабочими, инженерами. Все они от души приветствовали Красную Армию и благодарили ее за защиту от фашизма.

Бросалось в глаза, что не только мелкая буржуазия, средней руки помещики, духовенство, но даже некоторые крупные капиталисты и землевладельцы остались на месте. Впрочем, с последними это случилось не по доброй воле.

Припоминаю такой эпизод.

Не доезжая Бараповичей, первый эшелон штаба округа свернул с шоссе в небольшую рощу. Там был запланирован двухчасовой привал на обед. Сразу же нас окружили местные жители, завязалась дружеская беседа. Вдруг видим: подъехал верхом пожилой, представительный человек в полувоенной, старинного покроя одежде, внешне напоминавший знакомого мне по портретам царского генерала Скобелева. Легко прыгнув с коня, он отрекомендовался не менее представительному комкору Пуркаеву:

— Князь Святополк-Мирский.

Пуркаев не без любопытства смотрел на князя.

— Я, как россиянин, радуюсь освобождению Белоруссии и возвращению ее в состав России, — подобострастно заговорил Святополк-Мирский. — В родовом нашем имении, в районе селения Мир, я был, по существу, на положении фермера и трудился наравне с крестьянами.

Услышав это, окружавшие нас крестьяне заулыбались. Смущенный князь стал поспешно прощаться. Однако пригласил Пуркаева осмотреть старинный замок князей Мирских¹.

Пуркаев обещал князю в свободное время воспользоваться его приглашением, но после отъезда Святополк-Мирского сказал, обращаясь ко мне:

— Если у вас действительно есть желание посмотреть сохранившийся в целостности большой старинный замок, давайте лучше заедем в Несвиж, в поместье князя Радзивилла. Там мне довелось быть во время первой мировой войны.

Я охотно согласился, и вскоре наш автомобиль оказался у каменных стен, обнесенных глубоким рвом. Осматривая этот исторический памятник эпохи феодализма с многочисленными фигурами рыцарей в железных латах, коллекциями старинного оружия, картинами и гобеленами, мы были чрезвычайно удивлены, когда охранявшие замок пограничники доложили, что владелец замка находится в жилых комнатах и мы можем повестить его.

— Для жилья в замке приспособлены лишь четыре-пять комнат в левом крыле нижнего этажа, — пояснил начальник караула. — Владелец замка, один из Радзивиллов, богатства свои прокутил, и, кроме этого своеобразного музея, у него ничего не осталось. С месяц назад к нему приехала жена американского миллионера с сорокалетней дочерью, которая, согласно предварительной договоренности, должна была вступить с князем в брак, т. е. купить за доллары старинную княжескую фамилию. Лишь вторжение немецкой армии в Польшу помешало окончательно оформить эту сделку. Сейчас мать с дочерью тоже находятся здесь: ожидают прояснения обстановки.

Мы заглянули к старому, невзрачному князю Радзивиллу и застали у него обеих американок. Пуркаев заверил миллионерш, что Советское правительство не будет препятствовать их выезду в Соединенные Штаты.

Колонну штаба мы догнали, когда она уже покидала Барановичи, и еще до наступления темноты прибыли в Волковыск. Там мы разместились в казармах, построенных некогда для старой русской армии.

За три-четыре дня наши войска вышли западнее рубежа Вильно—Гродно—Белосток—Кобрин. В эти дни Генеральный штаб сообщил в округ уточненную демаркационную линию между нашими и немецкими войсками. Однако на брестском направлении указанная линия оказалась нарушенной войсками немецкой группы армий «Север», во главе которой стоял генерал Бок. Моторизованный

¹ Позже мы узнали, что крупный помещик — князь Александр Святополк-Мирский не успел бежать при вступлении наших войск в Западную Белоруссию. Зато в 1941 г., когда Барановичскую область оккупировали фашистские войска, в Мире сразу же появился в форме немецкого офицера другой владелец того же замка — князь Василий Святополк-Мирский (брат Александра), немедленно установивший в своем поместье жесточайшие крепостнические порядки.

корпус этой группы под командованием генерала Гудериана² переправился через Буг, захватил значительный район вокруг Бреста и стал распространяться на восток от него.

Комдив Чуйков, армия которого выдвигалась к Бресту, приказал командиру авангардной танковой бригады комбригу С. М. Кривошеину занять Брест и заставить немецкие войска отойти за Буг. В Бресте состоялась встреча Кривошеина с Гудерианом. В ней принимал участие и сотрудник Наркоминдела. Наши представители потребовали от немецкого командования немедленно отвести все немецкие части за демаркационную линию, а подготовленное для эвакуации из Бреста в Германию военное и гражданское имущество оставить на месте. Это требование было принято, и вооруженного столкновения, которого так страстно желали враги Советского Союза, не произошло.

2 ноября 1939 г. свершилось официальное воссоединение Западной Белоруссии с Советской Белоруссией. После этого перед командованием округа, который получил название «Западный», встали совершенно необычные вопросы огромной важности: надо разместить войска в районах, где недавно еще господствовали капиталистические и даже феодальные порядки.

Чтобы быстро и правильно решить эти вопросы, руководители штаба и управлений округа выехали для осмотра пограничной зоны, городов, селений, дорог и особенно военных объектов Западной Белоруссии. Результаты этих осмотров доставили нам огорчения. Мы увидели, насколько уменьшились теперь наши возможности для стратегического сосредоточения и развертывания войск в случае войны. Пожалуй, единственным человеком, которому поездка по освобожденной территории не принесла особых забот, был начальник топографического отделения. Села, деревни и даже города в Западной Белоруссии сохранились почти такими же, какими они были перед первой мировой войной.

Вспомню такой случай. Вместе с заместителем начальника штаба комбригом А. В. Петрушевским я возвращался после осмотра белостокского направления в Волковыск, в штаб округа.

— А не посмотреть ли нам знаменитые селения — Гольшыку, Свислочь, Зельву и особенно Мстибово и Изабелин? — сказал Петрушевский.

Дело в том, что в Белорусском округе для командирских записок на картах частенько использовались листы района Волковыск и перечисленные выше селения были хорошо известны всем нам.

Не без волнения объехали мы эти никогда не виданные нами в натуре пункты и удивились, с какой точностью сообщала данные о них старая карта. За четверть века в селениях почти не прибавилось домов, не было построено ни одного завода, сохранились даже

---

² Корпус входил в оперативное подчинение командующего 4-й немецкой армией генерала фон Клюге. В 1941 г. эта армия с танковой группой Гудериана вторглась на нашу территорию в районе Бреста

напесенные на карту отдельные дворы, в частности памятный всем нам «Дв. Фрашко».

Подробный анализ условий, сложившихся для войск округа после их выдвижения в Западную Белоруссию, сделал комкор Пуркаев в октябре 1939 г. при передаче обязанностей начальника штаба округа комдиву В. Е. Климовских. По этому поводу состоялось совещание, на котором присутствовали, если не ошибаюсь, комиссар штаба и все начальники отделов.

— Бесспорно, — докладывал на совещании Пуркаев, — с общеполитической точки зрения вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину может быть оценено только положительно, ибо наши пограничные рубежи передвинулись далеко на запад. Но эти преимущества скажутся лишь тогда, когда мы приведем новую пограничную полосу в такое же состояние, какое было на старой границе.

Из сделанного Пуркаевым обзора участники совещания хорошо уяснили, что перемещение сюда войск связано с значительными трудностями. Казарменный фонд был ничтожно мал. Аэродромная сеть не развита, причем аэродромы не имели бетонированных взлетно-посадочных полос, что позволяло размещать там современные самолеты только летом. Железнодорожная сеть оставалась такой же, как накануне первой мировой войны. Ширина железнодорожной колеи была здесь уже, чем у нас, и это создавало дополнительные трудности для стратегических перевозок. Недоставало и шоссейных дорог, идущих с востока на запад. Их оказалось только две.

— На прежней границе, — продолжал Пуркаев, — мы имели мощные укрепленные районы, да и непосредственным противником тогда была лишь Польша, которая в одиночку напасть на нас не решилась бы, а в случае ее сговора с Германией устроить выход немецких войск к нашей границе не представило бы труда. Тогда у нас было бы время на от мобилизацию и развертывание. Теперь же мы стоим лицом к лицу с Германией, которая может скрытно сосредоточить свои войска для нападения. При этом нельзя забывать, что немцы захватили в Варшаве документы генерального штаба польской армии: расположение всех военных объектов в Западной Белоруссии им хорошо известно. И еще одно важное соображение: на территории Западной Белоруссии есть люди, враждебно настроенные к Советской власти. Немецкое командование постарается широко использовать их в разведывательных и диверсионных целях.

— Послушаешь вас, Максим Алексеевич, и начинаешь думать, что выдвижение войск округа в Западную Белоруссию с военной точки зрения более чем невыгодно, — заметил Климовских.

— Прошу понять меня правильно, — возразил Пуркаев, — Я хотел лишь показать вам, что в новой обстановке для войск округа возникло много минусов, но это явление временное. Если

как следует взяться за дело, минусы относительно быстро могут превратиться в плюсы. . .

Спустя несколько дней комкор Пуркаев был вызван в Москву и направлен в качестве военного атташе в Германию.

В октябре—ноябре 1939 г. по поручению командования округа я занимался проверкой боевой готовности войск в районе Белостока и Бреста. Все наши части тогда были заняты прежде всего устройством на новых местах. Приводились в порядок старые казармы, столовые, склады, оборудовались аэродромы, стрельбища, полигоны. Для войск, не обеспеченных казарменным помещением, строились землянки. Командующие армиями изучали рубежи, на которых намечалось строительство укрепрайонов. Кос-где началось уже и инженерное оборудование этих рубежей: стрелковые дивизии своими силами возводили в пограничной зоне полевые оборонительные сооружения. Однако каждому командиру дивизии было ясно, что построить оборону даже полевого типа на фронте в 50—75 км они успеют в лучшем случае к весне.

— Зима наступает, а мы не закончили еще оборудование жилищ для личного состава, — жаловался мне командир одной дивизии. — Разве я могу в таком положении по-настоящему заняться строительством оборонительных сооружений?

В конце ноября действительно ударили морозы, выпал снег, и оборонительные работы во многих местах вообще пришлось прекратить.

Вскоре начала работать советско-германская комиссия по уточнению границы, по установке пограничных знаков. В пограничной зоне округа эту работу выполняли несколько смешанных подкомиссий. Подкомиссии работали как на одной, так и на другой сторонах демаркационной линии. Находясь на нашей стороне, немецкие офицеры питались в военоторговских столовых, правда, в специально отведенных для них комнатах, были с нашими командирами и рядовыми очень любезны. В Бресте, например, мне самому не раз приходилось видеть, с каким подчеркнутым подобоострастием вытягивались они перед нашими старшими командирами.

В конце ноября началась советско-финляндская война.

Из Западного округа, ближайшего к театру военных действий, потянулись в Ленинград эшелоны с пополнением и всякого рода военными материалами. В войска развернувшегося против Финляндии фронта изъявили желание поехать и некоторые представители высшего командного состава, в том числе командующий армией Чуйков, а несколько позже и командующий округом командарм II ранга Ковалев.

Незадолго до отъезда М. П. Ковалева на фронт я получил от него важное и очень заинтересовавшее меня задание.

— Из Бреста на Карельский перешеек отправляется 8-я стрелковая дивизия, в командование которой вступил работник вашего отдела майор Фурсин, — сказал командующий. — Поезжайте и помогите ему укомплектовать и обеспечить дивизию всем необходи-

мым. Потом поедете с этой дивизией на Карельский перешеек и сдадите ее в состав фронта. В течение месяца разрешаю оставаться там для ознакомления с практической работой штаба фронта и особенно штабов армий и соединений.

И вот в конце 1939 г. я под Брестом. Прибывают предназначенные для укомплектования дивизии до штата военного времени новобранцы. Из окружных складов части получают вооружение, боеприпасы, обмундирование (в том числе валяные сапоги и полушубки), лыжи, продовольствие.

Тогда стояли сильные морозы. Они поставили в очень тяжелое положение те части дивизии, которые размещались в землянках. Однако самым трудным оказалась отправка дивизии по железной дороге. Сказалась малая пропускная способность железных дорог Западной Белоруссии: больше четырех-пяти эшелонов в сутки вытолкнуть не удавалось.

И как раз во время отправки эшелона я попал в автомобильную катастрофу. На узком обледенелом шоссе около Жабинки автомобиль занесло — на большой скорости он врезался в дерево. Шофер и я получили ранения и в бессознательном состоянии были доставлены в госпиталь. Госпиталь находился в южной части Брестской крепости, на острове, в двух-трех сотнях шагов от немецких пограничных постов.

К счастью, полученные мною травмы оказались неопасными. Через неделю я с забинтованной головой и с рукой на перевязи уже отправлял из Бреста последние эшелоны, а затем пассажирским поездом выехал в Ленинград, в штаб Северо-Западного фронта. С поезда сошел морозным январским вечером. Город был затемнен, и, хотя я знал, где находится штаб фронта, тем не менее без сопровождающего мне было бы трудно добраться до него.

Представившись и доложив о цели своего приезда начальнику штаба фронта комкору И. В. Смородину, одному из крупных в то время военных деятелей, я попросил ознакомить меня с обстановкой и позволить мне два-три дня поработать под его руководством. Иван Васильевич Смородин был назначен на этот пост с должности заместителя начальника Генерального штаба. Работал он, как мне рассказывали, не менее двадцати часов в сутки и поэтому выглядел очень усталым.

Выслушав мою просьбу, Смородин сказал:

— С обстановкой вас ознакомят в оперативном управлении. А в штабе фронта, на мой взгляд, вам делать нечего. Осмотритесь немного и поезжайте в войска.

В тот же вечер мне пришлось еще раз быть у Смородинова. В это время к нему зашел возвратившийся из войск командующий фронтом командарм I ранга Семен Константинович Тимошенко. Лицо его было опалено морозом. Однако он, как всегда, был бодр и жизнерадостен.

Смородин представил меня командующему:

— Как видно, на фронт съезжается все начальство Западного

округа, — пошутил Тимошенко. — Вслед за Ковалевым и Чуйковым потянулся и штаб. . .

Осведомившись о цели моего приезда, командующий сам кратко ознакомил меня с ходом боевых действий и в заключение сказал:

— Таких темпов, какими обычно «наступают» на академических играх, здесь вы не увидите. Прогрызать укрепленные районы зимой, во время сильных морозов, более чем трудно. Успехи в шные дни измеряются не километрами, а метрами. История еще не знала таких войн, и ни одна армия, кроме нашей, на наступление в подобных условиях не способна. Однако надо признаться, что и мы к такого рода войне слабо готовили войска. Приходится доучивать их на фронте. Вот вы привезли из округа дивизию. А участвовала ли она хоть раз в учениях по прорыву укрепленных районов? Некоторые командиры предпочитали зимой, в сильные морозы, не проводить занятий в поле, чтобы, чего доброго, не обморозить бойцов. . . И я согласен с Иваном Васильевичем: изучать опыт войны вы должны в войсках.

В оперативном управлении оказались и другие мои товарищи по Академии Генерального штаба — полковники З. Я. Рудаков и В. Я. Семенов. Они детально познакомили меня с работой командиров управления. С их же помощью я получил возможность нормально отдохнуть и утром уехал сопровождать 8-ю дивизию. Она сосредоточивалась на Карельском перешейке и должна была действовать в первом эшелоне.

Несколько дней я провел в полках, а затем перебрался в штаб 13-й армии. Начальником штаба этой армии был опытный командир — комбриг Владимир Сергеевич Голушкевич, мой соратник по гражданской войне на Южном фронте. Во главе армии стоял командарм II ранга В. Д. Грендаль, членом Военного совета был корпусной комиссар А. И. Запорожец.

Владимир Сергеевич очень гордился тем, что и он, и командующий армией — в прошлом артиллеристы.

— Вот ты сам убедишься, — говорил мне Голушкевич, — что при прорыве укрепрайона главное — это артиллерия. . .

В течение почти двух недель я изучал, как штабы соединений и штаб армии терпеливо и настойчиво ведут разведку вражеского укрепрайона, а затем наносят сокрушительный удар по его дотам. Мне довелось также несколько раз выезжать с работниками штаба армии, а однажды и с командующим в войска первой линии.

Во время этих выездов я не раз вспоминал С. К. Тимошенко, который справедливо упрекал нас в том, что из боязни обморозить солдат и командиров мы плохо готовили их для ведения боя в зимних условиях. А морозы в тот год достигали на Карельском перешейке 45 градусов.

В феврале закончилась моя командировка, и я возвратился в Минск, где, к своему удивлению, на посту начальника штаба округа опять встретил комкора Пуркаева, а комдива Климовских — в должности его заместителя.

Первые дни по возвращении в штаб округа я посвятил подготовке отчета о своей поездке, а затем прочел несколько докладов о советско-финляндской войне для командиров штаба и работников Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии. Я видел все своими глазами и старался нарисовать правдивую картину тех нечеловеческих условий, в которых наши героические войска вели борьбу на Карельском перешейке, с каждым днем приближая победу над агрессивными силами, развязавшими войну...

Обычно мой рабочий день в штабе начинался с утреннего доклада комкору Пуркаеву. И почти каждый раз, посещая его, я думал: почему он так быстро вернулся из Германии? Однако спросить об этом самого Пуркаева не решался. И вдруг однажды после моего очередного утреннего доклада Пуркаеву этот щепетильный вопрос задал Климовских:

— Максим Алексеевич, мне кажется, было бы весьма полезно, если бы вы рассказали нам о своей деятельности в Германии в качестве военного атташе.

— Давно собираюсь, — охотно отозвался Пуркаев. — Рассказать есть о чем, наблюдений много. Вот только нужно найти для этого время... Впрочем, вас, вероятно, интересует прежде всего причина моего быстрого возвращения?

И, не дожидаясь нашего ответа, Максим Алексеевич перешел к сути дела:

— Приняли меня в Германии внешне весьма благожелательно. Вскоре после приезда туда я был приглашен на один прием и представлен Гитлеру. Затем мне было разрешено присутствовать на войсковых учениях и посещать воинские части (правда, в сопровождении офицера генерального штаба). Я немедленно воспользовался этим, побывал в одном пехотном полку. А несколько дней спустя мне показали даже подземный командный пункт, якобы подготовленный на случай войны для генерального штаба. Легко было понять, для чего все это делается: меня хотели убедить, что у немецкого командования нет секретов от нас. Расчет был прост: они хотели усыпить нашу бдительность. Но потом моим «доброжелателям» стало ясно, что обмануть нас трудно. И сразу все изменилось. При встречах со мной они улыбались все реже и реже. Потом, как бы вскользь, выразили удивление, почему это я, потенциальный начальник штаба фронта, занимаю скромный пост военного атташе. Постепенно меня стали «забывать» приглашать на учения или присылать за мной своего представителя так поздно, что ехать было уже бесцельно. А то вдруг по пути в район учений внезапно портилась машина, на которой я ехал. Словом, мне всячески давали понять, что в качестве военного представителя Советского Союза я для них нежелателен. И так как у немецкого правительства не было оснований заявить об этом нашему правительству, начались провокации: меня старались как-то скомпрометировать.

Однажды при посещении военного учреждения Пуркаев обнаружил в кармане своей шинели маленький фотоаппарат. Передав его

своему провожатому, он прямо заявил, что это очень грубая работа. Офицер несколько не смутился. Тут же выразил предположение, что, вероятно, кто-то ошибся, положив фотоаппарат в чужой карман, когда шинель висела в гардеробе учреждения рядом с десятками других.

— Таких пусдачных попыток скомпрометировать меня было несколько, и в конце концов они достигли цели, — заключил Пуркаев. — Мне захотелось углубить знания в немецком языке, и с ведома нашего посольства я стал брать уроки у одной уже очень немолодой немецкой учительницы. Все, казалось, шло нормально, но вдруг из ведомства Риббентропа сообщили о жалобе учительницы на то, что я якобы пытался посягнуть на ее честь. На вопрос, какие же доказательства может представить эта учительница, ответ гласил: синяки и царапины. Чтобы эта история «не попала в газеты», немецкое правительство настойчиво просило заменить меня другим. Абсурдность предъявленного мне обвинения ни у кого не вызывала сомнений, но решено было не обострять из-за этого отношений. Вот так и кончилась моя военно-дипломатическая карьера, о чем я, впрочем, насколько не жалею. . .

В те дни уже шли переговоры о мире с Финляндией. Истощив свои силы, Финляндия предложила прекратить военные действия и 12 марта 1940 г. подписала мирный договор. Первоочередной заботой для штаба округа стало возвращение наших дивизий с фронта. В первых числах мая народным комиссаром обороны стал С. К. Тимошенко, которому одновременно было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В апреле фашистская Германия осуществила захват Дании и Норвегии. 10 мая гитлеровские полчища через Люксембург и Бельгию, в обход линии Мажино, вторглись во Францию.

По понятным причинам мы, военные люди, переживали это особенно остро. И не только переживали, но и делали определенные практические выводы.

Помню, в один из последних дней мая, когда штаб округа только что переехал в новое помещение близ минского университетского городка, ко мне зашли Климовских и Березкин. Осмотрев, как разместился оперативный отдел, они задержались у меня в кабинете, и между нами завязался очень откровенный разговор. Начал его Березкин. Глядя на лежавшую на столе карту Франции, он сокрушенно покачал головой:

— Кто бы мог подумать, что немцам потребуется лишь немногим больше двух недель, чтобы разгромить основные силы французской армии?

— Да, — откликнулся Климовских, — немецкая армия устремилась уже на Париж. Видимо, с Францией будет то же, что в сентябре прошлого года произошло с Польшей. А когда Гитлер развяжет себе руки на западе, он непременно повернет свою военную машину против нас.

— Не помогли французам и пограничные укрепления, хотя главной ударной силой у немцев, как и при нападении на Польшу, были, по-видимому, механизированные войска, — заметил я.

— Не могу согласиться с вами полностью, — возразил Климовских. — Немецкая армия обошла знаменитую линию Мажино и прорвалась на участках, где преобладали укрепления полевого типа. Мы не должны терять веру в укрепленные районы и обязаны продолжать строительство их на своей границе. Что же касается роли механизированных войск, то не немцы, а мы первыми оценили их должным образом. У нас также начинается крупная реорганизация армии, ее механизация. В частности, в нашем округе количество конницы сократится более чем в три раза, и за счет ее будут сформированы один, а то и два механизированных корпуса. Увеличится число артиллерийских частей, возрастет огневая мощь стрелковых дивизий. Многие артиллерийские и специальные части перейдут на механическую тягу. Не случайно командовать нашим округом назначается бывший начальник Автобронетанкового управления Красной Армии генерал-полковник Д. Г. Павлов.

— А Ковалев? — поинтересовался я.

— Ковалев получает назначение на такую же должность в Харьковский военный округ.

— А насчет начальника штаба никаких слухов нет? — хитро улыбнулся Березкин.

— Есть и об этом слухи, — в тон ему ответил Климовских.

Я попытался уточнить:

— Какие же это слухи?

Климовских уклонился от ответа, а Березкин заявил прямо:

— Пуркаев едет в Киевский военный округ, а в должность начальника штаба нашего округа опять вступает генерал Климовских. Есть перемены и в Военном совете: вместо Сусайкова назначается дивизионный комиссар А. Я. Фоминых. Ожидаем приезда новых командующих военно-воздушными силами и артиллерией.

— А когда начнется смена начальников отделов? — как бы в шутку спросил я. — Вот уже четвертый год руковожу оперативным отделом штаба округа, пора и честь знать. Хотелось бы поработать в войсках.

Климовских и Березкин переглянулись и, ничего мне не ответив, отошли к окну. Как я понял, они стали обсуждать мою косвенно выраженную просьбу об откомандировании в войска.

Не часто бывает так, что личные планы совпадают с мнением старших начальников. Но мне повезло. Климовских понял затаенный смысл моей шутки. О моем желании было, по-видимому, доложено прибывшему вскоре новому командующему округом Павлову, и в начале августа 1940 г. я получил назначение на должность начальника штаба 4-й армии, размещавшейся в Брестской области. Командовал ею генерал-лейтенант В. И. Чуйков.

3. Под Брестом накануне войны

В середине августа 1940 г. в яркий солнечный день я выехал из Минска в Кобрин в 4-ю армию. Настроение у меня было приподнятое. Назначение на пост начальника штаба армии, которую я хорошо знал и которой командовал популярный уже в то время командарм Чуйков, делало меня самым счастливым человеком. В Слуцке я свернул на запад, на так называемое Варшавское шоссе, идущее от Москвы к Бресту. Проехав некоторое расстояние, я вышел из машины и, расположившись на лужайке недалеко от шоссе, стал прокладывать по своей карте дальнейший маршрут. Стояла теплая сухая погода, и на машине можно было ехать не только по грунтовым дорогам, но и по целине.

В. И. Чуйков

— Давайте сначала внимательно обследуем тыловой район 4-й армии, — предложил я сопровождавшему меня сотруднику штаба армии. — Поедем медленно, будем съезжать с шоссе для ознакомления с важными пунктами и объектами.

Приближаясь к старой государственной границе западнее Слуцка, я вспомнил, как три года назад мы с Ковтюхом и Петровским намечали вчерне рубеж для постройки Слуцкого укрепрайона. Мне было известно, что в 1938 г. рубеж этого укрепрайона был уточнен В. И. Чуйковым и окружающими специалистами и что многие сооружения были уже построены. Чтобы узнать, насколько боеспособны эти сооружения, мы заехали к коменданту укрепрайона и осмотрели с ним некоторые долговременные сооружения.

— Все сооружения укрепрайона предполагалось закончить к 1 июня 1941 г., — рассказывал комендант полковник Денисов. — Вооружения в дотах еще нет. Весной этого года строительство укрепрайона прекращено. Рабочая сила и транспорт направлены для сооружения Брестского укрепрайона. Будут ли возобновлены строительные работы у нас, мне неизвестно.

После осмотра Слуцкого укрепрайона мы поехали от ст. Тимковичи до Барановичей. На этом 60-километровом участке пути железной дороги тогда еще не было. В начале нынешнего столетия царское правительство приняло решение построить железную

дорогу от Слуцка до Барановичей, но она была доведена лишь до Тимковичей. А дальше было сооружено только земляное полотно и несколько мостов — не хватило средств. Следовательно, 4-я армия этой железной дорогой воспользоваться не могла. К тому же пролежавшая в тылу армии единственная железная дорога Гомель—Пинск имела очень низкую пропускную способность и проходила в невыгодном для сосредоточения войск болотистом Полесье, причем участок этой дороги, проходивший по территории Западной Белоруссии, еще оставался с узкой европейской колесей. Необходимость спешного строительства жизненно важного для армии и округа участка железной дороги между Барановичами и Тимковичами не вызывала сомнений.

Восточнее Барановичей мы осмотрели участок старых позиций, оборудованных немецкой армией в годы первой мировой войны. Польское правительство неоднократно открыто заявляло, что оно воздвигло на этом месте мощный укрепрайон. В действительности же это был ряд примитивных, хотя и подновленных кое-где бетонированных точек. Правда, около Варшавского шоссе и у полотна железной дороги на линии названных позиций мы обнаружили четыре новых небольших дота.

Словом, комплекс этих сооружений можно было назвать укрепленным районом с таким же основанием, как позже, во время второй мировой войны, слабые, не имевшие между собой связи опорные оборонительные пункты немецко-фашистских войск на французском побережье Ла-Манша Гитлер стал именовать «Атлантическим валом», что имело целью лишь скрыть слабость обороны и создать у противника преувеличенное о ней представление.

От Барановичей вплоть до г. Береза-Картузская шоссе на Брест пробивалось среди сплошного леса. На юге эти леса сливаются с Полесьем, а на северо-западе примыкают к Беловежской пушце. В Березе, в казармах, построенных для дислоцировавшихся здесь до революции частей русской армии, правительство буржуазно-дворянской Польши создало концентрационный лагерь очень жесткого режима для политических заключенных. Заглянув в этот бывший лагерь, мы были приятно изумлены. Менее чем за год наши части сумели так восстановить и оборудовать помещения, что они почти не отличались от обычных казарм нашей армии. В этих казармах разместилась 42-я стрелковая дивизия 4-й армии. Недалеко от дивизии, в Пружанах, располагалась танковая бригада армии. Побывав в этих соединениях, мы поехали, куда не сворачивая, в штаб 4-й армии.

Военный городок штаба армии, в котором жил и начальствующий состав с семьями, находился у самого Варшавского шоссе, в 2 км от г. Кобрина, и был обнесен высоким забором. К тому же штаб армии был отрезан от Кобрина р. Мухавец, старый мост через которую был неисправен, а новый еще не закончили строить.

Командующий армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков и член Военного совета дивизионный комиссар Ф. И. Шлык после моего

официального представления и доклада о поездке по тылам армейской полосы стали расспрашивать меня о новостях.

— Как видите, мы живем в глуши, рядом с Полесьем, с его медведями,— шутил молодой, быстро выдвинувшийся на пост члена Военного совета армий Шлыкков.

— Зато вы размещаетесь в городе, выросшем из имени Кобринский ключ, в котором жил Суворов¹, — возразил я.

— В войсках округа, говорят, намечается большая реорганизация? — задал вопрос Чуйков.

Я охотно пересказал то, что слышал от нового командующего округом генерала Павлова. Речь шла о том, что следует ускорить строительство оборонительных сооружений на границе и поддерживать в войсках постоянную боевую готовность.

— Надо всегда помнить, что 4-я армия под Брестом прикрывает один из важнейших дальних подступов к Москве на стратегическом направлении Варшава—Москва,— заметил я.

Рассказал также, что готовится решение о широкой реорганизации армии с учетом опыта боев в Финляндии и, конечно, операций немецкой армии во Франции. Численность стрелковых дивизий будет меньше, они станут не такими громоздкими, более маневренными, и в то же время огневая мощь их возрастет. Существующие легкие танки, не оправдавшие себя в боях на Карельском перешейке, снимаются с производства и постепенно будут заменяться новыми: средними Т-34 и тяжелыми КВ. Самолеты также получим более совершенные. Конница сокращается до минимума. За счет ее развернутся мощные механизированные корпуса и повые воздушнодесантные соединения. В округе пока расформируется один кавалерийский корпус и на его основе на белостокском направлении создается механизированный корпус. Он будет состоять из двух танковых и одной моторизованной дивизий, укомплектованных главным образом тапками КВ и Т-34.

— Однако давайте лучше говорить о делах, касающихся непосредственно 4-й армии, — изменил ход беседы Чуйков.

Василий Иванович подошел к висевшей на стене карте, сдвинул в сторону прикрывавшую ее штorkу и заговорил, обращаясь только ко мне одному:

— Вы, конечно, знаете, что северная граница армейской полосы идет от Дрохичина через ст. Черемха на Барановичи. Последние для нас исключаются... На юге разграничительная линия проходит прямо по границе между Белоруссией и Украиной. Второй эшелон армии — стрелковую дивизию в Березе и танковую бригаду в Пружанах — вы уже видели. А в первый эшелон съездим вместе: это две дивизии 28-го стрелкового корпуса и еще одна танковая бригада. Расположение их вам также известно — район Бреста,

---

¹ После войны в Кобринс, в домике, где в 1797 г. и 1800 г. жил А. В. Суворов, открыт военный музей его имени.

главным образом Брестская крепость. На месте 8-й стрелковой дивизии, которую вы сами отправляли на Карельский перешеек, обособилась теперь 49-я стрелковая дивизия. Штаб ее в Высоком. Рекомендую познакомиться и с подчиненной нам в оперативном отношении авиационной дивизией. Штаб ее находится в одном здании с нашим, так что завтра же можете побывать там. А главное — выйдите хорошенько в строительство Брестского укрепленного района и оборудование сооружений на границе.

Так как работники штаба 4-й армии в основном были уже знакомы мне, я по совету Чуйкова большую часть следующего дня провел в авиационной дивизии. Меня сопровождал командир ее, полковник Николай Георгиевич Белов, мой земляк — вичужанин. Четыре полка этой дивизии разместились так: бомбардировочный — в районе Пинска, один истребительный полк — недалеко от Кобрина, другой истребительный и полк штурмовиков — в районе Пружан. Аэродромы оказались без бетонированных взлетно-посадочных полос. Летчики ждали замены старых самолетов новыми. Командиры полков в осторожных тонах, но довольно настойчиво обращали мое внимание на то, что в случае войны полкам немедленно нужно перебазироваться, так как старая аэродромная сеть немецкому командованию хорошо известна.

— Запасные полевые аэродромы для полков у нас намечены, но еще не подготовлены, — как бы оправдываясь, доложил полковник Белов.

Когда мы ехали в Пинск, меня привлекло в восхищение качество и состояние брусчатой мостовой на участке Кобрин—Пинск. Но, так как восточнее Пинска дорога обрывалась, значение ее было весьма ограниченным. В Пинске, кроме авиационного полка, находились один из полков корпусной артиллерии 28-го стрелкового корпуса и окружной артиллерийский склад. Там же был штаб Пинской военной речной флотилии, в состав которой входили отряд глиссеров, группа канонерских лодок, дивизион бронекатеров, дивизион мониторов, дивизион тральщиков, а также сторожевые корабли, минный заградитель и даже зенитный артиллерийский дивизион на механической тяге. В случае войны флотилия предназначалась для совместных действий с 4-й армией на направлении Пинск—Брест.

Осмотрев часть боевых судов этой флотилии, а также Днепровско-Бугский канал и мелководную реку Мухавец с их плюсами, я усомнился, что такая флотилия может успешно вести боевые действия в современных условиях, и по возвращении высказал свои сомнения Чуйкову.

— А я и не рассматриваю флотилию как реальную силу, которая может сыграть серьезную роль на фланге армии, — ответил командующий. — Трудно себе представить, как и с кем могут вести бой ее маленькие суда, разбросанные по каналу и реке, ширина которой местами не превышает пятидесяти метров...

Потом состоялась поездка в Брест. Как и было задумано командармом, мы выехали туда вместе. В Бресте присоединился командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор Василий Степанович Попов. Это был опытный командир, но человек здесь новый. Со своим корпусным управлением он прибыл в 4-ю армию всего лишь на несколько дней раньше меня.

Генерал Попов предложил нам начать осмотр с крепости.

Брестская крепость была построена русскими в 1842 г. Основу ее составляла цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока Мухавцом, а с севера — рукавом Мухавца. По внешней окружности цитадели проходила сплошная кирпичная двухэтажная казарма, которая в то же время являлась и крепостной стеной. Казарма имела 500 казематов для размещения войск, под казематами находились подвалы, а еще ниже — сеть подземных ходов. Двое ворот (Брестские и Холмские) глубокими туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости. Одни ворота (Тереспольские) находились против моста через основное русло Буга.

Вне цитадели располагалось прикрывавшее ее кольцо бастионов и других крепостных сооружений. По внешней окружности этого кольца более чем на 6 км тянулся земляной вал высотой в 10 м. Его опоясывали рукава Буга и Мухавца, а также широкие рвы, заполненные водой. Система каналов и рукавов образовала три острова — западный, южный и северный. Позже в нескольких километрах от кольца бастионов было сооружено кольцо фортов — отдельных железобетонных сооружений, которые должны были сдерживать противника на подступах к крепости, не позволять ему вести по ней артиллерийский огонь. Мало кто знает, что перед первой мировой войной строительством крепости руководил Д. М. Карбышев. Как известно, в 1915 г. при отступлении русских войск Брестская крепость была по стратегическим соображениям оставлена без боя, а ее важнейшие объекты, в том числе и большинство фортов, были взорваны. До 1939 г. в течение почти 20 лет, в Брестской крепости размещались войска буржуазно-дворянской Польши. В значительной мере казарменный фонд крепости и часть фортов были восстановлены, а в кольце бастионов построено несколько казарм для солдат и жилые дома для офицерского состава.

После воссоединения Западной Белоруссии казармы и склады Брестской крепости, оказавшиеся в хорошем состоянии, были использованы нашей армией.

Когда мы приехали в крепость, там размещались основные силы 6-й и 55-й стрелковых дивизий. Почти все помещения южного острова занимал окружной госпиталь, отчего тот остров и стал называться Госпитальным.

— Именно в этом госпитале я лечился в начале 1940 г. после автомобильной катастрофы, — напомнил я Чуйкову.

На западном острове разместились пограничники, и остров получил название Пограничный.

Обзор крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с арtdивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготавливаемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа.

Мы решили ходатайствовать о немедленном выводе из крепости окружного госпиталя и хотя бы одной дивизии. Кстати, это диктовалось и чисто бытовыми потребностями: войска в крепостных помещениях испытывали тесноту, бойцы спали на многоярусных нарах.

Части корпуса, размещавшиеся в военных городках непосредственно в Бресте, и армейская танковая бригада, занимавшая военный городок в 3—4 км к югу от Бреста, находились в значительно лучших условиях, чем войска в крепости.

Очень полезным для меня оказалось ознакомление и с 49-й стрелковой дивизией, которая располагалась севернее Бреста, в районе Высокое, Волочин, Каменец. Эта дивизия, подчиненная непосредственно командованию армии, с оперативной точки зрения занимала выгодное положение. Она удачно прикрывала правый фланг. Но осенью 1940 г. из нее уволили большое число младших командиров и рядовых. На смену им пришли новобранцы, отчего боеспособность полков резко снизилась. Пришлось пойти на несколько необычную меру: 49-я стрелковая дивизия передала значительную часть своих новобранцев в дивизии 28-го стрелкового корпуса, а оттуда получила взамен старослужащих.

Части 49-й стрелковой дивизии занимались оборудованием для жилья землянок и переданных местными властями разного рода помещений, строили столовые, конюшни, склады. И лишь немногие подразделения были заняты строительством в пограничной полосе полевых оборонительных позиций.

— Эта дивизия, — пояснил В. И. Чуйков, — своими силами должна оборудовать оборону на 40-километровом фронте. В центре армейской полосы на фронте до 60 км оборудуют позиции дивизии 28-го стрелкового корпуса. А вот на нашем левом фланге участок границы протяженностью около 50 км остается необорудованным. Войск 4-й армии там нет, других — тоже, так что стык с Киевским военным округом не защищен. . .

Следующий день ушел на ознакомление с Брестским укреплением, комендант которого генерал-майор М. И. Пузырев вместе со всем своим управлением находился тогда также в Бресте. Этот

укрепрайон простирался главным образом на северо-запад от города по восточному берегу Буга. Работы по сооружению дотов развернулись там широким фронтом. Кроме строительного управления и специальных частей, переброшенных из Слуцка, округ прикомандировал в распоряжение генерала Пузырева окружной инженерный полк и несколько корпусных саперных батальонов из восточной части Белоруссии.

Расспрашивая коменданта укрепрайона о количестве людей, работающих на строительстве каждого дота, о видах транспорта, которым подвозился на стройплощадки разного рода материал — песок, щебень, арматура, — я высказал предположение, что немцы, наверное, наблюдают за нами с вышек и часть дотов, несомненно, будет засечена их разведкой.

— К сожалению, — вздохнул Чуйков, — немецкая разведка узнает об укрепрайоне в целом и расположении отдельных его дотов не только путем наблюдения, но и через свою агентуру. Выследить подозрительных лиц из пограничной зоны пока не удалось. Впрочем, разрушить дот, даже если известно, где он находится, не так-то просто.

— А потом надо иметь в виду, — добавил Пузырев, — что после окончания строительства все доты будут тщательно замаскированы. Попробуй отличи их тогда от окружающей местности. Правда, вынос укрепрайона к самой границе — дело непривычное. Раньше мы всегда строили доты на некотором удалении от границы. Но тут уж ничего не поделаешь. Мы должны руководствоваться не только военными, но и политическими соображениями.

Когда я вернулся из поездки в войска, меня ждали уже бывшая из Минска жена и маленькая дочурка. С появлением рядом семьи жизнь сразу вошла в свою колею. Отпали лишние бытовые заботы, завязались более прочные знакомства с сослуживцами.

В начале осени 1940 г. командующий округом просматривал западные подступы к Беловежской пуце и вызвал в Гайновку всех командармов вместе с начальниками штабов армий на совещание. Я выехал с В. И. Чуйковым в одной машине. По пути мы пересекали почти всю знаменитую Беловежскую пуцу. Подъезжая к поселку Каменец, Чуйков обратил мое внимание на высокую старинную белую башню на окраине.

— Вот от этой белой башни — «вежи» и получила название Беловежская пуца, — пояснил он мне. — Когда-то здесь охотились цари и их придворные. А нередко под видом охоты сюда съезжались для дипломатических переговоров властители сопредельных государств.

Признаться, я предполагал, что Беловежская пуца состоит только из густых лесов. Оказывается, немало в ней и безлесных участков.

— В период первой мировой войны лесные массивы пуцы сильно поредели от варварской вырубki немецких оккупантов, — с возмущением рассказывал он. — В Германию было вывезено около

И. В. Тюленев

4 миллионов кубометров древесины. Оккупанты истребили или увезли в Германию почти всех зубров, оленей и лосей. Полностью были уничтожены лани. Теперь в пуще только 16 зубров...²

Командующий округом находился в своем вагоне недалеко от ст. Гайновка. Кроме Павлова и начальника штаба округа Климовских, в вагоне были командующий Московским военным округом И. В. Тюленев и член Военного совета этого округа А. И. Запорожец. Почти одновременно с нами в вагон вошли командарм-3 В. И. Кузнецов и начальник штаба этой армии А. К. Кондратьев. А вслед за ними появился и командарм-10 К. Д. Голубев. Когда все оказались в сборе, завязался вре-

завшийся в мою память полуофициальный разговор. Начал его Павлов.

— Генеральный штаб еще не закончил составление оперативного плана, — сказал он. — А для того, чтобы показать один из возможных вариантов действий войск округа при нападении на нас фашистской Германии, Генеральный штаб в ближайшее время проведет с окружными и армейскими управлениями оперативную игру на местности со средствами связи. Будет проигрываться начальный период войны. Возглавит игру, вероятно, сам нарком. Штабы армий начнут ее в местах дислокации и будут передвигаться, сообразуясь с обстановкой.

— А те штабы, которые стоят у самой границы? Куда им двигаться? — не удержался я. — По-видимому, придется обороняться.

— Вначале, может быть, придется и отступить, — уточнил Павлов. — У немцев теперь не 100-тысячная армия, какую они имели в 1932 г., а 3-миллионная. Она насчитывает свыше 300 соединений, располагает большим количеством самолетов. Если враг перед началом войны сосредоточит у наших границ хотя бы две трети своих сил, нам в первое время придется, конечно, обороняться и даже отступать... А вот когда из тыла подойдут войска внутренних округов, — Павлов посмотрел на Тюленева. — когда

² Во время второй мировой войны немецко-фашистские оккупанты по существу уничтожили заповедник, он восстановлен только в послевоенные годы

в полосе вашей армии будет достигнута уставная плотность — 7,5 км на дивизию, тогда, конечно, можно будет двигаться вперед и не сомневаться в успехе. Не так ли?

На миг воцарилось молчание, но затем поднялся Чуйков:

— Вам хорошо известно, товарищ командующий округом, что в первом эшелоне 4-й армии весной этого года было всего лишь две дивизии на 150 км фронта. Летом нам подбросили еще одну. Значит, плотность теперь — 50 км на дивизию. Во втором эшелоне тоже негусто — только одна дивизия. Это же не армия, а всего лишь корпус... Почему бы в нашу полосу не выдвинуть заблаговременно две-три дивизии из тыла страны? И прежде всего на левый фланг армии — для обеспечения стыка с Киевским округом?

— Как вы не понимаете, что подобными действиями можно спровоцировать войну? — раздраженно ответил Павлов. — Да и казарм у нас нет для размещения новых войск.

Я поспешил на помощь Чуйкову:

— Выдвижение в полосу армии новых дивизий можно провести весной под видом учебных сборов. С жильем тоже найдется выход: на первых порах будем строить землянки. Ведь поселили же мы таким образом 49-ю стрелковую дивизию.

— 3-я армия прикрывает на стыке с соседним округом одно из важнейших направлений — Москва—Вильно, — вступил в разговор В. И. Кузнецов. — Всем известно, что Наполеон ринулся на Москву именно от Вильно. К Вильно надо подбросить не меньше двух дивизий...

После детального уточнения, как готовиться к предстоящей игре, мы разъехались в свои штабы.

Пользуясь теплой погодой осенью 1940 г., все части армии интенсивно вели строительные работы. В округе началась полоса полевых командирских и штабных занятий и войсковых учений. Показ, как проводить учения с войсками, был организован в основных округах лично наркомом обороны Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, и в основу его был положен опыт советско-финляндской войны.

У нас в 4-й армии такое занятие по теме «Наступление стрелкового полка» состоялось на артиллерийском полигоне под Брестом. Вспоминаю, каким непривычным показалось нам пустынное поле, на котором через несколько минут должны были начаться тактические учения. Но вот эти минуты истекли, и грянула артиллерия. Под ее прикрытием к проволочным заграждениям и мишным полям (мишны были поставлены учебные) ползком подобрались саперы и стали проделывать проходы. Потом из глубоких окопов поднялась пехота и, прижимаясь к разрывам снарядов, ринулась в атаку. Вместе с пехотой шли танки и тоже вели огонь боевыми снарядами.

Подводя итоги этого учения, С. К. Тимошенко многократно подчеркивал:

— Надо учить войска действовать как на войне и только тому, что будет нужно во время войны.

Позже состоялась окружная игра на местности, о которой Павлов говорил с нами еще в сентябре. Но проходила она уже без участия наркома. Игрой руководил генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутия, назначенный незадолго перед тем заместителем начальника Генерального штаба. И надо сказать, провел он ее блестяще, создав условия, очень близкие к тем, в каких менее чем через год началась действительно война.

«Противник» сосредоточил на границе силы, значительно превосходившие войска Западного военного округа, и перешел в наступление. Приграничные армии, прикрывая сосредоточение и развертывание наших главных сил, с тяжелыми боями отходили от рубежа к рубежу к прежней государственной границе. Затем с подходом резервов из глубины страны после упорных оборонительных боев на тыловом рубеже было осуществлено контрнаступление, и «противника» изгнали с нашей территории.

Эта оперативно-стратегическая игра учила нас по-настоящему руководить войсками в обороне.

Большое значение в оперативной подготовке Советских Вооруженных Сил имело совещание высшего командного состава, проведенное в декабре 1940 г. В докладах и выступлениях на этом совещании были наиболее полно изложены наши предвоенные оперативно-стратегические взгляды. Одной из главных целей совещания являлось, по словам наркома обороны, выступившего на открытии совещания, определение того, как мы «мыслим организовать и проводить наступательную и оборонительные операции, использовать механизированные войска и авиацию и как лучше организовать всю работу по развитию военной теории и оперативной подготовке командного состава».

К концу 1940 г., несмотря на германскую дезинформацию о подготовке к вторжению гитлеровских войск на Британские острова, все отчетливее стала вырисовываться опасность вероломного нападения их на нашу Родину. К нам просачивались сведения, которые гораздо позже нашли отражение в мемуарах Гудериана. Для нас не было секретом, что Гитлер тщательно изучает деяния королей Германии, пытается подражать некоторым из них, а портрет Фридриха Барбароссы всегда носит в кармане. Его преклонение перед этим германским императором, положившим начало новому этапу в немецкой политике — «Дранг нах Остен», не могло не настораживать.

Теперь весь мир знает, что именем Барбароссы Гитлер назвал план разбойничьего вторжения в пределы Советской страны. План этот, подписанный в декабре 1940 г., фактически начал осуществляться уже летом того же года. Вкратце он состоял в следующем. Для нападения на Советский Союз создавались три мощные группировки войск. Группа армий «Север» падалась через Прибалтику на Ленинград. Группа армий «Юг» — на Киев. А для наступления на центральном, варшавско-минском стратегическом направлении предназначалась самая сильная группа армий,

«Центр». В состав последней включены были две полевые армии и две танковые группы. Общая численность входивших в нее войск превышала 50 дивизий. Непосредственно на брестском направлении вводились в действие 4-я полевая армия и 2-я танковая группа.

Разгром советских войск в Белоруссии немецкое командование планировало осуществить внезапным ударом по флангам Западного особого военного округа и «молниеносным» продвижением танковых соединений от Бреста и Сувалок на Минск. Затем полевые армии должны были уничтожить наши войска, оказавшиеся в окружении, и, используя успех танковых групп, выйти на рубеж Днепра и Западной Двины.

Таков был «план Барбаросса», о существовании которого мы тогда еще не знали. С середины 1940 г. в Красной Армии проходил процесс перестройки всей боевой подготовки применительно к требованиям уже развернувшейся второй мировой войны. Организационно начало этой перестройки было положено приказом наркома обороны «О боевой и политической подготовке на летний период 1940 г.». Требование учить войска тому, что необходимо на войне, являлось определяющим в обучении и воспитании личного состава. В условиях нарастающей угрозы войны в конце 1940 и начале 1941 г. Советское правительство приняло ряд мер по укреплению мощи наших Вооруженных Сил: стрелковые дивизии в приграничных округах переводились на новые, не столь громоздкие, как раньше, штаты, оснащались новым артиллерийским, противотанковым и стрелковым оружием; разведывательные батальоны стрелковых дивизий получили легкие танки и бронев автомобили; началось формирование механизированных корпусов и частей противовоздушной обороны; самолеты устаревших конструкций стали заменяться более современными; утвержден был план строительства новых аэродромов с бетонированными полосами.

По нашей 4-й армии реорганизация и перевооружение стрелковых дивизий были закончены к весне 1941 г. А в феврале того же года в полосу армии начал формироваться 14-й механизированный корпус, чему, однако, предшествовал ряд событий.

В конце 1940 г. неоднократные представления генерала Чуйкова о необходимости разгрузить Брестскую крепость и усилить левый фланг армии возымели наконец действие. Из крепости была передислоцирована в Слуцк 55-я стрелковая дивизия. Готовился к перемещению окружной госпиталь. На левый фланг армии, южнее Бреста, для обеспечения стыка с Киевским округом весной должна была перейти из Мозыря 75-я стрелковая дивизия. Однако и сам Василий Иванович Чуйков в середине зимы был переведен от нас.

А затем началось формирование 14-го механизированного корпуса.

Генеральный штаб предложил: одну танковую дивизию сформировать в Березе на базе брестской танковой бригады комбрига Кривошеина; там же создать и управление корпуса; другую танко-

вую дивизию развернуть из бригады, размещавшейся в Пружапах; моторизованную дивизию формировать в Пинске. Оперативная выгодность такого порядка формирования и дислокации механизированного корпуса была очевидна. Несколько оттянутой от границы, он имел бы в случае войны время на то, чтобы изготавиться к бою и нанести удар в любом направлении.

Однако командующий войсками округа имел на этот счет свое мнение. Осматривая намеченные для дислокации корпуса пункты, Павлов заявил нам:

— Не воображайте, что я позволю частям и штабам армии размещаться лучше, чем механизированному корпусу.

Вдвоем с членом Военного совета 4-й армии Ф. И. Шлыковым мы попробовали напомнить, что дислокация мехкорпуса определялась не нами, а Генеральным штабом, но это не подействовало.

— Управление механизированного корпуса сформируем в Кобрине, — сказал Павлов. — На днях к вам придет командир корпуса генерал-майор Оборин. Передайте ему под штаб часть помещений вашего армейского управления. Танковые дивизии будем развертывать из танковых бригад в местах их нынешней дислокации — в Пружанах и Бресте, а моторизованную дивизию — в Березе. Предоставьте ей казарменный фонд 42-й стрелковой дивизии, а ту переведите в Брест, в помещения, которые занимала раньше 55-я стрелковая дивизия. Разумеется, такое размещение корпуса надо считать временным, вызванным нехваткой жилого фонда. С постройкой казарм этот вопрос пересмотрим.

Павлову, вероятно, удалось убедить начальника Генерального штаба. Через несколько дней к нам поступило официальное письменное распоряжение, подтверждающее все то, что Павлов высказал устно. Нам было разрешено оставить за пределами Брестской крепости один стрелковый полк 42-й дивизии и разместить его в районе Жабинки.

Весной 1941 г. Брестский гарнизон пополнился новой стрелковой дивизией. Да находившаяся там раньше танковая бригада, развернувшись в танковую дивизию, увеличилась численно в четыре раза. Словом, в Бресте скопилось огромное количество войск. И окружной госпиталь по-прежнему оставался в крепости.

Для размещения личного состава пришлось приспособить часть складских помещений и даже восстановить некоторые форты крепости, взорванные в 1915 г. В нижних этажах казарм устранились четырехъярусные пары.

Конечно, командующий округом, размещая так войска, думал о создании для них наиболее удобств. В пунктах, указанных Генеральным штабом, частям корпуса пришлось бы ориентироваться в основном на бараки и землянки. Таким образом, хозяйственные соображения побороли у Павлова оперативные. А мы, командование 4-й армии, отнесли к такому оперативно невыгодному и даже больше того — опасному размещению войск, мягко выражаясь, примирночески.

Ф. И. Шлыков

А. А. Коробков

И как раз в это время прибыл новый командующий 4-й армией генерал-майор А. А. Коробков. Его я знал давно. Это был очень деятельный командир, быстро продвигавшийся по служебной лестнице и оставивший позади многих своих сослуживцев. В 1938 г. он командовал стрелковой дивизией, с дивизии пошел на корпус, а к весне 1941 г. стал уже во главе 4-й армии.

Новый командарм педантично исполнял волю командующего округом по размещению войск.

А войск в полосе армии все прибавлялось. Вслед за механизированным корпусом, который в апреле-мае принял основную массу личного состава и получил часть артиллерийского вооружения, был сформирован Кобринский бригадный район ПВО. Он состоял из нескольких стационарных частей, предназначенных для противовоздушной обороны Кобрина, Бреста, железнодорожных узлов и важнейших складов. Войска ПВО в состав армии не входили. Это были специальные стационарные войска, которые позже стали именовать войсками ПВО страны. Развернулось строительство десяти новых аэродромов, осуществлявшееся силами нескольких строительных и рабочих батальонов общей численностью до 30 тыс. человек.

Но немцы явно опережали нас. В майской информационной сводке Генштаба, разосланной в округа и армии, сообщалось, что в течение всего марта и апреля с Западного фронта и из централь-

ных районов Германии немецкое командование усиленно перебрасывало к границам СССР новые и новые дивизии.

Учитывая это, Генеральный штаб дал директивное указание в апреле о разработке планов прикрытия госграницы. В разработанном плане прикрытия 4-й армии говорилось: «В приграничной полосе брестского направления протяжением свыше 150 км организуют оборону на широком фронте: 28-й стрелковый корпус своими двумя дивизиями на подготавливаемых позициях в Брестском укрепрайоне; 75-я стрелковая дивизия армейского подчинения — на подготавливаемых к югу от Брестского укрепрайона полевых позициях... 14-й мехкорпус сосредотачивается в районе Каменец, Жабинка, Тевли и подготавливает контрудары на Дрохичин и Брест... 10-я авиационная дивизия готовит взаимодействие с корпусами». Каждому соединению, каждой части 4-й армии была поручена оборона определенных позиций, которые они заранее готовили. По тревоге они должны были в предельно короткие сроки занять эти позиции и стойко удерживать их.

С мая все стрелковые полки дивизий первого эшелона стали выделять по одному дежурному батальону. Этот батальон в течение одной-двух недель неотлучно находился на отведенном полку рубеже в полном боевом составе, с оружием, с боеприпасами и занимался дальнейшим усовершенствованием оборонительных позиций.

На южном крыле 4-й армии, в стыке с Киевским особым военным округом, появилась новая дивизия — 75-я стрелковая. Она выдвинулась к границе из Мозыря, поставила в лесах тщательно замаскированные палаточные городки и находилась в постоянной боевой готовности. Ее включили в состав нашей армии.

Интенсивнее пошло строительство Брестского укрепрайона. Кроме специальных строительных и саперных частей, сюда было привлечено по вольному найму 10 тыс. граждан с 4 тыс. подвод. К 1 июня здесь было закончено сооружение нескольких десятков дотов, и для них из Мозырского укрепрайона стало поступать вооружение. Оттуда в Брестский укрепрайон начали перемещаться специальные части.

К этому же времени окружные и войсковые склады пополнили свои запасы, израсходованные во время советско-финляндской войны. Было завезено горючее, боеприпасы. Не хватало, правда, снарядов для противотанковой артиллерии, не было противотанковых мин, а также проволоки для заграждений.

Развернулись работы по улучшению дорожной сети. К 1 июня на 80% была отстроена железнодорожная линия Тимковичи—Барановичи. Однако увеличить пропускную способность старых железных дорог Западной Белоруссии удалось лишь в весьма ограниченных масштабах.

Закапчивался ремонт шоссе и основных грунтовых дорог. Подверглась реконструкции большая часть мостов. Но новых шоссеиных или хотя бы грунтовых коммуникаций и рокад в полосе 4-й армии проложить не успели.

Все части армии, исключая специальные, оставались на зимних квартирах или устраивали себе палаточные лагеря поблизости от пунктов постоянной дислокации. Но зенитчики проходили окружные сборы на специальном окружном полигоне восточнее Млпска, полки полевой артиллерии в порядке очереди выводились для стрельбы на полигон под Брестом, связисты были на сборах в районе Кобрина.

А тем временем фашистский зверь уже изготовился к своему коварному прыжку. На 150-километровом фронте против 4-й армии Западного особого военного округа разворачивались основные силы 4-й немецкой армии под командованием генерал-фельдмаршала фон Клюге. Подготавливая удар в направлении Брест—Пружаны—Барановичи, она имела в своем составе 12 пехотных дивизий и одну кавалерийскую, т. е. превосходила нашу 4-ю армию более чем в три раза.

Но это еще не все. Армии фон Клюге была придана 2-я танковая группа Гудериана, состоявшая из трех корпусов, называвшихся в то время моторизованными. Как и наши механизированные корпуса, они имели по две танковые и по одной моторизованной дивизии с такой же примерно, как и у нас, штатной численностью. Следовательно, группа Гудериана превосходила оперативно подчиненный нашей армии 14-й механизированный корпус тоже в три раза.

При таком количестве соединений в 4-й немецкой армии на дивизию приходилось в среднем 7 км, в то время как на дивизию нашей армии — 22 км.

Что же касается авиации, то там соотношение сил складывается для немцев еще более благоприятно. Нашу 4-ю армию поддерживала лишь одна смешанная авиадивизия. Немецкая же 4-я армия могла рассчитывать на большую часть самолетов 2-го германского воздушного флота, поддерживавшего группу армий «Центр».

Сведения о сосредоточении у нашей границы немецких войск и вероятности их скорого вторжения доходили до нас разными путями. Время от времени мы получали информацию сверху³. С нами регулярно делились своими впечатлениями и наблюдениями погранотряд и наши подразделения, работавшие на постройке оборонительных сооружений в пограничной зоне. Им отмечалось, что немцы с каждым днем все интенсивнее проводят работы на западном берегу Буга, подтягивают к реке инженерную технику, роют траншеи, устанавливают маскировочные щиты перед открытыми участками, сооружают наблюдательные вышки и т. д.

Многое мы узнали от шпионов, задержанных при переходе границы и передаче радиограмм, от двух пойманных в Полесье

³ В последней такой информации, поступившей к нам из штаба округа 5 июня, сообщалось, что на границе Белоруссии сосредоточилось около 40 немецких дивизий, из них на брестском направлении 15 пехотных, 5 танковых, 2 моторизованные и 2 кавалерийские.

парашютистов-диверсантов, от арестованного в Гайновке содержания голубиной почты.

В наши руки попало также немало писем, найденных у задержанных в то время на границе шпионов. Приведу наиболее типичные выдержки из них.

«Вы и не подозреваете, — писал один спекулянт другому, — как близко время нашей встречи, как скоро перейдут Буг немцы. Спешите сбыть все советские деньги, закупайте в первую очередь продовольствие, ткани, кожу...»

«Скоро я вернусь... Помните, что вы головой отвечаете за целостность моего завода...», — запугивал бывший владелец предприятия своих служащих.

«Шепните наиболее надежным служащим, работающим в военном подсобном хозяйстве, организованном в моем имении, что если они сохраняют в целостности завезенное русскими имущество, то получат от меня награду...», — обращался к своему агенту какой-то помещик.

Друзья Советской власти приносили эти письма в местные партийные организации или пересылали их в армейские политорганы.

Слухи о том, что скоро придут немцы, особенно широко распространялись среди местных жителей в первой половине июня. Мука, сахар, керосин, мыло, ткани и обувь раскупались нарасхват. Владельцы частных портняжных, сапожных и часовых мастерских новые заказы принимали охотно, но выдавать заказчикам их пальто, костюмы, сапоги или часы не спешили. Особенно задерживались заказы военнослужащих.

«Секрет» был очень прост: эти хозяйчики со дня на день ожидали вторжения немцев и думали таким образом обогатиться.

В войсках это вызывало тревогу, а из округа шли самые противоречивые указания. Помню, как сейчас, недели за две до войны командующий и член Военного совета нашей армии по возвращении из Минска пригласили к себе начальника отдела политической пропаганды армии, командира механизированного корпуса, командира авиационной дивизии и меня. Нам было объявлено, что Павлов озабочен состоянием боевой подготовки войск и у него обсуждался вопрос о предстоящих летних учениях.

— Нашей 4-й армии, — сказал Коробков, — предложено провести опытное тактическое учение 22 июня в присутствии всего высшего и старшего командного состава армии. Проводить его будем на Брестском артиллерийском полигоне. К участию в нем привлекаются части 42-й стрелковой и 22-й танковой дивизий.

— А какие требования предъявляются нам в смысле боевой готовности войск? — поинтересовался я.

— Надо быстрее строить укрепленные и полевые оборонительные позиции, — не задумываясь, ответил командующий. — Для этого полкам разрешается выделять не по одному, а по два батальона одновременно. Для штаба армии, штабов корпусов и управления

команданта укрепрайона приказано немедленно оборудовать вне городов командные пункты.

— Для себя командный пункт в лесу, в нескольких километрах от Кобрина, мы уже наметили, — заявил командир механизированного корпуса генерал-майор С. И. Оборин. — Но в дивизиях у нас больше половины красноармейцев первого года службы. Артиллерийские части получили пушки и гаубицы, а снарядами обеспечены неполностью, тягачей пока еще нет. Автомашин не хватает. Наш парк еще не способен поднять весь личный состав корпуса. Штабы людьми укомплектовались, но сколоченность у них пока еще недостаточная. Словом, впереди огромная работа...

Командир авиадивизии полковник Н. Г. Белов заявил, что с 15 июня мы начнем получать новую боевую технику. Кобринский и пружанский истребительные полки получают самолеты Як-1, вооруженные пушками, штурмовой полк — самолеты Ил-2, бомбардировочный — Пе-2. Новые аэродромы будут готовы примерно через месяц. Бетонированные полосы на них уложены наполовину.

В конце этого памятного совещания выступил С. С. Рожков. Его взволнованную речь я запомнил очень хорошо и могу воспроизвести со стенографической точностью.

— Слишком благодушное настроение у нас, — заявил он напрямик. — Сосредоточение фашистских войск на границе нельзя рассматривать иначе, как подготовку к нападению на Советский Союз. Мы уже не раз имели возможность убедиться, к чему ведет сосредоточение немецкой армии у границ соседнего государства. Перед захватом фашистами Чехословакии в одном из журналов был помещен остроумный рисунок: два гражданина ведут разговор, а на заднем плане видна немецкая воинская часть. Подпись под рисунком, насколько я помню, была такая: «Зачем это немецкие войска к границе выдвинуты?» — «На случай, если произойдет конфликт». — «А если конфликта не будет?» — «То есть как это не будет конфликта, раз войска к границе подошли?..»

— И что же, по-вашему, мы должны делать? — перебил его Коробков. — Объявить мобилизацию и начать сосредоточение своих войск? Но ведь это равносильно объявлению войны. Из истории вы знаете, что мобилизация в одном государстве автоматически приводила к мобилизации в другом, ему противостоящем, и затем неизбежно возникала военная ситуация.

— Не будем затевать дискуссию по этому вопросу, — примирительно сказал Коробков. — Он не в нашей компетенции.

На том совещание закончилось.

Здесь уместно отметить, что военные ассигнования на нужды обороны в 1940 г. возросли до 56,9 млрд. руб. против 17,5 млрд. руб. в 1937 г. Среднегодовой прирост военной промышленности за первые три года третьей пятилетки составил 39% при общем росте всего промышленного производства на 13%. С января по 22 июня 1941 г. численность Вооруженных Сил возросла почти на 800 тыс. человек. В мае 1941 г. из внутренних военных округов перебрасы-

В. С. Попов

А. И. Прошляков

валось ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и 4 армейских управления; был произведен досрочный выпуск в училищах. ЦК партии, Советское правительство и Наркомат обороны предприняли в то тревожное время ряд важных мер для отражения возможного удара со стороны сосредоточенных у нашей границы войск Германии. В частности, в полосу Западного военного округа сосредотачивались войска Уральского военного округа. В это же время командующим приграничных округов было разрешено корпусу окружного подчинения вывести из тыловой полосы ближе к границе. Так, в полосу 4-й армии, в район Барановичей, начал перебрасываться по железной дороге из Бобруйска и Гомеля 47-й стрелковый корпус.

10 июня на оборонительные работы в пограничной полосе было выделено еще несколько стрелковых батальонов. Красноармейцы с 10 по 15 июня спали не раздеваясь, а большая часть командного состава ночевала в казармах. Правда, это объяснялось не столько обстановкой, сколько стремлением в максимально короткое время собраться по тревоге. А тревоги в то время командование корпуса и армии проводило еженедельно.

С 12 июня в районе Буховичей, на территории подсобного хозяйства штаба армии, связисты приступили к оборудованию армейского командного пункта. Командир 28-го стрелкового корпуса начал строить командный пункт в районе Жабинка, а командир 14-го механизированного корпуса — в лесу у Тевли.

В ночь на 14 июня я поднимал по боевой тревоге в Бресте 6-ю стрелковую дивизию. Днем раньше такую же тревогу провел в 42-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Лазаренко командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В. С. Попов. Подводя итоги этих двух тревог, мы единодушно выразили пожелание о выводе 42-й стрелковой дивизии в район Жабинки и об устройстве в стенах крепости двух-трех запасных выходов. Позже, когда наше предложение о выводе 42-й дивизии в Жабинку было отвергнуто командующим округом, Попов высказался за вывод этой дивизии в лагерь на территории Брестского артиллерийского полигона, но руководство округа воспрепятствовало этому.

14 июня было опубликовано Заявление ТАСС.

«По данным СССР, — говорилось в Заявлении, — Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой основы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям».

Это Заявление ТАСС, по-видимому, имело целью, с одной стороны, опровергнуть слухи о подготовке Советского Союза к войне с Германией и подтвердить намерение нашего правительства неуклонно соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении; с другой стороны, наше правительство рассчитывало, что немецкие правительственные круги выскажутся по поводу Заявления, подтвердят свою верность заключенному пакту и объяснят мотивы сосредоточения немецких войск у наших границ.

За несколько дней до войны по просьбе генерала Попова я еще раз предложил командующему армией поставить перед округом вопрос о выводе из Бреста в Жабинку 42-й стрелковой дивизии, но это предложение он не поддержал.

Не поддержал меня и находившийся при этом Ф. И. Шлыков.

— О бесполезности еще раз ставить этот вопрос можете судить по аналогии, — заявил он. — Несколько дней тому назад начальник отдела политпропаганды 6-й стрелковой дивизии полковой комиссар Пименов послал в Военный совет округа письмо, в котором просил разрешить дивизии занять оборонительные позиции, а семьям начсостава отправиться из Бреста на восток. И все напрасно.

— И с сооружением запасных выходов из крепости ничего не выйдет, — продолжал Коробков. — Работа эта слишком сложна и трудоемка. Ведь вопрос не только в том, чтобы пробить толстые крепостные стены. Запасные выходы из крепости требуют постройки новых мостов через каналы и крепостные рвы, наполненные водой. Такая работа по силам лишь саперному батальону, а снять сейчас батальон со строительства укрепрайона никто не

разрешит. Да и взрывчатых веществ, необходимых для такого дела, у нас, кажется, нет. Давайте спросим у Прошлякова.

Вызванный к командарму армейский инженер полковник Алексей Иванович Прошляков подтвердил, что действительно в армии взрывчатых веществ чрезвычайно мало.

А по ту сторону Буга ни на минуту не прекращалась подготовка к разбойничьему нападению на Советский Союз. В день опубликования в нашей печати Заявления ТАСС Гитлер вызвал в Берлин всех командующих армиями и группами армий и отдал им последние распоряжения. 15 июня командующий 4-й немецкой армией фельдмаршал фон Клюге и командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан возвратились к своим войскам, сосредоточенным на брестском направлении, и стали выводить их на исходные позиции. Гудериан, как и во время войны с Польшей, остался в подчинении у Клюге. Последний понимал, что самолеты Гудериана уязвены, и поручил ему командование первым эшелонем армии, в состав которого, помимо моторизованных корпусов группы, включил свой армейский корпус и ряд других частей. Этот армейский корпус должен был наступать непосредственно на Брест, а моторизованным корпусам была поставлена задача форсировать Буг по обе стороны Бреста, после чего один корпус должен был развивать наступление на Кобрин, Березу, Слуцк, а другой — на Пружаны, Барановичи.

Фашистские войска тщательно подготовились к наступлению. К местам намеченных переправ были подвезены переправочные средства. В последние перед вторжением две почти немецкие войска заняли исходное положение; артиллерия и минометы стали на позиции.

21 июня 1941 г. за Западным Бугом, от Дрохичина до Влодавы, перед полосой мирно живущих в своих городках войск 4-й армии развернулась в несколько раз превосходящая ее, закаленная в войне с Польшей и Францией 4-я немецкая армия. Соотношение сил армий видно из таблицы (см. стр. 67).

Указанное в таблице соотношение сил было фактически в несколько раз выше в пользу немецких войск. Ведь наш мехкорпус и войска ПВО еще только формировались, стрелковые дивизии состояли наполовину из новобранцев.

Вспоминая предвоенные дни, я особенно отчетливо и ярко представляю себе все то, что делал в субботу 21 июня: куда и с кем ходил и ездил, с кем встречался, о чем в этот день говорили. Утром, как обычно, я пришел в штаб, просмотрел почту и зашел к командарму.

— Начальник штаба округа сообщает, что для участия в армейском опытном учении сегодня в Брест приедут представители округа и наркома обороны, — сказал Коробков, показывая мне телеграмму из округа. — Надо встретить их и устроить. Я думал, что это учение перенесут с воскресенья на другой день. Ну, да ничего не поделаешь. Мы с начальником боевой подготовки едем сейчас на Брестский полигон и еще раз прорепетируем учение.

Предупредите командиров соединений и частей, чтобы завтра, 22 июня, к 8 часам явились на полигон.

Вскоре после отъезда командующего в Брест ко мне в штаб зашел полковник Иван Васильевич Тутаринов, начальник штаба механизированного корпуса.

Т а б л и ц а

	Немецкие войска	Советские войска	Соотноше- ние сил
Первый эшелон			
Дивизии	16,5	5	3,3:1
В них:			
людей	270,3 тыс.	50,0 тыс.	5,4:1
танков	688	235	2,9:1
орудий и минометов	4300	1301	3,3:1
Второй эшелон			
Дивизии	4	2	2:1
В них:			
людей	55,5 тыс.	18,7 тыс.	3:1
танков	135	243	1:1,8
орудий и минометов	831	258	3,2:1
Всего:			
дивизий	20,5	7	2,9:1
дивизионов усиления	40	4	10:1
людей	325,9 тыс.	68,7 тыс.	4,7:1
танков	823	478	1,7:1
орудий и минометов	5898	1611	3,6:1
боевых самолетов	1000	500	2:1

— Генерал Оборин в течение нескольких дней проверял танковую дивизию в Бресте, а я — танковую дивизию полковника Богданова в Пружанах, — рассказывал Тутаринов. — Дивизии постепенно начинают становиться дивизиями не только по названию.

Расставшись с Тутариновым, я предложил своему заместителю по политчасти батальонному комиссару А. В. Дюльдину и начальнику связи полковнику А. Н. Литвиненко поехать вместе со мной в Буховичи проверить наш командный пункт. Утро выдалось теплое. Путь пролегал по живописному берегу р. Мухавец. Яркое солнце делало залпные луга и зеленые рощи необыкновенно нарядными, праздничными. От тревожного настроения постепенно не осталось и следа.

Командный пункт располагался в пескольных закопанных в землю деревянных бараках. Вызвав с узла связи по телеграфным

С. И. Богданов

Н. Г. Белов

проводам штаб округа, а потом штабы соединений и обменявшись с округом сигналами по радио, мы с удовлетворением отметили, что командный пункт готов для управления армией. Не было связи только с Пружанами. Связисты вышли на линию устранять повреждение, а мы сели в машину и выехали в Пружанский гарнизон. Хорошо отремонтированные к тому времени шоссевые дороги позволяли ездить на самой большой скорости.

В Пружанах мы прежде всего посетили старый аэродром. Командир истребительного полка майор Н. В. Акулин доложил:

— Два дня назад полк получил два новых самолета МиГ. Все остальные — устаревшие истребители с пулеметным вооружением. Бетонированная полоса еще не готова.

На мой вопрос, когда покинул аэродром штурмовой полк, Акулин ответил:

— По распоряжению округа штурмовой полк сегодня утром в полном составе перелетел на полевой аэродром в район Высокое. У них тоже есть новинка — получили пару самолетов Ил-2.

С аэродрома заглянул в 30-ю танковую дивизию. Встретивший нас начальник штаба дивизии полковник Н. Н. Болотов сообщил, что проволочная связь с Буховичами восстановлена. Вскоре приехал и командир дивизии полковник С. И. Богданов.

— Полки дивизии проводят к юго-западу от Пружан тактические учения. — доложил он. — Вернутся в Пружаны завтра утром.

Позже я узнал, что эти учения проводились по распоряжению полковника Тутаринова, несколько дней тому назад проверившего дивизию.

Мой заместитель и начальник связи армии возвратились из Пружан в Кобрин, а я с Богдановым, одним из самых опытных танковых командиров, поехал в его части. В районе селения Поддубно мы наблюдали учение одного из танковых полков.

Под Кобрином я заглянул на старый аэродром, где дислоцировался другой истребительный полк авиационной дивизии, командовал полком майор Б. П. Сурин.

— Вчера на ст. Тевли мы выгрузили из эшелона 20 новых самолетов Як-1, — сообщил он приятную новость. — Сейчас приводим их в боевое состояние. А летчики, умеющие летать на этих машинах, приедут завтра пассажирским поездом. Кроме новых самолетов, в полку имеется 60 истребителей «чайка».

Со старого я поехал на новый кобринский аэродром и застал там командира авиационной дивизии, а также командира кобринского района ПВО.

— Как видите, взлетно-посадочная полоса почти готова, — похвалился полковник Белов. — В ближайшие дни можно будет перебазировать сюда полк Сурина.

— Этому полку везет: получает и новый аэродром, и новую технику, и надежное прикрытие, — заметил я, глядя в сторону командира района ПВО.

Реакция последнего была совершенно неожиданной.

— Вам хорошо известно, — заговорил он с пескрываемым раздражением в голосе, — что у меня, как и в войсках 4-й армии, зенитные части находятся в окружном лагере за Минском. Ни штаб армии, ни штаб механизированного корпуса, ни авиацию, ни даже себя прикрыть с воздуха в районе Кобрина мне нечем.

— Но ведь округ обещал вернуть ваши зенитные дивизионы! — возмутился я.

«Обязательно нужно еще раз доложить об этом командующему», — подумал я и, разрешив с полковником Беловым ряд частных вопросов, поехал к себе в штаб. Прибыл туда к 4 часам дня. Из штаба округа, равно как и из войск, за время моего отсутствия никаких важных сообщений не поступало.

Вскоре возвратился из Бреста и командующий армией. Я доложил ему о результатах посещения командного пункта, а также танковой и авиационной дивизий. Однако на него мой доклад впечатления не произвел. Через минуту он с увлечением стал рассказывать о своей поездке:

— Большая часть времени у меня ушла сегодня на подготовку учения. Перед началом его покажем командному составу армии новую технику: танки, артиллерию, минометы, стрелковое оружие. Ответственность за это дело я возложил на командира брестской танковой дивизии. К вечеру он должен доставить на полигон все необходимое для показа. Однако одному Пуганову будет трудно.

Пошлите ему в помощь начальника автобронеполка полковника Кабанова. Стрелковые и артиллерийские подразделения, участвующие в учениях, будут ночевать на полигоне в палатках.

— А в Бресте вы не были? — спросил я.

— Хотелось сегодня объехать все войска армии, — ответил Коробков. — С полигона направился именно в Брест, а там — прямо в крепость. Командиры дивизий и частей большого энтузиазма к завтрашнему выезду на учение не проявляют. Понять их нетрудно — замучились. По-прежнему от каждого стрелкового полка по одному-два батальона работают в пограничной зоне. Почуют всю неделю в землянках, в палатках, а тут мы еще воскресенье занимаем учениями да заседаниями всякими. Надо с этим кончать... Командиры расположенных в крепости частей показывали несколько новых наблюдательных вышек, построенных немцами за рекой. Уверяют, что по почам слышен шум моторов. Сегодня опять несколько немецких самолетов летали над нашей территорией...

Я молча слушал его, лишь изредка задавая вопросы, которые могли бы помочь мне представить истинное положение на границе:

— Генерала Пузырева не видели?

— Встречал. Управление его сегодня на рассвете переместилось из Бреста в Высокое. Шоссейная дорога туда прекрасная, и я поехал посмотреть, хорошо ли устроился комендант. Нашел я его у командира 49-й стрелковой дивизии. Пузырев доложил, что в укрепрайоне забетонировано 128 дотов. Однако в боевой готовности (с гарнизонами, вооружением и боеприпасами) находятся только 23 дота: в основном в районе Бреста и перед ст. Семятиче. Из Мозырского укрепрайона к нему пришли три специальных батальона, и он разместил их на Семятичском, Волчинском и Брестском участках. С батальонами налажена проводная связь. Каждый из батальонных участков имеет четыре—шесть готовых дотов с вооружением и гарнизонами. Доты между собой и с войсками еще не связаны.

— Командир 49-й дивизии доносил, что у него на оборонительных работах занято по два батальона от каждого полка.

— Верно, по два, — подтвердил Коробков. — Два стрелковых полка дивизии целиком размещаются у границы на правом фланге армии, а один остался вместе со штабом дивизии в Высоком. Артиллерийские полки с Брестского полигона вернулись в дивизию. Командир дивизии утверждает, что на том берегу в окопах сидят немецкие части. Сегодня в район Высокое залетали немецкие самолеты, которые, по его мнению, обнаружили перебазировавшийся сюда утром наш штурмовой авиационный полк. Полковник К. Ф. Васильев считает, что немцы накапливают силы для нападения.

— А известно ли вам, что штаб 28-го стрелкового корпуса после штабного учения остался на своем командном пункте в Жабинке и в Брест переходить пока не будет?

Е. П. Сандалова

Таня Сандалова

— Я это знал и поэтому из Высокого возвращался в Кобрин через Жабинку, думая застать там на командном пункте командира корпуса. В штабе все были на месте, а командир корпуса уехал в Брест...

К командиру зашел член Военного совета дивизионный комиссар Шлыков. Он поделился впечатлениями о поездке на левый фланг армии — в 75-ю стрелковую дивизию. Положение в этой дивизии было примерно такое же, как и в 49-й: два стрелковых полка размещались недалеко от границы, а один — со штабом дивизии. Командование дивизии зафиксировало ряд новых фактов, свидетельствовавших о выдвигении немецких войск к границе.

Подытожив результаты наших наблюдений, решили доложить о них командиру округом. Коробков стал вызывать Павлова к телефону, а мы разошлись по своим рабочим комнатам. Уходя, Шлыков сказал командарму, что он и начальник отдела политической пропаганды едут сейчас в Брест и, очевидно, заочуют там.

— При такой тревожной обстановке уезжать вам обоим не следовало бы, — возразил Коробков.

— Завтра утром все равно надо ехать туда на учения, — ответил Шлыков. — Да и едем мы не в тыл, а ближе к границе...

К 18 часам я закончил неотложные дела в штабе и направился домой. Квартира наша находилась примерно шагах в 300 от штаба.

— Тебя давно уже ждет Таня, — встретила меня возле дома жена. — Хочет, чтобы сходил с нею на речку.

И мы отправились на прогулку к р. Мухавец, протекавшей недалеко от военного городка. Такие прогулки я совершал почти каждый вечер.

Возвратился обратно около восьми часов. На руках у меня сладко спала моя двухлетняя спутница, прижимая к груди букетик полевых цветов. У самого нашего дома я встретил командарма. Он только что вышел из штаба. Разговор с командующим округом у него не состоялся.

— А с генералом Климовских поговорил, высказал ему наши опасения; он информировал меня, что и от других армий поступают аналогичные данные, — рассказывал Коробков. — Просил разрешения вывести войска на боевые участки, хотя бы дивизии Брестского гарнизона. Вместе с Беловым просили разрешения переместить самолеты на полевые аэродромы. И в том и в другом — отказал. Разрешили только назначенное на завтра опытное учение перенести на понедельник или вторник... В зависимости от обстановки. Распоряжение я уже отдал... Итак, о делах на время забудем. У меня есть одно приятное предложение: в восемь часов на открытой сцене Дома Красной Армии состоится представление артистов Белорусского театра оперетты — давайте посмотрим. Благо открытая сцена в сотне шагов.

— С удовольствием, — согласился я. — Надеюсь, спектакль Минской оперетты будет не хуже, чем концерт артистов Московской эстрады в Бресте, на который поехали Шлыков с Рожковым.

— Видал! — засмеялся командующий. — А мне-то и псевдомек, чего это они так рвущая в Брест...

Вечер 21 июня был для бойцов и командиров 4-й армии обычным субботним вечером: люди отдыхали, смотрели спектакли, кинофильмы, выступления коллективов художественной самодеятельности. А тем временем в другой 4-й армии, по ту сторону Буга, готовилось нападение. Начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментритт позже с непревзойденным цинизмом писал: «Как мы предполагали, к вечеру 21 июня русские должны были понять, что происходит, но на другом берегу Буга, перед фронтом 4-й армии и 2-й танковой группы, т. е. между Брестом и Ломжей, все было тихо. Пограничная охрана русских вела себя, как обычно. Вскоре после полуночи международный поезд Москва—Берлин беспрепятственно проследовал через Брест...».

С не меньшим удовольствием вспоминает о 21 июня 1941 г. и генерал Гудеран, стремящийся в своих мемуарах изобразить себя таким рыцарем без страха и упрека, противником варварских приемов войны.

«Тщательное наблюдение 21 июня за русскими, — пишет он, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях. Во дворе Брестской крепости, который просматривался с наблюдательного пункта, под звуком оркестра производился развод караулов. Береговые укрепления вдоль реки Буг не были заняты русскими войсками...».

Гудериану и псевдомек, что он выглядит в своих записках как главарь банды грабителей и убийц, ожидающих наступления ночи, чтобы напасть на ничего не подозревающую жертву. Его «рыцарское» сердце не только не протестовало против злодейского, без всякого повода нападения на соседнюю страну, с которой Германия была связана договором о ненападении, а, наоборот, ликовало при виде русских, не ожидавших вероломного удара.

После 19 часов генерал Пуганов сообщил мне по телефону, что за р. Мухавец, южнее Бреста, в дер. Пугачево загорелся ближайший к границе дом, стоявший на возвышенности. И как бы в ответ на это пламя пожара осветило одно из селений за Бугом на немецкой стороне.

Я доложил об этом командующему армией, но никто из нас не угадал тогда, что это значит. А ведь это был, вероятно, сигнал засланным на нашу территорию диверсантам — призыв к действию и подтверждение того, что вторжение состоится в назначенное время.

В 8 часов вечера мы с командующим и своими семьями пошли смотреть оперетту «Цыганский барон». Однако тревожная озабоченность и какое-то гнетущее чувство мешали полностью насладиться чудесной музыкой этой популярной оперетты. Особенно нервничал командующий армией. Его занимало отнюдь не развитие сюжета оперетты. То и дело он поворачивался ко мне и шепотом спрашивал:

— А не пойти ли нам в штаб?

Оперетту мы так и не досмотрели. Около 23 часов нас вызвал к телефону начальник штаба округа и передал приказание командующего округом находиться в штабе, быть «наготове». Такие же приказания были отданы и командующим других армий. Никаких особых указаний по приведению войск в боевую готовность дано не было. Командующий армией ограничился тем, что вызвал в штаб ответственных работников армейского управления.

Как же могло случиться, что, располагая в июне 1941 г. достаточно полными и достоверными данными о сосредоточении огромной немецкой армии у нашей границы и о враждебных намерениях фашистской Германии, своевременно не были приведены в боевую готовность Вооруженные Силы?

Приказом привести войска в полную боевую готовность руководители нашего государства не хотели дать повод Гитлеру для развязывания войны в крайне невыгодных для нас условиях, надеялись оттянуть войну. Однако в то же время наше правительство продолжало проводить ряд важных мероприятий, в первую очередь убыстрять темпы перевозок войск из глубины страны в полосу западных приграничных округов. А корпуса вторых эшелонов этих округов продолжали выдвигаться вперед к приграничным армиям.

На варшавско-
смоленском
направлении

Так началась война

Последнюю предвоенную ночь старший командный состав армейского управления провел в помещении штаба армии. В нервном состоянии ходили мы из комнаты в комнату, обсуждая вполголоса кризисную обстановку. Через каждый час звонили в Брестский пограничный отряд и дивизию. Отовсюду поступали сведения об изготавившихся на западном берегу Буга немецких войсках. Доносили об этом в штаб округа, но оттуда не следовало никаких распоряжений.

— Я как командующий армией имею право поднять по боевой тревоге одну дивизию. Хотел было поднять 42-ю, но посоветовался с Павловым, а он не разрешил, — сказал Коробков.

Часа в два начала действовать гитлеровская агентура. Из Бреста сообщили по телефону, что в некоторых районах города и на железнодорожной станции погас свет и вышел из строя водопровод. Через несколько минут произошла авария на электростанции в Кобрине. А еще через полчаса ко мне вошел взволнованный начальник связи армии полковник А. Н. Литвиненко и прерывающимся голосом доложил:

— Со штабом округа и со всеми войсками проволочная связь прекратилась. Исправной осталась одна линия на Пинск. Разослал людей по всем направлениям исправлять повреждения.

Для ознакомления с обстановкой на месте командарм отправил в Брест моего заместителя полковника Г. А. Кривошеева, а в Высокое и Малорита — других командиров штаба.

Примерно через час связь со штабом округа, с Брестом и с Высоким, в котором размещался комендант укрепрайона, была восстановлена. Выяснилось, что на линиях в некоторых местах были вырезаны десятки метров провода.

В 3 часа 30 минут Коробкова вызвал к телеграфному аппарату командующий округом.

Узел связи штаба армии находился в подвале. Здесь при свете керосиновых ламп собрались почти все ответственные сотрудники штаба. Командующий округом сообщил, что в эту ночь ожидаются провокационные нападения немецко-фашистских войск на нашу территорию. Но категорически предупредил, что на провокацию мы не должны поддаваться. Наша задача — только пленить прорвавшиеся немецкие войска. Государственную границу переходить запрещается.

На вопрос командующего армией, какие конкретные мероприятия разрешается провести, Павлов ответил:

— Все части армии привести в боевую готовность. Немедленно начинайте выдвигать из крепости 42-ю дивизию для занятия подготовленных позиций. Частями Брестского укрепрайона скрытно занимайте доты. Полки авиадивизии перебазируйте на полевые аэродромы.

До 4 часов командарм успел лично передать по телефону распоряжение начальнику штаба 42-й дивизии и коменданту укрепрайона. А в 4 часа утра немцы уже открыли артиллерийский огонь по Бресту и крепости.

Почти тотчас же стали поступать донесения и из других наших гарнизонов, подвергшихся нападению врага. Командиры дивизий сами объявили боевую тревогу.

О немецком артиллерийском налете, явившемся началом войны, в армейском журнале боевых действий записано следующее:

«В 4.00 22.6, когда еще только близился рассвет, во всей нашей приграничной полосе неожиданно, как гром среди ясного неба, загрохотала канонада. Внезапный артиллерийский огонь фашистов обрушился по соединениям и частям, расположенным поблизости от границы, по пунктам, где ночевали работавшие в пограничной полосе стрелковые и саперные батальоны, по подразделениям, сосредоточенным на Брестском полигоне для проведения учения, а также по заставам пограничников. Наиболее интенсивный артиллерийский огонь был сосредоточен по военным городкам в Бресте, и особенно по Брестской крепости».

Брестская крепость была буквально засыпана снарядами и минами. Это подтверждается и захваченными документами 45-й пехотной дивизии немцев, на которую возлагалась задача овладеть крепостью и которая была там разбита. Из документов видно, что огонь по крепости был открыт всей дивизионной и корпусной артиллерией. Кроме того, для участия в артиллерийском ударе привлекались из группы Гудериана девять легких и три тяжелых батареи, батарея большой мощности и три дивизиона мортир.

Для корректировки огня командование 4-й немецкой армии перед началом артиллерийской подготовки подняло на участке Влодава—Семятиче аэростаты наблюдения.

Одновременно с артиллерийским ударом немецкая авиация произвела ряд массированных налетов на наши аэродромы, местонахождение которых ей было известно.

Не могу не воспроизвести здесь непревзойденное по своему цинизму высказывание из упоминавшихся уже воспоминаний начальника штаба 4-й немецкой армии Блюментритта. Говоря о неспровоцированном нападении на войска, города и села Советского Союза, с которым Германия была связана договором о ненападении, Блюментритт пишет:

«В 4 часа вся наша артиллерия открыла огонь. И случилось то, что показалось чудом: русская артиллерия не ответила...»

В 4 часа 30 минут к командарму ворвался взволнованный командир авиационной дивизии и доложил:

— Сейчас мне звонили из Пружани, из штаба танковой дивизии. Там на наш аэродром палетело свыше 60 немецких бомбардировщиков. Много наших самолетов уничтожено. Уцелевшие перекатываются на руках в перелески и кустарники за черту аэродрома. Я приказал поднять в воздух кобрынский истребительный полк. Направляю его в Пружаны.

Не закончил еще полковник Белов своего доклада, как сильные взрывы раздались совсем поблизости. Вначале одиночные, они стремительно учащались и вскоре слились в сплошной гул.

Оперативный дежурный доложил по телефону, что вражеской бомбардировке с воздуха подвергся Кобринский аэродром.

С разрешения командарма я тут же приказал дежурному передать всем начальникам отделов немедленно оставить помещение штаба, прихватить с собой штабные документы, сосредоточиться, как было условлено заранее, в саду за штабом и ожидать машин для переезда в Буховичи. В течение нескольких минут здание штаба опустело. Это спасло многих наших людей. Прежде чем оставить штаб, я со своими заместителями наскоро просмотрел содержание сейфов и наиболее важные документы передал им для хранения в портфелях. Времени было мало, каждую минуту вражеские самолеты могли появиться над зданием штаба. Когда мы открыли последний сейф, раздался телефонный звонок. Я снял трубку. Дежурный штаба механизированного корпуса докладывал, что над зданием штаба корпуса при полете немецкой авиации сброшено несколько бомб, здание разрушено. Управление корпуса понесло потери, личный состав группами уезжает из Кобрина на командный пункт в лес, в район Тевли. В это время дежурный по штабу армии, находившийся перед зданием штаба на улице, крикнул мне в открытое окно, что от Кобрина к военному городку летят самолеты. Я и находившиеся со мною в комнате командиры опрометью бросились из штаба и, отбежав метров сто, залегли в канаву. Рядом со мной оказался мой заместитель полковник Долгов с последней полученной по Бодо телеграммой из штаба округа в руках.

Над нами появилась эскадрилья вражеских бомбардировщиков, которые с малой высоты стали сбрасывать на здание штаба 500-килограммовые бомбы. Страшные взрывы потрясли воздух, и на наших глазах здание штаба стало разваливаться. Осколки бомб и кирпича летели к нам в канаву и через нас. За первой волной

бомбардировщиков шла вторая... А мы лежали в канаве, лишённые возможности что-либо предпринять. Зенитных средств при штабе не было. Эта страшная для меня первая картина войны до мелочей запечатлелась в памяти. Позже мне не раз приходилось встречаться с командирами, которые вместе со мной видели этот налет на штаб 4-й армии и, как и я, скрежетали зубами, чувствуя свою беспомощность.

Одновременно с бомбардировкой штаба несколько эскадрилий немецких самолетов бомбили другие объекты военного городка, в том числе жилые дома. К счастью, большинство семей начсостава, захватив самое необходимое, покинуло свои квартиры сразу же, как только начался налет на Кобринский аэродром.

Когда самолеты улетели, мы установили, что среди нас нет четверых работников штаба. Они не успели выбежать из здания и погибли под его развалинами. Фамилии троих я запомнил. Это были помощник начальника отдела политпропаганды по комсомольской работе старший политрук Никита Иванович Горбенков, инструктор отдела партучета, тоже старший политрук Валентин Семенович Курский и инструктор политотдела младший политрук казах Файзулла Турумов¹. Во время налета вражеской авиации они складывали в ящик партийные и комсомольские документы и при выносе ящика рухнувшей стеной были задавлены насмерть. В домах начсостава погибло пять семей. Кроме того, до двадцати военнослужащих и членов их семей получили ранения. Это были первые известные мне жертвы войны.

Мой заместитель полковник И. А. Долгов доложил только что принятую телеграмму из округа. В ней воспроизводилась директива Москвы:

«1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий. 2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить внезапный удар немцев или их союзников».

Мне подумалось: «А ведь мы не верили, что может начаться война, пока не увидели своими глазами развалины здания штаба армии, пока не услышали о гибели близких нам людей, все продолжали надеяться, что это еще не война. Мы охотно поверили в то, что какие-то враждебные силы затеяли небывалую провокацию и что если на нее не поддаваться, можно еще избежать войны».

Эти мои раздумья прервал А. А. Коробков.

¹ Он незадолго до войны прибыл к нам из Казахстана, где заведовал кафедрой в Педагогическом институте имени Абая.

И. А. Долгов

В. Н. Семенов

— Поедемте в Буховичи, — сказал командующий, — узнаем, какая обстановка в Бресте, и доложим в округ, что началась война. Дайте указания об эвакуации семейств начальствующего состава.

Потом он повернулся в сторону заместителя начальника отдела политической пропаганды полкового комиссара В. Н. Семенова:

— Думаю, что следует оповестить о случившемся партийные и советские органы до линии Кобрин—Пружаны и подсказать им, чтобы тоже начали эвакуацию...

В половине шестого, перед отъездом в Буховичи, я решил взглянуть на дом, в котором жил. Его коробка уцелела, но крыша и внутренние перегородки являли жалкое зрелище, лестница обвалилась.

Ни в нашем, ни в соседнем доме никого не было. Своих соседей я встретил лишь за воротами городка, в кустах между шоссе и р. Мухавец. Там собралось много семей начсостава. У женщин — осунувшиеся лица, на глазах слезы. Разговаривают вполголоса. Большинство одеты кое-как. Почти все с узелками в руках. Чемоданов я ни у кого не заметил.

— Не видел ли кто мою жену? — осведомился я.

— Елизавете Павловне с дочкой и бабушкой удалось сесть на какую-то попущую грузовую машину, — сказала одна из женщин.

— С ними вместе и семья полковника Белова, — заговорила другая. — Машина шла, кажется, в Барановичи.

— Уехали в чем были. Только сверточек с едой успели захватить, — добавила третья.

— А что нам делать? — спрашивали все.

Как ответить на этот вопрос? Конечно, всем нужно немедленно эвакуироваться в тыл. Но на чем, какими средствами? Пообещал прислать за ними грузовые машины из Буховичей, которые повезли туда имущество штаба армии. Эти машины, по нашему плану, должны были в случае войны перевозить семьи начсостава на ст. Кобрин для эвакуации по железной дороге.

В Буховичах, в 7 км северо-восточнее Кобрина, куда штаб армии переехал около 6 часов, проволочная связь имела лишь с Кобрином, Пружанами и Пинском.

— Связь со штабом округа потеряли всего несколько минут назад, — доложил оперативный дежурный. — В последний момент получена телеграмма от командующего округом.

Эта депеша была краткой, но уже более определенной: «Ввиду обозначившихся со стороны немцев массовых военных действий приказываю поднять войска и действовать по-боевому».

Я обратил внимание на время отправления телеграммы. На ленте было отбито: 5 часов 25 минут.

— Вот пришла настоящая война, — сказал Коробков. — Откровенно признаюсь, что даже после уничтожения немецкой авиацией здания нашего штаба я не терял надежды на то, что военные действия имеют ограниченный, локальный характер. Вот вы мне сказали, что не могли попасть в свою квартиру, так как она завалилась в результате попадания в дом бомбы. А я заходил в свою квартиру... Жена и дочь эвакуировались, но все вещи остались на месте. Как будто хозяева ушли на прогулку. Я почти ничего не взял из вещей. Где-то в глубине сознания оставалась мысль, что в результате переговоров военные действия прекратятся, рассеются как дурной сон, и мы возвратимся в свои дома. Война пришла в крайне невыгодное для нас время. Я с группой командиров еду к Бресту, в войска, а вы оставайтесь здесь и устанавливайте связь с войсками и округом.

После отъезда командарма полковник Г. А. Кривошеев рассказал мне, что он застал в Бресте в 4 часа, когда прибыл к генералу Попову с документом, уточнявшим задачи корпуса в случае объявления боевой тревоги.

— Электрического света в городе не было, — говорил Кривошеев. — Командир корпуса стал читать переданную мною бумагу при свете керосиновой лампы. Но не успел он дочитать ее до конца, как Брест подвергся сильному артиллерийскому палету. Попов едва успел объявить по телефону боевую тревогу войскам корпуса, как связь оборвалась.

Ко мне все время заходили командиры штаба, и я то и дело отвлекался. Но хотя внимание мое и раздваивалось, до конца выслушал рассказ Кривошеева.

— В штаб 6-й стрелковой дивизии, — рассказывал он, — ехать было очень опасно. На улицах кругом рвались снаряды. Однако добрался невредимым. Там я узнал, что железнодорожный узел в Бресте выведен из строя и что самолеты истребительного звена на окраине Бреста уничтожены артиллерийским огнем. Из Бреста я выехал около 5 часов. Обстрел города к этому времени усилился. Многие здания горели. В Жабинке я заехал на командный пункт 28-го корпуса. Незадолго до моего прибытия его бомбила немецкая авиация. Потери в личном составе небольшие, но связь с войсками прервана. Во время этого налета в Жабинке выведена из строя железнодорожная станция и сожжена нефтебаза.

Картину дополнил возвратившийся из Высокого наш делегат связи. Он сообщил, что полковник Васильев под вражеским артиллерийским огнем собирает части дивизии по тревоге и вот-вот выступит к границе. Комендант укрепрайона заверил нашего делегата, что все построенные доты приведены в боевую готовность. По его словам, самолеты штурмового полка в районе Высокое сожжены вражеской авиацией.

Делегат связи из Малорита доложил, что как только немцы открыли огонь, в 75-й дивизии была объявлена тревога и два полка уже выдвигаются на оборонительные позиции к Бугу.

О том, что и как происходило в первые часы войны на пограничных заставах и в наших войсках первого эшелона, мы имели тогда весьма смутное представление, так как связь с ними нарушилась через 10—15 минут после объявления тревоги. Говоря об этом теперь, я вынужден опираться на сведения, полученные гораздо позже от самих участников пограничных боев, а частично из архивов.

В Музее пограничных войск СССР хранятся любопытные документы Брестского погранотряда, которым перед войной командовал майор Алексей Петрович Кузнецов. В документах записано, что в тихую звездную ночь на 22 июня на 17 линейных заставах (из 20) до 3 часов 30 минут ничего подозрительного замечено не было. Но с двух застав южнее Бреста все время следовали донесения, отмечавшие интенсивное передвижение за Бугом немецких танков, автомобилей и каких-то подразделений на конной тяге. А еще на одной заставе произошло событие чрезвычайной важности: ровно в час 22 июня западнее Волчина переплыл Буг перебежчик и заявил, что в 4 часа Германия нападет на СССР. Начальником этой заставы была объявлена боевая тревога и тотчас же послано донесение коменданту участка, а через него и командиру пограничного отряда. Командир отряда сообщил о перебежчике в Белосток, в штаб погранвойск Белоруссии, и отдал приказ всем заставам: держать под ружьем до 75% личного состава. В штаб армии эти данные не попали из-за нарушения связи. Дошли ли они до штаба округа, сказать затрудняюсь. Впрочем, справедливости ради, следует отметить, что если бы даже показания перебежчика и стали своевременно известны командованию армии и округа, они едва ли существенно повлияли бы на дальнейшее развитие событий.

А события развивались так.

Минут за 5—10 до начала артиллерийского налета немецкие войска захватили переправы через Буг. Таких переправ в полосе 4-й армии, как я указывал выше, было шесть: два железнодорожных моста (в Бресте и в Семятиче) и четыре автомобильно-гужевых. Железнодорожный мост у Бреста был захвачен десантом, высаженным из бронепоезда. А для захвата моста у Коденя фашисты прибегли к еще более коварному приему. Около 4 часов они стали кричать со своего берега, что по мосту к начальнику советской погранзаставы сейчас же должны перейти немецкие пограничники для переговоров по важному и не терпящему отлагательств делу. Наши ответили отказом. Тогда с немецкой стороны был открыт огонь из нескольких пулеметов и орудий. Под прикрытием огня через мост прорвалось нехотное подразделение. Советские пограничники, несшие охрану моста, пали в этом неравном бою смертью героев. Вражеское подразделение захватило мост, и по нему на нашу сторону проскочило несколько танков.

Восстановить точную картину захвата остальных четырех переправ мне не удалось.

Но кроме мостовых переправ, немцы использовали и другие средства: броды, лодки, плоты. Отдельные небольшие группы танков, снабженных приспособлениями, прошли на восточный берег реки по ее дну, под водой.

Помещения пограничных застав и огрытые на подступах к ним окопы были, как видно, отлично разведаны немцами. Враг сразу накрыл их огнем своей артиллерии. Пограничники понесли огромные потери еще до того, как гитлеровские войска перешагнули через Буг.

Из войск первого эшелона 4-й армии больше всего пострадали те, что размещались в цитадели Брестской крепости, а именно: почти вся 6-я стрелковая дивизия (за исключением гаубичного полка) и главные силы 42-й стрелковой дивизии, ее 44-й и 455-й стрелковые полки.

Я не имею здесь возможности рассказать подробно о героических боях в Брестской крепости. Приведу только два очень интересных документа.

Один из них — краткий боевой отчет о действиях 6-й стрелковой дивизии в первые часы фашистского нападения. В отчете сообщается:

«В 4 часа утра 22.6 был открыт ураганный огонь по казармам и по выходам из казарм в центральной части крепости, а также по мостам и входным воротам крепости и домам начсостава. Этот налет вызвал замешательство среди красноармейского состава; комсостав, подвергшийся нападению в своих квартирах, был частично уничтожен. Уцелевшая же часть комсостава не могла проникнуть в казармы из-за сильного заградительного огня... В результате красноармейцы и младший комсостав, лишённые руководства и управления, одетые и раздетые, группами и поодиночке самостоя-

тельно выходили из крепости, преодолевая под артиллерийским, минометным и пулеметным огнем обводный канал, р. Мухавец и вал крепости. Потери учесть было невозможно, так как личный состав 6-й дивизии смешался с личным составом 42-й дивизии. На условное место сбора многие не могли попасть, так как немцы вели по нему сосредоточенный артиллерийский огонь. К этому следует добавить, что перед артиллерийским палетом начала активно действовать «штыкая колонна». В городе и крепости внезапно погас свет. Телефонная связь крепости с городом прекратилась. Некоторым командирам все же удалось пробраться к своим частям и подразделениям в крепость, однако вывести подразделения они не смогли и сами остались в крепости². В результате личный состав 6-й и 42-й дивизий, а также других частей остался в крепости в качестве ее гарнизона не потому, что ему были поставлены задачи по обороне крепости, а потому что из нее невозможно было выйти. Материальная часть артиллерии гарнизона крепости находилась в открытых артиллерийских парках, и поэтому большая часть орудий была уничтожена. Почти все лошади артиллерийского полка 6-й дивизии, артиллерийских и минометных подразделений стрелковых полков 6-й и 42-й дивизий находились во дворе крепости, у коновязей, и почти все были уничтожены. Машины автобатальонов обеих дивизий и автомашины других частей стояли в объединенных открытых автопарках и сгорели при палете немецкой авиации. . .»

А вот другой документ: донесение заместителя командира по политической части той же 6-й стрелковой дивизии полкового комиссара М. Н. Бутина:

«В районе сосредоточения по тревоге из-за беспрерывного артиллерийского обстрела, внезапно начатого врагом в 4.00 22.6 41 г., части дивизии компактно выведены быть не могли. Красноармейцы и командиры прибывали поодиночке в полураздетом виде. Из сосредоточившихся можно было создать максимум до двух батальонов. Первые бои осуществлялись под руководством командиров полков товарищей Дородных (84 сп), Матвеева (333 сп), Ковтуненко (125 сп). Материальную часть артиллерии стрелковых полков вывести не удалось, так как все было уничтожено на месте. 131-й артиллерийский полк вывел 8 орудий 2-го дивизиона. . . Неприкосновенные запасы, находившиеся в складах, почти целиком оставались в крепости. . .»

Несколько счастливец сложилась судьба 22-й танковой дивизии, которая тоже входила в первый эшелон войск 4-й армии, но располагалась за р. Мухавец, южнее Бреста, в 3—4 км от границы. В 4 часа утра, как только открыла огонь вражеская артиллерия,

---

² Как описывает С. С. Смирнов в книге «Брестская крепость», командир 44-го стрелкового полка 42-й дивизии майор П. М. Гаврилов прорвался к своим подразделениям в цитадель крепости, а вернуться оттуда в полк не смог.

В. П. Пуганов

А. Я. Калягин

командир этой дивизии генерал В. П. Пуганов, не дожидаясь распоряжений сверху, самостоятельно объявил боевую тревогу и направил к Бугу для прикрытия границы дежурные танковые подразделения. В первые часы войны дивизия потеряла значительную часть своей техники. Танки и артиллерия, не выведенные из парков, в результате вражеской бомбардировки с воздуха оказались под развалинами. Автомобили и автоцистерны, сосредоточенные на открытых площадках, были уничтожены артогнем. Попытки вывести технику из-под обстрела стоили жизни многим командирам и красноармейцам. В числе других погибли при этом заместитель командира дивизии по политической части полковой комиссар Алексей Алексеевич Илларионов и помощник по технической части командира дивизии военинженер 2-го ранга Ефим Григорьевич Чертов. Но по сравнению с другими соединениями первого эшелона армии потери в личном составе здесь были гораздо меньше. После сбора дивизии по тревоге на берег Буга был выдвинут и весь мотострелковый полк, который вместе с дежурными танковыми подразделениями успешно противодействовал переправлявшимся через реку войскам противника.

Южнее городка 22-й танковой дивизии, на Брестском артиллерийском полигоне, ночевали в палатках подразделения 28-го стрелкового корпуса, готовившиеся к опытным учениям. Там же располагались закончившие плановые стрельбы 204-й гаубичный полк 6-й стрелковой дивизии и 455-й корпусной артиллерийский полк.

По рассказам командиров штаба армии, находившихся вместе с ними в момент открытия немцами по полигону огня, там почти все решили, что произошла какая-то неувязка с началом учений. Предпринимались даже попытки с помощью ракет и звуковых сигналов приостановить артиллерийскую стрельбу. Но когда люди увидели, что сигналы эти никак не воспринимаются и огонь по полигону не прекращается, а, наоборот, все усиливается, до них дошел, наконец, весь страшный смысл случившегося. Позже эти части и подразделения действовали на стыке между 22-й танковой и 75-й стрелковой дивизиями, а затем без особых потерь присоединились к своим соединениям.

Еще меньшие потери понесла располагавшаяся на левом фланге армии 75-я стрелковая дивизия, части которой оказались на наибольшем удалении от границы. А в правофланговой 49-й стрелковой дивизии от внезапно открытого вражеского огня пострадали главным образом стрелковый полк и некоторые специальные подразделения, дислоцированные в районе Немпрув.

После 5 часов 22 июня сопровождаемые авиацией войска танковой группы Гудериана и другие войска 4-й немецкой армии под прикрытием артиллерийского огня приступили на брестском направлении к форсированию Буга и вторжению в пределы нашей Родины. Для корректирования артиллерийского огня немцы использовали привязные аэростаты; переправа через реку на некоторых участках маскировалась дымовыми завесами.

Неожиданный налет авиации и массированный артиллерийский огонь по нашим известным немецкой разведке объектам, сама внезапность нападения создавали весьма благоприятные условия для германского командования. Большинство самолетов авиационных дивизий первой линии советских приграничных округов было сожжено.

Полностью отмобилизованным и заблаговременно изготовившимся фашистским армиям, обладавшим двухгодичным боевым стажем, противостояли за приграничным рубежом советские войска, находившиеся в процессе крупной реорганизации и перевооружения, размещавшиеся частью в пунктах дислокации, частью в лагерях, частью находившиеся на работах.

Как пишет в своих воспоминаниях Гудериан, такие выгодные для разбойничьего нападения условия порождали у командования 4-й немецкой армии мысль начать «Дранг нах Остен» победным маршем без артиллерийской подготовки. Тем более что на брестском направлении была сосредоточена большая часть сил и средств самой сильной немецкой группы армий и создано более чем тройное превосходство в войсковых соединениях и пятикратное в живой силе.

Однако победного марша на восток даже после внезапно нанесенного мощного артиллерийского и авиационного удара не получилось. Советские бойцы и командиры беззаветно сражались за свою социалистическую Родину.

Вплоть до 7 часов ожесточенные бои кипели поблизости от переправ через Буг. К 7 часам немецкие войска с юга ворвались в Брест, но крепость, железнодорожный узел и вся северная часть города оставались в наших руках. Находившиеся в Бресте артиллерийские полки, в частности 447-й корпусной полк под командованием полковника А. А. Маврина и 131-й под командованием майора В. С. Губанова, открыли огонь по войскам противника, переправлявшимся через Буг, и нанесли им весьма ощутимый урон. Артиллерийским огнем из крепости было полностью прекращено движение врага по железнодорожному мосту. На нем остался подбитый бронепоезд.

В это же примерно время блестяще проявил себя 44-й танковый полк, во главе которого стоял замечательный командир майор Иван Дмитриевич Квасс. Выдвинувшись к Бугу между крепостью и селением Кудень, он вовремя пришел на помощь мотострелковому полку своей 22-й танковой дивизии. Тесно взаимодействуя друг с другом, эти два полка смяли переправившиеся через реку немецкие части и остатки их отбросили за Буг. Особенно отличился тогда батальон капитана С. И. Кудрявцева: ему удалось потопить вражеский десант, следовавший на 12 лодках по р. Мухавец, в обход Бреста с юга. Тяжело раненый Кудрявцев был эвакуирован в Кобрин.

Героически сражались бойцы и командиры Брестского пограничного отряда. Большинство из них пали смертью храбрых. Вместе с подразделениями укрепленного района и работавшими там батальонами стрелковых дивизий пограничные заставы неоднократно отбрасывали вражеские передовые части за Буг.

В первые часы вражеского вторжения младший политрук 6-й заставы Леонид Максимович Шульгин с пятью пограничниками, вооруженными станковым пулеметом и автоматами, отбивались в районе 6-й заставы — западнее Мотыкалы — от наступавших со всех сторон фашистов. Во время боя двое пограничников были убиты и двое тяжело ранены.

Среди последних был и Шульгин. В разгаре боя к оставшимся в живых пограничникам присоединилась жена Шульгина, Ольга Васильевна, также раненная.

— Хочу умереть вместе, — сказала она мужу. — Лучше смерть, чем гитлеровский плен³.

Местные жители, свидетели трагической развязки этого боя, похоронили Шульгиных в общей могиле.

К 10 часам утра войска Гудермана ценой огромных потерь продвинулись на 2—3 км от границы. Но половина Бреста и крепость все еще находились в наших руках. На левом фланге части 75-й дивизии сдерживали врага вблизи Буга. Из 49-й стрелковой дивизии поступали отрывочные и противоречивые сведения.

³ Музей пограничных войск СССР, д. 1011, л. 3.

Вскоре у меня состоялся телефонный разговор с командующим. Он звонил из 28-го стрелкового корпуса. В сообщении его неприятное перемежалось с приятным. Голос звучал твердо:

— Наши войска, особенно танковые и артиллерийские части, понесли большие потери от вражеской авиации. Уцелевшие истребители с Кобринского аэродрома во главе с командиром полка вылетали к Бресту и уничтожили там несколько немецких самолетов. После этого уже в течение целого часа немцев в воздухе нет... Силами размещенных в Жабинке 459-го стрелкового и 472-го артиллерийского полков 42-й стрелковой дивизии оборудуется тыловой оборонительный рубеж. Часам к двенадцати в рошу северо-западнее Жабинки подтянется из Пружан танковая дивизия Богданова. Пожалуйста проверьте, как там дела.

— Передовой отряд дивизии Богданова к девяти часам уже достиг Поддубно, — доложил я командарму в свою очередь. — Командир 123-го истребительного авиационного полка майор Сурин возвратился на Кобринский аэродром тяжело раненным и скончался, не выходя из самолета⁴. Как в кобринском, так и в пружанском истребительных полках осталось всего по 10—12 самолетов. С округом и с соседней армией никакой связи нет, посылаю делегатов. Что делается в 49-й стрелковой дивизии, неясно...

— У нас здесь ходят слухи, что противник, прорвавшись между Высоким и Брестом, распространяется на Видомль, — перебил меня Коробков. — Посезжайте сами в дивизию Васильева, узнайте, что там делается, и свяжите его с Богдановым.

И вот я с группой командиров уже держу путь в Высокое. Обе наши машины то и дело подвергаются нападению вражеских самолетов, и мы вынуждены съезжать с шоссе, маскироваться в лесу.

Подъезжая к Жабинке, увидели, как фашистские бомбардировщики волна за волной на небольшой высоте устремились к Кобрину. Навстречу им вылетели две небольшие группы наших истребителей. Одна из этих групп в составе четырех самолетов И-153 («чайка») сбила два фашистских бомбардировщика и смело вступила в бой с вражескими истребителями⁵.

---

⁴ В краткой боевой истории 123-го истребительного авиационного полка записано: «За первый день войны летчики полка сбили 30 фашистских самолетов... В неравном бою погиб командир полка майор Сурин Борис Николаевич, который провел в этот день четыре воздушных боя и лично сбил три самолета противника».

⁵ В боевой истории 123-го истребительного авиационного полка этот случай описан так: «22.6.41 г. четыре истребителя — капитан Мажаяев, лейтенанты Жидов, Рябцев и Назаров — вступили в бой с восемью Ме-109. Самолет л-та Жидова был подбит и пошел на снижение. Три фашиста, видя легкую добычу, стали сверху его атаковать, но к-н Мажаяев, прикрывая выход из боя л-та Жидова, меткой пулеметной очередью сразил одного «мессершмитта»; второй фашист был перехвачен л-том Жидовым и подожжен. В конце боя у л-та Рябцева был израсходован весь боекомплект, но Рябцев, не считаясь с опасностью для жизни, повел свой самолет на противника и таранным ударом заставил его рухнуть на землю. В этом бою было сбито три фашистские машины, а с нашей стороны потеряна одна».

Когда мы прибыли на командный пункт полковника Васильева, он доложил, что 49-я стрелковая дивизия продолжает удерживаться вблизи границы. Но за левым ее флангом, там, где оборонялись отдельные батальоны 28-го стрелкового корпуса, противник прорвался на Мотыкалы.

Я ознакомил Васильева с общей обстановкой в полосе армии, объяснил, как ему связаться с Богдановым, и направился в лево-фланговый 15-й стрелковый полк. Около 11 часов мне удалось добраться туда. Полк оборонялся на рубеже Немпурв — Волчин и нес большие потери. Утомленные, осунувшиеся, с запыленными лицами и воспаленными глазами, командиры и бойцы этого полка героически отражали натиск врага, превосходившего их по численности более чем в шесть раз.

В 15-м стрелковом полку я впервые по-настоящему видел начало Великой Отечественной войны. Там состоялось мое боевое крещение. Бесперывные налеты вражеской авиации по нашим войскам и плотный артиллерийско-минометный огонь противника прижимали подразделения полка к земле, заставляя их глубже зарываться в землю. Стоял оглушающий гул от разрыва бомб и снарядов.

— Да, это не похоже на гражданскую войну, — подумал я, — пробираясь перебежками на полковой КП.

— Нас атакуют и пока что безуспешно две вражеские дивизии, — докладывает хорошо знакомый мне командир полка майор Константин Борисович Нищенков. — К сожалению, час назад в двух пунктах между Волчином и Брестом немцам удалось прорвать оборону наших соседей, захватить Мотыкалы и двинуться дальше.

Позже мы узнали, как был осуществлен этот прорыв на Мотыкалы. Войска Гудермана, пожалуй, впервые на советской территории, применили там этот позорный варварский прием. После нескольких безуспешных атак они собрали местных жителей — женщин, детей, стариков — и под угрозой расстрела погнали их впереди себя. . . ⁶

Возвращаясь из полка, я опять заехал на командный пункт полковника Васильева. Там уже был делегат связи из 30-й танковой дивизии.

— Около 11 часов, — доложил он, — немецкие танки прорвались от Мотыкалы к Видомлю и завязали бой с передовыми частями нашей дивизии.

Я посоветовал Васильеву направить несколько подразделений с противотанковой артиллерией на рубеж Волчин—Видомль, закрыть разрыв между его и танковой дивизиями и помочь последней контратаковать прорвавшиеся войска противника.

— В Видомль придется добираться в обезд через Каменец, иначе можно наскочить на противника, — предупредил меня делегат связи, чувствуя, что я тоже собираюсь побывать там.

⁶ В Музее пограничных войск СССР находится много показаний об этом злодеянии над жителями Немпурского района.

— А не лучше ли воспользоваться для этого вашим гапком? — сказал я. — Двинемся туда вместе. Я ведь тоже в некотором роде танкист: лет шесть назад был начальником штаба механизированного полка в кавалерийской дивизии. А легковые машины пусть идут в объезд.

В пути мы несколько раз останавливались и наблюдали из танка встречный танковый бой. Противник овладел уже селением Видомль, и бой шли на подступах к Пилищам. Передний край нашей обороны отчетливо обозначался немецкой авиацией: она кружила над полем боя и отвесным пикированием показывала, где находятся наши танки.

Пришлось обогнуть Видомль с севера и направиться к Пилищам. Делегат связи рассказал мне о своей дивизии.

— Танковые полки после учения почевали в лесу юго-западнее Пружан. В 4 часа были подняты по боевой тревоге и возвратились в военный городок. Около 7 часов головной танковый полк выступил в направлении Поддубно, Видомль. Вслед за ним пошли второй танковый полк и подразделения мотострелкового полка, обеспеченные автотранспортом. С полками следуют артиллерийские подразделения, у которых есть снаряды. Большая часть личного состава дивизии, не обеспеченная автотранспортом, а также артиллерийский полк, еще не получивший снаряды, оставлены на месте для обороны Пружан. При выступлении дивизия имела в строю около 120 танков Т-26. Сейчас их меньше, так как на марше почти все подразделения понесли потери от авиации противника.

В 12 часов 30 минут мы прибыли в Пилищи. И как раз в этот момент, прямо на наших глазах, развернулись для боя и пошли в атаку главные силы обоих танковых полков 30-й танковой дивизии. Враг не выдержал этой стремительной атаки и опять откатился к Видомлю. Это были части 17-й и 18-й танковых дивизий 47-го моторизованного корпуса немцев.

— Если бы нам в каждый полк хотя бы по десятку новых танков с их 76-мм пушкой! — говорили танкисты. — Дали бы мы немцам жару!

Отдав необходимые указания командиру 30-й танковой дивизии, а главное, увидев своими глазами, что происходит на фланге армии, я пересел в свою машину, только что добравшуюся сюда, и через Жабинку поехал в Буховичи. Железнодорожные пути на ст. Жабинка были завалены разбитыми и сожженными вражеской авиацией вагонами, вокзал был разрушен. С брестского направления доносилась артиллерийская канонада. Самолеты противника непрерывно штурмовали войска, спешно оборудовавшие под Жабинкой новый оборонительный рубеж. По всем дорогам и тропам тянулись вереницы уходившего в тыл гражданского населения. Время от времени на дорогах появлялись разрозненные группы и даже мелкие подразделения военнослужащих. Их направляли в ближайшие части 28-го стрелкового корпуса.

На командном пункте корпуса проволочная связь поддерживалась только с 42-й стрелковой дивизией и со штабом армии. Но обстановку здесь знали неплохо. Мне сообщили, что сохранившиеся части 6-й и 42-й стрелковых дивизий под натиском трех-четырёх вражеских пехотных дивизий с танками, а также наша 22-я танковая дивизия, атакующая силами не менее двух немецких танковых дивизий, оттеснены на 5—7 км от границы⁷.

С узла связи корпуса мне удалось переговорить с командармом. Доложил ему о всем виденном на правом фланге армии и новые данные о боях на брестском направлении. Он приказал поторапливаться с выездом в Буховичи.

Выехав на Варшавское шоссе, я все время вынужден был обгонять одиночные машины и колонны грузовиков с имуществом, эвакуируемым из Бреста. Люди, сопровождавшие груз, напряженно наблюдали за небом и при появлении вражеских самолетов отчаянно стучали по кабине водителя, требуя, чтобы машина съезжала с шоссе в лес. По лесным дорогам и обочинам шоссе двигались подводы с сейфами и архивами партийных и советских учреждений. Время от времени встречались здесь и группы только что мобилизованных граждан, сопровождаемые представителями военкоматов. Но гораздо больше было беженцев — стариков, женщин, детей. Все с узлами, котомками, сумками. Некоторые везли свои вещи на велосипедах. Смертельно уставшие, с осунувшимися лицами, они молча двигались к Кобрину, прячась под деревьями и в кустах от вражеской авиации.

На командный пункт армии в Буховичах я возвратился около 14 часов. Со штабом округа и с соседней армией связи по-прежнему не было. Командующий сообщил:

— Часа два назад немецкая авиация разбомбила два окружных артиллерийских склада: в лесу восточнее Березы и в районе Пинска. Где мы теперь будем получать боеприпасы?

От ответа на этот очень трудный вопрос меня избавило появление командира авиационной дивизии. Он доложил о новых неприятностях:

— Только что поступили сведения о бомбардировке аэродрома в Пинске. Большая часть базировавшихся на нем наших бомбардировщиков сгорела. Командующий авиацией фронта приказал посадить на этот аэродром все уцелевшие самолеты кобрянского и пружанского авианолков после их очередного вылета к Бресту. Туда же я перехожу и сам со штабом дивизии.

— С переходом дивизии в Пинск всякая связь с вами будет потеряна, — заметил я. — А почему бы вам не перебазировать сохранившиеся самолеты в район Барановичей или Слуцка?

— В Барановичах аэродром разрушен, а в Слуцке подготовленного аэродрома и раньше не было, — возразил Белов. — Так что,

⁷ Данные эти впоследствии подтвердились. Здесь по нашим войскам наносили удар 3-я и 4-я танковые дивизии 24-го моторизованного корпуса группы Гудериана, а также пехотные дивизии 12-го немецкого армейского корпуса

кроме Пинска, деваться нам некуда. Там, по крайней мере, имеются горючее и боеприпасы.

Командарм поддержал Белова. Но не успели мы распрощаться с ним, как привезли начальника отдела политической пропаганды армии Рожкова. За истекшие сутки он сильно изменился. Каким-то незнакомым мне хриплым голосом Рожков доложил командарму, что в полдень он находился на командном пункте 6-й стрелковой дивизии и во время очередного налета немецкой авиации ему повредила ногу каменная глыба от развалившегося дома.

— А где вы были с утра? Куда девался Шлыков? — начал расспросы командарм.

— Ночевали мы с Федором Ивановичем в брестском Доме Красной Армии, — ответил Рожков. — Разбудила нас артиллерийская канонада. Шлыков приказал мне немедленно ехать в штаб корпуса, а затем в 6-ю стрелковую дивизию, а сам направился в 42-ю. С тех пор не видел его.

Рожкова увезли в госпиталь, и почти тут же на командный пункт пришел приехавший от пыли член Военного совета Шлыков. Первые часы войны он провел в частях 42-й стрелковой дивизии, размещавшихся в городе, а после 9 часов находился в корпусном артиллерийском полку, в северном военном городке. Вместе с командиром полка полковником Мавриным ему удалось вывезти из Бреста почти всю материальную часть. Огнем своих орудий этот полк энергично поддерживал оборонительные бои дивизии.

Шлыкова очень огорчила неорганизованная эвакуация Бреста.

— Началась она под огнем немецких батарей и под бомбежкой с воздуха, — рассказывал Федор Иванович. — Вывести удалось лишь некоторые ценности.

— Вот что, Леонид Михайлович, на случай, если противник прорвется в Жабинку, Кобрин и Пружаны, наметьте сегодня же с начальником инженерных войск и подготовьте к взрыву наиболее важные объекты, — сказал командующий. — Доложите наши сообщения в округ и запросите оттуда хотя бы устную санкцию.

На командном пункте становилось все многолюднее. Возвратились начальники различных служб и отделов армейского управления. Командарм провел с ними краткое совещание. Речь шла о том, как быть, что делать. Решили сосредоточить все усилия на обороне. На случай прорыва противника к Жабинке наметили оборудовать в тылу несколько новых оборонительных рубежей. В районе Кобрина эта задача возлагалась на сводный полк. По р. Мухавец, от Буховичей до Пружан, такой рубеж предполагалось создать силами одного из полков 205-й моторизованной дивизии и не имеющими боевых машин подразделениями 30-й танковой дивизии. В районе Березы на строительстве оборонительного рубежа использовались главные силы 205-й моторизованной дивизии.

Сильно поредевшие и страшно уставшие части 28-го стрелкового корпуса, едва сдерживая натиск превосходящих сил врага, все плотнее прижимались к Жабинке. Туда же отходила понесшая значи-

тельные потери 22-я танковая дивизия, преследуемая двумя танковыми дивизиями немцев. С танкистами смешались команды новобранцев, к ним присоединились семьи командиров, жители Бреста и даже артисты Московской эстрады, которые накануне выступали в Брестском театре.

К 15 часам командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В. П. Пуганов донес, что все силы, которыми он располагает, сосредоточились в 8 км юго-западнее Жабинки. Потом от него поступило сообщение о тяжелом ранении начальника штаба подполковника А. С. Кислицына.

А около 16 часов меня вызвали на запасной командный пункт армии, в район Запруды (20 км северо-восточнее Кобрина). С этим пунктом по проводам Наркомата связи сумел, наконец, связаться по аппарату Морзе начальник штаба округа генерал Климовских. На переговоры поехали также и командующий армией и член Военного совета. В их присутствии я кратко доложил по телеграфу обстановку и получил от генерала Климовских следующие указания:

«Штаб округа развернулся в штаб Западного фронта. Объявлена общая мобилизация. Армию перевести на штаты военного времени. Войска соседней с вами армии в 10 часов дрались на границе. С тех пор связи с ними нет. Командующий фронтом приказывает 4-й армии: контрударом, главным образом силами корпуса Оборина, разгромить противника в районе Бреста и выйти к границе. В помощь вам из полосы соседней армии, с рубежа Бельск—Гайновка, будет действовать в направлении на Брест механизированный корпус генерала Ахлюстина». После прочтения телеграфной ленты мы только руками развели.

— Да разве наши обессиленные войска, почти лишившиеся поддержки с воздуха, смогут нанести контрудар под Брестом?! — воскликнул Шлыков. — Еще вопрос — смогут ли корпуса Попова и Оборина удержать оборону на подступах к Жабинке!

Я дал справку о соседнем мехкорпусе:

— Корпус Ахлюстина в Бельске только формируется. Боевой техники и машин у него меньше, чем у Оборина. Рассчитывать на помощь этого корпуса едва ли следует.

— Надо просить округ утвердить наше решение о переходе к обороне, — обратился Шлыков к командующему.

— Хотите, чтобы нас назвали трусами и отстранили от командования армией? — рассердился Коробков. — Если хотите, можете вносить такое предложение лично от себя.

— Командующий фронтом поставил задачу армии, исходя из приказа наркома обороны. И, конечно, перейти к обороне нам не разрешат, — поддержал я командарма и от имени командования армии передал Климовских, что мы приступаем к подготовке контрудара. Из телеграфного аппарата опять потянулась лента. Начальник штаба фронта сообщил:

«Для участия в контрударе утром из Пинска к Бресту направлялась Пинская флотилия под командованием контр-адмирала Д. А. Рогачева. Правофланговые войска Юго-Западного фронта, примыкающие к вам южнее Влодавы, сдерживают врага в 10—12 км от границы. Не дайте возможности противнику вклиниться в стык между фронтами в Полесье. Ваш сосед, 10-я армия, на белостокском направлении обороняется на границе, а левофланговыми дивизиями ведет бои на подступах к Беловежской пуце».

Заканчивая переговоры, Климовских передал распоряжение генерала Павлова связаться с 10-й армией и подчинить ей нашу правофланговую 49-ю стрелковую дивизию.

«Вместо этой дивизии, — заключил Климовских, — к Барановичам из тыла выдвигается стрелковый корпус, который волеется в состав вашей армии».

Тотчас же после этих переговоров был написан приказ о направлении на рассвете 23 июня контрудара в брестском направлении: 14-м механизированным корпусом с рубежа Видомль—Жабинка и 28-м стрелковым корпусом из района Жабинки.

Командиру авиационной дивизии было послано в Пинск приказание — поддержать сохранившимися самолетами действия механизированного корпуса.

Основной командный пункт армии переместился в Запруды. Оттуда удалось установить проволочную связь с обоими корпусами, а также с Пружанами и Пинском. Для укрытия от налетов вражеской авиации мы впервые открыли узкие щели.

Решение нанести на рассвете контрудар не сняло вопрос о тыловых оборонительных рубежах. Около 19 часов я выехал в Кобрин проверить, что там делает сводный полк. Этим полком, собранным, как говорится, с бору да по сосенке, командовал начальник отдела боевой подготовки армии подполковник А. В. Маневич. В его распоряжении было до двух батальонов пехоты, артиллерийский дивизион и две роты танков.

Вместе с Маневичем мы прошли вдоль всего рубежа, потом отметили объекты для взрыва на случай, если противник овладеет городом. Эвакуировать что-либо из Кобрина по железной дороге было уже поздно: станция и значительная часть путей были разрушены. Кобринский райвоенком пепком отправлял в Пинск команды мобилизованных. Точно таким же порядком пришлось эвакуироваться и большинству семей командного состава управления армии. Они напрасно просидели несколько часов поблизости от станции в ожидании специальных поездов.

Когда я возвратился в Запруды, неожиданно встретился там со своим товарищем по Академии Генштаба полковником Л. А. Пэрном. Я знал, что он служит начальником штаба 2-го стрелкового корпуса, дислоцировавшегося в районе Минска.

— Неужели 2-й стрелковый корпус прибыл к нам на подмогу? — певольно вырвалось у меня.

Пэрп отрицательно покачал головой.

— Я всего-навсего делегат связи от 10-й армии. Война застала командование нашего корпуса в полевой поездке под Белостоком, и командующий армией генерал-майор Константин Дмитриевич Голубев приказал ехать к вам в качестве его представителя.

От Пэрна я узнал, что в середине дня войска генерала Голубева прочно занимали оборону у границы и лишь на флангах, особенно на левом, отошли на несколько километров к востоку. Штаб 10-й армии находился в лесу западнее Белостока. Связи со штабом фронта не имел. Авиационная дивизия, так же как и у нас, в первые же часы войны потеряла большую часть своих самолетов.

Вслед за делегатом связи от соседней армии в Запруды прибыл и представитель штаба фронта. Им оказался генерал И. Н. Хабаров, накануне войны помощник командующего округом по военно-учебным заведениям, а теперь и сам не знавший своей должности. Его устаревшие сведения об обстановке и доставленные им письменные приказы об «уничтожении прорвавшихся фашистских войск» вызвали лишь чувство досады. Но Хабаров приехал к нам не только с этим. Он сообщил о выдвижении в район Слоним — Барановичи 47-го стрелкового корпуса. Хабаров заверил, что сам видел первые эшелоны управления корпуса и одной его стрелковой дивизии, следовавшей из Бобруйска. Другая стрелковая дивизия из Гомеля уже выгружалась в Барановичах. Третью, расположенную в Слуцке, вечером начнут перевозить фронтовым автотранспортом по Варшавскому шоссе к Березе.

Это прибавило нам бодрости. Генерал Хабаров остался в нашей армии, а полковник Пэри уехал.

С наступлением темноты Коробков и Шлыков с группой командиров штаба выехали в район Жабинки проверять подготовку войск к контрудару.

Ночью у меня состоялся телефонный разговор с Коробковым. Он сообщил, что в 22-й танковой дивизии осталось около 100 танков с очень небольшим запасом снарядов и горючего, что для пополнения этих запасов, а также обеспечения танкистов и частей 6-й стрелковой дивизии продовольствием приходится использовать транспортные средства 205-й мотодивизии.

В течение всей ночи в 28-м стрелковом корпусе и 22-й танковой дивизии приводились в порядок части, а также собирались оставшие или рассеянные в боях у границы подразделения. По дорогам из Бреста через Жабинку продолжали свой скорбный путь местные жители, семьи командного состава, партийных и советских работников. Радисты штаба армии предпринимали попытки установить связь с Брестской крепостью. Мы знали, что там остались бойцы и командиры из 6-й и 42-й стрелковых дивизий. Судьба их не могла не волновать нас, но она так и осталась невыясненной до конца войны.

Не могу не упомянуть здесь и еще об одном героическом подвиге, обретшем известность только после войны. Когда гитлеровские войска ворвались в Брест, военком области майор Г. Д. Стафеев воз-

главил группу командиров военкомата, несколько десятков партийных и советских работников города, вооружил их и вплоть до вечера 22 июня оборонялся в здании облвоенкомата. Лишь с наступлением темноты гитлеровцы под прикрытием танков ворвались в это здание и варварски истребили почти всех его защитников. В числе других погиб и майор Стафеев.

Теплая летняя ночь близилась к концу. Наступал так называемый артиллерийский рассвет. Так как из Запруды связь с механизированным корпусом была неустойчивой, командарм разрешил мне во время контрудара находиться в танковой дивизии полковника С. И. Богданова⁸.

В 6 часов 23 июня, после короткого артиллерийского налета, войска 4-й армии перешли из района Жабинки в атаку. Противник никак не ожидал с нашей стороны контрудара и на ряде участков, в частности в районе Пилищи и вдоль железной дороги от Жабинки к Бресту, был отброшен на несколько километров назад. Но через полчаса над нашими войсками появились вражеские самолеты. Пикирующие бомбардировщики беспрерывно и безнаказанно бомбили танки 14-го механизированного корпуса, нанося ему серьезный урон. Вслед за мощным ударом авиации перешла в наступление группа Гудериана. И вот на рубеже Каменец—Жабинка—Радваничи развернулось ожесточенное встречное сражение. В бой были брошены как с нашей, так и с немецкой стороны почти все танки и самолеты, предназначенные для действий на брестском направлении.

С наблюдательного пункта полковника Богданова было отчетливо видно, как завязался встречный бой двух наших танковых полков — первого эшелона дивизии — с огромным количеством вражеских танков и сопровождавшей их артиллерии. Против каждого нашего полка действовала, как верно тогда определили и в штабе 30-й танковой дивизии, танковая дивизия фашистов. Это были 17-я и 18-я немецкие танковые дивизии. Поле боя было усеяно горящими танками. На наших глазах воспламенялись все новые и новые машины.

Особую опасность для наших танков представляли пикирующие бомбардировщики Ю-88, которые я увидел тогда впервые. С противным визгом они почти отвесно пикировали на наши танковые подразделения и, сбросив бомбы, с ревом взмывали кверху. Я невольно обратил внимание на то, что если находишься недалеко от цели, на которую пикирует бомбардировщик, то кажется, будто самолет, а затем и бомба летят прямо на тебя. А после разрыва бомбы со смешанным чувством смущения и облегчения замечаешь, как далеко от тебя она упала.

Вскоре после начала встречного сражения я ускакал из 30-й танковой дивизии в Запруды на командный пункт армии. По пути, в Жа-

---

⁸ К концу войны стал С. И. Богданов дважды Героем Советского Союза, маршалом бронетанковых войск.

бнике, я встретил командира 22-й танковой дивизии генерала Пуганова.

— Пока еще держимся, — обрадовал он меня. — Буквально несколько минут тому назад уничтожили вражеский моторизованный батальон с танками, захватили несколько пленных.

— Немедленно отправьте их в штаб армии, — посоветовал я ему. — Ведь это первые пленные, взятые частями нашей армии.

Полковники Кононов и Осташенко, участники и очевидцы этого боевого эпизода, рассказали несколько позже, как было дело.

В стык между танковыми полками, южнее полотна железной дороги, с запада неожиданно вклинилась мотоколонна противника с 7—8 танками. Впереди колонны шла легковая машина советской марки «М-1». Передние грузовики в колонне были также советских марок. Расчет был на то, чтобы обмануть нашу бдительность. Но из этого ничего не получилось. Наши танковые полки взяли в клещи вражеский батальон и в упор расстреляли его личный состав и разгромили боевую технику. Находившиеся в «эмке» командир головной роты батальона и два унтер-офицера были захвачены в плен. Пленный немецкий офицер, по описанию И. В. Кононова, был высокого роста, с густыми рыжими бровями и маленькими рыжими усиками. Дрожа от испуга, он рассказал, что моторизованный батальон с ротой танков 3-й танковой дивизии группы Гудериана был послан для захвата моста через Мухавец у Жабинки. Чтобы ввести русских в заблуждение, он с унтер-офицерами сел в «эмку», а солдат посадили на захваченные в Бресте советские грузовики. Остальная мотопехота ехала на немецких грузовых автомашинах, на которых, как и вообще на всех машинах группы Гудериана, нарисована буква «G» — первая буква его фамилии. В этом бою особенно отличился танковый батальон 22-й танковой дивизии, которым командовал капитан Н. Н. Дмитрук.

Когда я приехал на командный пункт, Коробков был уже там. За полчаса до моего прибытия он возвратился из 28-го стрелкового корпуса. Командарм выглядел угрюмым, уставшим. Последние сведения из войск были нерадостными.

— Только сейчас передали, что танки противника обходят в районе Каменца правый фланг 30-й танковой дивизии и распространяются на Пружаны, — заговорил он. — Части 22-й танковой дивизии, против которой также наступает около двух немецких танковых дивизий, понесли большие потери и с боями отходят на Кобрин. Начал отступление вдоль шоссе на Кобрин 28-й стрелковый корпус; командный пункт его переместился к Кобрину. А командир механизированного корпуса со своим КП юго-восточнее Пружан. Оба командира в один голос утверждают, что отступление войск является в значительной мере следствием непрерывных налетов вражеской авиации. Я приказал Попову занять оборону на подступах к Кобрину и совместно с 22-й танковой дивизией во что бы то ни стало остановить противника. Оборону силами танковой дивизии Богданова организует оборону Пружан.

— Напрасно мы утром перешли в наступление и встретились с превосходящими силами врага в чистом поле, — с еле сдерживаемым раздражением заметил Шлыков. — Хотя оборонительный рубеж под Жабинкой был оборудован и не ахти как, все же он давал нашим войскам кое-какое преимущество, и противнику нелегко было бы прорваться через оборонительные позиции.

— Контрудар мы нанесли по приказу фронта, — возразил Коробков. — А приказ есть приказ, и не выполнить его мы не имеем права. И вообще к этому вопросу возвращаться теперь бессмысленно.

— Пошлите в район Березы своего заместителя со связистами готовить запасной командный пункт, — приказал, обращаясь ко мне, командарм. — А сами снова поезжайте в дивизию Богданова, помогите ему организовать оборону под Пружанами.

Когда я уже собрался ехать в Пружаны, вновь заговорил Шлыков:

— Огромным злом является отрыв крупных штабов от войск. Это приводит к потере управления боем. Что происходит на фронте, неизвестно, и решения принимаются без учета реальной обстановки. Вы сами чувствуете, — обратился он к Коробкову, — насколько худо, что штаб фронта находится где-то в районе Минска, более чем за 300 км от передовых войск. Штабы армий, чтобы не потерять связь со штабом фронта, располагаются в глубине от линии фронта более чем на 50 км. Командные пункты корпусов в этих же целях размещаются в 20—30 км от частей первого эшелона дивизий. Словом, спешить с переходом в Березу нам не следует, — заключил он.

Коробков ничего не ответил Шлыкову.

Командный пункт 30-й танковой дивизии мне удалось разыскать под Пружанами лишь к 8 часам. Незадолго до меня там побывал уже полковник Тутаринов и оказал большую помощь Богданову в организации боя. Бой этот вылился в своеобразный танковый поединок с несомненным преимуществом на стороне противника. У немцев и танков было больше, и авиация их поддерживала лучше. Мы располагали здесь только легкими тихоходными Т-26 с лобовой броней в 15 мм и 45-мм пушками. Немецкие же танковые дивизии имели в своем составе некоторое число новых машин Т-IV с лобовой броней в 40 мм и вооруженных 75-мм пушками. К тому же немецкие танкисты обладали боевым опытом, а среди экипажей наших танков было немало повобранцев.

И все-таки 30-я танковая дивизия дралась упорно, бойцы и командиры сражались героически, и враг нес большие потери. Лишь к 10 часам 17-й и 18-й дивизиям Гудериана удалось захватить западную часть Пружан.

По моему предложению генерал Оборин усилил 30-ю танковую дивизию одним полком моторизованной дивизии. С подходом этого подкрепления была предпринята контратака, и враг оказался опять

за пределами Пружан. В руках гитлеровцев остались лишь отдельные строения на западной окраине.

Городская площадь вся была усеяна вражескими трупами, среди которых застыли 20 подбитых немецких танков. Здесь особенно отличились танковые батальоны капитана Ф. И. Лысенко и майора М. А. Бандурко.

Во второй половине дня противник возобновил атаки, но и они не принесли ему успеха, а лишь увеличили число потерь.

Я опять возвратился на командный пункт армии в Запрудях. Первыми моими вопросами были:

— Как дела в 28-м стрелковом корпусе? Что слышно о 22-й танковой дивизии?

Оперативный дежурный ответил кратко:

— И стрелковый корпус и 22-я танковая дивизия ведут сейчас оборонительные бои под самым Кобрином.

Остальное досказала рабочая карта.

Пользуясь тем, что на короткое время удалось восстановить проводную связь со штабом фронта, командарм информировал командующего фронтом о положении нашей армии.

Доложив о результатах контрудара на Брест и о положении войск армии, командарм попросил командующего фронтом поддержать армию фронтовой авиацией и как можно быстрее выделить автотранспортные средства для подвоза боеприпасов и горючего.

В то время как 30-я танковая дивизия отражала натиск противника в районе Пружан, части 28-го стрелкового корпуса и 22-й танковой дивизии под ударами двух танковых, одной моторизованной и нескольких пехотных дивизий 12-го армейского корпуса немцев медленно отступали от Жабинки к Кобрину. Около 10 часов дня им удалось задержать гитлеровцев на рубеже Тевли—Андропово—Патрики. До 16 часов противник не смог здесь продвинуться ни на шаг.

Центральное место в обороне на этом рубеже принадлежало 22-й танковой дивизии, оборонявшейся северо-западнее Кобрина. Севернее, вплоть до населенного пункта Тевли, оборону занимала 42-я стрелковая дивизия, основной силой которой, как и под Жабинкой, являлся 459-й стрелковый полк под командованием майора Никитина.

Вместе с танковой дивизией дрался сводный отряд, составленный из подразделений 6-й стрелковой дивизии, застигнутых войной на работах в укрепрайоне. Во главе отряда стояли заместитель командира дивизии полковника Ф. А. Остащенко и начальник полкотдела полковой комиссар Г. С. Пименов. Здесь же оказался (в качестве начальника штаба отряда) и бывший командир 125-го стрелкового полка полковник Ф. Ф. Берков, который за несколько дней до войны сдал полк, но уехать к новому месту службы не успел.

Непосредственно под Кобрином оборонялись другие части 6-й стрелковой дивизии и сводный полк подполковника Маневича.

В целом оборонительными боями на рубеже Тевли—Кобрин руководил командир 28-го стрелкового корпуса генерал-майор В. С. Попов.

В 16 часов бои на кобринском направлении вспыхнули с новой силой. Враг повел наступление методом, применяющимся обычно лишь при прорыве заблаговременно подготовленной обороны. Под Кобрином была стянута масса авиации. Наступлению предшествовала мощная артиллерийская подготовка.

В ожесточенных боях на подступах к Кобрину, доходивших часто до рукопашных схваток, наши бойцы и командиры проявили исключительный героизм. Их самоотверженность и стойкость удивили привыкших к легким победам гитлеровцев. Особенно беззаветно сражался здесь один из батальонов 84-го стрелкового полка под командованием капитана В. П. Ольпевского. Командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В. П. Пуганов героически погиб в танке недалеко от селения Именин⁹. С этого момента в командование дивизией вступил его заместитель полковник И. В. Конопов.

Ценой больших потерь противник прорвался севернее Кобрина. Его танки стали выходить на Варшавское шоссе. Однако около 17 часов они снова были задержаны у р. Мухавец выдвинутыми сюда накануне подразделениями 205-й моторизованной дивизии под командованием командира дивизии полковника Ф. Ф. Кудюрова.

На этот же рубеж отошли впоследствии 22-я танковая дивизия с отрядом полковника Остапенко, 42-я стрелковая дивизия и часть 6-й стрелковой. Главные силы последней под командованием полковника М. А. Попсуй-Шапка совместно с отрядом подполковника Маневича продолжали еще бои в Кобрине.

Командный пункт 28-го стрелкового корпуса тоже переместился за р. Мухавец. А командование и штаб армии переселились в район Березы за оборонительный рубеж 205-й моторизованной дивизии. Как стало известно позже, утром этого дня к Кобрину подходил передовой отряд Пинской военной флотилии под командованием начальника штаба флотилии капитана 2-го ранга Г. И. Брахтмана. Вслед за передовым отрядом шла вся флотилия. Однако отсутствие связи со штабом 4-й армии и со штабом 6-й стрелковой дивизии, а также неясность обстановки под Кобрином и опасение, что прорвавшиеся вражеские группы или самолеты разрушат плотины и флотилия окажется в ловушке, заставили командующего флотилией отвести суда к Пинску.

До 19 часов 23 июня войска нашей 4-й армии сдерживали атаки противника на рубеже Пружаны — р. Мухавец—Кобрин. Однако надежд на прочность обороны этого рубежа, особенно на подступах к Березе, было мало.

⁹ Могилу его в Кобрине, на городской площади.

Около 19 часов противник подтянул к р. Мухавцу танковые дивизии 24-го моторизованного корпуса и при мощной поддержке авиации еще раз атаковал наши части. Измотанные длительными боями, при дефиците снарядов, зенитных средств, противотанковой артиллерии и противотанковых мин для устройства заграждений, войска 4-й армии не выдержали этого удара. Немецкие танки провались в направлении Березы и частично от Запруды повернули на Пружаны.

Около 20 часов во фланг была атакована 30-я танковая дивизия. На этот раз она оказалась не в состоянии удержать Пружаны и стала отступать на Селец.

Перед 47-м моторизованным корпусом немцев, безуспешно толтавшимся под Пружанами с самого утра, открылся наконец путь в направлении Слопима.

С этого момента у нас еще больше осложнилось положение с материальным обеспечением. Оставив Кобрин и Пружаны, мы лишились ближайших баз снабжения горючим, а наши тылы и без того подводили нас.

С началом боевых действий каждая часть выпущена была посылать свои машины или подводы за боеприпасами на окружной артиллерийский склад в Пинске. Это было сопряжено с большими затратами времени. К тому же посланные транспорты по возвращении не всегда находили свои части.

То же самое происходило и с подвозом продовольствия. Да еще в большинстве частей 28-го стрелкового корпуса и 22-й танковой дивизии не оказалось походных кухонь. В результате бойцы и командиры в течение первых двух суток войны питались, как правило, всухомятку.

Единственно, в чем войска не испытывали нужды, — это в горючем: окружные склады ГСМ находились под боком. Но как только противник вышел к Кобрину и Пружанам, мы вынуждены были взорвать их, и забот у нас прибавилось. Теперь нужно было думать, откуда и каким образом обеспечить армию горючим.

К исходу дня 23 июня 14-й механизированный корпус удерживал противника у р. Ясельда, на рубеже Селец—Берега. Главной силой была здесь в то время 205-я моторизованная дивизия, которой командовал полковник Ф. Ф. Кудюров.

За Ясельду отходили и части 28-го стрелкового корпуса. Используя преимущественно грунтовые дороги и тропы, многие из них передвигались на подводах, мобилизованных у местного населения.

Из 6-й стрелковой дивизии за Ясельду отходили подразделения двух стрелковых и артиллерийского полков под общим командованием полковника Д. И. Матвеева. Остальные ее части во главе с командиром дивизии полковником Попсуй-Шапко после боев в Кобрине отошли на 3—4 км к востоку и прикрывали направление на Пинск.

На левом фланге армии 75-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора С. И. Недвижина продолжала успешно

обороняться в районе Малорита, сдерживая патиск кавалерийской и двух пехотных дивизий противника.

Уцелевшие самолеты авиационной дивизии по-прежнему базировались на Пинский аэродром и готовились с утра оказать помощь войскам, оборонявшим район Березы.

Около 22 часов на короткое время появилась проволочная связь со штабом фронта. Ознакомившись с обстановкой в полосе 4-й армии, командующий фронтом приказал любой ценой удержать противника на р. Ясельда.

— Вам, — сказал он в заключение, — передаются две свежие дивизии. Одна из них — 55-я стрелковая, выдвигается из Слуцка автотранспортом по Варшавскому шоссе к р. Щара. Другая — 121-я стрелковая, после выгрузки из эшелонов в районе Слонима завтра на рассвете выступит в Ружаны.

После этих переговоров генерал Коробков поручил оборону рубежа по р. Ясельда командиру 28-го стрелкового корпуса и подчинил ему 205-ю моторизованную дивизию. Танковые дивизии механизированного корпуса выводились во второй эшелон армии на рубеж Косово—Иванцевичи. Для связи с передаваемыми в армию новыми дивизиями решили организовать в Миловидах вспомогательный пункт управления.

Ночь на 24 июня выдалась такая же тихая и теплая, какими были и две предшествовавшие ей. Роса не выпадала. Работники армейского управления располагались отдыхать прямо на земле.

С наступлением темноты стрельба прекратилась. Лишь изредка кое-где даст короткую очередь пулемет да взвоетя ввысь над передним краем немецкая ракета, и снова водворяется странная тишина. Как будто и нет войны! В первые дни войны немцы ночью наступать опасались, а наши войска в это время восстанавливали свою боеспособность.

В единственной на командном пункте палатке обосновались и командующий, и член Военного совета, и почти все основные работники штаба армии. На столе — две сальные свечи и аппарат Морзе. Телеграфная связь со штабом фронта очень неустойчива, и на аппарате работает лично начальник связи армии полковник А. Н. Литвиненко. Попытки связаться с фронтом по радио из-за дальности расстояния не удаются. Связь с соединениями поддерживается только через делегатов.

Командарма опять вызывает Павлов и уточняет задачу армии на завтра:

«Упорно обороняясь по р. Ясельда, утром 24 июня совместным ударом в направлении Ружаны — 121-й стрелковой дивизией от Слонима и 14-м механизированным корпусом от Селец — выбить противника из Ружан, а затем из Пружан и закрыть ему путь на Барановичи. Армейский контрудар будет поддержан фронтовой авиацией. Боеприпасами пополнитесь на артиллерийском складе в Барановичах. Из Барановичей в Слоним перешла 155-я стрелковая дивизия, которая остается в моем резерве...

До конца выслушать командующего фронтом и передать ему наши соображения не удалось: аппарат Морзе замолчал опять.

— Снова контрудар, — нервно пожимает плечами член Военного совета. — Сегодня мы уже убедились, чем это оборачивается при многократном превосходстве врага в танках и авиации.

Шлык был по-своему прав, но я тем не менее высказался в том смысле, что для совместных действий со 121-й стрелковой дивизией часть сил из мехкорпуса выделить все же необходимо. Ведь шоссе и железная дорога Белосток—Барановичи являются важнейшими жизненными артериями фронта и нашей армии. А цель контрудара, вероятно, в том и состоит, чтобы не дать противнику перерезать эти артерии.

— Сейчас вот придет командир механизированного корпуса, доложит о состоянии своих дивизий, тогда и примем решение, — заключил командарм.

Подоспевший к этому времени генерал Оборин всецело солидаризировался со Шлыковым и также стал убеждать командарма в опасности контрудара на Пружаны:

— Рубеж по р. Ясельда в районе Березы обороняется сейчас почти исключительно 205-й моторизованной дивизией. Вышедшие сюда части 28-го стрелкового корпуса реальной силой не являются. Молодые, слабо обученные бойцы моторизованной дивизии неплохо отрыли окопы, но перед окопами у них ни мин, ни проволоки, никаких других заграждений. Даже мост через Ясельду взорвать нечем. Таким образом, участие моторизованной дивизии в контрударе, безусловно, исключено. Танковая дивизия полковника Кононова понесла такие потери, что говорить о ней сейчас, как о дивизии, просто нельзя. Относительно боеспособной осталась только танковая дивизия полковника Богданова, переместившаяся из Селец в Косово, но у нее очень мало боеприпасов. Правда, горючим части корпуса обеспечены из окружных складов горючего в Кобрине и Пружанах и даже сделали запасы.

— Эти полупустые склады при отступлении были взорваны, — заметил я, — в Пружанах по распоряжению полковника Богданова, а в Кобрине — подполковника Маневича.

— А еще какие из объектов, намеченных к уничтожению, взорваны при отступлении? — заинтересовался командарм.

— Мы с Прошляковым намечали взорвать также автодорожный и железнодорожный мосты в Кобрине, но не успели достать взрывчатки. Полковнику Попсуй-Шапко было дано задание разрушить при отступлении плотину на шлюзе Днепровско-Бугского канала у Кобрина.

Командарм задал несколько вопросов Обрину, а также начальнику автобронсотдела армии полковнику Кабанову и принял решение:

— Для совместного со 121-й стрелковой дивизией наступления в направлении Ружаны—Пружаны выделить танковую дивизию полковника Кононова и отряд полковника Остапенко. Ударом

от Селец на Ружаны они должны помочь 121-й захватить Ружаны и в дальнейшем действовать в подчинении ее командира. 42-ю стрелковую дивизию в составе стрелкового и гаубичного полков переместить в район Коссово в резерв. Остальные ее части, обороняющиеся на р. Ясельда, передать в подчинение командиру моторизованной дивизии. Тапковой дивизии полковника Богданова, оставшейся в армейском подвижном резерве на рубеже Коссово—Иванцевичи, подготовить этот рубеж для обороны.

Около полуночи возвратились один за другим командиры штаба армии, ездившие в Слоним и Слуцк для установления связи с 55-й и 121-й стрелковыми дивизиями. От майора И. В. Ставцева, вернувшегося из Слуцка, мы узнали, что к 23 часам два стрелковых полка 55-й стрелковой дивизии наполовину перевезены, но разгрузились не у р. Щара, а на рубеже Городице—Спявка.

— Автотранспорт, — докладывал Ставцев, — возвращается для перевозки остальных подразделений этих полков. Штаб дивизии и гаубичный полк на марше, выступили из Слуцка с заходом солнца. Артиллерия стрелковых полков, дивизионная артиллерия на конной тяге и тыловые учреждения с 18 часов тоже в пути, двигаются отдельной колонной. Отмобилизоваться дивизия не успела, автотранспорта из народного хозяйства не получила. Боеприпасов имеет один боекомплект.

— Почему же части выгружаются так далеко от р. Щара? — спросил командарм.

— Подразделения, следующие вторым рейсом, будут доставлены прямо к реке, а те, что были подняты первым рейсом в течение ночи, доберутся туда пешком, — ответил Ставцев. — Третьим рейсом намечено перевезти последний стрелковый полк.

Майор Н. П. Григорьев, ездивший в Слоним, застал там не только 121-ю, но и 155-ю стрелковые дивизии. На рассвете 24 июня она собиралась выступить на запад, а 121-я на юго-запад.

— Командир 155-й стрелковой дивизии генерал-майор П. А. Александров привел свое соединение из Барановичей в полном составе. — докладывал Григорьев. — 121-я перевозится из Бобруйска по железной дороге и выгружается на станциях Слоним и Лесьна. Командир ее генерал-майор П. М. Зыков приказал поставить вас в известность, что эшелоны с гаубичным полком специальными подразделениями дивизии и тылами на место еще не прибыли. На тех же станциях выгружается и еще одна дивизия — 143-я стрелковая. Из 37 ее эшелонов, следующих из Гомеля, выгрузились пока 15.

— А командования 47-го стрелкового корпуса там нет? — осведомился командарм.

— Первый эшелон штаба корпуса прибудет к утру на автомобилях в Барановичи. Второй эшелон и корпусные части находятся еще в Бобруйске. Они только начали грузиться, — был ответ Григорьева.

— Вот они, «железнодорожные похищцы!» — резюмировал Коробков. — Пропускная способность железных дорог западных районов Белоруссии явно уступает транспортным возможностям восточной части республики.

— А каким же образом дивизии получают из штаба фронта приказание? — удивился мой заместитель полковник Долгов.

— В Лесьне развернут узел связи штаба фронта и там до середины вчерашнего дня находилась группа командиров фронтового управления во главе с заместителем Павлова генерал-лейтенантом В. Н. Курдюмовым, — объяснил Григорьев.

— Предполагалось, что в Лесьне развернется командный пункт штаба фронта, — уточнил полковник Литвиненко.

— А куда эта группа девалась? — спросил я.

— Выхала в Минск, — ответил Литвиненко, — но в Лесьне остались фронтовые связисты и через них представители дивизии сносятся со штабом фронта.

— А кто же будет возглавлять действия 155-й, 121-й и 143-й стрелковых дивизий? — спросил я. — Может, командование ими возложили на командира механизированного корпуса, расквартированного в Барановичах?

— Командир 155-й дивизии разъяснил мне, что распоряжения в виде кратких телеграмм он продолжает получать непосредственно из штаба фронта, — ответил Григорьев. — По словам генерала Александра, штаб механизированного корпуса в Барановичах, так же как и все части корпуса, находится только в стадии формирования. Боевых машин в частях — единицы.

— Нет, это все не то, — заключил командующий. — Нужно немедленно ехать в Миловиды и взять управление всеми дивизиями, выходящими на р. Щара, в свои руки. Оттуда до Лесьны всего 10 км. На такое расстояние, я думаю, начальник связи провод найдет и свяжет нас со штабом фронта? — и командарм посмотрел в сторону полковника Литвиненко. — А во главе обороняющихся на р. Ясельда войск армии останется командир 28-го стрелкового корпуса.

Не возражая против этого по существу, я заметил, что со связью у нас с первого часа войны все как-то пошло кувырком. Мы ищем связи со штабом фронта, штабы соединений — с нами, штабы частей — со штабами соединений, командиры подразделений ищут штабы частей.

— Значит, будучи начальником оперативного отдела округа, а затем начальником штаба армии, вы плохо обучали штабы организации управления и связи в бою, — упрекнул меня Коробков.

Я не стал оправдываться. Вероятно, в какой-то мере он был прав.

В 4 часа 24 июня командование и группа командиров штаба армии приехали в Миловиды и развернули там командный пункт. Около 5 часов через Лесьну мы связались со штабом фронта. Со штабами корпусов связь поддерживалась только через делегатов связи. Второй эшелон штаба армии сосредоточился в Снявке.

От находившихся в Лесьне офицеров связи 121-й и 155-й стрелковых дивизий я узнал, что дивизии в 4 часа утра выступили из Слонима к Волковыску.

В начале седьмого командир 28-го стрелкового корпуса прислал донесение о том, что с рассветом против наших войск, обороняющихся на Ясельде, враг бросил свою бомбардировочную авиацию, провел мощную артиллерийскую подготовку и возобновил атаки. Около 6 часов на одном из участков группе немецких танков удалось прорвать оборону и выйти на Варшавское шоссе южнее селения Броина Гура. Второй эшелон моторизованной дивизии контратакует прорвавшегося противника.

Почти одновременно с этим донесением поступило и другое: головные части 121-й и 155-й стрелковых дивизий через час после выступления из Слонима, т. е. в 5.00, встретились и завязали бой с танками противника. Генерал Александров получил приказание из штаба фронта занять обеими дивизиями оборону по р. Щара, в районе Слоним, и прикрыть направление на Барановичи. В свою очередь выгружавшаяся там 143-я стрелковая дивизия также часть своих сил выдвинула для обороны по р. Щара.

Около 7 часов в Миловиды приехал заместитель командира 55-й стрелковой дивизии подполковник Т. М. Сидорин. Он доложил, что управление этой дивизии во главе с полковником Иванюком тоже проследовало к р. Щара. У них находится и командарм, пожелавший лично провести рекогносцировку нового оборонительного рубежа.

— Два стрелковых полка и артиллерийский полк к 14 часам выйдут к реке, — заверил меня заместитель командира дивизии перед отъездом.

Только отбыл подполковник Сидорин, как на командном пункте появился возвратившийся из Минска, из штаба фронта наш делегат капитан В. С. Макаров. Его информировали, что на гродненском направлении 3-ю правофланговую армию постигла такая же участь, как и нашу 4-ю. Почти такие же потери в людях и технике. Контрудар развития не получил, г. Гродно пришлось оставить. К вечеру вчерашнего дня вражеской танковой группе удалось прорваться на правом фланге через Вильню к Минску на глубину 120 км. А центральная — 10-я армия в основном сохранила свои позиции; силы, наступающие на нее, небольшие, потеря меньше, чем у нее. В заключение Макаров сообщил, что командующий фронтом предполагает во второй половине дня приехать в Барановичи.

К 8 часам поступили сведения от полковника Богданова. Его дивизия и сводный полк моторизованной дивизии сдерживали наступление вражеских войск на рубеже Коссово—Иваневичи. Остальные части мотодивизии вместе с частями 28-го стрелкового корпуса продолжали обороняться на р. Ясельда. Вражеская пехота подошла к лесному массиву, простирающемуся на 20 км между Березой и Ивапцевичами, но проникнуть в лес не смогла.

Эти отрывочные сведения не могли не внушать тревогу. Положение 4-й армии становилось критическим.

П. А. Александров

Д. И. Иванюк

На дорогах появились разрозненные группы военнослужащих, а иногда и целые подразделения, направлявшиеся с фронта в тыл. Среди них находились и трусы, и паникеры, но в основной своей массе это были честные советские люди, оторвавшиеся при отступлении от своих частей и временно оказавшиеся без управления.

В середине дня член Военного совета Ф. И. Шлыков, выслушав доклад ездившего в штаб фронта капитана Макарова, завел со мной такой разговор:

— Давайте, Леонид Михайлович, посмотрим правде в глаза. Что в самом деле у нас получается? Командарм либо молчит с угрюмым видом, либо отделяется общими фразами. Конечно, он тяжело переживает неудачи армии, но нельзя же все держать в себе. Вы тоже высказываетесь как-то неопределенно: ведете речь только о действиях 4-й армии, не связывая эти действия ни с войной в целом, ни даже с обстановкой на Западном фронте. А ведь именно в полосе нашей армии фашистские войска вклинились наиболее глубоко.

— Как развиваются события на других фронтах, мне известно столько же, сколько и вам, т. е. почти ничего. Поездка Макарова в штаб фронта, как вы уже знаете, была, можно сказать, безрезультатной. Там сами ничего не знают о соседнем Юго-Западном фронте. А что происходит на нашем Западном фронте, вы осведомлены не хуже меня. В полосе нашей, 4-й, противник действительно углубился дальше, чем у других. И это понятно: на брестском направле-

пип немцы создали огромное численное превосходство в силах и средствах, особенно в авиации и танках. Здесь это превосходство в несколько раз больше, чем на других направлениях. Отсюда и тяжелые, неизмеримо больше, чем в других армиях, потери.

Наш разговор со Шлыковым был прерван приездом на командный пункт Коробкова п командира 55-й стрелковой дивизии полковника Д. И. Иванюка. Оба они были чрезвычайно возбуждены.

— Танки противника оттеснили части Оборина к р. Щара, за Бытень, Доманово, — сказал командарм. — Нет никакой уверенности, что они долго продержатся и на этом рубеже, хотя к ним уже присоединился окружной тяжелый гаубичный полк. Вывести к Щаре полки Иванюка мы не успеем. Они сейчас подходят только к Миловидам, да и то не в полном составе. Придется развернуть их для обороны здесь: один полк севернее Миловиды, другой южнее.

— А третий, который подходит к Синявке, надо немедленно выдвинуть на тыловой рубеж Руспновичи—Тальминовичи, где он может использовать для обороны полотно железной дороги, — под-сказал я.

Командарм принял это предложение.

Чтобы помочь быстрее и лучше организовать оборону в районе Миловиды, в полк, развертывавшийся севернее шоссе, выехали вместе с командиром дивизии Ф. И. Шлыков и полковой комиссар В. Н. Семенов, а в полк, получивший участок южнее, — начальник штаба дивизии подполковник Г. А. Тер-Гаспарян и я. Командарм и полковник Долгов направились в третий полк. Командный пункт 55-й стрелковой дивизии развернулся на нашем месте, а командиры штаба армии перебазировались в Синявку.

В 15 часов 24 июня танковые части 24-го моторизованного корпуса немцев вышли к Миловидам и завязали бой с поспешно занявшими здесь оборону двумя стрелковыми полками 55-й дивизии и отошедшими сюда же частями нашего механизированного корпуса. В этих боях, когда первая атака врага разбилась о нашу оборону и он с большим уроном отошел назад, был тяжело ранен полковой комиссар Владимир Николаевич Семенов. Политотдел армии, оставшийся без начальника, лишился и его заместителя.

Не затихали бои и в районе Слонима. Оборонявшиеся там 155-я и 121-я стрелковые дивизии нанесли огромные потери танковым дивизиям 47-го немецкого моторизованного корпуса, наступлением которых руководил лично Гудериан. Последний вынужден был ввести второй эшелон корпуса — 29-ю моторизованную дивизию. Но тут на помощь нашим подоспели танковая дивизия полковника Кононова и действовавший с ней вместе отряд полковника Остапенко. Неожиданной атакой во фланг и тыл 47-го немецкого моторизованного корпуса они оттянули на себя значительные силы противника и едва не пленили самого Гудериана.

Командующий 2-й танковой группой немцев следовал с автоколонной по шоссе Ружаны—Слоним, когда туда вырвались танки полковника Конопова. Автоколонна была разгромлена, несколько

вражеских офицеров убито, а один захвачен вместе с машиной. В машине оказался большой комплект топографических карт с нанесенным на них планом дальнейших действий группы Гудериана. На допросе пленный офицер довольно красочно обрисовал, как перетрусивший Гудериан улетывал от наших танков в лес. Однако сам Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» изобразил это иначе (совсем в стиле барона Мюнхаузена).

«Сидевший рядом со мной водитель, — пишет он, — получил приказание: «Полный газ», и мы пролетели мимо изумленных русских; ошеломленные такой неожиданной встречей, они не успели даже открыть огонь. Русские должно быть узнали меня, так как их пресса сообщала потом о моей смерти; поэтому меня попросили опровергнуть это через немецкое радио»¹⁰.

Узнать Гудериана никто, конечно, не мог. Не такая уж это была знаменитость, да и скрылся он в лес слишком поспешно. Но оставим это на совести неуемного хвастуна и вернемся к более важным событиям того дня.

Импровизированная оборона двух стрелковых полков 55-й дивизии в районе Миловидов не могла надолго задержать противника. Около 18 часов танковые дивизии 24-го немецкого моторизованного корпуса, поддержанные авиацией, прорвали ее. Но к 20 часам противник был вновь остановлен вторым эшелоном той же дивизии на р. Щара, недалеко от Медведицкой.

К исходу 24 июня немцам не удалось перешагнуть Щару и под Слонимом — в полосе 155-й и 121-й стрелковых дивизий. А юго-западнее Барановичей — в районе ст. Лесьня противник получил жестокий отпор от выгрузившихся здесь частей 143-й стрелковой дивизии и прекратил наступление. В это же время танковая дивизия полковника Кононова вела бой под Ружанами. Моторизованная дивизия полковника Ф. Ф. Кудюрова и части 28-го корпуса продолжали обороняться на р. Ясельда и у Городца, в 15 км восточнее Кобрина.

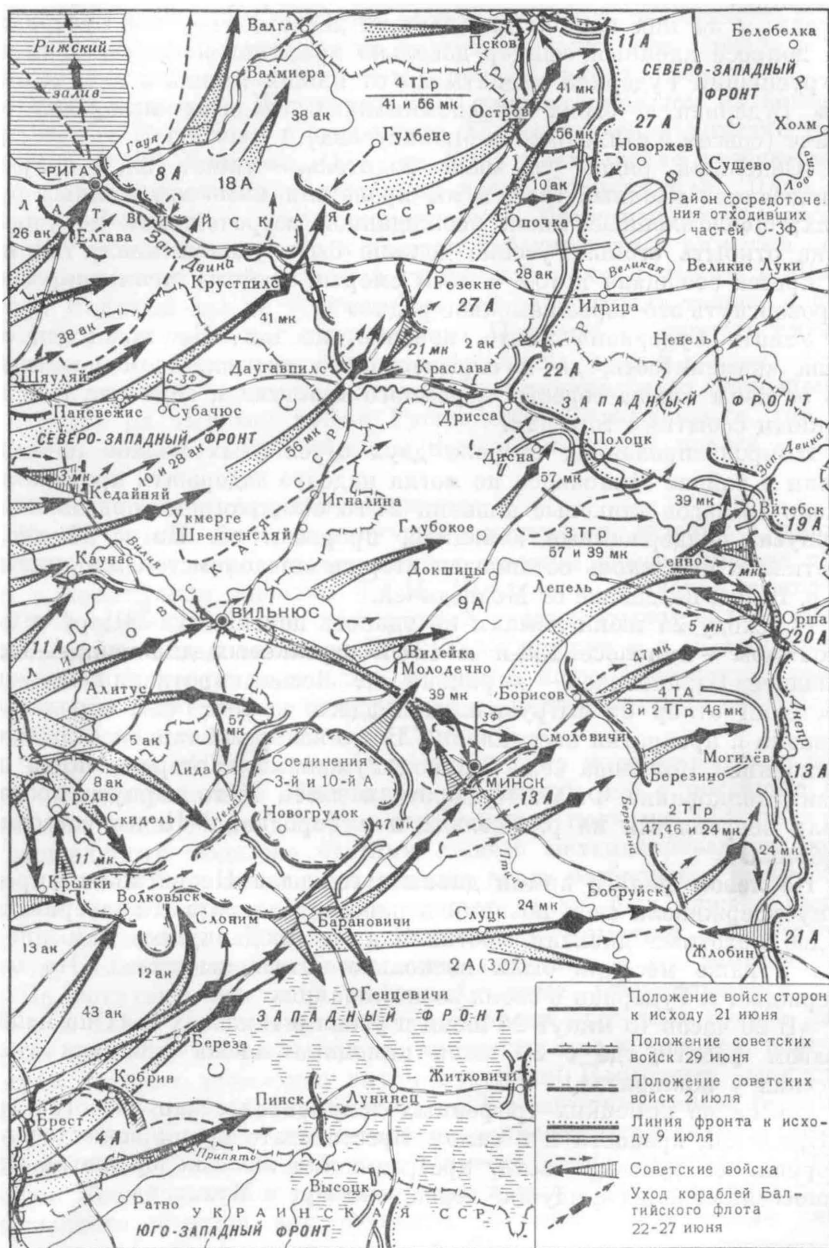
На левом фланге армии дивизия генерала Недвижна по-прежнему удерживала свои позиции в районе Малорита. Кавалерийская и две пехотные дивизии противника не продвинулись там ни на шаг и даже местами были несколько потеснены назад. Это подтверждает и Гудериан в своих воспоминаниях:

«В 20 часов 15 минут 24 июня я узнал о тяжелых боях на нашем правом фланге, где с 23 июня немецкие войска отбивали атаки русских у Малорита»¹¹.

Позже из немецких трофейных документов стало известно, что в Брестской крепости и в самом Бресте в это время «ожесточенно оборонялись русские части, преградившие железнодорожный путь и шоссе на дороги, идущие через реки Буг и Мухавец».

¹⁰ Г. Гудериан. Воспоминания солдата. М., 1954, стр. 149.

¹¹ Там же.

Боевые действия на Западном направлении
22 июня — 9 июля 1941 г.

Но не только в Бресте и Брестской крепости продолжали сражаться в глубоком тылу врага части нашей 4-й армии. На восточном берегу Западного Буга, в селениях Дрохичин, Семятиче и Волчиц, как свидетельствуют немецкие документы, также героически дрались в окружении подразделения наших войск. Особенно много хлопот доставили врагу подразделения, оборонявшие Семятиче. Они держали под обстрелом железнодорожный мост через Буг у Семятиче и не позволяли немцам восстанавливать железную дорогу.

Теперь с полной достоверностью установлено, что в Дрохичине и Семятиче дрались в окружении в оборудованных накануне войны дотах подразделения 17-го и 16-го артиллерийско-пулеметных батальонов Брестского укрепрайона. Первым командовал капитан А. И. Пустовалов, вторым — капитан А. В. Назаров. Почти все бойцы и командиры этих подразделений, державшихся до конца июня, отдали за Родину свои жизни.

Причины неудач в первые дни войны фланговых армий Западного фронта, а вместе с ними и всего фронта — общеизвестны. Тут и многократное превосходство заранее отмобилизованных, обладавших боевым опытом и многочисленной боевой техникой немецких войск, заблаговременно нацеленных и изготовившихся для удара по фланговым армиям Западного округа. Тут и крайне неблагоприятное положение наших войск, застигнутых в процессе реорганизации и формирования, состоявших наполовину из повобранцев. Тут и повая, еще не подготовленная для обороны в качестве театра военных действий территория.

Ну, а если бы войска приграничных округов были бы заблаговременно приведены в боевую готовность и заняли оборону по плану прикрытия, а авиация сменила бы аэродромы? Тогда фланговые армии Западного фронта, конечно, понесли бы значительно меньше потерь от первых ударов врага, причинили бы неприятелю больший урон, но удержать оборонительные позиции при плотности 50 км на дивизию и при таком соотношении сил все равно бы не смогли. Вот если бы поднятые войска, исходя из сложившейся обстановки, были поставлены в оборону главным образом на основных угрожаемых направлениях, в плотных боевых порядках и эшелонированно, с применением в сражении маневра войск из одной армейской полосы в другую и поддержки их фронтовой авиацией, да если бы заранее подбросить войскам средства заграждения, тогда противник мог бы быть задержан на продолжительное время.

2. На юго-западных подступах к Минску

Большую часть ночи с 24 на 25 июня командование и руководящие работники штаба 4-й армии провели в войсках, помогая организовать оборону. Когда на короткий срок была установлена связь со штабом фронта, командарм получил по телеграфу приказание

удерживать противника на р. Щара. Все дивизии, оборонявшиеся в районе Слонима, передавались в состав 4-й армии. Для связи с ними командарм послал полковника Кривошеева. На рассвете он допес, что в течение почти части налаживали взаимодействие, устанавливали у Щары орудия для стрельбы прямой наводкой, получали боеприпасы и горючее со склада 155-й стрелковой дивизии в ее военном городке в Барановичах. Привлекли для поддержки обороняющихся часть орудий из состава сформировавшихся здесь десяти артполков РКК.

То же самое происходило и в полосе 55-й стрелковой дивизии, буквально рядом с нашим командным пунктом. Выходившие к Снявке части 14-го механизированного корпуса обеспечивались всем необходимым, в том числе консервами и сухарями, из складов 55-й стрелковой дивизии в Слуцке.

Для усиления обороны 55-й стрелковой дивизии генерал Обориш выделил отряд танков. Они заняли позицию у полотно железной дороги на перегоне Русиновичи—Тальминовичи. Там же на рассвете были поставлены орудия противотанкового дивизиона и артиллерийский полк дивизии полковника Иванюка. В стрелковых подразделениях бойцы готовили для борьбы с танками противника связки гранат.

Этой же ночью, впервые с начала боевых действий, состоялось заседание Военного совета армии, а затем совещание партийного актива армейского управления. Обсуждался вопрос о задачах армии и мерах повышения боеспособности войск.

Особое внимание было обращено на необходимость строжайшего исполнения приказов. Все сошлись на том, что, во-первых, не надо отдавать невыполнимых приказов, а во-вторых, следует применять самые суровые меры к лицам, так или иначе нарушающим приказ начальника.

Под утро в район Снявки вышли с северо-запада часть сил 42-й стрелковой дивизии во главе с ее командиром генерал-майором И. С. Лазаренко и некоторые подразделения 6-й стрелковой дивизии. Командовать сводным отрядом 6-й дивизии было поручено заместителю командира 42-й дивизии полковнику М. Е. Козырю.

Личный состав подразделений 28-го стрелкового корпуса располагал в то время весьма «пестрым» транспортом. Здесь были и грузовики, и подводы артиллерийских, специальных и тыловых частей, и лошади (мобилизованные у местного населения) с самодельными примитивными седлами, но большей частью без седел. Сидевшие на этих лошадях красноармейцы представляли собой не конницу, а «ездящую пехоту», как говорили во время гражданской войны. Командир 42-й дивизии генерал Лазаренко привел с собой несколько сотен мобилизованных военкоматами граждан; значительная часть этих людей была на лошадях. Однако оружие имели не все.

В Барановичах мы достали железнодорожную дрезину и послали на ней двух командиров штаба армии в Пинск для установления

связи с полковником Попсуй-Шапко и командующим Пинской флотилией. Один из посланных командиров должен был добраться еще и до 75-й стрелковой дивизии, чтобы передать генералу Недвигину приказ: в случае невозможности удержать занимаемый им рубеж, отойти к Пинску и возглавить оборону города.

С утра 25 июня противник возобновил наступление в районе Слоими и на случком направлении. Около 9 часов его танкам удалось прорваться через р. Щару южнее Слоими, но они прошли не более 2—3 км от реки и были там задержаны.

Почти одновременно немецкие танковые дивизии, наступавшие на Синявку, сбили с рубежа Щары части 55-й стрелковой дивизии. Однако здесь их атака быстро захлебнулась. У полотна железной дороги Барановичи—Луцинец противник натолкнулся на подготовленный ночью противотанковый рубеж и тоже был остановлен.

Между 9 и 10 часами на командный пункт армии возвратился из района Слоими полковник Кривошеев и доложил следующее:

— Часа два назад неподалеку от Барановичей меня остановили три броневика. Из среднего вышел командующий фронтом генерал Павлов. Расспросив о состоянии и положении войск армии, он нанес доложенные мною данные на свою карту и в свою очередь сообщил, что на поддержку войск, обороняющихся в районе Слоими, от Столбцов выдвигается механизированный корпус генерала Никитина. Кроме того, он приказал передать командарму, что к Днепру сосредотачиваются войска из внутренних округов. Западный фронт должен обеспечить их развертывание. Задача 4-й армии, обороняясь на р. Щара, подготовить оборонительные рубежи в Слуцком укрепрайоне и на р. Случь. О соседней 10-й армии Павлов ничего сказать не мог. Правофланговые войска Юго-Западного фронта, по его словам, отошли на р. Стырь.

Выслушав этот доклад, командарм сразу же пригласил к себе командира 28-го стрелкового корпуса генерала В. С. Попова и поручил ему вместе с армейским инженером полковником А. И. Прошляковым немедленно заняться оборудованием обороны в районе Слуцка.

— Забирайте все сохранившиеся подразделения своего и 14-го механизированного корпусов, — сказал он Попову, — подчините себе в Слуцке запасной полк и подготовьте для обороны рубеж на р. Случь.

Потом на командный пункт был вызван комендант Слуцкого укрепрайона полковник П. П. Денисов.

— Прошу иметь в виду, — спокойно сказал комендант, — что все построенные долговременные сооружения в начале весны демонтированы и ни в одном из них нет оружия. Оно было направлено в ваш Брестский укрепрайон. Гарнизон наш — только один батальон, охраняющий сооружения.

Генерал Коробков произнес:

— А мы-то думали, что Слуцкий укрепрайон — солидный броневой заслон, под защитой которого можно пополнить части кор-

Д. П. Сафонов

Ф. А. Осташенко

пусов, привести их в порядок. — И, обращаясь к генералу Попову, добавил: — Надо выделить полковнику Денисову подкрепление. Пусть он несет хотя бы службу охранения для оборонительного рубежа на р. Случь.

В течение всего дня противник продолжал атаки в направлении Барановичи и Синявки, но ощутимого успеха не достиг. Лишь на одном участке восточнее Слонима немцам удалось прорваться на 3—5 км, но зато они потеряли здесь свыше 50 танков. Цементировала оборону на этом направлении по-прежнему 155-я стрелковая дивизия. Командир ее генерал-майор П. А. Александров умело организовал взаимодействие и в своих частях и с соседями. Из полков же особенно выделялся 659-й стрелковый под командованием полковника В. И. Шышлова. Попытки противника обойти Слоним с юго-востока, через Лесьну, также не удались. Выгрузившиеся на ст. Лесьна части 143-й стрелковой дивизии разбили наступавшего врага и отбросили за р. Щара. В этом бою геройской смертью пал на поле боя командир дивизии генерал-майор Дмитрий Потапович Сафонов.

Из трофейных документов мы позже узнали, что прочная оборона наших войск в районе Слонима припудила Гудериана подтянуть сюда свой второй эшелон — 46-й моторизованный корпус.

Ничего не выходило у противника и на случком направлении, где действовал его 24-й моторизованный корпус. Оборонявшаяся на рубеже Русиновичи—Тальминовичи 55-я стрелковая дивизия держа-

лась стойко. Ее артиллерия, поставленная на прямую наводку, в упор расстреливала фашистские танки. Здесь же, пожалуй впервые в 4-й армии, для борьбы с вражескими танками широко были применены связки гранат. Понеся большие потери, противник прекратил дальнейшие атаки на этом направлении около 17 часов. Из частей 55-й дивизии в этот день наибольшую доблесть проявил 107-й стрелковый полк под личным командованием командира дивизии полковника Д. И. Иванюка¹.

А в лесах восточнее р. Ясельда продолжали вести оборонительные бои 205-я моторизованная и 22-я танковая дивизии совместно с отрядом полковника Остапенко. Они яростно вцепились в прорвавшуюся к Иванцевичам моторизованную дивизию 24-го корпуса Гудериана, громили корпусные тылы и притянули на себя большие силы вражеской пехоты, а отчасти и его танковые дивизии. Таким образом, в центре армейской полосы, между Березой и Барановичами, создалась весьма сложная обстановка. Боевые действия развернулись здесь на нескольких рубежах, находившихся довольно далеко друг от друга, и получился так называемый «слоенный пирог».

По-прежнему стойко держались наши левофланговые дивизии — 6-я и 75-я. Это нашло отражение в одном из боевых донесений противника. Там отмечается, что в конце дня 25 июня 75-я дивизия при поддержке небольших сил артиллерии вновь предприняла контратаку с рубежа Влодава—Малорита.

Героически дрались с превосходящими силами противника и части, оказавшиеся у него в тылу. Оперативная сводка по группе армий «Центр» за 25 июня довольно точно зафиксировала создавшееся положение:

«В Брестской крепости гарнизон продолжает держаться, оказывая исключительно упорное сопротивление... У железнодорожного моста в Семятиче в дотах остаются части противника, которые подвергаются сильному обстрелу нашей артиллерии».

А уже после войны бывший начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Блюментритт сделал следующее признание английскому историку Лиддл-Гарту:

«Начальная битва в июне 1941 года впервые показала нам Красную Армию. Наши потери доходили до 50 процентов. ОГПУ (по-видимому, имеются в виду пограничники. — Л. С.) и женский батальон (очевидно, жены начсостава. — Л. С.) защищали старую крепость в Бресте... до последнего, несмотря на тяжелейшие бомбежки и обстрелы из крупнокалиберных орудий. Там мы узнали, что значит сражаться по русскому способу...»

К сожалению, в тот чрезвычайно трудный день штаб нашей армии не располагал такими данными. Связавшись на исходе 25 июня со штабом Западного фронта, мы передали туда оперативную сводку следующего содержания:

---

¹ Командир 107-го стрелкового полка за два дня до начала войны уехал на учебу.

«Части 4-й армии в течение дня продолжали обороняться в районе Слонима, на рубеже Русинновичи—Гальминповичи и восточнее Кобрина. От 75-й стрелковой дивизии из района Малорита и от дивизий, обороняющихся восточнее р. Ясельда, сведений нет.

Отряды 6-й и 42-й стрелковых дивизий вместе со штабом 28-го корпуса — в Слуцке. Отряды танковых и моторизованной дивизии вместе со штабом 14-го механизированного корпуса сосредоточились за Слуцким укрепрайоном. В командование сохранившимися частями корпуса вступил начальник штаба полковник И. В. Тутаршов, так как генерал Оборин в боях 25 июня был ранен и эвакуирован в тыл».

Около 18 часов на командный пункт армии приехал из Бобруйска командир 47-го стрелкового корпуса генерал-майор С. И. Поветкин вместе с несколькими работниками корпусного управления. Командующий армией ознакомил его с обстановкой и объявил, что штаб 47-го корпуса должен будет объединять 143, 121 и 155-ю стрелковые дивизии.

— Сможете ли вы возглавить их бой под Барановичами завтра с утра? — спросил командарм Поветкина.

Тот ответил, что до прибытия всего корпусного управления со средствами связи он считает нецелесообразным вступать в командование.

— К утру 26 июня, — заявил Поветкин, — я смогу лишь уточнить местонахождение штабов дивизий.

Генерал Коробков не стал возражать и отпустил его. Тогда же он принял решение: с наступлением темноты переместить штаб армии поближе к Слуцку. Надежд удержать длительное время оборонительный рубеж у железной дороги Барановичи—Лунинец не было. Части 55-й стрелковой дивизии были уже обессилены в предыдущих боях, снарядов в артиллерийских частях, в том числе и в окружном полку 203-мм гаубиц, оставалось мало. Отряд приданных дивизии танков насчитывал всего лишь около двух десятков боевых машин.

В 9 часов вечера мы тронулись по Варшавскому шоссе к Слуцку. На старой советско-польской границе у Семежево машины командования и штаба армии остановились — путь преграждала длинная колонна грузовиков тыловых учреждений дивизий армии. Я вышел из машины и пошел вперед, чтобы узнать, в чем дело. Оказалось, что несколько часов назад прошел дождь и почва раскисла. По обе стороны шоссе стояли застрявшие в грязи машины. Возле них копошились люди, пытавшиеся вытащить машины на шоссе. На некоторых машинах сопровождавшие груз солдаты спали. У машин, остановившихся непосредственно на шоссе, стояли группы людей. Из темноты доносились голоса.

— Ничего, скоро конец нашим мытарствам, — произнес кто-то. — Вот станем в укрепрайон, пусть тогда немцы потыкаются об него своей мордой.

— Укрепрайон, а где он, этот укрепрайон? — послышался второй голос. — Еще весной мы вывезли все пушки и пулеметы в Брестский укрепрайон.

Конца их беседы я уже не слышал. Освещая путь карманным электрическим фонарем, я добрался, наконец, до головы колонны. Оказалось, машины были задержаны контрольно-пропускным пунктом, который выставили пограничники. Шла проверка, кто и зачем едет или идет на восток.

На контрольно-пропускном пункте находился и командир Брестского пограничного отряда майор Кузнецов. Он докладывал Коробкову и Шлыкову:

— Штаб пограничных войск приказал мне выставить по старой границе, на основных пересекающих ее путях к Слуцку, контрольно-пропускные пункты, чтобы не дать возможности немцам перебрасывать на восток шпионов и диверсантов. Вот посмотрите, — и Кузнецов показал в сторону Слуцка. — Видите в нескольких пунктах пожары?.. Через каждые пять—десять минут в разных местах взлетают ракеты. То там, то здесь слышна ружейная и автоматная стрельба. Это диверсанты пытаются посеять панику в тылу. Они спиливают телеграфные столбы, режут провода, распространяют враждебные слухи.

— Ну и много вы задержали диверсантов на ваших контрольно-пропускных пунктах? — иронически спросил Шлыков. — Да и как вы их распознаете, особенно ночью?

— Да, пожалуй, больше двух десятков, — спокойно ответил Кузнецов. — Как правило, все они одеты красноармейцами. Едут они на машинах, мотоциклах, велосипедах и даже верхом. Некоторые пробраются пешком, стараясь затеряться среди уходящих в тыл граждан. Словом, обнаружить их трудно. Подразделения и машины, следующие в составе колонн, мы, конечно, не останавливаем.

— Может быть это и правильно было в первые дни войны, — сказал командарм Кузнецову, — а теперь, когда сюда приблизился фронт, ваши посты только создают пробки да вызывают недовольство у останавливаемых. Я здесь оставляю армейский отряд. Помогайте-ка лучше ему. Ну, а попадутся подозрительные лица, их, конечно, задерживайте.

К 2 часам 26 июня наш командный пункт развернулся в Гулвицах. Связаться со штабом фронта по проводам и по радио мы не смогли, хотя по телефону Минск отвечал. Со штабами корпусов связь работала лучше.

Командант Слуцкого укрепрайона полковник Денисов доложил, что в его распоряжение переданы две роты и батарея, охранявшие военные городки и склады 55-й стрелковой дивизии. По указанию местных властей частично эвакуируется, а частично уничтожается государственное имущество. Многие жители города, а также семьи комсостава Слуцкого гарнизона уходят лесами к Мозырю.

«Жаль, что мы не достроили и не сохранили Слуцкий укреп-район», — подумал я и рассказал Коробкову и Шлыкову, как четыре года назад работал здесь вместе с Ковтюхом и Петровским.

— Составляли вы с командованием округа бумажные планы, — бросил упрек Коробков. — На военных играх все подсчитывали, сколько противотанковых мин и колючей проволоки потребуется каждой обороняющейся части на километр фронта, а вот началась война — и ни мин, ни проволоки нет, укрепрайонов не существует.

По-видимому, и на этот раз Коробков был в какой-то мере прав. Правда, штаб округа сам не занимался производством мин и проволоки. Даже голос наш в подобных вопросах не был решающим. Но я молча проглотил упрек командования.

— Эх, мины, мины... Когда же все-таки фронт даст нам их? — обратился Шлыков к Прошлякову.

— Каждый день обещают, — ответил армейский инженер. — А пока я сам разыскал в Слуцке небольшое количество взрывчатки. Часть передал обороняющимся частям, а остальное использовал для минирования мостов через Случь.

В 7 часов 26 июня на командном пункте армии в Гулевичах мы отчетливо слышали гул артиллерийской канонады. А через несколько минут после этого из штаба 55-й стрелковой дивизии прибыл делегат связи и доложил командующему, что на рассвете противник прорвал у них оборону и распространяется вдоль шоссе к Слуцку.

Не успели мы отпустить делегата, как прилетела немецкая авиация и, нацупав войска, расположенные поблизости от шоссе, стала их бомбить. Командарм решил переместить командный пункт восточнее Слуцка и расположить его позади оборонительного рубежа отрядов 28-го стрелкового корпуса. Однако это решение оказалось запоздалым. Около 8 часов танки противника пожаловали в Гулевичи. Один работник штаба был убит, двое ранены.

Только на подступах к Слуцку противника остановил мотострелковый полк танковой дивизии Богданова. Своими героическими действиями он немало способствовал и нашему выходу из-под удара врага.

Когда колонна штаба армии следовала через Слуцк, город был охвачен пожарами. Тысячи людей, табуны лошадей и гурты скота направлялись к переправе через р. Случь. С чердаков домов вели стрельбу пробравшиеся в город диверсанты. На одной из улиц кто-то бросил в нашу колонну ручную гранату. Кто, так и не удалось установить.

Генерал Попов, занимавший несколькими подразделениями 28-го стрелкового корпуса оборону по р. Случь, показал нам свои позиции. Здесь же располагался окружной запасной полк, которым теперь тоже распоряжался Попов.

Оборона на р. Случь была очень ненадежна.

Чтобы усилить ее, сделать противотанковой, Коробков приказал полковнику Тутаринову выставить на западной окраине Слуцка,

у шоссе и железнодорожного моста, два отряда механизированного корпуса. Остатки 30-й танковой дивизии во главе с полковником Богдановым отводились во второй эшелон за Слуцк и должны были седлать Варшавское шоссе в 8 км восточнее города. Туда же Тутаринов направил батальон пехоты, сформированный из военнослужащих, отбившихся от своих частей.

Для организации обороны на р. Березине я предложил послать в Бобруйск группу командиров армейского управления. И хотя командующий согласился, нетрудно было заметить, что отнесся он к моему предложению очень холодно. Позже я узнал, что еще утром Коробков разрешил командиру 47-го стрелкового корпуса генералу Поветкину не выезжать в район Барановичей, а возвратиться в Бобруйск и организовать там оборону, используя для этого прежде всего свои корпусные части.

Так как связи со штабом фронта не было, я послал в Минск делегата связи штаба армии. По пути он должен был заехать в механизированный корпус генерала Никитина. Этот корпус, по заверениям Павлова, выступил на помощь нашим войскам, ведущим бои за Барановичи. А по нашим данным, он был оставлен для обороны Минска западнее шоссе Минск—Слуцк.

До второй половины дня 26 июня сам командарм, член Военного совета и большинство руководящих работников штаба находились на переднем крае. Армейский инженер полковник Прошляков раздал в части со складов 55-й стрелковой дивизии пилы, лопаты, топоры, а начальник артснабжения — ручные гранаты. Основные дороги от Слуцка на восток, особенно Варшавское шоссе, заваливались подпиленными деревьями и перекапывались. Дорожные мосты разбирали. Полковник И. В. Тутаринов приспособлял для заграждений на дорогах неисправные автомашины и даже танки. У некоторых заграждений выставлялись пулеметы и орудия.

Около 16 часов, когда мы собрались на командном пункте, из Пинска прибыл один из наших посланцев. Он сообщил, что полковник Попсуй-Шапко обороняет сводным отрядом подступы к Пинску. В последнем собралось много отошедших туда разрозненных частей и подразделений, а наша авиационная дивизия выбыла оттуда железнодорожным эшелоном в Гомель.

Я предложил командующему выслать к Пинску управление 28-го стрелкового корпуса во главе с генералом Поповым. Там, мне казалось, он сможет организовать настоящий корпус и активными действиями из Полесья на север притянуть на себя из вражеского тыла значительные силы.

— А то несколькими отрядами, обороняющимися под Слуцком, командуем и мы с вами, и Попов, — аргументировал я свое предложение.

Командарм не возражал. Однако окончательное решение этого вопроса отложил до возвращения из штаба фронта посланного туда делегата связи.

В течение дня фашистские танковые дивизии при поддержке авиации несколько раз атаковали нас в районе Слуцка, но захватить город и прорваться через р. Случь не смогли. К 18 часам большие потери в танках принудили противника прекратить атаки. Это было достигнуто прежде всего благодаря героизму и самоотверженности отрядов механизированного корпуса, возглавляемых лично Иваном Васильевичем Тутариновым. Немаловажную роль сыграли и заграждения, сооруженные под руководством полковника Прошлякова.

В районе Барановичей противник несколько потеснил наши стрелковые дивизии, но приблизиться к городу вплотную тоже не смог. Там стойкость нашей обороны в значительной мере обуславливалась распорядительностью генерала Хабарова, прибывшего под Барановичи накануне.

Вечером возвратился из Минска наш делегат связи. По его словам, примерно на полпути между Слуцком и Минском он наткнулся на командный пункт генерала Никитина. Там ему сообщили, что танковые дивизии этого слабого, только недавно начавшего формироваться мехкорпуса занимают оборону юго-западнее Минска, а моторизованная дивизия под командованием генерал-майора Ф. А. Пархоменко направляется к Слуцку. Связи со штабом у А. Г. Никитина тоже не было, и наш делегат проследовал дальше.

— Подъезжая к Минску, — докладывал он, — я уже издали увидел над городом клубы дыма. Все улицы запружены бесконечными потоками машин и подвод. Люди стремятся к мостам через Свислочь. Штаб фронта разыскать не удалось. Но у коменданта Минска я встретил двух знакомых командиров из штаба фронта. Они мне сообщили, что штаб на рассвете ушел в район Могилева. Войска, обороняющие Минск, возглавило командование 13-й армии. Сегодня с утра в 15—20 км северо-восточнее Минска идут бои с прорвавшимся от Молодечно крупными танковыми силами немцев. Достоверность этих данных не вызывает сомнения. Глухая артиллерийская канонада была ясно слышна в городе. Обратю из Минска я едва выбрался сквозь поток встречных машин. Дважды попал под бомбежку немецкой авиации, в результате которой в городе вспыхнули новые пожары.

Именно в этот тяжелый для столицы Белоруссии день капитан Н. Ф. Гастелло совершил беспрецедентный подвиг, о котором вскоре стало известно во всем мире.

Не могу найти слов, чтобы выразить, как ошеломили нас трагические вести о прорыве немецких танков к столице Белоруссии от Молодечно. Значит, и на другом крыле фронта противник вклинился так же глубоко, как и в полосе 4-й армии. Внезапность вражеского удара, превосходство противника в силах, особенно в танках и авиации, одинаково сказались на обеих фланговых армиях.

Коробков, не глядя на нас, тихо проговорил:

— Все эти дни меня не раз охватывало сожаление, что на мои плечи взвалили непосильный груз командарма. Думалось, что

если бы меня не выдвинули на этот пост, я куда увереннее командовал бы своим корпусом в районе Вильно. А теперь вот выяснилось, что на вилецком направлении обстановка сложилась такая же тяжелая, как и у нас.

Сознание, что командование и штабы других армий фронта находятся примерно в таком же положении, как и мы, заметно изменило поведение командарма. Он стал менее угрюмым и замкнутым. Надо сказать, что перемена в настроении командарма в какой-то мере коснулась и меня, и Федора Ивановича Шлыкова.

— Плохо, что у нас в тылу вдоль Варшавского шоссе до самого Днепра почти нет войск, — заметил как-то Шлыков.

— В районе Пуховичи, между Минском и Бобруйском, размещается воздушнодесантный корпус под командованием генерал-майора Жадова, — поправил я.

В другое время Коробков, наверное, отмолчался бы. А теперь он отреагировал немедленно:

— Кому-нибудь из вас следует поехать к Могилеву и разыскать командование фронта. Надо доложить обстановку без прикрас и просить выдвинуть к Бобруйску хотя бы одну дивизию. В полосе 4-й армии сейчас самым опасным является прорыв по Варшавскому шоссе. Поэтому я решил генерала Попова с его корпусным управлением и сводным отрядом в Пинск не отправлять, а поручить ему организацию обороны на р. Птичь.

Это решение было разумным. Мы с Федором Ивановичем поддержали его. И генерал Попов, сформировав сводный отряд из нескольких разрозненных подразделений, выехал на автомашинах по Варшавскому шоссе к мосту через р. Птичь. Командование всеми частями и отрядами на р. Случь было возложено на полковника Тутаринова.

В ночь на 27 июня 24-й моторизованный корпус группы Гудериана захватил северную часть Слуцка и военные городки. Командный пункт Тутаринова переместился в район Калиты, а армейское управление решено было перевести в Старые Дороги. Перед отъездом туда я заглянул к Тутаринову, чтобы лишний раз напомнить ему о необходимости любой ценой удержаться здесь до того, как будет подготовлена оборона в районе Бобруйска.

— Постараемся удержаться, — заверил меня Иван Васильевич. — Все оставленные мне части и отряды я уже принял. В каждой из них успел побывать и организовал между ними взаимодействие. Теперь силами отряда полковника Богданова готовлю позади Калиты тыловой оборонительный рубеж. На прощанье Тутаринов угостил меня мясными консервами и чаем.

С утра 27 июня противник сбил наши войска севернее и южнее Слуцка, потеснил их восточнее р. Случь и полностью овладел городом. Однако развить наступление в быстрых темпах ему не удалось. Отряды полковника Тутаринова, заблаговременно создавшие у себя в тылу многочисленные заграждения, оказали упорное сопротивление.

Г. А. Тер-Гаспарян

М. П. Дмитриев

К 10 часам 3-я и 4-я танковые дивизии Гудермана уткнулись восточнее р. Случь в особо насыщенный заграждениями рубеж Омговичи—Калита, на котором оборонялись наши танкисты. У завалов и мостов одна за другой взрывались вражеские машины. Противник вынужден был выдвинуть вперед пехоту с саперами и начать медленно прогрызать оборону.

Южнее, в Уречь, наступление немцев сдерживали части 55-й стрелковой дивизии. Она причинила огромный урон противнику, но и сама понесла тяжелые потери. В жестоких боях в районе Слуцка геройски пал в одной из контратак командир дивизии полковник Дмитрий Иванович Иванюк. А его заместитель подполковник Т. М. Сидорин, в прошлом один из моих сотрудников в штабе округа, получил тяжелое ранение. Ряд подразделений полков дивизий перестал существовать. Однако сохранившиеся подразделения этой героической дивизии стойко держались на занятом рубеже. В командовании дивизией вступил энергичный начальник штаба подполковник Г. А. Тер-Гаспарян.

Чтобы сломить сопротивление отрядов Тутарнова на Варшавском шоссе, немецкое командование выслало в обход их с севера танки с пехотой. Эти танки пробились к середине дня в район Старых Дорог и совершенно неожиданно для нас опять появились возле командного пункта армии. На командном пункте находились в тот момент только командарм, я и несколько штабных командиров. Все остальные работники управления армии во главе с членом Воен-

ного совета выехали в Бобруйск для подготовки там новых оборонительных рубежей.

Мы едва успели сесть в машины и под огнем противника по Варшавскому шоссе вырваться за р. Птичь к сводному отряду 28-го стрелкового корпуса. Генералу Понову было приказано немедленно разрушить мост, по которому мы только что промчались. Мост полили бензином и на наших глазах подождгли. Однако до того, как он успел сгореть, появились вражеские танки, сбили наши слабые заслоны и относительно легко перебрались на противоположный берег Птичи. Дальнейшее их продвижение было задержано личным составом корпусного управления под руководством начальника штаба полковника Г. С. Лукина и заместителя командира корпуса по политической части полкового комиссара В. А. Зубова.

3. Оборона на Березине и отход за Днепр

Во второй половине 27 июня танковые части противника обошли с севера отряд полковника Богданова под Слуцком, прорвались к р. Птичь и завязали бой с отрядом 28-го стрелкового корпуса. К этому времени командование и штаб армии сосредоточились в Бобруйске. Оборону в районе Бобруйска организовал командир 47-го стрелкового корпуса генерал Поветкин. Он привлек для этой цели корпусные части, в том числе три дивизиона корпусной артиллерии и не перевезенные в район Барановичей части 121-й стрелковой дивизии. Кроме того, в оборону были поставлены дислоцирующиеся в Бобруйске автотракторное училище и дорожно-эксплуатационный полк.

Трудно было надеяться на удержание Бобруйска такими незначительными силами, и Поветкин строил оборону по восточному берегу р. Березины, за городом. На западной же окраине города было выставлено лишь охранение. Штаб корпуса разместился у стыка Могилевского и Варшавского шоссе.

Прибывший раньше командарма в Бобруйск армейский инженер Прошляков забрал с бобруйского артополигона взрывчатку и передал ее обороняющимся войскам для устройства заграждений. Часть этой взрывчатки была использована для минирования мостов через Березину в Бобруйске.

В Бобруйске к нам присоединился начальник артиллерии армии генерал М. И. Дмитриев. Война застала его в Москве. Он выехал оттуда в ночь на 23 июня и все это время мыкался в поисках управления армии, перебираясь из одного пункта в другой то по железной дороге, то на автомашинах, то на подводах. Дмитриев немедленно включился в работу по организации обороны. Огромную роль его в подготовке артиллерийских позиций и обеспечении войск боеприпасами трудно переоценить.

Здесь же я впервые наткнулся на след своей семьи. Незадолго до моего приезда в Бобруйск Шлыков встретил ее в числе других

семей начсостава армейского управления, переходивших на восточный берег Березины. Тут же оказались и родные Федора Ивановича.

— Из Слуцка их довели сюда на попутных машинах, — рассказывал Шлык. — Вашу тещу удалось пристроить на грузовик, следовавший дальше — на Могилев. А жена и дочь остались вместе с мной и семьей Рожкова. Собрали мы им сколько могли денег и отправили в Гомель. Оттуда моя жена поедет на родину — в Красноподар, а ваша решила держать путь к брату в Тамбов.

С наступлением темноты командир охраняющего подразделения донес, что у западной окраины Бобруйска появились немецкие танки. Перед командованием армии встал вопрос о взрыве мостов через Березину.

— Это надо сделать немедленно, — настаивал я, — иначе может получиться, как на Птичи.

— Партийные и советские органы Бобруйска в основном эвакуировались, наиболее ценное имущество из города вывезено, — добавил Шлык.

— Все это так, а как же будут переправляться без моста части и подразделения, оставшиеся на том берегу? — заколебался командарм.

— У нас имеются паромные переправочные средства и много лодок, — ответил полковник Прошляков. — Те подразделения, которые пробираются лесами от Слуцка к Бобруйску, будут переходить Березину по переправам в Шатково, севернее Бобруйска, и в Ставке, южнее города.

— Бобруйские мосты через Березину — очень важные и дорогостоящие сооружения. К тому же они имеют оперативное значение, — не сдавался Коробков. — Надо было бы на взрыв мостов получить санкцию командующего фронтом.

На минуту воцарилось тяжелое молчание, которое нарушил сам Коробков.

— Так как связи со штабом фронта нет, а угроза захвата мостов противником нарастает, я разрешаю взрыв, — объявил он.

И армейский инженер полковник Прошляков на наших глазах осуществил этот взрыв. Больно было смотреть, как рухнул чудесный мост через Березину на Варшавском шоссе. Не знаю, как остальные, а я испытывал такое чувство, будто похоронил дорогого человека. А к этому еще примешивался стыд. Нас обжигали укоризненные взгляды местных жителей.

Вскоре после взрыва моста нам удалось, наконец, установить проводную связь со штабом фронта. Доложив обстановку, командарм получил отсюда следующие указания:

«Обороной на р. Березине как можно дольше задержать противника. Выдвигаемые к Днепру свежие войска еще не полностью сосредоточились и не подготовили оборону. Остатки механизированного корпуса вывести за Днепр в район Довска и оттуда направить в Смоленск на переформирование. Части 28-го стрелкового корпуса

и 55-ю стрелковую дивизию отвести восточнее Довска и немедленно приступить к доукомплектованию. Части и тылы 121-й и 143-й стрелковых дивизий, оставшиеся в Бобруйске и Гомеле, сосредоточить в районе Гомеля. В кратчайший срок развернуть за этими померами новые дивизии. Личный состав, боевую технику и имущество получить по нарядам штаба фронта».

Под конец Коробкову было приказано прибыть на следующий день к командующему фронтом для личного доклада о состоянии армии.

Командарм собрал у себя почти весь руководящий состав управления армии. Армейский КП в то время размещался у стыка Могилевского шоссе с Варшавским.

— Давайте обсудим, что же я должен завтра докладывать, — предложил Коробков.

Итоги обсуждения были далеко не утешительные. В центре армейской полосы противнику удалось прорваться вдоль Варшавского шоссе к Березине, проткнуть нашу оборону на узком участке своеобразным танковым шилом. В то же время на правом фланге армии 121-я, 143-я и 155-я стрелковые дивизии, хотя и были принуждены к несходу дня оставить Барановичи, но не пропустили танковые дивизии Гудермана к бывшей советско-польской границе; противник был остановлен на подступах к Столбцам и Несвижу. Механизированный корпус генерала Никитина, развернувшийся между Минском и Слуцком, в бой еще не вступил. Сводный отряд нашего механизированного корпуса под командованием полковника Тутаринова и 55-я стрелковая дивизия сдерживают в течение дня две танковые дивизии противника на рубеже Омговичи — Калита — Уречье. 6-я стрелковая дивизия продолжает обороняться на участке между Кобрином и Пиписком против немецкой кавалерийской дивизии и частей 12-го армейского корпуса. 75-я стрелковая дивизия в районе Малориты по-прежнему ведет бой с дивизиями 53-го армейского корпуса немцев.

— Надо просить командующего фронтом выдвинуть сюда, к Бобруйску, хотя бы одну стрелковую дивизию из резерва Ставки, — советовал я Коробкову.

— С помощью этой дивизии генерал Поветкин сможет задержать противника на Березине в течение пяти—семи дней, — поддерживал эту мысль Шлык. — А за это время мы успели бы все части корпусов Попова и Оборина, а также дивизию Тер-Гаспаряна вывести за Березину и там пополнить и вооружить. Кроме того, много боевой техники, по крайней мере пулеметов и артиллерии на конной тяге, появится вместе с пробивающимися к Березине от Слуцка частями и подразделениями.

— Что вы меня убеждаете? — ответил на это Коробков. — Вот завтра поедете со мною докладывать Военному совету фронта, там и приведете свои соображения. А сейчас пойдемте ко мне в машину, обсудим еще некоторые детали нашего завтрашнего доклада.

Подводя перед докладом командованию фронта предварительные итоги армейской операции к исходу 27 июня, мы не могли учитывать боевых действий войск 4-й армии, оставшихся во вражеском тылу. Теперь мы знаем, что в этот день продолжали свою героическую борьбу и бессмертный гарнизон Брестской крепости, и подразделения Брестского укрепрайона в Семятиче. Особенно ожесточенные бои развернулись в этот день в районе Иванцевичи, Коссово, Бытень. Моторизованная дивизия полковника Кудюрова вместе с отрядами полковников Копонова и Остапенко днем и ночью самоотверженно бились с окружившими их в этом районе частями танковой группы Гудериана и не давали им возможности выдвигаться на восток. В боях под Иванцевичами и Коссово наши войска причинили врагу огромный урон, но и сами понесли большие потери. Среди лиц старшего командного состава смертью храбрых пали начальник штаба 205-й моторизованной дивизии подполковник Сергей Николаевич Попов и начальник штаба отряда Остапенко полковник Федор Федорович Берков. Исполнявший обязанности заместителя командира отряда по политическому делу полковой комиссар Григорий Сергеевич Пименов был тяжело ранен.

К середине дня 28 июня противник сбил наше слабое охранение под Бобруйском, захватил город и вышел к Березине. Вскоре после появления перед рекой вражеских танков командарм вызвал меня и приказал немедленно ехать к командующему фронтом.

— Я заболел, — пояснил он. — А член Военного совета не решается ехать без меня. В штабе фронта вы свой человек, а значит, и доложить там сумеете лучше, чем мы.

И я поехал.

Когда за поворотом дороги скрылся командный пункт, мне показалось, что война осталась где-то далеко-далеко. Стрельбы не слышно, так как вражеские танки, прорвавшиеся к Березине, затаялись в тот день и ничем себя не проявляли. Ни наших, ни немецких самолетов в воздухе не было. Лишь изредка нам приходилось обгонять такие же, как наша, одиночные военные автомашинны, преимущественно грузовики.

Погода стояла жаркая. Обочины шоссе сильно пылили.

На опушке одной рощи шофер остановил машину — перегрелся мотор. Я шагнул из кабины в густую высокую траву, щедро пересыпанную цветами. И до сих пор помню, как поразило меня тогда, что природа оставалась такой же, как в мирные дни. Как и тогда, светит солнце, поют птицы, цветут цветы... Но вот шофер даст знак, что все в порядке, и мы едем дальше.

Под Могилевом встретили два броневика и «эмку». Мелькнула мысль: «Уж не командующий ли фронтон едет?» Действительно, это был генерал Павлов. Он осматривал оборонительные позиции в районе Могилева. Я вышел из машины и представился командующему. Меня поразили происшедшие в нем изменения. Павлов как-то осунулся, сгорбился. Голос стал тихим, в глазах светилась тревога.

Доложив по карте обстановку, я передал Павлову просьбу командарма выдвинуть к Бобруйску дивизию или бригаду.

— Я вам подчиню механизированный корпус Никитина и воздушнодесантный корпус Жадова, — ответил Павлов. — Этим корпусам уже отдан приказ — частью сил нанести удар на Слуцк по тылам противника, прорвавшегося к Бобруйску. Для взаимодействия с ними надо вам завтра с утра перебросить через Березину сильный отряд и отбить Бобруйск у противника. Я крайне недоволен, что вы так легко сдали город.

— Под Бобруйском у нас очень ослабленные части, — возразил я. — Они едва удерживают врага, прикрываясь рекой.

Но эту мою реплику Павлов, как говорят, пропустил мимо ушей и заговорил о значении нашей обороны на Березине.

— К Днепру сосредоточиваются из глубины страны армии резерва Главного Командования. Их возглавляет Семен Михайлович Буденный. За вашей 4-й армией развернется 21-я, но выделить какие-либо силы из этой армии на усиление вашей я не имею права. Поедьте на командный пункт фронта. Там обсудим положение подетальнее.

— А где он? — спросил я.

— Конечно, не в самом Могилеве, где в первую мировую войну была царская ставка, — горько усмехнулся Павлов. — Поезжайте за мной.

Командный пункт Западного фронта находился в лесу восточнее Могилева, в нескольких километрах от Днепра. В момент нашего приезда здесь было многолюдно и шумно. Лес был разбит на отдельные участки для каждого управления и отдела. На деревьях висели подвешенные телефоны внутренней связи, под деревьями стояли столы с разложенными на них картами и папками. На всех участках красноармейцы строили землянки.

Устойчивую техническую связь штаб фронта имел только с Москвой и нашей 4-й армией.

На командном пункте я встретил прибывшего из Москвы Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова. Он и Павлов уточнили основные задачи 4-й армии. Главной из них было удерживать занимаемые рубежи, чтобы армии резерва имели возможность без особых помех развернуться на Днестре. Второй задачей являлось восстановление 28-го и 47-го стрелковых корпусов. Штаб армии разрешалось оттянуть в район Рогачева. Тут же я узнал, что оборона Минска возложена на 13-ю армию, которая теперь будет нашим соседом справа. О левом соседе — Юго-Западном фронте — сведений было мало, но генерал Климовских заявил, что там ближайшие к нам войска ведут бой на р. Стырь.

На командный пункт армии я возвратился под вечер и немедленно доложил о результатах поездки с нетерпением ожидавшим меня Коробкову и Шлыкову.

— Надо было ехать с докладом нам самим, — огорчился Шлыков.

Б. М. Шапошников

Ф. И. Кузнецов

Коробков сделал вид, что не слышал этого замечания.

— Отряд для участия в операции по уничтожению противника в Бобруйске будем готовить завтра, — сказал он, глядя на меня. — А сейчас надо связаться с Жадовым и Никитиным. Для оборудования командного пункта в районе Рогачева вышлите своего заместителя. . .

С пастушением темноты на восточный берег Березины переправилась большая часть корпусного управления генерала Попова. Начали также появляться подразделения и просто группы бойцов 42, 6 и 55-й стрелковых дивизий. Попов объединил всех собравшихся и двинулся с ними к Рогачеву.

Когда я ехал из Могилева на командный пункт армии, отряд полковника Тутаринова продолжал еще удерживать противника восточнее Слуцка. Но при отражении одной из наиболее мощных атак Тутаринов был ранен и его эвакуировали в Могилев. Заместитель Тутаринова по политической части полковой комиссар Иван Васильевич Носовский убит. Отряд, возглавляемый теперь полковником Семеном Ильичем Богдановым, стал отходить к Березине.

К исходу дня 46-й и 47-й моторизованные корпуса группы Гудериана, наступавшие из района Барановичей, заняли Несвиж и Столбцы, прорвались через оборонявшиеся на широком фронте части к Дзержинску и завязали бои с танковыми дивизиями механизированного корпуса Никитина на юго-западных подступах к Минску.

Судя по оперативным сводкам, немецкое командование уже считало Минск в своих руках.

В ночь на 29 июня страдавший манией величия Гудериан специально приехал в Несвиж, чтобы переночевать в замке князя Радзивилла, где когда-то останавливался Вильгельм I¹.

И в эту же ночь на 29 июня из лесов между Барановичами и Березой стали отходить к Пинску израсходовавшие все боеприпасы, все горючее дивизии Кудюрова и Конопова, отряд полковника Осташенко и многие другие наши отряды.

Утром 29 июня командный пункт 4-й армии переместился в лес, западнее Рогачева. В этот день генерал Поветкин успешно оборонял на Березине рубеж Свислочь — Бобруйск — Паричи и готовил отряд для форсирования реки у Бобруйска. В этот же день полковник Богданов со штабом и с уцелевшими частями 14-го механизированного корпуса убыл из района Довска в Смоленск на переформирование, оставив генералу Поветкину десять танков.

В середине дня 29 июня на командный пункт армии, располагавшийся уже под Рогачевом, возвратился наш посланец из воздушно-десантного корпуса, который ездил туда для согласования совместных наступательных действий в районе Бобруйска.

— Полковник Казанкин, начальник штаба корпуса, сообщил мне, — доложил прибывший, — что корпус завтра, 30 июня, по приказу фронта займет двумя бригадами оборону на Березине: одной бригадой в районе Березино, а другой — у Свислочи. Третья бригада на машинах выдвигается в район Старых Дорог. Оттуда совместно с моторизованной дивизией корпуса генерала Никитина она нанесет удар по тылам бобруйской группировки противника. В последующем бригада будет действовать в тылу врага как партизанское соединение.

Однако вскоре выяснилось, что механизированный корпус генерала Никитина принять участие в наступлении на Бобруйск не имеет возможности. Два моторизованных корпуса группы Гудериана, тесня 155, 121 и 143-ю стрелковые дивизии к бывшей советско-польской границе, прорвались на шоссе Минск—Слуцк и втянули в бой все силы, какими располагал генерал Никитин. Особенно ожесточенные бои развернулись у юго-западной окраины Минска. 26-я танковая дивизия генерал-майора В. Т. Обухова многочисленными контратаками вывела из строя свыше 50 танков 47-го моторизованного корпуса немцев и отбросила противника на несколько километров назад. Прорвавшийся к Минску передовой батальон 17-й немецкой танковой дивизии был уничтожен полностью. Но к исходу 28 июня вражеские танки опять ворвались

---

¹ Точно так же в 1939 г. Гудериан не поленился приехать в Финкенштейн, чтобы переночевать во дворце, где в течение нескольких дней жил Наполеон. 11 июля 1941 г. он расположил свой командный пункт в поселке Толочин Витебской области, опять-таки только потому, что в 1812 г там была штаб-квартира Наполеона.

в Минск. На этот раз бои переместились уже на улицы белорусской столицы.

Одновременно 3-я и 4-я танковые дивизии Гудериана под прикрытием авиации и артиллерии приступили к форсированию Березины: севернее Бобруйска — у Шатково и южнее — у Доманова. Специально приспособленные танки переправлялись по дну реки под водой. Это были те самые машины, которые в 1940 г. предназначались якобы для вторжения в Англию².

Отряды генерала Поветкина мужественно дрались за Березину. При поддержке артиллерии и фронтовой авиации они уничтожили большую часть переправившихся танков и к исходу дня столкнули противника с захваченных им плацдармов. При этом нашими пулеметчиками был сбит немецкий пикирующий бомбардировщик. Экипаж самолета удалось пленить. Пленный летчик охотно рассказал, что их соединению поставлена задача: поддерживать корпус группы Гудериана на всем его пути к Днепру и при переправе через эту реку в районе Рогачева. Вел себя этот летчик чрезвычайно заносчиво: объявил, что состоит в родстве с Герингом, хвастался, что является одним из наиболее опытных офицеров немецкой авиации, и уверен, что немецкое командование охотно даст в обмен на его персону «не меньше десяти русских пленных летчиков». Его хвастовство вызвало у нас понятное чувство гадливости, и командарм приказал побыстрее отправить в штаб фронта весь плененный экипаж вражеского бомбардировщика.

С наступлением темноты через Березину, севернее и южнее Бобруйска, во все возрастающих размерах продолжали переправляться наши одиночные бойцы, небольшие группы, подразделения и даже целые части с артиллерией. Наиболее организованно отходила 55-я стрелковая дивизия под командованием подполковника Тер-Гаспаряна. Разгромив недалеко от Поречья моторизованный отряд противника и захватив несколько пленных, она не ушла полностью с западного берега Березины, а создала там у селения Паричи предместное укрепление и прочно удерживала его.

По докладу Тер-Гаспаряна, вместе с захваченными в плен немецкими солдатами (моторизованный отряд входил в состав 3-й немецкой танковой дивизии) оказалось около 20 человек, одетых в красноармейскую форму. Они ехали на грузовой машине, которая во время боя была подбита.

Вначале они пытались выдать себя за захваченных немцами в плен советских бойцов и предъявили красноармейские книжки. Но даже самый поверхностный осмотр их вещей не оставил и тени сомнения в том, кто они такие. У них были найдены сигнальные

---

² План вторжения на Британские острова, именованный операцией «Морской лев», широко и подозрительно шумно рекламировался гитлеровской Германией. В действительности, как признался позднее Гудериан, немецкие танки готовились тогда не к форсированию Ла-Манша, глубина которого превышает 100 м, а к преодолению водных преград глубиной до 4 м, т. е. для форсирования рек.

ракеты, радиостанции и значительные суммы советских денег, не говоря уже об оружии, которого у пленных никак не могло быть. Это была группа диверсантов и шпионов, которых готовили еще до войны где-то под Варшавой.

Перед рассветом 30 июня специально подготовленный генералом Поветкиным штурмовой отряд на лодках и плотах тихо переправился на западный берег, неожиданно для противника ворвался в старинную Бобруйскую крепость и овладел ею. Этому немало способствовало то обстоятельство, что большая часть бойцов штурмового отряда знала в крепости каждое здание. Ведь всего несколько дней назад они сами размещались там!

Особенно высокие моральные и боевые качества проявил в боях на Березине личный состав автотракторного училища во главе с его начальником полковником И. М. Чунрыгиным.

И, как всегда, примером для всех были здесь коммунисты и комсомолцы. Командир одного из батальонов училища коммунист майор Ф. Г. Грицов вел курсантов в контратаки, успешно провел боевую разведку и доставил важные сведения о расположении и силах противника в городе. Так же храбро вели себя коммунист капитан В. М. Саваян, подразделение которого подбило 6 вражеских танков, и комсомолец лейтенант Н. И. Предько, уничтоживший силами своего взвода большое количество вражеских солдат и офицеров. Предько был ранен, но поле боя не оставил. «Я вполне могу еще бить фашистскую нечисть и прошу разрешить мне остаться в строю», — обратился он к своему командиру.

Штурмовой отряд, внезапно захвативший старинную крепость в Бобруйске, сразу был замечен врагом. По нему стала вести огонь артиллерия, его штурмовала авиация. А ожидавшийся удар с тыла по Бобруйску механизированного корпуса генерала Никитина, как известно, не состоялся. Малочисленный гарнизон принужден был драться в крепости в одиночестве.

Между тем уход штурмового отряда на западный берег Березины в Бобруйск заметно ослабил части генерала Поветкина, и противник воспользовался этим.

Утром 30 июня в районе Шатково немецкие танки вновь начали подводное форсирование Березины. Вслед за ними немецкое командование стало перебрасывать на восточный берег реки мотопехоту с артиллерией.

Генерал Поветкин не ожидал, что противник решится форсировать Березину в том пункте, где он потерпел неудачу накануне, и поэтому наши части в районе Шатково усилены не были, да и усилить их было нечем.

И вот к середине дня противник значительно расширил плацдарм у Шатково, переправив туда главные силы 3-й танковой дивизии. Около 15 часов вражеские танки при поддержке авиации атаковали фланговые части генерала Поветкина, смяли их и стали распространяться вдоль шоссе на Рогачев и Могилев.

Получив первые сведения об этом, генерал Коробков создал из отходивших на Рогачев стрелковых и артиллерийских подразделений 42-й стрелковой дивизии отряд, сам возглавил его и занял оборону на р. Ола, по обе стороны Варшавского шоссе. На этом рубеже к исходу дня противник был остановлен. Отряд, занимавший крепость в Бобруйске, не дождавшись обещанной помощи с тыла, с наступлением темноты без потерь вернулся на восточный берег Березины, южнее Бобруйска, и тоже стал отступать за р. Ола.

А в Минске уже хозяйничали гитлеровские захватчики. Наступавшая от Вильно танковая группа противника, потеряв половину боевых машин, в конце концов вынудила войска 13-й армии оставить Минск и овладела столицей Белоруссии. Отсюда немецкие танки двинулись по Минскому шоссе к Борисову. В то же время 46-й корпус Гудериана прорвался сквозь изреженные боевые порядки моторизованной дивизии Пархоменко, выдвинулся к р. Птичь, а передовыми частями достиг Свислочь на Березине и завязал там бой с воздушнодесантной бригадой из корпуса генерал-майора А. С. Жадова.

Окружение белостокской группировки Западного фронта и потеря столицы Белоруссии — Минска явились тяжелым ударом для Советского Союза. Приказом Ставки ГК 1 июля 1941 г. командующий фронтом и начальник штаба фронта со своих постов были сняты. Ряд руководящих начальников фронтового управления были заменены. В командование Западным фронтом 2 июля вступил Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальником штаба стал генерал-лейтенант Г. К. Маландин. Группа армий Буденного включалась в состав Западного фронта. Выход ее к Западной Двине и Днепру прикрывали теперь лишь две обесшленные армии прежнего Западного фронта. 1 июля им было приказано занять оборону по р. Березине: 13-й армии севернее Могилевского шоссе, а 4-й армии южнее³. 14-й мехкорпус убыл на укомплектование, вместо него в армию был передан 20-й мехкорпус — тоже без танков.

К сожалению, армейский приказ о занятии обороны на р. Березине дошел не до всех частей армии. В частности, быстро связаться с 20-м механизированным корпусом и выдвинуть часть его сил к Бобруйску, как рассчитывало командование 4-й армии, не удалось.

В 16 часов 1 июля вражеская авиация подвергла сильной бомбардировке наши сводные отряды (в том числе и ослабленный отряд Поветкина), оборонявшиеся по р. Ола. А потом они были атакованы танками, поддержанными интенсивным артиллерийским и минометным огнем.

Местность была открытая, и мне довелось еще раз видеть атаку танковых частей противника, действовавших, как правило, всегда одинаково, — вдоль дорог. Впереди двигался головной отряд —

---

³ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 10169, д. 4, лл. 105—106.

15—20 танков (главным образом Т-IV и Т-III) с несколькими самоходными орудиями сопровождения. По бокам его, на расстоянии 100—200 м, шли подразделения в составе 3—5 танков. Сблизившись с нашими войсками, танки противника разворачивались в линию и стремились атакой с ходу опрокинуть наши стрелковые части и прорваться сквозь них (так в прошлом действовала конница).

Наши части организованно встретили атаку головных танковых отрядов. Последние в поредевшем составе откатились назад и стали ждать, пока подойдут их главные силы и мотопехота с артиллерией. После нового огневого налета основные силы танковой дивизии возобновили атаку, ведя ее с нескольких направлений и пытаясь нанести нам удар частью сил во фланг и с тыла. Атака опять не удалась. Тогда противник оттянул главные силы назад и начал глубокий обход нашей обороны с севера.

Перед наступлением темноты 1 июля наши отряды на р. Ола не выдержали танковых атак противника с фланга и начали отступать к Днепру. Отряд 42-й дивизии отошел к западной окраине Рогачева и задержал противника на подступах к городу. Отряд Поветкина отступил к Ново-Быхову.

Вечером у селения Свислочь 4-й танковой дивизии Гудериана удалось захватить мост через Березину, оттеснить от реки воздушно-десантную бригаду и создать там плацдарм. Таким образом, противник открыл себе второй путь к Днепру в полосе нашей армии, на котором к тому же имелась исправная переправа через Березину.

И тем не менее фашистские захватчики опоздали. Отступая под натиском противника, численное и техническое превосходство которого в избранный им для внезапного нападения момент было бесспорным, войска советских армий первого эшелона в кровавых оборонительных боях нанесли ему огромные потери и не позволили наступать в запланированных гитлеровским командованием темпах. А самое главное, врагу не удалось, как это было в Польше и во Франции, вырваться, говоря военным языком, на оперативный простор. За время оборонительных операций первых дней войны из глубины страны были подведены новые армии, которые развернулись на Днестре для обороны.

Около 20 часов 1 июля меня вызвали к телефону. Говорил со мной генерал Маландин, мой однокурсник по Академии Генерального штаба. После обмена приветствиями он сообщил мне:

— На пост командующего фронтом на днях вступит Семен Константинович Тимошенко, а пока командует генерал-лейтенант Андрей Иванович Еременко. Штаб фронта готовится к переезду в район Смоленска. Ваша армия передается в оперативное подчинение командующему 21-й армией.

Утром 2 июля мы с генералом Коробковым явились в штаб 21-й армии, находившийся в Гомеле. Командовал ею генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко. обстоятельно ознакомившись с состоянием и положением войск 4-й армии, он сказал:

— Примите все меры для удержания противника подалее от Днепра, чтобы войска 24-й армии имели больше времени для организации обороны.

С 2 по 6 июля мы продолжали вести оборонительные бои на р. Березине и в Полесье. Вначале рубеж от селения Березино до Бобруйска обороняли отошедшие сюда части 20-го механизированного и воздушнодесантного корпусов. С 3 июля на этот же рубеж стали выходить части 121, 143 и 155-й стрелковых дивизий. Лучшее других сохранилась 155-я стрелковая дивизия генерала Александра.

А на левом фланге армии обстановка складывалась так.

Части генерала Недвигина, сражавшиеся в районе Малорита, почти полностью израсходовали боеприпасы, горючее и не могли уже с прежней силой бить противника. Почувствовав это, командование 4-й немецкой армии ко 2 июля спяло отсюда почти все свои войска и выдвинуло их на линию Кобрин—Барановичи. В то же время до Недвигина дошли сведения, что дивизии Юго-Западного фронта отошли на р. Стырь и, таким образом, стык фронтов переместился из района Малорита в район Пинска. Противник мог теперь очень быстро выйти к Мозырю, т. е. в тыл дивизии, где оставались семьи начсостава, а также большая часть всех запасов дивизии. Недвигин решил отвести свои части по лесным дорогам Полесья к Пинску. Большую часть боевой техники на механической тяге и почти весь автотранспорт пришлось уничтожить. Главные силы дивизии отходили южнее Днепровско-Бугского канала.

В Пинске Недвигин застал совершенно обесшленные части 6-й стрелковой дивизии под командованием полковника Попсуи-Шанко и разного рода насех сколоченные отряды. Просто каким-то чудом они удерживали на подступах к Пинску наступление армейского корпуса немцев.

С подходом сюда частей 75-й стрелковой дивизии сопротивление противнику возросло. Однако ненадолго. Через три дня генерал Недвигин нарочным донес командарму:

«3 июля объединил под своим командованием все находившиеся в районе Пинска части, но из-за отсутствия боеприпасов принужден был 5 июля оставить город. Пинская речная флотилия ушла к Мозырю».

Уничтожив в городе важные в военном отношении объекты, войска Недвигина стали отходить на восток для организации обороны в районе Луцица. Это зафиксировал и штаб немецкой группы армий «Центр». В донесении штаба от 5 июля мы читаем: «На правом фланге группы армий отступающие из Пинска на восток части противника разрушают мосты и сжигают склады».

От Барановичей к Луцицу одним-двумя днями раньше Недвигина вышли дивизия Кудюрова и сводный отряд Копопова, а также отряды полковника Остащенко, майора Дмитриева и другие. Почти все передвигались пешком. Материальную часть им тоже

пришлось уничтожить, но живая сила у них не убавлялась, а даже численно росла за счет присоединения в пути бойцов-одиночек и разрозненных мелких подразделений. Так, дивизия Кудюрова при подходе к Луницу насчитывала свыше 5 тысяч человек, сводный отряд Кононова имел около тысячи, а отряды Остащенко и Дмитриева — по 700—800 человек. Весь личный состав сохранил оружие, но боеприпасов не было. Продовольственное обеспечение отходивших частей осуществлялось преимущественно за счет местного населения — из запасов колхозов.

От Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко генерал Коробков получил приказание передать Герасименко все, в чем нуждается 21-я армия, а самому с армейским управлением выходить в резерв. Герасименко оставил на подступах к Могилеву механизированный корпус Никитина и на левом фланге, в районе Луница, — стрелковую дивизию Недвигина. Все остальное, т. е. 28-й и 47-й стрелковые и 4-й воздушнодесантный корпуса, отводилось за р. Сож для укомплектования. Туда же должно было переместиться и управление 4-й армии. Остатки войск 13-й армии переправлялись через Днепр в районе Орши и Могилева.

Надо сказать, что из состава 4-й армии после 5 июля продолжали вести бои с противником не только войска, переданные в 21-ю армию. В частности, воздушнодесантная бригада под командованием полковника А. Ф. Левашева и присоединившийся к ней 3-тысячный отряд 121-й стрелковой дивизии под командованием полковника Ложкина продолжали держаться между Бобруйском и Слуцком, громя вражеские тылы и временами целиком прекращая движение по Варшавскому шоссе. Значительные силы противника оттягивали на себя и многие другие части, отряды и отдельные группы из состава 4-й армии, продолжавшие вести упорные бои в условиях окружения. Особенно большие силы врага приковали к себе наши части, оборонявшиеся в Брестской крепости, в районе Новогрудка и в лесах западнее Минска, в частности в Налибокской пуще. Из захваченных в конце войны документов фашистской армии известно, что огромные потери, понесенные вражеской 45-й пехотной дивизией в боях с доблестными защитниками Брестской крепости, заставили германское командование поставить вопрос о расформировании этой дивизии.

В героических боях наших войск во вражеском тылу с наибольшей яростью проявилась великая организующая и вдохновляющая роль коммунистов и комсомольцев. Объединяя вокруг себя десятки, сотни, тысячи беспартийных военнослужащих, они дрались до последнего патрона, упорно пробивались на восток и в конце концов, как правило, выводили окруженные войска из вражеского кольца.

На этот счет имеются очень интересные свидетельства наших противников. Так, уже цитированный мною раньше гитлеровский генерал Блюментритт пишет:

«Наши моторизованные войска вели бои вдоль дорог или вблизи от них. А там, где дорог не было, русские в большинстве случаев

оставались недосыгаемыми. Целыми колоннами их войска ночью двигались по лесам на восток. Они всегда пытались прорваться на восток... Наше окружение русских редко бывало успешным».

Командование немецкой группы армий «Центр» в одном из своих донесений высказывало даже предположение, что «русские, возможно, проводят преднамеренное отступление», и аргументировалось это прежде всего незначительным количеством пленных.

Неспособность противника преградить нашим окруженным войскам путь на восток явилась одной из причин довольно быстрого выхода дивизий 4-й и других армий Западного фронта из вражеского тыла.

В течение 5—6 июля 121-я и 155-я стрелковые дивизии с боями подошли к Днепру и переправились через него в районе Могилева. Эти дивизии были направлены в район Гомель—Новозыбков, где вновь вошли в состав 47-го стрелкового корпуса, который вышел в резерв фронта. А 143-я стрелковая дивизия переправилась через Днепр южнее Могилева и была направлена в Чаусы.

К вечеру 7 июля командир 75-й стрелковой дивизии генерал Недвигин прислал нам такое донесение:

— Перешел в подчинение 21-й армии. Части дивизий Коносова и Кудурова из района Лунинец переместились в Калинковичи и отсюда по железной дороге отправляются в район комплектования 14-го механизированного корпуса. Части и отряды 6-й стрелковой дивизии во главе с командиром дивизии полковником Поисуй-Шапко и отряды 42-й дивизии находятся на марше к своим частям, сосредоточенным у р. Сож.

Это было последнее донесение Недвигина в штаб 4-й армии.

На этом собственно и закончились действия войск Западного фронта первоначального состава по прикрытию сосредоточения и развертывания войск из глубины страны. А вместе с этим, по существу, заканчивался и начальный период войны на Западном направлении. Ведь начальный период по прежним понятиям включал в себя мобилизацию, стратегические перевозки, сосредоточение и развертывание Вооруженных Сил страны, а также и прикрытие всех этих мероприятий приграничными войсками. Считалось, что продолжительность этого периода для таких государств, как Германия и СССР, будет около 15—25 суток. В первую мировую войну примерно так и было. Почему же начальный период Великой Отечественной войны был таким неудачным для наших войск? Я не перечисляю общезвестные причины наших неудач, тем более что упоминал о них, говоря об итогах первых дней войны. Суммируя большинство эти причин, приходишь к одному выводу. В силу сложившихся обстоятельств начало войны было для нас столь тяжелым. Все содержание начального периода — мобилизация, стратегические перевозки, сосредоточение и развертывание у Германии были проведены заранее, причем ее войска и промышленность уже обладали двухлетним военным опытом. Гитлер лишь перегруппировал в процессе войны главные силы со своего Западного фронта, на-

правленного против Франции и ее союзником, на восток, против Советского Союза и сразу начал сражение на новом фронте. Вот почему начальный период войны для Советского Союза, который ему пришлось проводить полностью, был в значительной мере сорван и скомкан. Армии приграничных округов вступили в войну и воевали в штатах мирного времени, без тылов. Естественно, что развертывающейся Красной Армии сдержать натиск главных сил врага было не по силам. Само стратегическое сосредоточение и развертывание главных сил нашей армии пришлось проводить поэтому не на намеченных рубежах, а в глубине страны — поспешно.

Рокировка на направление Гомель, Брянск, Тула

1. Удары во фланг и тыл врагу со стороны Гомеля

В первой декаде июля стояла жаркая сухая погода. На фронте по обе стороны Днепра шли ожесточенные бои. Наши войска в то время улучшали свои позиции у Днепра, а враг вел подготовку к форсированию реки. В это время поредевшие войска 4-й армии сосредоточились в лесных районах поблизости от р. Сож и в быстрых темпах восстанавливались. В дивизии, отдельные армейские части непрерывным потоком шло людское пополнение, боевая техника, стрелковое оружие, транспорт и кухни. Укомплектование дивизий и восстановление их боеспособности происходило в довольно короткие сроки. 47-й стрелковый корпус после укомплектования был изъят из 4-й армии и переброшен на другое направление. В армии остались только 28-й стрелковый корпус, а также 55-я и 143-я стрелковые дивизии. На исходе первой декады июля численный состав дивизий был доведен до 6 тысяч человек. Пополнились дивизии за счет подразделений и групп, выходивших из-за Днепра, из вражеского тыла и призывников.

К концу первой недели июля генерал Дмитриев докладывал:

— В дивизиях восстановлено по одному артиллерийскому полку в составе 12—15 орудий. А ручным оружием и боеприпасами части пополнены почти до нормы.

8 июля генерал Коробков был вызван в штаб фронта и в армию не возвратился. В командование армией вступил я, а начальником штаба стал полковник И. А. Долгов.

В течение десяти дней — с 2 по 12 июля — армии Западного фронта успешно обороняли рубеж по Днепру. Поставленная Гитлером задача группе армий «Центр» — «воспрепятствовать советским войскам закрепиться и создать новый фронт обороны» — сорвалась.

В те дни немецкое командование объединило танковую группу Гудериана с наступавшей севернее нее танковой группой Гота.

Штаб 4-й немецкой армии возглавил танковые группы, и новое объединение стало называться 4-й танковой армией. Свои армейские корпуса она передала 2-й полевой армии, которая начала выдвигаться из Белоруссии к Днепру в общем направлении на Рогачев. Однако немецкие армейские корпуса в боях с оставшимися в Белоруссии войсками Западного фронта были задержаны и оторвались от танковых групп на 200—250 км.

Гитлеровское командование, верное своей авантюристической стратегии, решило продолжать наступление одними танковыми группами, не дожидаясь подхода полевых армий.

Особенно настаивал на немедленном наступлении силами одних танковых групп Гудериан, который хвастливо заявил своему командованию:

«Глубоко верю в успех наступления и, если говорить в более широком масштабе, ожидаю, что эта операция закончит русскую кампанию в этом же году».

Вечером 12 июля меня вызвал к телеграфному аппарату генерал Маладин и передал следующее:

— В прошлую ночь противнику удалось переправить через Днепр в районе Быхова часть сил и создать плацдарм. 4-й армии приказано немедленно занять оборонительные рубежи: корпусом Попова по р. Проня от Чаусы до Пропойска и в районе Черикова, а остальными частями по р. Сож — от Мстиславля до Пропойска¹.

Утром 13 июля, когда мы только начали занимать оборонительный рубеж по р. Проня, в штаб армии стали поступать тревожные сведения о продолжавшемся форсировании противником Днепра к северу и югу от Могилева. Мы с членом Военного совета Ф. И. Шлыковым поехали уточнить обстановку к командиру 63-го стрелкового корпуса, оборонявшегося по Днепру перед городами Рогачев и Жлобин — впереди 4-й армии. Это был мой старинный знакомый комкор Л. Г. Петровский.

Леонид Григорьевич не заставил себя упрашивать:

— Позавчера под Быховом, на участке соседней армии кто-то действительно проворонил подводную переправу вражеских танков через Днепр. А теперь, когда гитлеровцы захватили на восточном берегу плацдарм, сил для уничтожения их не хватает. Ведь наши войска за Днепром обороняются на широком фронте.

— У нас здесь у селения Броды немцы тоже пробовали форсировать Днепр, но с большими потерями были отброшены назад, — заметил начальник политотдела корпуса полковой комиссар Н. Ф. Воронов.

— На рассвете сюда приезжал командующий нашей 21-й армией генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, — продолжал Петровский. — Поставил меня в известность, что к Быхову через Довск выдвигается 151-я стрелковая дивизия.

¹ Нынче Славгород.

Слух мой резанула названная Леонидом Григорьевичем фамилия командующего армией:

— Позвольте, почему Кузнецов? Разве Герасименко уже не командует армией?

— Командует, да не нашей, — ответил Петровский. — Вы, как я вижу, оказавшись в тылу, совсем отстали от жизни. А жизнь не стоит на месте. Два дня назад было создано главное командование Западного фронта. Армии группы Буденного, в том числе и 21-я, переданы в непосредственное подчинение главнокомандующего Западного направления маршала Тимошенко. А Семен Михайлович назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного направления и на днях уехал из Гомеля на Украину. Герасименко тоже получил новое назначение, а к нам пришел Кузнецов. По его приказу сегодня вечером переходим в наступление на Рогачев, Бобруйск. Вчера неожиданным ударом во фланг противнику прорвалась к Парпчи стрелковая дивизия армии генерала Кузнецова. Эта дивизия вместе с березинским отрядом Пинской флотилии также будет наступать на Бобруйск. А кроме того, от Речицы на Бобруйск, обходя его с запада, нанесет удар конная группа генерал-полковника О. И. Городовикова.

— Отыскался след Тарасов, — шутливо заметил Шлык, — я имею в виду Пинскую флотилию, с которой мы после боев под Кобринем связи не имели.

Я рассказал Петровскому, что 4-я армия займет оборонительный рубеж по р. Сож: силами 4-го воздушнодесантного корпуса на участке Мстиславль—Кричев, 28-м стрелковым корпусом — от Кричева до Черикова и далее по р. Проня до Чаус, а 55-й стрелковой дивизией — от Черикова до Пропойска.

— Левее нашей армии на рубеж между Пропойском и Довском сегодня выходят моторизованная и танковая дивизии 25-го механизированного корпуса вашей армии, которым командует наш общий знакомый генерал-майор С. М. Кривошеин, — закончил я свое сообщение.

Прощаясь с нами, он твердо заявил:

— Можете не сомневаться в успехе нашего наступления. Если нашим войскам и не удастся освободить Бобруйск, то во всяком случае подойти к Днепру мы врагу не позволим на своем участке.

И действительно, забегая вперед, хочу отметить, что войска корпуса Петровского блестяще выполнили свою задачу. С наступлением темноты 13 июля они неожиданно стремительным ударом ошеломили неприятеля, успешно форсировали Днепр на рубеже Рогачев, Жлобин. В ожесточенных боях нанесли большие потери врагу и, как было сказано в оперативной сводке Совинформбюро, «штурмом овладели городами Рогачев и Жлобин». В последующие дни части корпуса продолжали наступать к Бобруйску.

Возвращаясь из корпуса Петровского, мы встретили невдалеке от Довска группу танков, выдвигавшихся со стороны Гомеля к Варшавскому шоссе. Это были танки из корпуса Кривошеина. Его

командный пункт, по словам командира подразделения, был в 2—3 км южнее.

— Давайте заедем к нашему приятелю, — предложил я Шлыкову.

Следует напомнить, что С. М. Кривошеин командовал 29-й танковой бригадой в 4-й армии, во главе которой первым вошел в Брест во время освободительного похода в Западную Белоруссию в 1939 г.

Через несколько минут мы приехали на КП 25-го механизированного корпуса. На невысокой горке, поросшей кустарником, стояла группа командиров в черных комбинезонах. Среднего роста, сухощавый, со смуглым лицом, несколько похожий на испанца, генерал Кривошеин четким командирским языком отдавал приказания. Вскоре он отпустил своих подчиненных и радушно приветствовал нас.

— И двух лет не прошло, как я встречался с Гудерманом в Бресте², теперь он один из злейших наших врагов, — возмущался Кривошеин. — К сожалению, корпус у меня очень слабый. Начал формироваться в Харькове только перед войной. Людей в нем много, почти все красноармейцы из призывников. Танков всего несколько десятков, причем только 30 Т-34. Автотранспорта очень мало. Обе танковые дивизии сведены в одну. Сегодня получил приказ выдвинуться из района Гомеля к Варшавскому шоссе на участок Пропойск, Быхов для удара во фланг переправившемуся через Днепр противнику. Мотострелковую дивизию направил к Пропойску, а танковую к Довску.

Я показал Кривошеину на карте положение армии, а затем мы с Шлыковым возвратились в Чериков на свой командный пункт. Несколько раз я пытался узнать о ходе боев под Быховом в полосе 13-й армии, но безуспешно. Непосредственной связи с ее штабом мы в те дни не имели.

Во второй половине 13 июля мы с начальником штаба армии находились в 143-й и 42-й стрелковых дивизиях 28-го стрелкового корпуса, которые развертывались для обороны участка по р. Проня от Чаус до Пропойска. Здесь был явственно слышен гул артиллерийской канонады под Быховом. В это же время часть 6-й стрелковой дивизии переправлялась с юга через р. Сож, чтобы занять оборону на подступах к Черикову.

К тому времени все дивизии 4-й армии уже заметно пополнились как людьми, так и вооружением. Почти все части и отряды 4-й армии, которые вели бои в Полесье, в том числе и части 6-й стрелковой дивизии во главе с командованием и штабом дивизии, возвратились в свои корпуса и дивизии. Боеспособность войск армии восстанавливалась с каждым днем. В дивизиях было уже не менее чем по 7—8 тысяч человек.

---

² С. Кривошеин. Ратная быль, стр. 59—68.

Вечером меня опять вызвал к телеграфному аппарату начальник штаба фронта генерал Маландин.

— На левом крыле фронта, — сообщил он, — в районе Быхова и севернее Могилева противник продолжает переправлять через Днепр войска, расширяет прорыв. Не менее двух танковых дивизий устремились на Горки. 13-я армия дивизиями второго эшелона наносит контрудар на Быхов. 21-я сегодня овладела Рогачевом и Жлобином и, успешно наступая на Бобруйск, оттягивала туда немецкие дивизии с Mogилевского направления.

Когда я доложил Маландину, что сделано за день в 4-й армии, он ответил:

— Имейте в виду, что маршал Тимошенко приказал подготовить рубеж по р. Проня к исходу сегодняшних суток. Остальными войсками армии продолжайте готовить оборону по р. Сож — между Метиславлем и Пропойском.

— Оборону по р. Проня займем, — заверил я. — Но на таком широком фронте без заграждений, без противотанковых мин она будет очень жидкой. Да и правый наш фланг открыт. Севернее Чаусы никаких войск нет. Я приказал командиру 143-й стрелковой дивизии выделить для обороны г. Чаусы батальон с батареей.

— Вопросы обороны стыка в районе Чаус согласуйте с командармом-13. Он со своим штабом там как раз и размещается, — ответил Маландин. — А противотанковые мины для вас уже посланы на ст. Чаусы.

14 июля, утром, вместе с генералом Поповым и группой штабных командиров я выехал на правый фланг 28-го стрелкового корпуса в район Чаус. День был жаркий, солнечный. Дорога казалась пустынной. Лишь проехав половину пути, мы стали обнаруживать в рощицах и кустах возле дороги замаскировавшиеся там тылы частей, занявших оборону по р. Проня. У копошившихся возле повозок красноармейцев лица были черные от загара и пыли, и это делало их похожими друг на друга.

В Чаусах на западной окраине нашли батальон 143-й стрелковой дивизии. Бойцы сидели в окопчиках, открытых на огородах. У перекрестка дорог стояла батарея.

Командир батальона доложил, что никаких войск в Чаусах больше нет. Связь с дивизией он поддерживает посредством конных посыльных. Штаб 13-й армии, по его данным, находился восточнее Чаус.

Послав двух человек на поиски штаба армии, мы в течение часа оставались в батальоне.

— На рассвете артиллерийская стрельба особенно явственно слышалась на севере, в районе Горок, — делится с нами комбат. — Еще вчера вечером я выставил на северной окраине города роту с двумя 45-мм пушками. Она контролирует дорогу из Горок. Сегодня по этой дороге к Чаусам приближался броневик с несколькими мотоциклистами. Обстреляли его из пушки, и он ретировался на север.

Высланные на розыски штаба 13-й армии командиры установили, что в районе Чаус его уже нет. Командарм уехал под Быхов, где шли бои, а штаб переместился в район Кричева.

После этого генерал Попов направился в свои войска проверять оборону на р. Проня, а я решил наведаться на ст. Чаусы. Энергичный, храбрый комендант станции капитан И. В. Шмиголь доложил, что станция подвергается систематическим налетам вражеской авиации. В тот день немецкие бомбардировщики успели уже трижды нанести нам визит. Часть стационарных построек была разрушена. На путях валялись разбитые вагоны и платформы. Невдалеке от станции стоял обгоревший немецкий танк. Мимо меня пронесли нескольких убитых.

Коменданту эта картина была, как видно, не в диковинку, и он спокойно продолжал свой доклад:

— Эшелоны и транспорты подаются сюда только ночью. Двое суток назад у нас выгрузился пятый эшелон 132-й стрелковой дивизии. Командует ею генерал-майор Бирюзов. Сосредоточивается она в районе Быхова. Во время выгрузки дивизии к станции прорвалось вражеское танковое подразделение, но с потерями отброшено. Ни противотанковых мин, ни вооружения для 4-й армии на станцию не поступало.

Оставаться здесь дольше не имело смысла, и я тоже поехал проверять оборону на Проне. Больше всего меня интересовала 42-я стрелковая дивизия, которой временно командовал полковник М. Ю. Козырь. Она занимала оборону на фронте до 20 км, в полосе ее находился Пропойск. Подразделения дивизии заняли оборону только в наиболее важных в тактическом отношении пунктах. Стрелковые взводы и роты едва успели отрыть окопчики, около которых стояли батальонные орудия. Подступы к реке с запада прикрывались огнем артиллерийского полка. В районе Пропойска один его дивизион стоял на открытых позициях, изготовившись к стрельбе прямой наводкой. У моста через р. Проня была выставлена батарея ПТО, и мост подготовлен для взрыва. В отрытых окопчиках сидели стрелки со связками гранат для борьбы с танками. Тут же находился и командный пункт командира 44-го стрелкового полка.

Неожиданно для себя я встретил в этой же дивизии и члена Военного совета Ф. И. Шлыкова.

— В километре за Пропойском, — с возмущением сообщил он, — местное население под руководством бывшего коменданта Брестского укрепрайона генерала Пузырева отрыло многокилометровую глубокую траншею, но ее никто не занимает.

— Разделяю ваше возмущение, — ответил я, — но дело в том, что Пузырев подчинен непосредственно фронтовому инженеру и строит оборонительные рубежи по его плану. С войсками начертание этих рубежей не согласовывается.

По-видимому, виной всему была необыкновенная подвижность фронта. Но факт остается фактом, некоторые построенные мест-

ным населением трапезы так и не были использованы войсками при отступлении.

Вечером, по возвращении на командный пункт армии, я получил данные, что в районе Мстиславля, против правого фланга воздушнодесантного корпуса, со стороны Горок появились небольшие отряды моторизованной пехоты с танками. Я сообщил об этом в штаб фронта, и отсюда немедленно последовало указание:

«Вражеские войска, форсировавшие Днепр на оршанском и моголевском направлениях, скапливаются в районе Горок для наступления на Смоленск. Будьте готовы большей частью сил армии к удару на Горки. Приказ получите позже. Для усиления правого фланговых частей 4-го воздушнодесантного корпуса и предупреждения прорыва со стороны Климовичей выплите туда усиленный стрелковый полк».

К исходу суток в район Мстиславля направился с полком и арtdивизионом командир 6-й стрелковой дивизии полковник Попсуй-Шапко. Дивизией стал командовать его заместитель полковник Остапенко. А пополудни мы получили выписку из приказа командующего фронтом. 4-й армии ставилась задача нанести удар на Горки с двух направлений: 28-м стрелковым корпусом — вдоль восточного берега р. Проня; объединенными силами 4-го воздушнодесантного и 25-го механизированного корпусов под общим командованием генерал-майора Жадова — из района Кричева. Одновременно 13-я армия силами 20-го механизированного корпуса, 137-й и 160-й стрелковых дивизий должна была нанести удар на Горки вдоль западного берега р. Проня и осуществить ликвидацию прорыва противника в районе Быхова. Кроме того, Горки атаквались с севера танковой дивизией, действовавшей в составе 20-й армии.

Я умышленно выписал здесь из приказа замысел концентрического удара по группировке противника с нескольких сходящихся направлений. Хотя в данном случае этот маневр был осуществлен лишь частично, но зато в целом ряде последующих оборонительных операций, в частности в Смоленской, такой маневр принес нашим войскам большой успех. Выписки из этого приказа передавались в армию, а затем в корпуса и дивизии по аппарату Морзе. К сожалению, об этом проведал противник³. Перед рассветом 15 июля мы с полковником Долговым наметили по карте задачи войскам Жадова и Попова и ожидали к 5 часам вызванных в штаб командиров корпусов, чтобы поставить им задачи на наступление. Однако около 4 часов на Чериков и Пропойск начались непрерывные массированные налеты вражеской авиации.

---

³ Предполагаю, что виной всему было нарушение правил секретности при передаче в войска выписок из приказа С. К. Тимошенко. Противнику, как видно, удалось перехватить некоторые из них. И, базируясь на этих данных, Гудериан сделал несколько преувеличенные выводы. Мы еще работали над картами, а он уже донес, что против правого фланга его группы с направления Гомель началось «контрнаступление двадцати дивизий маршала Тимошенко».

А после 4 часов полковник Козырь доложил мне, что немецкие танки неожиданным ударом с северо-запада прорвались через мост на р. Проия у Пронойска и распространяются к Черикову, а в самом Пропойске идет бой.

— Вот теперь наступай! — развел руками Шлыков.

— Посздайте, Федор Иванович, в 6-ю дивизию, — попросил я его. — Примите меры, чтобы ее не смял противник под Чериковом.

Связавшись с генералом Поповым, я узнал, что полковник Остащенко о прорыве в районе Пропойска знает, что 6-я стрелковая дивизия приведена в полную боевую готовность и что командир 42-й стрелковой дивизии Козырь ведет бой в районе Пропойска, пытается восстановить положение.

Я немедленно позвонил подполковнику Тер-Гаспаряну и приказал ему частью сил 55-й стрелковой дивизии, тогда еще не входившей в состав корпуса, помочь полковнику Козырю удержать Пропойск и уничтожить прорвавшиеся вражеские части.

— Еду в 333-й стрелковый полк — на подступы к Черикову, — сказал я полковнику Долгову. — В штаб фронта о прорыве под Пропойском до моего приезда не доносите и штаб армии из района Черикова не перемещайте. Боюсь, что стоит нам переместиться на восток, как нашему примеру последуют все подчиненные штабы.

В полку я оставался до середины дня 15 июля. Оборона там была прочная. Да еще командир корпуса выслал туда два дивизиона корпусного артполка. А вот в 42-й стрелковой дивизии дела шли неважно. Ее контратаки в районе Пропойска успехом не увенчались. Помощь со стороны 55-й стрелковой дивизии запоздала, и Пропойск был захвачен немцами. Это были, как мы узнали позже, полки 4-й танковой дивизии группы Гудериана.

Во второй половине дня, 15 июля, возвратившись на командный пункт армии, я с болью в сердце и, признаться, с некоторой опаской доложил о случившемся С. К. Тимошенко. К вечеру от него последовала телеграмма: «Донести, кто виноват в сдаче Пропойска».

К тому времени нам уже стали известны все подробности. В 3 часа 30 минут, в момент удара по Пропойску с воздуха, на мост через Пронию въехали грузовики и подводы, принадлежавшие нашим войскам, отходившим от Днепра. Вслед за ними, а точнее вместе с ними, прорвались через мост и вражеские танки. Огнем батареи, стоявшей у моста, два немецких танка и грузовик были подбиты. Но и сама батарея тут же оказалась смятой. Командир 44-го полка не успел отдать приказание о взрыве моста, и 4-я танковая дивизия немцев стала распространяться одним полком к Черикову, а другими своими полками ворвалась с северо-запада в Пропойск. Этот удар противника для наших войск оказался неожиданным.

— Давайте ответим Военному совету фронта честно, что в сдаче Пропойска виновато в первую очередь командование армии, — предложил я Шлыкову. — Мы не установили связи с войсками, отходившими к Проне от Днепра, плохо знали обстановку.

Федор Иванович не согласился.

— Военный совет фронта не пош. Выслушав наше покаяние, он не скажет: «Бог простит. . .»

Копчилось тем, что Шлыков сам составил ответ, в котором указал только, кто командовал частями под Пропойском и как город был захвачен противником. Я этой телеграммы не подписал, и она ушла к адресату за одной подписью члена Военного совета армии.

Утром 16 июля командир 55-й стрелковой дивизии донес, что он вместе с частью сил моторизованной дивизии соседнего 25-го мехкорпуса перешел в наступление на Пропойск и ведет бой на южной окраине города. В это же время отряд полковника Поцсуй-Шанко вместе с правофланговыми частями воздушнодесантного корпуса повел успешное наступление на Горки. Начальник штаба корпуса полковник А. Ф. Казанкин сообщил по телефону, что на этом направлении неожиданной нашей атакой во фланг противник был смят и отброшен от Мстиславля на несколько километров к северо-западу. 143-я стрелковая дивизия, по докладу офицера связи, удерживала рубеж по р. Проня.

— Ну, сегодняшний день начинается более радостными событиями, нежели вчера, — обратился ко мне Шлыков.

Около 9 часов Шлыков отправился на командный пункт Тер-Гаспаряна, а я вместе с армейским инженером А. И. Прошляковым — опять в 333-й полк 6-й стрелковой дивизии. До 15 часов этот полк под непрерывными ударами с воздуха героически сдерживал натиск немецкой танковой дивизии. Однако отсутствие средств заграждения, недостаточное количество противотанковой артиллерии и особенно нехватка снарядов принудили его отойти к Черикову, где оборонялся 125-й стрелковый полк той же дивизии. Мосты на шоссе у Черикова были взорваны, а мост через Сож подготовлен к взрыву. Штаб 28-го стрелкового корпуса генерал Попов перевел из Черикова на южный берег р. Сож. Во время ожесточенных боев за Чериков я распорядился переместить штаб армии восточнее Кричева. А затем, по совету армейского инженера, отдал приказание взорвать мост через р. Сож. Здесь, у Черикова, мы с полковником Прошляковым второй раз испытывали чувство утраты, когда бойцы на наших глазах взорвали большой мост через Сож. Противник открыл артиллерийский огонь. Машина моя была разбита, а Прошляков уже уехал в Кричев. И мне с работниками штаба нашей армии пришлось добираться пешком на наблюдательный пункт командира полка, находившийся на небольшой высоте севернее Черикова. Одновременно с нами туда подкатили какие-то грузовики. К моему удивлению, из головной машины вышел начальник штаба 45-го стрелкового корпуса полковник Макар Васильевич Ивашечкин, которого я хорошо знал.

На мой вопрос, куда он держит путь, Ивашечкин ответил, что перебазируеться со штабом к Кричеву, а дивизии корпуса с боем отходят от Днепра к Проне.

— Мы думали выехать здесь на шоссе, — пояснил он. — Но, судя

по обстановке, нам выгоднее ехать в Кричев по грунтовым дорогам севернее шоссе.

— Подождите несколько минут — и поедем вместе, — предложил я Ивашечкину. — Ведь наш штаб тоже переместился в район Кричева.

Сообщив командиру 125-го стрелкового полка, что вечером в его распоряжение подойдет батальон с батареями из армейского запасного полка, и предупредив, что завтра из-за р. Проня возможно появление частей 45-го стрелкового корпуса, я уехал вместе с Ивашечкиным.

По пути в Кричев Ивашечкин рассказал мне, как немецким войскам удалось форсировать Днепр.

— Наш корпус поспешно выбросили из тыла к Днепру. И посадили оборонять на растянутом фронте участок восточного берега реки от Могилева до Рогачева, протяженностью в 110 км. Весь этот участок в день форсирования немецко-фашистских войск оборонялся одной стрелковой дивизией, усиленной полком из соседней дивизии. Другие части корпуса были на подходе. Поэтому оборона была не силовой. Наши подразделения занимали лишь отдельные пункты. И вот 10 июля в районе Быхова, в нескольких не занятых нашими войсками пунктах, немцы переправили по дну Днепра танки. А вслед за ними стала переправляться и пехота. Образовалось несколько плавдармов, которые вражеское командование стало расширять. Сил для уничтожения или сбрасывания переправившегося противника у нас не было. Форсировавшие Днепр танковые и моторизованные части противника перешли в наступление. К этому времени в Чаусах выгружалось несколько эшелонов 132-й стрелковой дивизии. Хорошо знакомый вам командир дивизии генерал-майор Сергей Семелович Бирюзов по приказанию командира корпуса комдива Э. Я. Магона повел свои части в контратаку. Но было уже поздно, да и сил мало. Вражеские войска стали отбегать наши части. Командир корпуса отдал приказ отходить за р. Проня. А меня со штабом корпуса отправил в район Кричева.

В пути к Кричеву наша небольшая колонна все время подвергалась ударам вражеской авиации и в конце концов одну машину потеряла.

При въезде в Кричев я распрощался с Макаром Васильевичем. Дальше меня повез повстречавшийся здесь командир воздушнодесантной бригады майор А. Ф. Евграфов — начальник кричевского оборонительного участка.

Город Кричев подвергся варварской бомбардировке авиацией противника. Многие здания в центре были разрушены. На окраине пылали пожары. Штаб армии мы отыскали за р. Сож, в 3 км от Кричева.

В первой половине дня 17 июля части 6-й стрелковой дивизии под Чериковом не выдержали атак танковой и моторизованной дивизий группы Гудериана и вместе с отошедшими к ним от р. Проня частями 42-й стрелковой дивизии переправились через Сож и за-

С. С. Бирюзов

П. П. Корзун

няли оборону по южному берегу реки между Кричевом и Пропойском. Противник захватил Кричев. Мост через Сож у города взорвали. С этого момента фронт стабилизировался от Мстиславля и далее по р. Сож до Пропойска включительно.

Из немецких архивных документов известно, что к этому фронту вышли и вступили в бой с войсками 4-й армии следующие дивизии группы Гудериана: в район Пропойска — 10-я моторизованная дивизия, в район Чериков — 4-я танковая дивизия, в район Кричева — 3-я танковая дивизия и в район Мстиславля — дивизия СС «Райх».

Днем 17 июля командование Западного направления приказало нашей армии вернуть Кричев, овладеть Пропойском и развивать наступление дальше на Могилев. Шлыков недоумевал:

— Армия не смогла удержаться в обороне на р. Проня, только что отошла за р. Сож, а ей предписывают наступать на Могилев. . .

— Нашим наступлением преследуется, по-видимому, такая же цель, как и при наступлении 21-й армии на Бобруйск, — высказал я свое предположение. — Наше дело — привлечь на себя как можно больше сил противника с тем, чтобы задержать его наступление на Смоленск и помочь выйти из окружения войскам 13-й армии.

Предположение это подтвердилось. В тот день на командном пункте армии появился представитель Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова полковник из Генерального штаба, фамилию которого я запомнил. Он приехал в армию, чтобы на

месте проверить ее возможности как для обороны на р. Сож, так и для наступательных действий. Полковник уже побывал в войсках. Был у командира 55-й стрелковой дивизии на южной окраине Пропойска, у генерала Попова. Этот полковник внес некоторую ясность в поставленную армии задачу.

— Шапошников считает вполне посильным для вашей армии овладеть основными населенными пунктами на правом берегу р. Сож — Кричевом, Чериковом и Пропойском, — сообщил нам приехавший полковник. — В боях за них вы притянете главные силы противника, действующие у р. Сож. И обеспечите возможность прорваться в промежутки между этими пунктами войскам 13-й армии, оставшимся во вражеском тылу. А позднее ваша и 13-я армии перейдут в наступление на Могилев.

От представителя Б. М. Шапошникова мы узнали, что 16 июля указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной Армии введен институт военных комиссаров.

Начиная с 16 июля 4-я армия наступала на всем фронте. Наиболее сильные бои развернулись на флангах армии, особенно в районе Пропойска. Они велись днем и ночью. Пожалуй, ночью даже с большим напряжением. Операцией по штурму Пропойска руководил я с группой командиров штаба армии.

В наступлении на Пропойск участвовала наиболее сохранившаяся из всех войск армии 55-я стрелковая дивизия под командованием умного, храброго и уже обладавшего боевым опытом подполковника Тер-Гаспаряна, а также главные силы 219-й моторизованной дивизии генерала Корзуна.

Днем 16 июля я собрал на армейском наблюдательном пункте южнее Пропойска командиров и начальников артиллерии обеих наступавших на Пропойск дивизий, а также начальников армейского управления. Оба командира дивизии указывали на необходимость более тесной увязки при наступлении на Пропойск. Моторизованной дивизией командовал генерал-майор П. П. Корзун, в прошлом кавалерист, участник гражданской войны, обладавший незаурядными оперативными дарованиями. Забегая вперед, скажу, что он вскоре стал командиром корпуса, а затем и командармом. Корзун на совещании доложил:

— Последнюю атаку на Пропойск проводил вчера. Один полк дивизии дошел до церковной площади. Но его контратаковали два полка противника с большим числом танков. Потеряв почти половину людей, полк отошел обратно.

— Дивизия не раз занимала весь Пропойск, — докладывал в свою очередь Тер-Гаспарян, — но удержаться не смогла.

На совещании был составлен детальный план взаимодействия дивизий при штурме Пропойска. Генерал Дмитриев стянул сюда большую часть имевшейся в армии артиллерии и лично руководил артиллерийской поддержкой наступления.

О привлечении для участия в наступлении на Пропойск танков механизированного корпуса не могло быть и речи. Еще с ве-

чера 3 июля танковая дивизия корпуса Кривошеина завязала упорные бои с частями группы Гудериана, прорвавшимися в район Довска. Обессилить в таких условиях гомельское направление было бы, конечно, неразумно.

Атаки частей 55-й стрелковой и 219-й моторизованной дивизий на Пропойск с юга начиная с 15 июля совпали с атаками на него прорывавшихся из окружения дивизий 45-го стрелкового корпуса с северо-запада. Эти совместные концентрические атаки нанесли огромный урон вышедшей сюда 10-й моторизованной дивизии Гудериана. Они уничтожили большую часть ее машин, низвели ее до положения пехотной и заставили перейти к обороне у Пропойска. Во второй половине июля последний неоднократно переходил из рук в руки. Особенно сильные бои за Пропойск развернулись 16, 17, 19 и 21 июля. Судя по известным нам официальным немецким документам, населенный пункт Пропойск, наряду с Кригевом и Чериковом, в течение июля был широко известен в германском генеральном штабе. В свою очередь и генерал Кривошеин своей выдвинутой в первую линию танковой дивизией нанес с участка юго-западнее Пропойска немало ударов по частям и тылам группы Гудериана.

Ожесточенные атаки наших войск с севера и юга на Пропойск дополнились с утра 17 июля наступательными действиями 28-го стрелкового корпуса на Чериков. Генералу Попову удалось здесь перерезать Варшавское шоссе и заставить 4-ю танковую дивизию Гудериана перейти у Черикова к обороне.

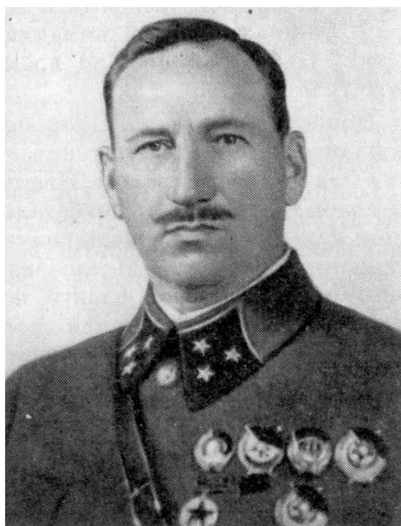
Беспрерывные атаки 4-й армии и 25-го механизированного корпуса с юга вместе с атаками дивизий 45-го стрелкового корпуса 13-й армии с севера не на шутку напугали Гудериана. Он еще раз донес в Берлин, что с рубежа Чериков—Довск маршал Тимошенко развивает пачатое 13 июля контрнаступление 20 дивизиями⁴. Чтобы предотвратить угрозу правому флангу немецких войск, действовавших на смоленском направлении, Гудериан всеми дивизиями 24-го и половиной войск 46-го моторизованных корпусов перешел к обороне на р. Сож. Таким образом, почти половина группы Гудериана была лишена возможности участвовать в июльском наступлении на смоленском направлении.

Непрерывными атаками с юга и севера на Пропойск и Чериков советские войска приковали дивизии Гудериана к этим пунктам. А в это время в промежуток между ними, на участок 28-го стрелкового корпуса, начиная с 16 июля стали переходить Сож с севера, преимущественно ночью, вначале одиночки, группы и подразделения, а затем целые полки и дивизии 13-й армии. Выпешшие из окружения командиры сообщали штабу 4-й армии, в каких пунктах

---

⁴ В выпущенных после войны мемуарах под названием «Воспоминания солдата» Гудериан неоднократно повторяет свою версию о «контрнаступлении Тимошенко». Это мифическое контрнаступление Гудериан дважды изобразил в своей книге на схемах.

М. Г. Ефремов

С. М. Кривошеин

во вражеском тылу сосредоточились наши части, к каким пунктам на р. Сож они направляются и когда они будут пробиваться к реке. Навстречу дивизиям 45-го стрелкового корпуса 13-й армии генерал Попов высылал разведчиков от своего корпуса. Они сообщали подеходившим к реке частям места бродов, где и сколько можно будет использовать лодок, паромов и плотов. К пунктам, где ожидался выход из окружения войск, интендант 4-й армии подвозил кухни.

20 июля и в последующие дни между Чериковом и Пропойском организовано, в ожесточенных боях с противником переправилась на южный берег р. Сож значительная часть личного состава дивизий 45-го стрелкового корпуса. Наиболее организовано со штабами вышли 132-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора С. С. Бирюзова и 137-я стрелковая дивизия во главе с полковником И. Т. Гришным.

От переправившихся через реку командиров мы узнали, что за ними движется сводная колония из сохранившегося личного состава 13-го механизированного корпуса. Этот размещавшийся в районе Бельска корпус должен был на второй день войны принять участие с войсками 4-й армии в контрударе на Брест. Но он был значительно слабее даже нашего мехкорпуса. Будучи обойденным с флангов крупными силами врага, он принужден был отступить. Его части несколько раз попадали в окружение. Состав бойцов день ото дня таял, технику пришлось уничтожить. Люди, у которых ослось под конец только ручное оружие, целый месяц пробивались на

восток. Свыше 500 км преодолели они с непрерывными боями и вот подошли к р. Сож. Возглавлял отряд стойких бойцов командир корпуса генерал-майор П. Н. Ахлюстин. В жарком бою во время переправы через р. Сож он сложил свою голову.

В то время как войска генерала Попова дрались за Пропойск и Чериков, находившийся на правом фланге армии корпус генерала Жадова вместе с группой Э. Я. Магона бил по флангу врага. Несмотря на то что корпус состоял из двух слабых бригад четырехбатальонного состава с дивизионом артиллерии каждая, он ежедневно начинал с 17 июля атаковал войска противника в районе Мстиславля и в районе Кричева. В те дни я не часто бывал на правом фланге, потому что был спокоен за него. Меня всегда восхищали кипучая энергия генерала Жадова и его умение организовать бой, осуществить самый сложный маневр. Алексей Семенович Жадов и удачно дополнивший его начальник штаба корпуса полковник Александр Федорович Казанкин — бывшие мои однокурсники по Академии имени Фрунзе — хорошо чувствовали обстановку и всякий раз своевременно оказывались там, где в них была большая необходимость.

Для усиления воздушнодесантного корпуса я передал Жадову несколько подразделений из армейского запасного полка и корпусной артиллерийский полк. Вместе с ним действовал также сводный отряд 6-й стрелковой дивизии под командованием полковника М. А. Попсуй-Шапко.

Большого, к сожалению, мы направить туда не могли. Однако и в таком составе правофланговая группировка наших войск не раз выбивала врага из Кричева, наносила тяжелый урон переправлявшейся через Сож 3-й танковой дивизии противника и в конце концов припудила последнюю перейти к обороне под Кричевом. Особо следует отметить геройски дравшуюся здесь бригаду под командованием майора А. Ф. Евграфова.

А на правом фланге в районе Мстиславля советские части непрерывными наступательными боями припудили Гудериана задержать здесь эсэсовскую дивизию «Райх» и полк «Великая Германия», которые до 20 июля топтались на месте.

В тяжелых боях под Мстиславлем, как рассказывали многие очевидцы, тяжело был ранен командир 6-й стрелковой дивизии полковник М. А. Попсуй-Шапко.

Здесь уместно отметить, что к началу боев на р. Сож для борьбы с танками противника в армии было сформировано несколько специальных рот и команд. Лучший состав этих подразделений комплектовался из особо надежных бойцов — преимущественно добровольцев, среди которых большинство были коммунистами и комсомольцами. Эти подразделения, имевшие на вооружении малокалиберную артиллерию, противотанковые гранаты, бутылки с воспламеняющейся жидкостью и связки ручных гранат, храбро дрались во второй половине июля в войсках Попова и Жадова, отражая атаки противника за р. Сож.

Так как одной из основных задач 4-й армии являлось содействие войскам 13-й армии в их выходе из окружения, необходимо было увязать руководство действиями войск обеих армий. Штабы 4-й и 13-й армий под Кричевом находились недалеко друг от друга, всего лишь в 15 км. И вот я получил телеграмму от маршала Тимошенко, в которой сообщалось, что 4-я армия поступает в оперативное подчинение командарма-13. Чтобы уточнить наши дальнейшие задачи, я направился на КП 13-й армии. Меня встретил там начальник штаба комбриг Александр Васильевич Петрушевский, мой сослуживец по штабу Западного округа.

Петрушевский рассказал о положении и состоянии войск 13-й армии, находившихся еще в окружении, о способах связи с ними. В отношении войск нашей 4-й армии и их действий он был осведомлен достаточно хорошо и ничего нового из моей информации почерпнуть, по-видимому, не мог.

Мы условились, что впредь все оперативные документы, отправляемые из 4-й армии в штаб фронта, в копиях будут докладываться штабу 13-й армии. И на этом наша беседа закончилась.

Я осторожно намекнул, что теперь мне надо бы встретиться с командующим, но Александр Васильевич никак не реагировал на это. Он предложил мне посмотреть узел связи армии, познакомиться с организацией охраны штаба. Здесь у него царил действительно образцовый порядок. У нас, в штабе 4-й армии, растерявшем при отступлении большую часть радиостанций, автомобилей и инвентаря, ничего подобного и в помине не было.

Однако, повосхищавшись увиденным, я опять завел речь о встрече с командармом:

— Где же Герасименко?

Теперь у Александра Васильевича пути к отступлению были отрезаны, и на правах старого товарища он высказался вполне откровенно:

— Генерал-лейтенант Герасименко прибыл в армию всего несколько дней назад. В должности командарма он, так же как и ты, еще не утвержден. Вероятно, этим вызвано его постоянное раздражение, которое прорывается даже в отношениях со мной. Вот и вчера мы расстались с ним очень холодно. Он лег спать поздно и в мрачном настроении. Будить его, пожалуй, не стоит. . .

Я не настаивал.

Вместе с Петрушевским мы отправились завтракать, но тут-то как раз и последовало приглашение к командарму.

Василий Филиппович Герасименко, уже знакомый мне по 21-й армии, был полным, пожилым человеком. Он выглядел действительно мрачнее обычного. Способный, оперативно грамотный командир, он очень быстро поднимался по служебной лестнице и накануне Великой Отечественной войны командовал уже Приволжским военным округом. Когда войска округа были переброшены на гомельское направление и образовали 21-ю армию, он

стал командармом. Положение временно исполняющего обязанности командарма-13 явно тяготило его.

Когда я, чтобы завязать беседу, высоко отозвался о порядках в штабе 13-й армии, В. Ф. Герасименко болезненно поморщился:

— А что же нам остается делать? Вот 21-я армия, которой я командовал в начале июля, имеет в своем составе несколько полнокровных корпусов и теперь ведет наступательные бои под Бобруйском. А в 13-й армии, кроме своего штаба да штаба 45-го стрелкового корпуса, ничего реального не существует.

— Выходят же из окружения 132-я и 137-я стрелковые дивизии, — заметил я.

— А сколько там людей и с каким вооружением они выходят? — сверкнул на меня глазами Герасименко. — Я считаю, что 4-я армия не создала условий, необходимых для выхода из окружения войск 13-й армии. Большие недели вы ведете наступление на Пропойск, Чериков, Кричев. Ночью врывается в эти пункты и, судя по вашим сводкам, даже занимает их, а утром немцы опять выгоняют вас оттуда и становятся хозяевами на Варшавском шоссе, преграждая нашим войскам выход к реке Сож. Я хорошо знаю ваших командиров корпусов — Жадова и Попова, а что собой представляет командир 55-й дивизии, непосредственно наступающей на Пропойск?

Я ответил ему так:

— Подполковник Тер-Гаспарян командует этой дивизией почти с первых дней войны. Это опытный, образованный командир. Он окончил Академию имени Фрунзе. Хорошо руководит боем дивизии, храбр. Я его представил к званию полковника. На ваш упрек не могу не рассказать об одном случае. На днях на дивизионном КШ Тер-Гаспаряна был член Военного совета армии Шлыков. Он, как и вы, упрекнул комдива в том, что тот никак не может больше суток удержать захваченный ночью Пропойск. По словам одного работника штаба, Тер-Гаспарян болезненно реагировал на замечание Шлыкова и ответил ему: «Вы знаете, что на участке Пропойск—Чериков действуют танковая и моторизованная дивизии группы Гудериана, которые поддерживаются сильной авиацией? 55-я и соседняя дивизии наступают на Пропойск пехотными частями, при поддержке двух артиллерийских полков, но без танков и авиации, без противотанковой и зенитной артиллерии, без противотанковых мин. Ночью мы захватим Пропойск, а утром вражеские танковые части при поддержке штурмовых орудий и авиации атакуют с нескольких направлений наши части и выталкивают нас из Пропойска. Вот если бы я обладал такой силой, как философ Хома Бруг из повести Гоголя «Вий», тогда я легко выполнил бы задачу. Ворвался бы в Пропойск, провел вокруг города черту — и никакая нечистая сила, в том числе и немецко-фашистская, через тот круг не прошла бы. И вообще Тер-Гаспарян ни при чем. Атаки на Пропойск готовил непосредственно я, и ответственность за плохие результаты перекладывать на других не намерен.

Герасименко заговорил уже более спокойно:

— Вступая в командование 13-й армией, я предложил начальству педурной план разгрома противостоящего вашей армии противника. Корпуса генералов Жадова и Попова вместе с механизированным корпусом Кривошеина одновременно нанесут удар с юго-востока, а 13-я армия корпусами комдива Магона и генерала Бакунина ударит с северо-запада. 16 июля я даже отдал приказание Бакунину отводить корпус из Могилева к р. Проня, но на следующий день получил послание от Верховного Главнокомандующего.

И он положил на стол телеграмму. Это была очень лаконичная директива: «Герасименко. Могилев под руководством Бакунина сделать Мадридом».

— Что ж, — сказал я, пробежав телеграмму глазами, — если корпус Бакунина успел построить вокруг Могилева кольцо оборонительных сооружений, он может сыграть видную роль во вражеском тылу.

Расстались мы гораздо теплее, чем встретились. Пожимая мне руку, Герасименко сказал на прощание:

— А Пропойск вы все же должны взять. К северу от него много еще не вышедших из окружения частей 13-й армии.

Возвращаясь к себе, я заехал на командный пункт генерала Попова. Он доложил результаты последних атак на Чериков и данные о числе людей, вышедших из окружения, а потом пошутил:

— Вот вы, Леопид Михайлович, прекрасно ведь знали, что под Брестом я потерял свои часы, но всегда делали вид, будто вас это не касается. А командарм-13 Герасименко взглянул ко мне сегодня в первый раз и, как только узнал, что у меня нет часов, сразу подарил свои. . .

— Значит, быть вам под его началом! — парировал я.

И пророчество мое сбылось.

В те дни Западный фронт основные свои усилия и внимание сосредоточил на сражении, разыгравшемся у стен Смоленска. Руководить войсками левого крыла, действовавшими на р. Сож под Бобруйском и в районе Мозыря, а также обеспечивать стык с Юго-Западным фронтом командование Западного фронта становилось день ото дня труднее. Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования для удобства управления выделила из состава Западного фронта войска его левого крыла и образовала из них новый фронт—Центральный.

Неожиданно для нас фронтовым управлением вновь создаваемого Центрального фронта было приказано стать армейскому управлению нашей многострадальной 4-й армии. Я был назначен начальником штаба нового фронта. Дислоцировать штаб Центрального фронта Ставка предложила в районе Гомеля.

24 июля я передал войска 4-й армии командарму-13 Герасименко. И с этого времени 4-я армия прекратила существование.

Надо признаться, что расставаться со своими, ставшими после тяжелого года совместной службы родными соединениями и ча-

стями армии, вместе с которыми принял первый жестокий удар коварного врага и затем в течение двух месяцев вел бесперывные ожесточенные бои, было очень грустно. Прощай, 4-я!

2. Сражение под Гомелем

Во второй половине дня 24 июля армейское управление отдельными небольшими колоннами двинулось из района Кричева к Гомелю. В то время Гомель уже был прифронтовым городом. Жители ходили, прижимаясь к домам, изредка посматривая вверх: в последние дни участились налеты немецкой авиации. На окнах появилась разного рода светомаскировка. Поблизости от учреждений и некоторых домов были сооружены убежища, открыты глубокие щели. На городской площади нас встретил комендант штаба.

— Штабу фронта предоставлены помещения в городском парке, в саду, — доложил он.

Отказавшись от его предложения показать нам путь к парку, мы уверенно направились в хорошо известный нам гомельский Парк культуры и отдыха имени А. В. Луначарского. Предназначенный для размещения штаба дворец, принадлежавший до революции князьям Паскевич-Эриванским, мы также хорошо знали.

— Я вспомнил, как четыре года назад съехался высший комсостав на разбор рогачевских маневров, — с волнением обратился ко мне ехавший со мной в машине полковник Долгов. — В этом старинном дворце были К. Е. Ворошилов, представители Генштаба и Политуправления, командование Белорусского и других военных округов.

Однако предаваться воспоминаниям было некогда. Мне хотелось поскорее представиться командующему и немедленно приступить к исполнению своих новых обязанностей. Мне было известно, что на пост командующего Центральным фронтом был назначен генерал-полковник Ф. И. Кузнецов — бывший командующий 21-й армией. А членами Военного совета фронта стали первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко и корпусной комиссар Д. А. Гапанович.

Встретивший меня сотрудник штаба доложил, что все трое уже приехали несколько часов назад и изучают директиву Ставки.

После представления командующему и членам Военного совета я вместе с ними стал знакомиться с директивой.

Здесь надо сказать, что генерал Кузнецов был заместителем командующего войсками Западного военного округа, а в начале войны командовал Северо-Западным фронтом. Встретились мы с ним как старые знакомые, но был в этой встрече какой-то горестный оттенок. С потемневшим лицом, с воспаленными от бессонных ночей глазами, Федор Исидорович выглядел больным.

По своей прошлой службе я был хорошо знаком и с П. К. Пономаренко, умным и способным партийным работником.

Директивой Ставки указывалось, что в состав Центрального фронта с 25 июля передаются левофланговые войска Западного фронта — 21-я и 13-я армии, а также конная группа генерал-полковника О. И. Городовикова.

— Ну, а задачу нам поставили следующую, — сообщил мне генерал Кузнецов, — прочно прикрывая гомельское направление и обеспечивая стык с Юго-Западным фронтом, ударами во фланг группы армий «Центр» нанести ей урон и не допустить войска правого крыла группы к участию в наступлении на московском направлении.

— В первую очередь надо разместить штаб фронта и фронтовые управления, установить связь с армиями, конной группой, Московской и соседями, уточнить обстановку, — отдал мне первые распоряжения командующий.

О неотложных делах мы договорились быстро. А по решению задач, поставленных фронту, условились собраться ночью.

Вечером штаб Центрального фронта вместе с узлом связи, а также фронтовые управления разместились в бывшем дворце усадьбы и прилегающих к нему флигелях. В обширном парке разместились различные фронтовые, административные и хозяйственные службы.

Располагавшийся здесь до нас штаб 21-й армии переместился поближе к своим войскам. В командование армией вступил генерал-лейтенант М. Г. Ефремов. Штаб этой армии оставил нам ряд построенных поблизости от зданий усадьбы убежищ на случай укрытия при налетах вражеской авиации.

В полночь собрался на первое заседание Военный совет фронта. На это заседание были приглашены все начальники управлений. Рассматривали обстановку на своем фронте и у соседей, обсуждали, как решать поставленные Ставкой фронту задачи и какие задачи поставить каждой армии.

До начала совещания мне удалось переговорить по телеграфу с Генеральным штабом, начальниками штабов армий и с генералом Городовиковым.

В то время особенно тяжелое положение создалось на Западном фронте. Историческое сражение под Смоленском было в самом разгаре. Сосед слева — Юго-Западный фронт остановил наступление немецко-фашистских войск под Киевом и прочно оборонялся на подступах к столице Украины. Показав положение войск соседних фронтов на карте, я стал докладывать обстановку на Центральном фронте.

— Правофланговая 13-я армия, включив в свой состав войска 4-й армии, продолжает активно обороняться за р. Сож от Мстислава до Пропойска, связав больше половины войск танковой группы Гудериана. 61-й стрелковый корпус этой армии под командованием генерал-майора Ф. А. Бакунина занимает круговую оборону Могилева и дерется в окружении. Фланговые войска 21-й армии активно обороняются против наступающего противника.

А ее 63-й стрелковый корпус генерала Петровского развивает наступление с рубежа Рогачев, Жлобин к Бобруйску. Сегодня его части штурмом заняли ст. Красный Берег. Конная группа генерала Городовикова в составе трех кавалерийских дивизий прорвалась глубоко в тыл противнику к Старым Дорогам и громит там вражеские части, тыловые управления. Две кавалерийские дивизии группы Городовикова только прибыли из Средней Азии на станцию Унеча и разгрузились. Их можно послать на усиление конной группы или оставить в нашем резерве. На левом фланге фронта, в районе Мозыря, командир 75-й стрелковой дивизии генерал Недвигин собрал в военном городке, где до войны дислоцировалась его дивизия, свыше 10 тысяч вышедших из окружения воинов Западного и Юго-Западного фронтов. Недвигин вооружает их оружием из Мозырского укрепрайона.

Доклад, по-видимому, я сделал удачно. Командующий заметно приободрился.

— Что же, наш Центральный фронт действительно находится в более благоприятных условиях, чем соседний — Западный, — резюмировал он. — 21-я армия продвигается к Бобруйску. Конная группа Городовикова глубоко прорвалась во вражеский тыл и вышла в леса юго-западнее Бобруйска. К ней присоединилась воздушнодесантная бригада из корпуса Жадова, которая еще в начале июля была заброшена туда для действий в тылу противника. А с юга на Бобруйск по Березине наступает отряд судов Пинской военной флотилии.

— Правое крыло фронта тоже не бездействует, — напомнил я. — Там советские войска продолжают атаковать Гудермана из-за р. Сож на Кричев, Чериков и Пропойск, вцепились в группу Гудермана, не пускают ее войска от Смоленска к Москве.

— Корпус генерала Бакунина меня беспокоит, — признался командующий. — До сих пор он героически дерется у Могилева, пригнул на себя много вражеских войск, но силы его явно иссякли. Надо бы что-то подобрать 13-й армии, чтобы она смогла вывести этот свой корпус из окружения.

Я предложил передать в 13-ю армию две только что прибывшие кавалерийские дивизии, предназначавшиеся для группы Городовикова, но безнадежно запоздавшие для действия в ее составе. Кузнецов принял это предложение, но предупредил меня:

— Имейте в виду, что в кавалерийских дивизиях Средне-Азиатского военного округа механизированных полков нет, а вместо артиллерийских полков только артдивизионы. Держать оборону по р. Сож эти дивизии могут, но воевать с войсками Гудермана им трудно. Так ведь?

— Бесспорно, чтобы удержать Варшавское шоссе у Кричева 13-й армии нужны танки, — согласился я.

— По-видимому, в 13-ю армию придется отдать танковую дивизию из корпуса Кривошеина, находящуюся под Довском, — после раздумья решил Кузнецов. — С авиацией у нас плохо. Если бы во

фронте было три или хотя бы две авиационные дивизии, — говорил он, смотря на командующего ВВС фронта комдива Г. А. Воронейкина, — положение у нас было бы более чем хорошим.

В ходе дальнейшего обсуждения обстановки мы опять вернулись к левому крылу фронта.

— Во всей Белоруссии, — сказал член Военного совета Попомаренко, — неоккупированными остались теперь только Полесская, Гомельская да часть Бобруйской областей. И обороняется все это войсками нашего Центрального фронта. Однако если на бобруйском направлении для этого делается как будто все необходимое, то в Полесье, в частности в районе Мозыря, действия наших войск недостаточно активны.

— 21-я армия не в состоянии осуществлять оперативное руководство своими левофланговыми войсками — очень уж далеко до них, — сказал член Военного совета Гапанович. — Не худо бы в Полесье, где войск много, а руководить ими некому, — также создать какой-то крупный орган управления.

— У меня такая же точка зрения на положение наших войск в Полесье, — отозвался Кузнецов. — Сегодня утром я уже докладывал по телефону в Ставку, что для управления войсками левого крыла фронта требуется еще одно армейское управление. Оно объединило бы левофланговые дивизии 21-й армии, в том числе и 75-ю стрелковую дивизию, Мозырский укрепрайон и многочисленные выходящие в Полесье из окружения отряды, части и даже целые соединения Западного и Юго-Западного фронтов. Да и фронт наш в составе трех армий будет полнокровным фронтом, а не «бедняцким», как сейчас. Бесспорно, что активные действия трех армий фронта притянут на себя значительные силы врага, нацеленные на смоленское направление.

— Корпус комкора Петровского самоотверженно пробивается к Бобруйску, а соседние корпуса помогают ему недостаточно, — заметил Попомаренко.

— Это правда, и надо сейчас же приказать Ефремову активизировать действия левофлангового 66-го стрелкового корпуса на Паричи, Бобруйск, — указал мне Кузнецов. — А генерал Недвигин пусть организует от Мозыря систематические набегии небольших отрядов по вражеским тылам на подступах к Бобруйску.

— Леонид Григорьевич Петровский, активный участник гражданской войны, один из талантливейших наших военачальников, сын всем известного революционера Григория Ивановича Петровского, бывшего после Октября председателем Всеукраинского ЦИК, — и до сих пор не имеет генеральского звания, — сокрушался Гапанович.

— Давайте ходатайствовать перед Ставкой о быстрейшем присвоении ему генеральского звания и о награждении за взятие городов Рогачева и Жлобина орденом Красного Знамени, — предложил Кузнецов.

На том и порешили. Так кончилось первое заседание Военного совета фронта.

В последние дни июля войска 21-й армии продолжали наносить удары врагу за Днестром то на одном, то на другом участке и продвигались к Бобруйску. Немецко-фашистские корпуса были отброшены от Днестра на запад на расстояние свыше 30 км.

Из Ставки нам сообщили, что 31 июля за успехи в разгроме вражеских войск на подступах к Бобруйску Леониду Григорьевичу Петровскому было присвоено звание генерал-лейтенанта, а командирам дивизий этого корпуса полковникам Н. А. Прищепе, В. С. Раковскому и Я. С. Фоканову — звание генерал-майоров. Командир батальона из 65-го стрелкового корпуса капитан Федор Алексеевич Баталов был удостоен звания Героя Советского Союза. Орденами и медалями была награждена значительная группа командиров и красноармейцев из корпуса Петровского. Безусловно, что в тех условиях прорыв корпуса Петровского на Бобруйск был выдающимся событием.

Конная группа Городовикова в конце июля перерезала юго-западнее Бобруйска Варшавское шоссе.

Напуганное наступлением наших войск в районе Бобруйска — в тылу немецкой группы армий «Центр» командование этой группы повернуло против корпуса Петровского два армейских корпуса 2-й немецкой армии, нацеленных для действий на московском направлении. А против группы Городовикова были брошены три дивизии из резерва группы армий.

К началу августа действовавшие на правом крыле фронта войска 13-й армии пополнились новыми частями, отрядами и подразделениями, вышедшими из вражеского тыла, и день ото дня все сильнее атаковали из-за р. Сож дивизии Гудериана.

Активизировалось и левое крыло фронта. В последних числах июля в районе Речицы вышли из окружения бывший командующий 3-й армией Западного фронта генерал-лейтенант В. И. Кузнецов, с которым и командующий фронтом, и я были друзьями, большая группа командиров армейского управления и войска из состава армии.

В Гомеле в штабе фронта Василий Иванович рассказал нам о тяжелом пути армии:

— Ударили нас так же сильно, как и 4-ю армию. К сожалению, на нашем правом фланге не было такого непреодолимого для врага Полесья, как у вас, — обратился он ко мне. — И мы в районе Налибокской пущи — западнее Минска — попали в окружение. А потом больше месяца пробивались с боями через леса и болота Белоруссии к своим. У нас сначала был очень большой отряд. В нем были и танки, и машины, и артиллерия, и радики. Но постепенно, в процессе отступательных боев, технику и машины пришлось уничтожить. Отряд дробился, мы вышли уже в более скромном составе.

— Я доложил о вас в Москву, — сказал командующий фронтом. — Ставка ожидает от вас подробного донесения о боевых действиях армии при отступлении.

— Мы его вчерне уже составили во время выхода из окружения и завтра отпечатаем у вас в штабе, — ответил Кузнецов. — Ведь основные оперативные документы армейского управления у нас сохранились.

— Собственно, и армейское управление у вас в основном сохранилось, — что-то обдумывая, заметил командующий фронтом.

— Вот его-то и поставить в Мозырь, — предложил Гапанович. — Пусть оно там на левом фланге восстанавливает 3-ю армию.

— А ведь у меня та же мысль мелькнула, — поддержал Гапановича Ф. И. Кузнецов. — В пользу восстановления 3-й армии следует принять во внимание и такой веский политический довод. Все три армии первого эшелона Западного фронта — 3-я, 10-я и 4-я — к концу июля прекратили свое существование. Если они не появятся на каком-либо фронте, враг будет хвастать, что он целиком уничтожил эти армии. Вот и надо немедленно восстановить пока хотя бы 3-ю армию.

После краткого обсуждения этого вопроса мы познакомили В. И. Кузнецова с обстановкой на фронте и предложили ему развернуть на левом фланге фронта 3-ю армию. В. И. Кузнецов согласился. Запросили Ставку, возражений не было. И на другой день генерал-лейтенант Кузнецов со своей группой и отрядом выехал в Мозырь и развернул армейское управление 3-й армии. Членом Военного совета туда был направлен мой боевой товарищ дивизионный комиссар Ф. И. Шлыков. Начальником штаба армии стал командовавший до этого воздушнодесантным корпусом генерал-майор А. С. Жадов. В состав армии мы включили левофланговые дивизии 21-й армии, в частности стрелковую дивизию Недвижина. Новой армии подчинили также Мозырский укрепрайон. Из отрядов, подразделений и частей, скопившихся в Мозыре, генерал Кузнецов сформировал несколько новых дивизий.

Командующий артиллерией фронта генерал М. П. Дмитриев за два-три дня сумел обеспечить эту, по существу новую армию оружием и боеприпасами. Словом, в течение нескольких суток 3-я армия возродилась, как феникс из пепла. Мечты командования о вводе в состав фронта третьей по счету армии осуществились.

В то время мы ежедневно ездили в армию и помогали им, координировали их действия. После одной из поездок в войска Ф. И. Кузнецов сказал мне:

— 13-я и 21-я армии имеют во втором эшелоне по две дивизии, а вот фронтовые резервы мы создаем очень медленно. У нас фронтовой запасной полк раздулся за счет выходцев из окружения и призванных местными воскоматами до размеров знаменитого добровольческого Пугачевского батальона Туркестанского фронта времен гражданской войны. Из этого батальона тогда было сформировано несколько дивизий.

Это было не совсем так. Я напомнил командующему, что мы укомплектовываем восточнее Гомеля и в Новобелицких лесах две вышедшие из окружения дивизии, а одну уже восстановили и поставили оборонять рубеж северо-западнее Гомеля.

— Наконец, сегодня в район Гомеля пришла из 13-й армии 132-я стрелковая дивизия, — добавил я. — Командует ею энергичный, отлично показавший себя в боях под Могилевом генерал Бириузов.

— Как же, знаю его, — обрадовался Кузнецов. — В свое время я был начальником курса Академии имени Фрунзе, а он учился на этом курсе. Вот и поручим ему оборудование оборонительного рубежа под Гомелем. Пускай Бириузов возглавит оборонительные работы всех войск гарнизона и гражданского населения, а полки его тем временем нужно будет укомплектовать за счет запасных частей.

В тот же день генерал С. С. Бириузов вместе с начальником инженерных войск фронта А. И. Прошляковым принял на себя всю полноту ответственности за возведение обороны на ближних подступах к Гомелю. Дело это сразу получило широкий размах. Круглые сутки не прекращалось строительство дзотов, отрывка траншей, эскарпов, противотанковых рвов. Командование фронта ежедневно подбрасывало сюда новые силы и средства. Однако в первых числах августа восстановленную дивизию Бириузова пришлось срочно перебросить в район Кричева, где обстановка усложнилась: противнику удалось здесь прорваться через р. Сож. Туда же сосредоточивалась танковая дивизия корпуса Кривошеина и выгружившаяся на ст. Унеча кавалерийская дивизия.

— Недавно вышел из окружения и командарм 10-й генерал Голубев, — сообщил я Военному совету. — С ним вышла небольшая группа командиров армейского управления. Правда, значительная часть штаба армии вместе с начальником штаба шла отдельно и вышла из окружения, как и у В. И. Кузнецова, в другом пункте.

— Может быть, на правом фланге фронта восстановить 10-ю армию, — заметил Гапанович.

— Восстанавливать эту армию нам и не разрешат, да и войск для этой цели нет, — ответил командующий фронтом. — К тому же, как мне сообщил маршал Тимошенко, генерал Голубев назначен командующим войсками 13-й армии. Генерал Герасименко от нас уходит. Я считаю, что Голубев — знающий и опытный военачальник.

Генерал К. Д. Голубев вступил в командование 13-й армией.

Здесь уместно отметить, что в это же примерно время на Центральном фронте стала заметно ощущаться деятельность только что сформированного политического управления, начальником которого был назначен бригадный комиссар М. А. Козлов. Начала выходить фронтовая газета «В бой за Родину». Оживилась устная пропаганда. Целеустремленнее стали работать партийные и комсомольские организации.

Следует сказать, что мы больше занимались армиями, чем группой Городовикова. И вот в первых числах августа командующий фронтом направил меня туда.

— Вы когда-то служили в кавалерийском корпусе Городовикова, знаете его и он вас. Вот вы и съездите в конную группу. Уточните на месте обстановку в войсках группы. Узнайте, в чем она пуждается и как ей можно помочь, особенно в снабжении всем необходимым от боеприпасов до продовольствия.

И я поехал туда. Большую часть пути мне пришлось ехать верхом. Городовиков встретил меня радушно.

— А, старый конник, — шутливо приветствовал он меня. — Значит своего бывшего командира инспектировать приехал.

Два дня я провел в группе. Против трех слабых кавалерийских дивизий группы Городовикова, в которых не было ни артполков, ни танков, было брошено свыше трех пехотных дивизий. Наша конница при развертывании войск противника для боя, маскируясь лесами и оврагами, уходила в другой, заранее намеченный район. И оттуда наносила внезапные удары по резервам, вторым эшелонам и тылам врага. Однако в последнее время у противника появилась сильная авиация. Она целые дни штурмовала колонну на подступах к Бобруйску и Старым Дорогам, ведь в дивизиях, кроме малокалиберных четырехорудийных зенитных батарей и полковых зенитных пулеметных взводов, других средств ПВО не было. Поэтому днем конница рассредоточенно маскировалась в лесах и напала на противника главным образом ночью, предварительно спешиваясь. Фронт плохо снабжал кавалерийскую группу, особенно боеприпасами. Впрочем, об этом я хорошо знал и до поездки.

— Дней десять назад Ставка предложила мне предпринять рейд к Могилеву и вывести оттуда в Полесье окруженные у Могилева наши войска, — сообщил мне при расставании Городовиков. — Я доложил, в каком состоянии группа и как оснащена, — вопрос о рейде больше не поднимался.

Через день после поездки в конную группу я докладывал на Военном совете о ходе боевых действий войск армий фронта и группы Городовикова. Докложил, что командование 13-й армии уже больше недели не имеет радиосвязи с окруженным в районе Могилева 61-м стрелковым корпусом. Передал о предложении Ставки Городовикову вывести из окружения защитников Могилева и о его ответе.

Подытоживая обсуждение сложившейся обстановки, генерал Кузнецов сказал:

— В сущности говоря, наши войска нарацивают свои удары на прежних направлениях. Особенно тяжелые бои разыгрались под Бобруйском, где враг пытается отбросить корпус Петровского за Днепр, и в районе Кричева, где противник стремится прорваться по Варшавскому шоссе на Рославль. Войска привлекли к себе еще больше вражеских сил. Беда в том, что у нас мало средств ПВО и авиации. Мне обещали, что на днях в район Ново-

беленцы придут две смешанные авиационные дивизии, — ответил Кузнецов. — А с тыловым обеспечением начальники штабов явно не справились. На днях, — как мне сообщили из Москвы, — Ставка ввела должности начальника тыла Красной Армии и заместителей командующих войсками фронтов и армий по тылу. На эти должности назначаются крупные общевойсковые начальники.

— Известно ли, кто к нам назначен на эту должность? — спросил Гапанович.

— Заместителем по тылу назначен заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом генерал-лейтенант Макс Андреевич Рейтер. Это мой старинный боевой товарищ с очень богатой интересной биографией. По национальности латыш, сын крестьянина, родился в 1886 г. С 1910 г. — офицер царской армии. В конце первой мировой войны имел чин полковника. В марте 1919 г. добровольно вступил в Красную Армию. Самоотверженно сражался в гражданскую войну за Советскую власть. Два раза был ранен и контужен. Награжден двумя орденами Красного Знамени.

На другой день после заседания Военного совета фронта Рейтер прилетел из Москвы в Гомель самолетом. Так как мне потом довелось с ним работать бок о бок почти в течение двух лет войны, я расскажу об этом незаурядном человеке, талантливом и храбром военачальнике подробно. После представления командующему он пришел ко мне. Мы познакомились.

— Ну вот, я пришел принимать у вас⁴ фронтовые тылы, избавить вас от этой тяжелой обузы, прощически улыбаясь, заявил он мне, усаживаясь за стол.

— Не нахожу слов, как я рад, что важная работа по тыловому обеспечению войск фронта нашла в вашем лице достойного руководителя, — ответил я.

Я показал ему на карте положение войск фронта и правдиво рассказал о неудовлетворительном снабжении войск. В то же время я внимательно рассматривал Рейтера. Это был среднего роста широкоплечий, крепкий человек, подтянутый, одетый строго по форме. Русые, с почти незаметной седinou волосы, небольшие усики, гладкое без морщин лицо, белые блестящие зубы, наконец, юношеская подвижность делали Рейтера значительно моложе на вид. Говорил он с небольшим, но заметным латышским акцентом.

Макс Андреевич быстро и энергично взялся за дело. На базе тыловых отделов фронтового управления он вместе с прибывшими с ним из Москвы командирами быстро сформировал штаб тыла фронта и новые тыловые управления и учреждения. С необычайной настойчивостью начал продвигать в войска боеприпасы, горючее и все необходимое для боя, используя для этого не только наличный автотранспорт, но и вновь сформированные гужетранспортные роты и мобилизованный транспорт местного населения. Особенно широко для подвоза тыловых грузов применял Рейтер железнодорожные транспорты, летучки, цистерны и даже дрезины. Причем он организовал дело так, что железнодорожные летучки под при-

М. А. Рейтер

В. И. Кузнецов

крытием почной темноты подтягивались к самым передовым позициям, быстро разгружались и принимали для эвакуации в тыл раненых и больных. Даже на бронепоездах и на судах Днепровской речной флотилии Рейтер ухитрялся перебрасывать некоторые грузы. Для ремонта автомашин были сформированы новые ремонтные летучки, часть машин ремонтировалась в гражданских мастерских. Руководимые Рейтером работники тыла вытащили из Полесья немало машин, где их оставили выходящие из окружения наши части. Снабжение войск продовольствием улучшилось за счет использования гражданских ресурсов и пуска с помощью красноармейцев местных хлебозаводов.

Для подвоза в группу Городовикова всего необходимого он организовал две перевалочные базы. Одну за Речицей, куда грузы перевозились со станций автотранспортом, другую поблизости от КП Городовикова. Перевозка на последнюю осуществлялась гуже-транспортными ротами.

Возрастающий размах наступательных действий Западного фронта на смоленском направлении и активные действия войск Центрального фронта на гомельском направлении заставили немецко-фашистское командование переоценить обстановку и изменить свои планы.

28 июля 1941 г. Гитлер формулировал свое решение следующим образом: «...важнейшей задачей является ликвидация угрозы на правом фланге группы армий «Центр» путем разгрома вражеской

группировки, находящейся в районе Гомеля и севернее...»¹ Войскам группы армий «Центр» приказывалось перейти к обороне. Победный марш немецко-фашистских войск по Советской стране срывался.

К исходу первой пятидневки августа разведывательные данные штаба фронта уже свидетельствовали о постепенном повороте крупных сил противника на юг, об их сосредоточении и подготовке к удару на гомельском направлении. Участилась сильная боевая разведка противника на флангах корпуса Петровского — у Рогачева и Жлобина, а также от Довска на Гомель и на участках слабых бригад воздушнодесантного корпуса восточнее Кричева. Сюда в быстрых темпах враг стягивал крупные силы и боевую технику. Усилились и участились палеты вражеских самолетов на войска Центрального фронта и важные объекты в его полосе, особенно на Гомель и Унечу. Перенацеливание вражеских сил с западного на гомельское направление день ото дня становилось все очевиднее. Начались сильные удары по флангам корпуса Петровского у Рогачева и Жлобина с явной целью отрезать корпус от Днепра. Командующий фронтом по телеграфу просил Ставку разрешить «отвести главные силы 63-го стрелкового корпуса за Днепр, оставив на рубеже Рогачев, Жлобин прикрытие». Для организации надежного тылового оборонительного рубежа фронта на Десне Военный совет внес предложение в Ставку о рокировке 3-й армии и группы Городовикова, которые могли очутиться в окружении, за правый фланг фронта, к Десне. Борис Михайлович Шапошников сообщил Кузнецову по телефону, что на Десне, позади нас у Брянских лесов, создается новый, Брянский фронт.

Как стало известно позже, в первую неделю августа войска правого крыла немецкой группы армий «Центр» — в составе 25 дивизий — снестно готовились к наступлению против войск Центрального фронта. Основной удар от Кричева на Новозыбков и Унечу, в обход Гомеля с востока, возлагался на оттянутую к Кричеву от Рославля танковую группу Гудериана, переименованную в то время в армейскую танковую группу. Группе было придано несколько армейских корпусов. Непосредственно на Гомель нацеливалась с севера, вдоль обоих берегов р. Сож, 2-я немецкая армия.

Установив подготовку вражеского удара на гомельском направлении, командование Центрального фронта стало возводить тыловые оборонительные рубежи. Один под Унечей, другой у окраины Гомеля. Под Гомелем в короткий срок были сооружены многочисленные дзоты. Склоны холмов эскарпировались, отрывались противопанковые рвы. Оборудовались траншеи и окопы для орудий, пулеметов. Командиры, красноармейцы и жители Гомеля работали днем и ночью, не зная усталости. Гомельский областной комитет партии мобилизовал рабочих на строительство оборонительных сооружений на подступах к городу. За короткий срок был создан

¹ «Военно-исторический журнал», 1966, № 2, стр. 84

Гомельский рабочий полк народного ополчения под командованием популярного на Гомельщине коммуниста Ф. Е. Уткина. Все эвакуированные заводские мастерские в Гомеле занялись ремонтом оружия, техники и автомашин².

7 августа моторизованные войска Гудериана захватили у ослабленных бригад воздушнодесантного корпуса участок Варшавского шоссе в районе Кричева и открыли себе путь на Рославль. Восстановить положение под Кричевом, перерезать врагу путь по шоссе командующий 13-й армией приказал командиру 45-го стрелкового корпуса комдиву Э. Я. Магону. В его распоряжение в районе Кричева входили стрелковые дивизии С. С. Бирюзова и И. Т. Гришина, 50-я танковая дивизия полковника Б. С. Бахарова и 21-я кавалерийская дивизия полковника Я. К. Кулиева.

С утра 8 августа в районе Кричева развернулись ожесточенные бои основных сил 13-й армии с войсками группы Гудериана, подерживаемыми мощной авиацией.

А через день враг нанес особенно сильные удары по флангам корпуса Петровского и повел наступление по обеим сторонам р. Сожа на Гомель. С началом тяжелых оборонительных боев на этих двух направлениях командующий фронтом генерал Кузнецов 10 августа неожиданно был вызван в Москву³. В командование Центральным фронтом вступил командующий 21-й армией генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, популярный в те годы военный деятель, один из прославленных военачальников гражданской войны.

Это был подвижный, энергичный человек, всесторонне развитый спортсмен. В день вступления в новую должность Михаил Григорьевич в течение нескольких минут ознакомился в штабе с обстановкой и поехал в 13-ю армию.

— Как идут бои на фронте от Пронейска до Мозыря, я знаю хорошо, — а вот что делается у Голубева, надо посмотреть лично.

Возвратился Ефремов к вечеру и с угрюмым видом поделился со мной своими впечатлениями:

— Положение в районе Кричева более чем тяжелое. Слабые истощенные дивизии и воздушнодесантные бригады едва сдерживают натиск механизированных войск врага. В нашей танковой дивизии не больше двух десятков танков, и она пехоте существенной помощи оказать не сможет. А посылать биться с таким врагом кавалерийскую дивизию не имеет никакого смысла. У меня сложилось впечатление, что там нашим войскам долго не продержаться. Я передал командующему 13-й армией два фронтовых полка, сосредоточенных в Унече. Но это полумера. Эту армию надо подпитать сзади свежими войсками.

² «Военно-исторический журнал», 1960, № 11, стр. 42—46.

³ Ф. И. Кузнецов вызывался в Ставку одновременно с А. И. Еременко. Им было предложено на выбор ехать командовать вновь создаваемыми Брянским фронтом или Отдельной армией на правых флантах в Крыму. Оба они заявили, что поедут туда, куда сочтет нужным Ставка. Еременко был послан на Брянский фронт, а Кузнецов — в Крым.

— Ф. И. Кузнецов и я внесли предложение перевести 3-ю армию и группу Городовикова за Днепр и поставить их в оборону сзади 13-й армии на рубеж р. Десна, — доложил я Ефремову. — Но наше предложение не было принято.

— Кстати, почему Голубев не сам со своим штабом руководит боем основных сил армии под Кричевом, а возложил это на командира 45-го корпуса Магона? По-видимому, у него не изгладились тяжелые впечатления от выхода из окружения. Его надо послать лечиться, а командовать армией поставить нового, энергичного генерала, такого, как Петровский.

Стоя перед развернутой картой с нанесенной на ней обстановкой, Ефремов рассуждал вслух:

— Если бы из-за Днепра перетащить за правый фланг фронта корпус Петровского, он бы несомненно сдержал натиск противника. Свою роль за Днепром он уже сыграл. Почти месяц сдерживает главные силы 2-й немецкой армии. Находиться дольше там корпусу и бесполезно и опасно. Он может попасть в окружение, и его постигнет такая же участь, как корпус генерала Бакунина, сражавшийся в окружении в районе Могилева⁴. Обстановка изменилась для корпуса Петровского, да и для всего фронта создалось угрожающее положение. — продолжал Ефремов. — Утром всем Военным советом поднимем просьбу в Ставку о разрешении отвести за Днепр корпус Петровского и 3-ю армию.

Воздушные налеты авиации противника тогда были особенно интенсивными. Каждый день и каждую ночь вражеские бомбардировщики бомбили железнодорожные станции на линии Гомель—Брянск и особенно Гомель. Противник от своей разведки хорошо знал, где размещается наш штаб и где находятся промышленные предприятия в Гомеле. В течение суток нам неоднократно приходилось прятаться от вражеской авиации в убежища, и все равно потери были значительные. Перед ночной бомбежкой вражеские летчики обычно освещали помеченные для удара объекты сброшенными на парашютиках осветительными ракетами.

Генерал Ефремов после проведенной в таких условиях ночи с негодованием упрекал меня:

— Нет, сидеть в ваших хоромах и быть мишенью для немецкой авиации я не хочу. Надо перевести штаб в лес, в землянки.

— Кузнецов несколько раз просил Шапошникова разрешить нам переместить штаб фронта хотя бы вперед, ближе к войскам, — пояснил я. — Однако из-за того, что Генеральный штаб и все

---

⁴ К этому времени несколько малочисленных частей 61-го стрелкового корпуса, вооруженных только личным стрелковым оружием, вышли из окружения на участке 21-й армии. По рассказам командиров, корпус самоотверженно оборонялся до 27 июля. В многодневных героических боях части корпуса нанесли огромный урон врагу, приковав к себе большие силы. Но дивизии корпуса поредели, боеприпасы иссякли. Части корпуса стали пробиваться с боем к своим. Материальную часть пришлось уничтожить.

центральные управления имеют с нами безотказную телеграфную и даже телефонную связь, нам запретили уходить из Гомеля.

Ефремов позвонил Шапошникову. Попросил разрешения перевести войска левого крыла за Днепр и переместить КП фронта, но получил отказ. Я знал по своему опыту, что в подобных случаях Борис Михайлович обычно отвечал:

— А вы позвоните, голубчик, товарищу Сталину, может быть, он разрешит.

— Ну что ж, запретили, так посидим и здесь, в Гомеле, — сказал мне Ефремов.

Но он-то меньше всех, пожалуй, находился в штабе. Михаил Григорьевич всегда предпочитал руководить войсками непосредственно на поле боя. Начиная со следующего дня он буквально дневал и ночевал в войсках, появляясь в штабе фронта на два-три часа в сутки. Выезжал он в войска обычно с группой работников штаба фронта.

На рассвете 12 августа командующий и я с огорчением склонились над отчетной картой обстановки. Утро обещало быть солнечным, безоблачным, а на войска надвигались темные грозовые тучи. Особенно тяжелая обстановка складывалась под Кричевом и в войсках корпуса Петровского. К нему поехал Ефремов.

А под Кричев я послал одного из ответственных сотрудников штаба с поручением передать мою памятную записку Бирюзову. В ней было написано: «Сергей Семенович! Помните, что вы совместно с кавалерийской дивизией штурмуете противника под Кричевом и перерезаете там Варшавское шоссе и железную дорогу, т. е. восстанавливаете прежнее положение. Навстречу вам с севера будут наступать дивизии бывшей 4-й армии — генерала Александра и полковника Попсуй-Шапко. Пришлите к концу дня с моим представителем записку о результатах штурма. 12.8.41 г. Сандалов». Представителю штаба я поручил находиться во время боя на НП Бирюзова или комдива Магона и от обоих привезти мне сообщения о результатах боя.

К вечеру представитель привез записку Бирюзова, что штурм удался. Варшавское шоссе у Кричева вновь закрыто для противника. По словам представителя, комдив Магон во время боя находился на НП Бирюзова и считает его записку ко мне исчерпывающей. В мемуарах «Суровые годы» маршал С. С. Бирюзов так описывает этот бой:

«Как сейчас, помню это раннее утро. Первые лучи яркого солнца едва прорезали предрассветную дымку, и тотчас заговорили наши минометы, пушки, гаубицы, поднялась в атаку пехота. Противник открыл ответный огонь, но было уже поздно: подразделения нашей дивизии вышли к шоссе. Фронт был прорван удивительно быстро, и комдив Магон тотчас же поднял кошицу.

Со своего НП я невольно залюбовался, как стройными колоннами, словно на параде, по три в ряд, лихо гарцевали всадники. эскадрон за эскадроном. И тут же мелькнула мысль: «Да, смело

действуют, но слишком уж беснуются». Как бы в подтверждение этого из-за горизонта вынырнули «мессершмитты» и «юнкерсы»⁵.

Кавалерийская дивизия, не имевшая достаточных средств противовоздушной обороны и брошенная в прорыв без авиационного прикрытия, понесла большие потери.

Противник ни за что не хотел примириться с тем, что мы перерезали его коммуникации между Кричевом и Рославлем. Он ввел в бой свои резервы. Перед нами появились новые пехотные и танковые части немцев. Бойцы окапывались, готовясь к решительной схватке, и противник не заставил долго ждать этого. Уже к вечеру гитлеровцы ударили по нашим флангам, пытаясь отбросить дивизию за шоссеиную дорогу. Но все стрелковые подразделения и спешившиеся кавалеристы держались стойко».

Ночью с 12 на 13 августа генерал Ефремов находился на КП 21-й армии. Я доложил ему по телефону обстановку под Кричевом. А он сообщил мне, что на участке левофлангового корпуса у Стрешина противнику удалось форсировать Днепр. Переправившиеся там вражеские войска распространяются на северо-восток. А навстречу им со стороны Довска наступают две-три немецкие дивизии, усиленные моторизованными частями. Создалась угроза окружения корпуса Петровского. Одна его дивизия сейчас отводится через Днепр к Довску, а две другие обороняются за Днепром на рубеже Рогачев, Жлобин.

— Надо отводить за Днепр весь корпус пока не поздно, — предложил я.

— Вы знаете, какой ответ дал мне Шанонников два дня назад на такое предложение, — возразил Ефремов.

13 августа было поистине несчастным днем для Центрального фронта. Утром начальник штаба 45-го стрелкового корпуса полковник Ивашечкин прислал лично мне донесение, в котором говорилось, что две немецкие моторизованные дивизии, сопровождаемые авиацией, нанесли на рассвете удар по правому флангу корпуса и смяли там наши части. Для противодействия удару были выброшены на фланг танковая дивизия Бахарова и стрелковая дивизия Гриниша. Комдив Магон, возвращаясь накануне с НП Вирюзова на КП корпуса в своем танке, попал под огонь вражеской артиллерии. Его танк был подбит. Смертельно раненный, Эрман Янович Магон скончался. Пали на поле боя также командир дивизии полковник Попсуй-Шапко, комиссар 132-й стрелковой дивизии полковой комиссар П. И. Луковкин и многие другие командиры и красноармейцы. Далее сообщалось, что Ивашечкину удалось связаться по радио с командармом. Он поручил ему вступить в командование корпусом и отводить его по рубежам за р. Игуть, на линию Мглин, Сураж.

Исключительно тяжелая создалась в этот день обстановка в полосу 21-й армии. Противник рокировал почти всю 2-ю армию за

⁵ С. С. Б и р ю з о в. Суровые годы. Предисловие Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. М., 1962. стр. 45—46.

Днепр и повел наступление на Гомель. Главный удар нацеливался из района Довска в междуречье Днепра и Сожа. Во второй половине 13 августа правофланговые войска 21-й армии не выдержали натиска и стали медленно отходить к югу. С помощью выведенной за Днепр дивизии Петровского враг был остановлен у селения Меркуловичи на шоссе Довск—Гомель и у поселка Чечерск на р. Сож. Передовые подразделения противника прорвались к размещавшемуся здесь КП 21-й армии. При отражении вражеского палета под Чечерском был ранен начальник штаба армии генерал-майор В. Н. Гордов, исполнявший одновременно и обязанности командующего армией.

К вечеру вражеские войска были уже близки к полному окружению корпуса Петровского. Переправы у корпуса через Днепр сохранились лишь в районе Жлобина. Командующий фронтом и члены Военного совета находились в районе КП 21-й армии.

— Пусть Петровский вступит в командование армией, — предложил, как мне позже рассказывали, Гапанович. — Надо его вызволить из окружения.

Предписание о вступлении Петровского в командование 21-й армией было подписано командующим и членом Военного совета фронта и в сумерках было послано адресату самолетом У-2. На этом самолете и должен был прилететь Петровский. Самолет благополучно приземлился на КП корпуса, но Петровский не прилетел. Он просил отсрочить вступление в командование армией, так как «оставление в такой тяжелой обстановке войск корпуса равносильно бегству». Самолет возвратился с корпусного КП с тяжело раненным бойцом. Лишь утром 14 августа, когда войска 63-го стрелкового корпуса были почти совсем окружены, командующий фронтом разрешил Петровскому начать отход. В необычайно сложной и тяжелой обстановке, под систематическим артиллерийским огнем и под ударами вражеской авиации Петровскому к исходу 14 августа удалось переправить свои войска через Днепр. Но к этому времени враг вел бои уже на подступах к Гомелю, и дивизии 63-го стрелкового корпуса оказались в тылу у противника.

Талант крупного военачальника и железная воля помогли Петровскому выйти с честью из этого трудного положения. Периодически перегруппировывая свои войска, он стал наносить по врагу удар за ударом с тыла, стремясь прорваться к Гомелю и соединиться со своими войсками.

15 августа утром командующий фронтом отдал приказание генералам В. И. Кузнецову и О. И. Городовикову о переправе их войск за Днепр и выводе за Десну. Здесь они должны были организовать оборону, принимать на себя в будущем отступающие от Унечи и Гомеля войска фронта и вместе с ними остановить здесь врага.

— 3-я армия создавалась по вашей инициативе, на вас возлагаю и ответственность за ее переправу, — предупредил меня Ефремов.

— Не опоздайте с переправой армии Кузнецова, как опоздали с переправой корпуса Петровского, — сказал Гапанович, глядя на Ефремова.

Я и начальник инженерных войск фронта полковник Прошляков немедленно поехали проверить в район Лоева постройку наплавных мостов через Днепр для переправы войск 3-й армии. К исходу дня мосты были наведены. Для их обороны с воздуха выставлены три зенитные батареи. Вместе с приехавшим туда генералом Кузнецовым мы наметили переправить войска армии через Днепр в течение 17 и 18 августа.

На другой день — 16 августа я и начальник артиллерии фронта генерал Дмитриев с группой командиров поехали по заданию командующего фронтом в 13-ю армию, в первую очередь в ее правофланговый корпус. Я и Дмитриев ехали в одной машине. Так как положение корпуса ежедневно менялось, нам часто приходилось выезжать к войскам первой линии. А там уже по-настоящему устанавливалась прифронтовая полоса. Многие жители грузили свой скарб на подводы, а иные уже уехали.

— Куда едете? — спросили мы старика, сопровождавшего вместе со старухой, двумя молодыми женщинами и разного возраста детьми перегруженную имуществом подводу с привязанной к ней коровой.

— В Брянский лес. — угрюмо сообщил старик. — Может быть, бог даст, до зимы разделаетесь с фашистами.

Чем ближе к фронту, тем в деревнях больше опустевших домов. Но вот и тыловой рубеж корпуса. Его занимали две дивизии. Фронт сплошным не был. Между полковыми участками и батальонными районами были значительные промежутки, защищаемые только перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем. На танкоопасных направлениях были выкопаны глубокие противотанковые рвы, точные размеры которых указал лично генерал Ефремов. Большая часть артиллерии размещалась в подразделениях пехоты для стрельбы прямой наводкой.

— Это противоречит всяким правилам боя, — сказал генерал Дмитриев.

— Мы это отлично знаем. — ответил командир полка, участок которого мы осматривали. — Но в данной обстановке артиллерия лучше всего помогает пехоте, если находится вместе с ней.

Командир полка указал нам на карте, где находится КП корпуса, и мы поехали туда.

Полковник Ивашечкин, командный пункт которого находился недалеко от поселка Мглин, доложил:

— В моем подчинении ослабленные в прошлых боях стрелковые дивизии Гришнина, Вирюзова, Остапешко и Александра, кавалерийская и танковая дивизии. Оборону я строю так. Три дивизии обороняются на переднем рубеже по р. Судость. А в это время две другие дивизии готовят тыловой оборонительный рубеж, который вы видели. Если противник собьет нас с рубежа на р. Су-

дость, оборонявшие его войска перекажутся через тыловой оборонительный рубеж и станут готовить к обороне второй тыловой оборонительный рубеж. Танковая и кавалерийская дивизии — мой подвижной резерв. Его бросаю для затыкания образовавшихся дыр. Управляю и держу связь с войсками главным образом при помощи трех броневиков.

— По числу дивизий у вас не корпус, а армия, — заметил я Ивашечкину.

— Вы отлично знаете, что это за дивизии, — возразил он. — Лучше других сохранились и показали себя в бою дивизии Грищина и Бахарова.

Признаться, хладнокровие Ивашечкина в такой острой обстановке, его инициатива, продуманные решения боевых задач произвели на нас отличное впечатление.

Полковник Ивашечкин повез нас на НП этих комдивов. На фронте в нескольких пунктах шла оживленная артиллерийская и пулеметная перестрелка, особенно в районе Мглин. Немцы прощупывали нашу оборону, определяли, где нанести удар.

Возвратившись на корпусной КП, мы застали там командарма генерала Голубева. Штаб его армии находился в районе Унечи. Голубев показал мне по карте положение войск на левом участке армии и тревожно спросил:

— Какие меры предпринимает фронт, чтобы остановить противника? Его моторизованные войска стремятся по частям окружить армию.

Я показал Голубеву на карте намеченный для обороны рубеж за Десной, где мы рассчитывали остановить врага. Указал, куда после переправы через Днепр станут в оборону за Десну армия генерала Кузнецова и группа Городовикова. Начертил на его карте, на каком участке Десны будут готовить оборону резервные дивизии 21-й армии и где именно за этой рекой надлежит оборонять оборону для 13-й армии.

Голубев иронически усмехнулся и махнул рукой.

— Все это бумажные планы, — возразил он. — Спасет нас, по-видимому, только вновь создаваемый Брянский фронт. Сегодня утром ко мне приезжал представитель оттуда. Он детально уточнил положение и состояние войск армии, спросил о противостоящем нам противнике. А перед отъездом сказал:

— Командующий фронтом генерал Еременко велел передать, чтобы ни в коем случае не оглядывались на р. Десну, и сказал, что, если вы сдадите противнику рубеж Унеча, Кницы, у вас будут большие неприятности.

Я чувствовал, что Голубев что-то не договаривает. Об этом разговоре я обещал доложить генералу Ефремову и немедленно дать ответ. Затем я и Дмитриев уехали в Гомель.

В штаб фронта мы возвратились к ночи, и вскоре по городу и штабу фронта начались непрерывные, волна за волной, мощные палеты вражеской авиации. Немецкое командование стремилось

быстрее овладеть Гомелем, выйти к р. Сож и захлестнуть наши войска, оборонявшие Гомель.

Этой ночью генерал Петровский блестяще осуществил тщательно подготовленный прорыв из окружения войск корпуса. В свой приказ на прорыв он включил следующий замечательный пункт: «Всему начсоставу, вне зависимости от звания и должности, в период ночной атаки вплоть до соединения частей корпуса с частями Красной Армии находиться в передовых цепях, имея при себе эффективное оружие с задачей объединить вокруг себя весь личный состав». Атака войск корпуса Петровского, начатая в 3 часа 17 августа после мощного артиллерийского налета, застала противника врасплох. Противостоящие корпусу части 134-й пехотной дивизии были разбиты, штаб дивизии разгромлен. Около 4 часов утра кольцо блокирующих войск врага было прорвано и главные силы корпуса Петровского соединились с войсками, оборонявшими Гомель. Однако Леонид Григорьевич Петровский при выводе из прорыва арьергардных частей корпуса героически пал в этот день на поле боя⁶.

О своей поездке в 13-ю армию и о разговоре с генералом Голубевым мне удалось доложить Ефремову лишь к середине дня, когда он возвращался из 21-й армии. Возглавлял ее по-прежнему генерал Гордов, рана которого оказалась неопасной и он остался в строю. Ефремов развернулся и немедленно позвонил Шапошникову. Должил ему сначала о боях под Унечей и Гомелем, о героическом прорыве из окружения корпуса Петровского. А затем спросил, почему генерал Еременко столь интересуется 13-й армией.

Шапошников пояснил Ефремову, что 13-я армия войдет в состав оформляющегося в эти дни Брянского фронта.

— А для Центрального фронта, — успокаивал он Ефремова, — за Десной, в районах Глухова и Конотопа, формируется 40-я армия.

18—19 августа развернулись наиболее ожесточенные бои под Гомелем. Сюда были брошены основные силы 2-й немецкой армии. Вражеская авиация бомбила день и ночь город. Бок о бок с бойцами 21-й армии сражались за Гомель и бойцы рабочего полка народного ополчения. Огромные потери понесли вражеские войска, но и потери наших войск, в том числе и рабочего полка, также были большими. В боях за Гомель сложили свои головы командир рабочего полка Ф. Е. Уткин, комиссар батальона этого полка Н. М. Кунцевич и многие другие⁷.

Утром 19 августа штаб Центрального фронта по разрешению Генерального штаба переместился за р. Сож и обосновался в лесу, в заранее подготовленных землянках. До поздней темноты продолжались яростные схватки в городе. И лишь на исходе суток врагу удалось занять Гомель.

⁶ В послевоенные годы по постановлению Совета Министров СССР на могиле Л. Г. Петровского в дер. Старая Рудня Гомельской обл. установлен памятник.

⁷ Их братская могила возвышается на крутом берегу р. Сож в Гомеле, близости от парка имени Луначарского

В этот день 13-я армия окончательно перешла в подчинение создававшегося Брянского фронта. Против нее наступали основные силы группы Гудериана, нанеся удар в направлении Унечи, Новгород-Северского. Г. Унеча был уже захвачен противником. Командующий Брянским фронтом обратился в Ставку с просьбой заменить командующего 13-й армией⁸. Одновременно он приказал генералу Голубеву совместно с командующим 50-й армией нанести контрудар на Унечу и отнять у врага этот город. Однако сосед Голубев смог выделить для этой цели только одну кавалерийскую дивизию, и контрудар развития не получил.

Успехи войск правого крыла группы армий «Центр» на гомельском направлении окрылили Гитлера для проведения операции на окружение войск Юго-Западного фронта. Идею операции он изложил в директиве от 21 августа: 1. Важнейшей целью до наступления зимы считать не захват Москвы, а захват Крыма, промышленного и угольного района Донбасса, и лишение русских доступа к кавказской нефти. 2. Исключительно благоприятная оперативная обстановка, которая сложилась благодаря достижению нами линии Гомель—Почеп, должна быть использована для того, чтобы немедленно предпринять операцию, которая должна быть осуществлена смежными флангами групп армий «Юг» и «Центр». Целью этой операции должно явиться не простое вытеснение 5-й армии русских за линию Днестра только силами нашей 6-й армии, а полное уничтожение противника до того, как он достигнет линии р. Десна—Конотоп—р. Сула. Это даст возможность группе армий «Юг» занять плацдарм на восточном берегу Днестра в районе среднего течения, а своим левым флангом во взаимодействии с группой армий «Центр» развить наступление на Ростов, Харьков.

В течение последующих трех суток войска 21-й армии в ожесточенных боях сдерживали наступление 2-й немецкой армии от Гомеля на юг, к Десне. 3-я армия переправилась через Днепр в районе Лоева и выдвигалась за Десну для занятия оборонительного рубежа восточнее Чернигова. Конная группа подошла к переправам через Днепр. Ее возглавлял начальник штаба группы Городовиков комбриг Борисов. Очень тяжелое положение создалось на участке 13-й армии теперь уже Брянского фронта. Главные силы танковой группы Гудериана парализовали удар от Унечи на Новгород-Северский, к Десне. Создалась угроза, что противник преодолет реку до занятия на ней обороны войсками нашего фронта и захлестнет их.

25 августа, когда штаб Центрального фронта размещался в селе Мена, в 25 км севернее Десны, меня вызвал для переговоров по телефону начальник штаба Юго-Западного фронта генерал-майор В. И. Тупиков. Я считал, что на этой должности продолжает оставаться генерал Пуркаев. Никак не мог предполагать, что его заменят. Тупиков был известен среди высшего состава как об-

⁸ Вскоре командующим 13-й армией был назначен генерал-майор А. М. Городнянский.

разованный опытный штабной руководитель. Накануне войны он был начальником штаба Харьковского военного округа. А перед этим работал военным атташе в Германии, сменив там Пуркаева⁹.

И вот В. И. Тупиков сказал мне, что наступление крупных сил противника от Гомеля на Чернигов и особенно нарастающий удар его крупных моторизованных войск от Унечи в направлении Копотопа создают тяжелую угрозу для войск наших обоих фронтов, и спросил, какие меры предпринимает командование фронта для отражения угрозы и чем они могут помочь нам. Я ответил, что положение войск фронта и группировку противника командование Юго-Западного фронта знает из наших сводок. 2-ю немецкую армию через Десну мы не пропустим. Оборону реки у Чернигова и восточнее организуем силами 3-й и 21-й армий и конной группы до подхода к реке противника. А вот участок Десны от Новгорода-Северского к западу занять заблаговременно нам нечем. Ставка обещала для этой цели передать нам новую армию. Тупиков сообщил, что 40-я армия формируется Юго-Западным фронтом и ее соединения будут сразу ставиться в оборону на этот участок Десны. Но до этого следует, по его мнению, бросить в район Копотопа хотя бы конную группу. 5-я армия нашего фронта, которая переправляется на восточный берег Днепра для занятия обороны от Чернигова до ст. Глыбов, севернее Киева, возможно, также будет передана вам, сказал он в заключение.

Первый и последний раз я разговаривал с Тупиковым. И ни разу мне не довелось видеть его.

Лента моих переговоров с Тупиковым была прочитана Военным советом фронта, о них стало известно руководящим работникам фронтового управления. Настроение у всех повысилось.

И вдруг 25 августа последовал приказ Ставки: Центральный фронт расформировать. Его войска передать в Брянский фронт. 3-ю армию влить в 21-ю армию. Ее командующим назначить генерала В. И. Кузнецова.

Накануне, 25 августа, А. И. Еременко вел переговоры со Ставкой.

Сталин: «Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию? ... Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать (Брянскому фронту. — Л. С.) еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?»

Еременко: «Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечить. А это значит — прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из района Брянска. Поэтому прошу 21-ю армию, соединенную с 3-й армией, подчинить мне. ...»

Главкомандующий Юго-Западным направлением С. М. Буденный внес другое предложение в Ставку: Центральный фронт не

⁹ И. Х. Баграмян. Город-воин на Днепре. М., 1965, стр. 98—99

только не расформировывать, а усилить 40-й и 5-й армиями Юго-Западного фронта. На Центральный фронт возложить задачу — прочно обеспечить войска Юго-Западного направления с севера¹⁰. Однако Сталин принял предложение Еременко. В результате Центральный фронт прекратил свое существование. Генерал Ефремов стал заместителем командующего Брянским фронтом, я — заместителем начальника штаба фронта. Большинство начальников управлений и отделов штаба нашего фронта стали заместителями соответствующих начальников управлений и отделов штаба Брянского фронта. Заместитель командующего фронтом по тылу генерал Рейтер, начальник артиллерии генерал Дмитриев и начальник АБТ фронта полковник Кабанов остались на этих должностях и в Брянском фронте.

Немаловажную роль сыграл Центральный фронт, отвлекший часть сил группы армий «Центр» с московского на гомельское направление. Но она могла быть еще значительнее, если бы Центральный фронт, конечно, достаточно и своевременно успешный, организовал прочную оборону на Десне. К сожалению, мы недооценивали, преуменьшали силы группы армий «Центр», наступавшие на юг, особенно мощь 2-й танковой группы. Рассчитывали, что эти войска развивать удар на юг дальше Десны будут не в состоянии и опять переацелятся на Москву. По-видимому, поэтому Советское командование сочло ненужным существование Центрального фронта.

3. Брянский фронт бьет по флангам и тылам группы Гудериана

Днем 26 августа я получил от начальника штаба Брянского фронта генерал-майора Г. Ф. Захарова приказание:

— Выделите из состава штаба Центрального фронта оперативную группу. перебросьте ее с узлом связи фронта в район ст. Хутор Михайловский. Организуйте там ВПУ Брянского фронта и возглавьте его. Установите оттуда телеграфную связь со штабом фронта и штабами 21-й и 13-й армий.

И вот с наступлением темноты я повел колонну оперативной группы штаба фронта из Мены к понтонной переправе через Десну южнее Мены. Переправившись через реку, мы повернули к Батурину. Не доезжая до этого древнего городка, бывшего в свое время резиденцией украинских гетманов, в том числе и изменника Мазепы, я поставил колонну на ночевку возле р. Сейм. Ночь была теплая, почти все сотрудники штаба расположились спать на сене.

На другой день, чуть занялся рассвет, наша колонна переправилась по мосту через р. Сейм и через Батурин, Глухов, Ямполь, двинулась в Хутор Михайловский. В долине Десны — в направлении Новгород-Северского слышалась глухая артиллерийская ка-

¹⁰ И. Х. Баграмян Указ соч., стр. 101—103.

попада. Не доезжая до Глухова, мы услышали огромный взрыв. А затем языки пламени высоко взвились кверху. В Глухове мы сделали остановку, чтобы дожидаться колонну с узлом связи штаба фронта, которая ехала через Чернигов. В Глухове нам встретился командир полка 10-й танковой дивизии, фамилию которого я запомнил.

— У Десны от Новгород-Северского к юго-западу занимает оборону на участке свыше 60 км 293-я стрелковая дивизия 40-й армии, — рассказывал он мне, показывая положение дивизии на карте. — Вчера в районе Новгород-Северского и юго-западнее происходили сильные бои, но сегодня утром моторизованные части противника форсировали на участке этой растянутой дивизии Десну и ворвались в Шостку.

— Что это за взрыв был в том направлении? — задал вопрос Долгов.

— Командир разведывательной группы полка донес мне, что это взорваны пороховые склады в Шостке, — ответил он.

— Ну, а какие задачи выполняет ваша дивизия и, может быть, знаете, какие войска входят в 40-ю армию? — спросил я.

— Задача нашей дивизии — уничтожить прорвавшиеся за Десну части противника, — пояснил мне командир полка. — Западнее 293-й стрелковой дивизии за Десной занимает оборону примерно на таком же участке 135-я стрелковая дивизия. Есть еще противотанковая артиллерийская бригада. Других войск, насколько я знаю, армия пока не имеет.

— Не густо, — с огорчением произнес мой заместитель по полкчасти батальонный комиссар П. А. Сергеев.

— Надо нам поторапливаться, а то опять встретимся с группой Гудериана, преследующей нас от самого Бреста. — озабоченно предупредил меня Кудинцов.

Когда полковник Литвиненко доложил о появлении догонявшей нас колонны узла связи, мы, не задерживаясь, поехали к пункту назначения.

Во второй половине дня 27 августа я по телеграфу из Хутора Михайловского докладывал Захарову, что ВПУ фронта организован, телеграфная связь со штабами 21-й и 13-й армий установлена, 21-я армия ведет бой со 2-й немецкой армией на рубеже, отстоящем примерно на одинаковом удалении от Гомеля и Чернигова. Правый фланг 21-й армии до Десны обнажен. На его прикрытие выброшено несколько дивизий, в основном из состава войск, принятых из 3-й армии. Армейское управление последней, возглавляемое генерал-майором Жадовым, следует на автомашинах на КП Брянского фронта. Затем я кратко изложил обстановку на участке 40-й армии Юго-Западного фронта. В заключение спросил о задачах и сроках существования ВПУ.

Ответ Захарова был таким:

— Ставка предложила нам ядро штаба Центрального фронта сохранить, вероятно, имеется в виду использовать штаб бывшего

Г. Ф. Захаров

В. Н. Дубовко

Центрального фронта на другом направлении. При обострении обстановки на стыке 13-й и 40-й армий командование фронта, возможно, будет управлять войсками с организованного вами ВПУ. Учтите, что 40-я армия входит не в Брянский, а в Юго-Западный фронт. На какой срок организован ВПУ, сказать трудно. Во всяком случае до окончательного принятия в состав Брянского фронта 21-й армии ВПУ упразднено не будет. С 40-й армией телеграфную связь не устанавливать. С ее правофланговыми соединениями, так же как и с левофланговыми соединениями 13-й армии, поддерживайте связь делегатами. В заключение Захаров дал совет детально изучить положение войск фронта и противостоящего противника, обещая прислать фронтовые сводки и приказы.

На открытом в Хуторе Михайловском, рядом с крупным железнодорожным узлом, пункте управления сосредоточился почти весь бывший штаб 4-й армии. Тут был и начальник оперотдела полковник Долгов со своим отделом, и начальник связи полковник Литвиненко с узлом связи. Здесь же развернули работу разведывательный и шифровальный отделы, АХЧ и т. д. «Как за р. Сож в недавнем прошлом», — думалось мне. Правда, жизнь у нас на пункте была не такой беспокойной, как в штабе 4-й армии за р. Сож. Мы передавали по телеграфу полученные из штаба 21-й армии сводки и приказы на КП фронта, принимали оттуда фронтовые сводки и приказы, наносили новое положение войск и задачи на карты, — в этом в основном заключалась наша работа. Остальное время посвящали изучению состава Брянского фронта.

группировкам противостоящего ему противника и боевых действий на фронте. Готовились к тому, чтобы по прибытии в штаб фронта стать в строй полноценными работниками.

Брянский фронт в то время включал в себя четыре армии. Правofланговая, наиболее сильная, 50-я армия состояла из шести стрелковых и одной кавалерийской дивизий. Она оборонялась за Десной, северо-западнее Брянска, от железной дороги Рославль—Киров до Жуковки. Ее армейское управление было создано на базе управления 2-го стрелкового корпуса, отступавшего с боями из-под Минска. Командир корпуса генерал-майор А. Н. Ермаков стал заместителем у А. И. Еременко, а начальник штаба корпуса полковник Л. А. Пэрн остался начальником штаба армии. Командующим армией стал генерал-майор танковых войск М. П. Петров, бывший командир 17-го мехкорпуса, сформированного в районе Барановичей, но не успевшего закончить к началу войны формирование. Южнее, на западных подступах к Брянску, на участке между Жуковкой и Почепом, оборонялась новая 3-я армия. Переброшенному из Центрального фронта армейскому управлению 3-й армии были переданы по две фланговые стрелковые дивизии от 50-й и 13-й армий. 3-я армия заняла позиции между лимн. 13-я армия оборонялась от Почепа до Новгород-Северского. У нее значилось восемь стрелковых, одна танковая и две кавалерийские дивизии. Кроме того, за правым флангом этой армии готовилась к вводу подвижная группа фронта в составе 108-й танковой дивизии, 141-й танковой бригады и 4-й кавалерийской дивизии. Эти войска только выгрузились из эшелонов. Группа нацеливалась для удара в направлении Погар. Возглавлял ее генерал Ермаков.

Группу Ермакова должны были поддержать ВВС фронта, правда, состояли они лишь из смешанной авиадивизии, полученной из Центрального фронта, и нескольких отдельных авиационных частей. Командовал ВВС фронта генерал-майор авиации Ф. П. Полинин.

Быстро и достаточно подробно изучили мы положение войск Брянского фронта. А изучать противника, действовавшего перед Брянским фронтом, нам было проще. Ведь это была танковая группа Гудериана и 2-я немецкая армия, которые действовали и перед Центральным фронтом. Только теперь они наступали не с запада на восток, а с севера на юг. Но Брянский фронт, повернувшийся своими основными армиями лицом на запад, занимал такое же фланговое к противнику положение, как и Центральный фронт. Противник и наши войска лишь совершили поворот на 90°. Фланговое положение войск Брянского фронта было выгоднее, чем у Центрального, и открывало заманчивые перспективы для ударов по группе Гудериана.

Станным нам казалось положение, которое создалось на левом крыле фронта. К правofланговой 50-й армии примыкала справа 43-я армия Резервного фронта, оборонявшаяся на подступах к Кирову. Здесь было все понятно. А вот к левofланговой 21-й армии

Брянского фронта примыкали с обеих сторон армии Юго-Западного фронта: справа — 40-я армия, а слева — 5-я. Да и сама 21-я армия оставалась в составе Брянского фронта каким-то чужеродным телом.

27 и 28 августа бои в районе Новгород-Северского и у Шостки развевывались все в ббльших масштабах. Артиллерийская стрельба явственно приближалась к ВПУ фронта. Участились бомбовые удары вражеской авиации по железнодорожному узлу Хутор Михайловский. Одной из бомб был разрушен дом, в котором размещался наш узел связи. Дежурный связист был убит, две телеграфистки ранены. Мужественные патриотки-связистки, сколько героических подвигов совершили они за войну! Сколько боевых тягот вынесли они! Из разрушенного дома узел связи перенесли в каменный подвал другого дома. На станцию Ямполь я выдвинул разведывательную группу во главе с майором Кудиновым и тремя сотрудниками разведотдела. Передал им три легкие автомашины. Придал взвод красноармейцев из роты охраны. Полковник Литвиненко связал разведгруппу с ВПУ телефоном. Храбрый предприимчивый майор Кудинов организовал из Ямполья разведывательные поездки на машинах к Шостке, Глухову и другим пунктам, где проходили бои. Большинство поездок совершал сам. Он же установил через начальника станции Ямполь связь с другими ближайшими станциями железной дороги и периодически получал оттуда нужную информацию. На вышке, поблизости от станции, выставил наблюдателя.

Вечером 28 августа майор Кудинов, ездивший в тот день по моему заданию в штаб 40-й армии, явился на ВПУ. Он доложил:

— Утром я выехал из Ямполья в Глухов. Встретил там опять части 10-й танковой дивизии, которые заканчивали подготовку к удару в направлении на Шостку. От командира дивизии я узнал, что штаб 40-й армии где-то под Конотопом. Ехать пришлось по чрезвычайно плохим дорогам. Во второй половине дня с большим трудом я разыскал штаб 40-й армии. Оказывается, ею командует генерал-лейтенант Кузьма Петрович Подлас. И он, и начальник штаба армии за полчаса до моего появления в штабе уехали. Как сообщил мне начальник оперотдела, командование армии подготавливает на завтра удар по переправившимся поблизости от Шостки и Коропа через Десну частям группы Гудериана. В уничтожении противника примут участие 10-я танковая дивизия с противотанковой артиллерийской бригадой и 293-я стрелковая дивизия. А через день удар будет усилен 2-м воздушнодесантным корпусом. Кроме того, по словам начальника оперотдела, в этой операции примут участие три-четыре стрелковые дивизии 21-й армии, сосредоточенные на ее правом фланге. Их удар нацеливается вдоль северного берега Десны в направлении Сосница, Новгород-Северский.

— А что нового в обстановке всего Юго-Западного фронта, особенно на участке 5-й армии? — спросил я.

— Интересовался и этим, — ответил Кудинов. — Начальник оперотдела сообщил мне, что 5-я армия переправилась на восточный берег севернее Киева без потерь. Но 23 августа немецким танковым частям удалось прорваться поблизости от устья р. Тетерев к Днепру и внезапным ударом захватить в районе Окуниново истребительный мост через Днепр. Противник день ото дня увеличивает численность своих войск за Днепром, расширяет плацдарм. Ликвидировать плацдарм не удалось. На стыке 5-й и 37-й армий создается угрожающее положение. Других значительных событий на Юго-Западном фронте как будто нет.

— А что же вы не докладываете о событиях непосредственно на вашем разведывательном пункте в Ямполе? — спросил Кудинова батальонный комиссар Сергеев.

— О них вы знаете, — возразил Кудинов. — В середине дня, как мне докладывали, от Шостки к Ямполью подходили два вражеских броневика. Взвод охраны открыл по ним огонь из пулеметов, и броневики повернули назад.

Надо признаться, что беззащитность ВПУ с фланга вызывала тревогу у личного состава пункта. Ведь от Ямполья до ВПУ было всего 20 км!

Поздно вечером я передал Захарову обстановку на фронте 21-й и 40-й армий и спросил, почему 40-я армия подчинена не нам, а Юго-Западному фронту. Захаров ответил, что пробирающаяся к Десне группа Гудериана обессилена в прошлых операциях. Брянский фронт день ото дня наращивает силу фланговых ударов по группе. Предполагается, что наши и Юго-Западный фронты совместными ударами разобьют группу Гудериана и отбросят ее за рубеж Рославль—Гомель. Тогда 13-я и 21-я армии Брянского фронта сомкнут свои фланги, а 40-я армия останется во втором эшелоне Юго-Западного фронта. Завтра Брянский фронт, сообщил Г. Ф. Захаров, наносит контрудар по группе Гудериана в направлении Трубчевск, Погар. В ударе участвуют три стрелковые дивизии 13-й армии и группа генерала Ермакова. Поддерживать удар помимо ВВС фронта будет резервная авиационная Верховного Главнокомандования. А вы контролируйте участие в ударе войск 21-й армии по правому флангу группы Гудериана.

Когда я доложил, что поблизости от ВПУ стал появляться противник, Захаров обязал дать указание о прикрытии нас с фланга 13-й армии.

29 августа по танковой группе Гудериана, рвавшейся в общем направлении на Конотоп, были нанесены с востока, юга и запада сильные контрудары, продолжавшиеся с нарастающей силой и в последующие дни. Войска группы Гудериана действовали в трех районах. Головной 24-й моторизованный корпус вел бои южнее и севернее Десны. Его 3-я танковая дивизия после переправы через реку действовала в районе Шостки и расширяла плацдарм. 10-я мотодивизия форсировала частью сил Десну под Коропом и готовилась переправиться через реку всем составом. 4-я танковая ди-

визия выдвигалась к мотодивизии. 47-й моторизованный корпус группы в составе 17-й и 18-й танковых и 29-й моторизованной дивизий наступал в это время на участке 13-й армии в направлении на Трубчевск. Он стремился разбить там наши войска, отбросить их за Десну и захватить в районе Трубчевска плацдарм. Ударом на Трубчевск враг хотел сразу убить двух зайцев: прикрываясь Десной, прочно обеспечить свой левый фланг для наступления на юг; а завоевав плацдарм за Десной в районе Трубчевска, создать выгодные условия для последующего наступления. Чтобы обеспечить безопасность группе Гудериана при ее продвижении на юг, на оборону левого фланга группы выдвигались войска 4-й немецкой армии, действовавшей против 50-й армии и армий Резервного фронта. Участок севернее Почена она уже приняла от Гудериана. 46-й моторизованный корпус группы в составе 10-й танковой дивизии, эсэсовской дивизии «Райх», полка «Великая Германия», а также кавалерийскую дивизию командование группы армий «Центр» держало в районе Смоленска, опасаясь возможного здесь наступления советских войск.

Контрудар 13-й армии и группы Ермакова с востока на запад, от Трубчевска на Погар, превратился во встречное сражение наших войск с корпусом группы Гудериана и пехотными дивизиями 4-й армии. С обеих сторон в сражении приняло участие большое количество танков и авиации, причем противник обладал более чем двойным превосходством. Тяжелые танковые бои под Трубчевском продолжались в течение нескольких суток. 31 августа произошел перелом в сражении. Переправившаяся через Десну южнее Трубчевска танковая дивизия противника с большими потерями принуждена была откатиться за реку. Части группы Ермакова глубоко вклинились в его боевые порядки, нанесли большой урон врагу и завязали бои под Погаром.

31 августа были нанесены сильные удары и по головному корпусу Гудериана — с юга частей 40-й армии и по правому флангу в направлении на Сосницу — частей 21-й армии. Здесь действия наших войск поддерживала авиация Юго-Западного фронта. Переправившаяся через Десну у Коропа фашистская мотодивизия потеряла в боях очень много людей и техники и под угрозой окружения в беспорядке откатилась за реку. Однако танковые дивизии этого корпуса свои плацдармы к югу от Десны сохранили, причем 3-я танковая дивизия переправилась через реку целиком. Одним из подразделений этой дивизии, направленным из района Шостки, ст. Ямное было захвачена. Разведывательный дозор этого вражеского подразделения подходил и к окраине Хутора Михайловского. А вражеские бомбардировщики опять разрушили помещенье ВПУ. С разрешения генерала Захарова ВПУ переместился в Середицу Буда, а в Хуторе Михайловском я оставил разведывательный пункт Кудипова.

Не могу не привести здесь воспоминаний Гудериана об излагаемых событиях:

«29 августа крупные силы противника при поддержке авиации предприняли с юга и запада наступление против 24-го танкового корпуса (точнее, моторизованного. — *И. С.*). Корпус вынужден был приостановить наступление 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии. К 31 августа предместный плацдарм на р. Десне был значительно расширен; 4-я танковая дивизия перешла через Десну. 10-я мотодивизия достигла пункта севернее Короп, но в результате стремительной контратаки русских была отброшена обратно на противоположный берег; крупные силы противника наступали также и на ее правый фланг. Введением в бой последних сил — личного состава хлебопекарной роты — с большим трудом удалось избежать катастрофы на правом фланге. В полосе действия 47-го танкового корпуса русские наступали из района Трубчевска на запад и северо-запад силами 108-й танковой бригады, а начиная с 1 сентября силами 110-й танковой бригады¹, сильно потеснив части 17-й танковой дивизии. 29-я мотодивизия перешла через мост у Новгород-Северского, а затем продвинулась на север для обеспечения северного фланга. Учитывая наступление противника против моих обоих флангов и его активные действия перед фронтом, особенно против 10-й мотодивизии, мне показалась сомнительной возможность продолжать наступление имеющимися наличными силами. Поэтому я снова обратился к командованию группы армий «Центр» с просьбой предоставить в мое распоряжение весь 46-й танковый корпус и, кроме того, перебросить мне 7-ю и 11-ю танковые дивизии и 14-ю мотодивизию, которые, как мне было известно, в тот период не принимали участия в боях. Я выразил мнение, что только при наличии таких крупных сил можно будет быстро завершить операцию по овладению Киевом. Непосредственным результатом этой телеграммы явилось предоставление в мое распоряжение дивизии СС «Райх». Днем я побывал в 10-й мотодивизии, которой в течение последних дней пришлось участвовать в тяжелых боях и которая понесла большие потери. Против 10-й мотодивизии действовала 10-я танковая бригада² русских и 293, 24, 143 и 42-я пехотные дивизии³, имевшие большой численный перевес. Из своего штаба я получил сообщение о том, что 1-я кавалерийская дивизия снова передана в мое подчинение и подходит к правому флангу дивизии СС «Райх» и что Борзна и Конотоп остаются ближайшей целью наступления. Штаб и половина соединений 46-го танкового корпуса передаются в подчинение танковой группы»⁴.

Судя по этим воспоминаниям Гудериана, его группа нацеливалась на Конотоп и далее на юг в обход Киева с востока.

В последний день августа против наступающих на Сосниц войск 21-й армии были подброшены от Смоленска эсэсовская дивизи-

¹ Фактически — 108-й танковой дивизии и 141-й танковой бригады.

² 10-я танковая дивизия.

³ Три последние дивизии входили в 21-ю армию.

⁴ Гудериан Воспоминания солдата, стр. 198—200

зия «Райх» и кавалерийская дивизия. Они прикрыли правый фланг головного корпуса Гудериана. Обеспечение левого фланга этого корпуса в районе Новгород-Северского также было усилено. В помощь 29-й моторизованной дивизии 47-го корпуса был переброшен из 46-го корпуса сильный, укомплектованный отборным составом полк «Великая Германия». Этими войсками левофланговые части 13-й армии были отеснены за Десну. Противнику удалось захватить Ямполь.

События последних дней натолкнули меня на мысль ознакомиться с обстановкой на левом фланге 13-й армии. 1 сентября я узнал, что под Новгород-Северским находится КП 45-го стрелкового корпуса 13-й армии, самого левофлангового соединения этой армии. Во второй половине дня я пробрался туда и встретился с полковником Макаром Васильевичем Ивашечкиным.

Я высказал свое удивление Ивашечкину:

— Корпусные управления почти везде уже упразднены. Они сохранились, по-видимому, только в вашей и 21-й армиях.

— В нашей армии очень много соединений, управлять всеми непосредственно командованию армии трудно, вот и не спешат упразднять последнее корпусное управление, — ответил Ивашечкин. — Да и командование в армии новое, еще только включается в управление войсками. Командармом стал генерал Городнянский, а членом Военного совета — бригадный комиссар Козлов, бывший начальник политуправления Центрального фронта. Я с корпусным управлением был на западном берегу Десны. Лишь сегодня утром под вражеским огнем переправился на плотках через реку в районе Белая Березка.

— Как же так? — удивился я. — Ведь восточнее Новгород-Северского через Десну был прекрасный мост.

— Мост внезапным налетом захватили фашистские танковые части, взорвать его не успели, — с огорчением пояснил Ивашечкин. — Вскоре после переправы я получил приказ командарма подчинить себе 55-ю и 183-ю стрелковые и 50-ю танковую дивизии. Этими силами организовать наступление из района леса западнее Суземки на юго-запад, овладеть рубежом Новгород-Северский, Ямполь, прочно закрепиться на этом рубеже и обеспечивать левый фланг армии. Наступать на Новгород-Северский будет недавно прибывшая в состав армии свежая 183-я стрелковая дивизия полковника А. Н. Нечаева с танковой дивизией Бахарова. А освобождать Ямполь поручим хорошо известной вам 55-й стрелковой дивизии Тер-Гаспаряна. Так что за безопасность своего ВПУ теперь не беспокойтесь.

На рассвете следующего дня на ВПУ в Середину Буду приехал Тер-Гаспарян.

— Один из полков дивизии на пути к Ямполью, другие подтянутся к нему через сутки, — докладывал он. — Напрасно вы ушли из Хутора Михайловского.

— Как бы Ямполь для вас не оказался таким же орешком, как Пропойск, — заметил Долгов.

После отъезда Тер-Гаспаряна я нанес последние данные об обстановке на карту и вызвал к телеграфу начальника разведки фронта полковника Михаила Андреевича Кочеткова, моего однокурсника по Академии имени Фрунзе и близкого товарища. Я передал ему сведения о положении войск 21-й и 40-й армий и действовавшего перед ними противника. Кратко изложил впечатление от поездки в корпус Иващенко, а потом попросил информировать меня об общей обстановке и разрешить некоторые не понятные мне вопросы, которые я уже задавал Захарову. От М. А. Кочеткова я узнал, что почти все соединения группы Гудериана, так же как и 2-я немецкая армия, двигаются на юг. Это обнаружено с помощью радиоразведки. Гудериан создал большие плацдармы за Десной. Укрепляет свои фланги. По-видимому, его группа будет наступать теперь на юг. На Юго-Западном фронте, помимо окуниновского плацдарма, противнику удалось 31 августа форсировать Днепр к юго-востоку от Кременчуга. Туда перебрасываются войска группы армий «Юг». Для немецкого командования открывается заманчивая перспектива концентрического удара по войскам Юго-Западного фронта с трех направлений, сходящихся где-то к востоку от Киева.

— Почему же не усиливают 40-ю армию, преграждающую путь Гудериану? — спросил я.

— У Юго-Западного фронта, так же как и у нас, резервов нет. — ответил Кочетков. — Командование Брянского фронта, насколько я знаю, не ставит вопроса о передаче в состав нашего фронта 40-й армии не потому, что она слабая. Оно надеется, что в процессе общего контрудара фронта, который начинается сегодня, наши войска совместно с войсками Резервного фронта и 40-й армией Юго-Западного фронта...

— Разобьют группу Гудериана, выйдут на фронт Рославль, Новозыбков, Гомель. 13-я и 21-я армии сомкнут свои фланги, и тогда 40-я армия окажется во втором эшелоне Юго-Западного фронта, — перебил я Кочеткова. — Об этом я уже слышал.

2 сентября начались намеченные Ставкой общие контрудары войск Брянского и смежных с ним фронтов. Резервный фронт наступал на ельнинском направлении с ближайшей задачей ликвидировать так называемую Ельнинскую дугу. Брянский фронт наносил удары в направлениях Рославль, Стародуб и Новгород-Северский. Общая задача фронта — разбить совместно с 40-й армией Юго-Западного фронта группу Гудериана и выйти на рубеж, который я называл выше. Удар слабых сил Брянского фронта на нескольких направлениях, как говорится, растопыренными пальцами, не сулил успеха.

Прошла первая неделя сентября. Жестокость боев на рославльском, почепском, стародубском и новгород-северском направлениях Брянского фронта день ото дня возрастала. Удар на Новгород-Северский нацеливался с двух направлений. С востока — 45-м стрелковым

корпусом 13-й армии и с запада, через Сосницю, Авдеевку, — ударной группой 21-й армии.

Как же шло выполнение поставленной Ставкой Брянскому фронту задачи о восстановлении утраченного положения, о выдвижении войск фронта на рубеж Рославль, Гомель? Насколько близко генерал Еременко подошел к выполнению своего обещания Сталину — разбить Гудериана?

Попытаюсь нарисовать картину тех тяжелых дней, предшествовавших окружению войск Юго-Западного фронта. Считаю своим долгом сказать сразу, что Брянский фронт, по моему мнению, сыграл известную роль в ослаблении танковой группы Гудериана, постепенно обескровливая ее, уничтожая боевую технику. К сожалению, выгодное положение, занимаемое войсками Брянского фронта по отношению к группе Гудериана, не было использовано полностью. Командование фронта не выдвинуло крупных сил для удара во фланг 2-й танковой группы. В результате этого враг получил возможность использовать около половины своих сил для удара на Конотоп и южнее. Развитие наступления происходило в слабо прикрытом войсками тыловом районе Юго-Западного фронта. Рассмотрим это подробнее. Ударная группировка 50-й армии прорвала оборону 4-й немецкой армии и к концу первой недели сентября продвинулась к Рославлю на 10—12 км. Она притянула на себя две смежные дивизии 53-го армейского корпуса. Кроме того, удар 5-й армии действовал Резервному фронту в ликвидации ельнинского выступа. Командование немецкой группы армий «Центр», ожидая здесь нового наступления советских войск, оставило в оборонявшейся там 4-й армии 10-ю танковую дивизию 46-го моторизованного корпуса группы Гудериана. Таким образом, этот корпус был возвращен ему без основной, наиболее сильной дивизии.

В свою очередь, 3-я армия, в командование которой вступил генерал-майор Я. Г. Крейзер, также продвинулась на отдельных участках Поченского района до 10 км. В помощь оборонявшимся здесь войскам вражеское командование спешно перебросило две пехотные дивизии из 2-й армии (31-ю и 167-ю пехотные) и усилило их танками из 18-й танковой дивизии Гудериана. Особенно большие потери наносили: 13-я армия в боях под Трубчевском и Новгород-Северским 47-му моторизованному корпусу группы Гудериана, 21-я армия в боях под Сосницей и Авдеевкой — правогофланговым войскам 24-го моторизованного корпуса группы. Группа Гудериана несла большие потери в людях и технике. Несколько раз его дивизии переправлялись через Десну и потом в изрядно потрепанном состоянии откатывались за реку. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Гальдер в начале сентября записал в своем дневнике: «2-я танковая группа в ходе своего наступления через реку Десна своим левым флангом настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось. Она вынуждена была даже оставить уже захваченные участки местности».

Однако и теперь к исходу первой недели сентября у Гудериана за Десной еще были войска. Были под Коропом и Шосткой, были в районе Новгород-Северского и южнее Трубчевска. У него создавалась заманчивая возможность наступать на юг от Десны. Его подчиненные — командир 24-го моторизованного корпуса и командир 3-й танковой дивизии — докладывали, что от рубежа Короп, Шостка до р. Сейм и далее по направлению к Конотопу «находится очень слабая оборона противника или даже какая-то брешь в обороне». И только угрожающее положение на флангах удерживало Гудериана от наступления на юг. Для этой цели он просил свое командование усилить его танковыми и моторизованными дивизиями из другой танковой группы. Ему категорически отказали и предложили использовать для этой цели свой 47-й корпус, якобы переправленный через Десну в районе Трубчевска. Однако представим слово самому Гудериану:

«4 сентября телефонограмма, полученная из штаба группы армий, сообщила, что верховное командование вооруженных сил недоволено действиями танковой группы, особенно действиями 47-го танкового корпуса на восточном берегу Десны. От меня потребовали... прекратить наступление 47-го танкового корпуса и перевести корпус на западный берег реки. Приказ был передан в очень резкой форме, что очень задело меня... Отвод корпуса и ввод его снова в бой на противоположном берегу Десны требовали большого времени...»

Гудериан, конечно, не выполнил этого приказа, не вывел из-под ударов 13-й армии свой 47-й моторизованный корпус, так же как и дивизии 46-го моторизованного корпуса. Да и не мог этого сделать. Стоило бы ему эти войска двинуть вслед за танковыми дивизиями 24-го моторизованного корпуса на юг от Десны, как фланговые войска 21-й и 13-й армий, наступавшие навстречу друг другу, быстро сомкнулись бы позади его группы.

В последние дни первой недели сентября войска 2-й немецкой армии, наступавшие на ее левом фланге и в центре, все ближе подходили к Десне. Днем 7 сентября центральный корпус армии завязал бои в Чернигове. А несколькими днями раньше часть сил этой армии в районе Вибли, юго-восточнее Чернигова, форсировала Десну. Отсюда немецкие войска развернули наступление навстречу войскам, выдвигавшимся с окуниновского плацдарма. Создалась угроза окружения 5-й армии Юго-Западного фронта. Ее далеко выдвинутые от Киева на север войска образовали подковообразный фронт, который проходил севернее Чернигова, затем упирался в Днепр у Любечь и далее тянулся по берегу Днепра до Сорокошичей. В то время как 21-я армия Брянского фронта отступала к Десне, 5-я армия Юго-Западного фронта продолжала оборонять в условиях, близких к окружению, явно не имеющий теперь значения район. Командование Юго-Западного фронта до 7 сентября не выдвигало перед Ставкой предложения об отводе за Десну 5-й армии. И больше того, командующий Юго-Западным фронтом,

чтобы облегчить положение сжимаемой с флангов 5-й армии, перебросил на ее усиление 135-ю стрелковую дивизию 40-й армии. Теперь у последней для обороны, как тогда иронически называли «ничейной полосы», остались только потрепанные 293-я стрелковая и 10-я танковая дивизии да три бригады воздушнодесантного корпуса, численности которых не превышала 1500 человек.

Приближение войск 2-й немецкой армии к Десне, сближение их с правofланговыми войсками танковой группы, а также уменьшение численности и так слабых советских войск на конотопском направлении толкали Гудериана и его командование начать наступление на юг одним головным корпусом. И 7 сентября танковые дивизии 24-го моторизованного корпуса, преодолев некоторое сопротивление частей 40-й армии, вышли к р. Сейм.

В этот день по приказу Ставки от 6 сентября 21-я армия была переведена из состава Брянского фронта в Юго-Западный. Несомненно, Ставка, Генеральный штаб сделали переоценку обстановки. Враг намеревался окружить войска Юго-Западного фронта и первый, начальный удар готовила танковая группа Гудериана в направлении Копотопа и далее на юг навстречу удару немецкой группы армий «Юг» из района Кременчуга.

Между тем у командования Юго-Западного фронта резервов для прочного укрепления флангов не было. Ставка об этом знала. Отвод войск этого фронта из-за Днепра и его 5-й армии из-за Десны — только этот быстро проведенный маневр мог дать Юго-Западному фронту необходимые резервы для прочной обороны флангов фронта.

С переходом 21-й армии в состав Юго-Западного фронта необходимость в ВПУ фронта отпала. Да и проводная связь со штабом армии 7 сентября прекратилась. Провод шел через Чернигов, а в нем уже кипели бои. Однако разрешения уехать на фронтовой КП нам не давали. Дело в том, что при передаче левофланговой армии в состав Юго-Западного фронта Брянскому фронту была указана новая разграничительная линия, которая шла через Путивль, Кролевец, Щорс. Брянскому фронту прирезалась к югу от Десны 60-километровая полоса, в которой действовала 293-я стрелковая дивизия 40-й армии, сместившаяся теперь западнее.

«Вот уж действительно «ничейная полоса», — подумал я, узнав об этих известиях от Захарова.

— Для прикрытия прирезанной полосы Ставка передает нам из Юго-Западного фронта кавалерийский корпус, — дополнил он, как бы угадывая мои мысли.

— Против танковой группы Гудериана конницу? — удивился я.

— Да, конницу, — подтвердил Захаров. — Придет она или нет, неизвестно. А пока командующий фронтом решил выдвинуть в прирезанную полосу группу генерала Ермакова. Она организуется в составе двух танковых бригад, двух кавалерийских и одной стрелковой дивизий. Однако органа для управления группой у Ермакова нет. Возможно, для этой цели будет использован ВПУ. Решение по этому вопросу я сообщу вам завтра.

Вечером 8 сентября я получил приказание свернуть ВПУ и ехать на КП фронта. Погода стояла пасмурная. Пошел дождь, продолжавшийся всю ночь. Утром 9 сентября колонна с личным составом ВПУ выстроилась для движения через Карачев на КП фронта.

— Неужели началась осень, — ворчали шоферы, проверяя износившиеся шины на своих машинах.

Перед отъездом полковник Литвиненко, докладывая о построении колонны с узлом связи, доложил также, что Чернигов наши войска оставили.

— А из Ямполья части Тер-Гаспаряна вчера выбили противника, — громко произнес Кудинов, явно стремясь сгладить впечатление от доклада Литвиненко.

Мы подъехали к командному пункту. Он находился в Брянских лесах, у ст. Свепь, в 15 км юго-восточнее Брянска. Оставив колонну в лесу, поблизости от КП, я пошел разыскивать командующего фронтом, чтобы доложить ему о прибытии. Военный совет, штаб и политуправление фронта обосновались в двух домах, принадлежащих лесничеству. Другие управления фронта и службы размещались в землянках или в примитивных шалашах. Первым, кого я встретил и приветствовал на КП, был генерал-лейтенант Ефремов, как он выразился — сверхштатный заместитель командующего фронтом⁵.

Командующего фронтом генерала А. И. Еременко и члена Военного совета дивизионного комиссара П. И. Мазенова я застал за рассматриванием карты с нанесенной на нее последней обстановкой. Надо сказать, что Андрей Иванович Еременко и я хорошо знали друг друга. Когда я был начальником оперативного отдела штаба Белорусского военного округа, Еременко командовал одним из кавалерийских корпусов округа. Он был известен как способный, волевой, кипучей энергии командир, но вспыльчивый. О Мазепове в то время я знал только, что до войны он был заместителем начальника Артиллерийской академии по политчасти. Выслушав мой доклад о прибытии личного состава ВПУ, Еременко сказал:

— Мы просили Ставку передать нам состав фронтового управления Центрального фронта по двум причинам. Во-первых, потому, что на укомплектование фронтового управления не хватило корпусных управлений 20-го стрелкового и 25-го механизированного корпусов. А во-вторых, мы хотели сохранить преемственность в управлении войсками. Ведь большую половину войск мы получили от Центрального фронта.

— В общем вы будете у нас в роли начальника оперотдела штаба, а весь прибывший с вами состав пойдет на укомплектование соответствующих отделов, — указал, заканчивая прием, Еременко.

---

⁵ Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов во второй половине сентября был отозван в Москву и затем назначен командующим 33-й армией.

От начальника штаба фронта генерал-майора Г. Ф. Захарова я узнал о последних событиях на нашем и соседнем фронтах. Георгий Федорович сказал мне:

— Начальник оперативного отдела у нас полковник Аргунов. А вы будете моим заместителем по оперативным вопросам. Имейте в виду, что ежедневно вечером Военный совет проводит совещания с участием руководящих работников штаба фронта и фронтовых управлений. Перед большой картой с нанесенной на нее обстановкой делают по очереди доклады: начальник разведки, начальник оперотдела, командующие родами войск, начальник тыла и, наконец, я. Затем командующий задает вопросы докладчикам, выслушивает предложения и принимает решение по обстановке.

— Как на оперативной игре, — заметил я.

— Да, — подтвердил Захаров. — А штаб на основе принятых решений составляет приказы или приказания. Сегодня вы будете лишь присутствовать на таком совещании, а завтра вам надлежит докладывать за начальника оперотдела.

Затем я познакомился с оперативным отделом штаба. Его начальника полковника Н. Е. Аргунова я знал хорошо. Мы вместе учились в Академии Генерального штаба. Кроме того, он был начальником штаба механизированного корпуса, воссозданного рядом с 4-й армией на р. Сож, которым командовал генерал Кривошеин. Полковник Долгов стал заместителем Н. Е. Аргунова. Основными работниками оперотдела, в первую очередь направленцами, стали приехавшие со мной уже опытные штабные командиры майоры В. С. Макаров, Н. И. Семиков, Н. Г. Григорьев и капитаны Я. И. Маслоков и В. Н. Базанов. Впрочем, и в других отделах штаба приехавшие из Центрального фронта командиры заняли ведущее положение.

Прекрасное впечатление произвел на меня фронтовой узел связи, помещавшийся в нескольких замаскированных в лесу блиндажах, и хорошо оборудованная переговорная. Начальник связи фронта полковник В. Н. Дубовко — один из талантливых знатоков всех видов связи, энергичный, изобретательный организатор — обеспечил командование и штабу фронта безотказную связь по всем направлениям.

Познакомился я в тот день и с начальником политуправления фронта дивизионным комиссаром А. П. Пигурновым, бывшим перед войной начальником политуправления Орловского военного округа. Политуправление размещалось в небольшом домике. Афанасий Петрович, высокий, стройный шатен, с умным приветливым лицом, ровный в обращении и с начальниками и с подчиненными, с первой же встречи понравился нам всем. С этого дня и до конца войны мы служили вместе с Афанасием Петровичем — обаятельным человеком, принципиальным большевиком и авторитетным военно-политическим руководителем. Рассказывая о работе управления, Пигурнов сказал:

— Большинство работников управления находится сейчас в войсках. Помогают командирам соединений и политорганам в проведении партийно-политической работы в передовых частях и, конечно, осуществляют проверку.

Знакомиться с управлением командующего артиллерией, автобронетанковым и инженерным управлениями фронта я в тот день не стал. Их руководители — генерал Дмитриев, полковники Кабанов и Калягин с группами офицеров своих управлений выехали в район г. Глухова. Командующий фронтом поручил им помочь организовать оборону войск, выдвинутых на прирезанный левофланговый участок фронта.

Вечером я впервые принял участие в проводимом Военным советом совещании. Начальник разведки Кочетков доложил, что перед нашим фронтом положение противника без изменений. А на Юго-Западном фронте обстановка ухудшилась. Действующий против правфланговой 40-й армии головной корпус группы Гудериана вышел на р. Сейм. Оборонявшаяся в междуречье Десны и Днепра 5-я армия оказалась отрезанной. На участке левофланговой 38-й армии противнику в последние два дня удалось форсировать Днепр в районе Кременчуга, захватить город и создать новый крупный плацдарм.

Начальник оперотдела полковник Аргунов показал на карте выдвигание на левофланговый участок фронта группы Ермакова, а левее ее — группы полковника А. З. Акименко в составе двух стрелковых дивизий. Начальник штаба начальника артиллерии фронта полковник Ф. А. Самсонов дополнил, что на усиление этих групп посланы один артиллерийский полк и два артиллерийских дивизиона. Генерал Захаров никаких выводов по обстановке и предложений на этот раз не делал. Он информировал только, что Юго-Западному фронту Ставка разрешила отвести 5-ю армию за Десну.

— Может быть, из нее три-четыре дивизии перебросят в 40-ю армию, а то отражать Гудериана у 40-й армии нет сил, — сказал в заключение Захаров.

Генерал Еременко в конце совещания указал, что армии фронта должны парашивать контрудары, а вновь созданные группы — спешно организовывать оборону в прирезанной полосе.

— Какую инженерную помощь оказываете вы группам? — спросил он заместителя начальника инженерных войск полковника Прошлякова.

— Почти все инженерные средства, выделенные Рыльскому боевому участку, полковник Калягин направил на рубеж Глухов, Кролевец, — ответил он. — Местное население под руководством военных инженеров построило там многокилометровые траншеи.

Ужинали мы вчетвером: Кочетков, Дубовко, комиссар штаба полковой комиссар В. Н. Кузнецов и я. Хочу сказать, что у нас установились с первого же дня товарищеские взаимоотношения. После ужина Кузнецов предупредил меня:

— Ваш «люкс» рядом с моим. Пойдемте, я покажу его вам.

Около помещений штаба находился сарай. В сарае соорудили шесть кабинок, отгородив их одну от другой легкими двухметровыми перегородками. В каждой кабинке «люкс» была кровать, стул, табуретка, заменявшая стол, и на ней керосиновая лампа. Отопления, конечно, в сарае не было, и ночью было очень холодно.

— Это «люкс» Захарова, это ван, а это мой, — показал Кузнецов.

Так прошел мой первый день на КП фронта. На другой день утром ко мне пришли генерал Рейтер и член Военного совета фронта бригадный комиссар В. Е. Макаров. Вместе с ними зашел и Кузнецов.

— Что это вас по закромам рассовали? — усмехаясь, спросил Рейтер.

— Чтобы тело и душа были молоды, — в тощ ему ответил Макаров.

Познакомив меня с Макаровым, который вместе с ним работал по тыловому обеспечению войск, Рейтер рассказал о работе службы тыла.

В то время управление тыла фронта размещалось в Карачеве. Заместитель командующего фронтом по тылу генерал Рейтер развивал здесь такую же кипучую энергию и изобретательность в снабжении войск фронта, как и на Центральном фронте. Дополнял его удачно Макаров, который до войны был заместителем наркома Госконтроля. Оба они, несмотря на отличную техническую связь, частенько наведывались на фронтovou КП, не отрывались от боевой обстановки. Я подробно рассказал им о положении на фронтах.

— Что это вы все размещаетесь на КП, как на привале, — упрекнул нас Рейтер перед уходом. — И холодно, и грязно, и голодно. А хуже всех выглядят артиллерийское и автобронетанковое управления. Размещаются в шалашах из веток да в рваных палатках.

Через несколько дней М. А. Рейтер вместе с А. Я. Калягиным отвели для этих управлений на КП отдельные участки и оборудовали их спосными землянками. Во всех столовых на КП кормить стали лучше.

10 сентября танковая группа Гудериана перешла в наступление на Ромпы. Днем позже навстречу ей должна была перейти в наступление от Кременчуга 1-я танковая группа генерала Клейста из немецкой группы армий «Юг». Головной корпус Гудериана повел наступление от р. Сейм в следующем построении: 3-я танковая дивизия — в направлении Копотон, Ромпы; за ней уступом слева — 10-я мотодивизия; 4-я танковая дивизия нацеливалась на Бахмач; за ней, уступом справа, поддерживая связь со 2-й немецкой армией, — эсэсовская дивизия «Райх». На намеченном для прорыва 20-километровом участке за р. Сейм на подступах к Копотону оборонялись многочисленные, растянутые в линию части 40-й армии. Гудериан писал позднее, что о существовании этой армии им стало известно только 9 сентября. Вот почему именно этот участок был

Ф. А. Самсонов

В. Е. Макаров

выбран для прорыва: «Вечером было получено радостное сообщение, что 24-й танковый корпус действительно обнаружил на участке Батурип, Конотоп слабое место в обороне противника и что передовой отряд 3-й танковой дивизии двигается на г. Ромны, являющийся целью нашего наступления». Уже 10 сентября 3-я танковая дивизия прорвалась в Ромны, а на другой день овладела городом.

Командование Юго-Западного фронта усилило 40-ю армию из своего резерва стрелковой дивизией, но это ничего нового не внесло. 11 сентября 10-я мотодивизия Гудериана овладела Конотопом, 3-я танковая дивизия захватила Бахмач, а эсэсовская дивизия — Борзну. Войсками 46-го моторизованного корпуса была в этот день потеснена несколько к востоку группа Ермакова, в которую вошла и группа Акименко. Города Глухов и Путивль остались у противника.

Командование Юго-Западного фронта, видя сжимающееся вокруг войск фронта кольцо, внесло предложение в Ставку об отводе войск фронта на тыловой рубеж, за р. Псел. С этим предложением Ставка не согласилась. Разрешили отвести только две дивизии из-под Киева. Тогда главнокомандующий войсками Юго-Западного направления С. М. Буденный послал И. В. Сталину 11 сентября телеграмму:

«Военный совет Юго-Западного фронта считает, что в создавшейся обстановке необходимо разрешить общий отход фронта на тыловой рубеж. Нач. Генштаба КА маршал тов. Шапошников от имени Ставки Верховного Главнокомандования в ответ на это предложение

дал указание вывести из 26-й армии две стрелковые дивизии и использовать их для ликвидации прорвавшегося противника из района Бахмач, Копотон. Одновременно тов. Шапошников указал, что Ставка Верховного Главнокомандования считает отвод частей ЮЗФ на восток пока преждевременным.

Со своей стороны полагаю, что к данному времени полностью обозначились замыслы противника по охвату и окружению Юго-Западного фронта с направления Новгород-Северский и Кременчуг. Для противодействия этому замыслу необходимо создать сильную группу войск (пропуск в копии телеграммы. — Л. С.): Юго-Западный фронт сделать это не в состоянии.

Если Ставка Верховного Главнокомандования в свою очередь не имеет возможности сосредоточить в данный момент такой сильной группы, то отход для Юго-Западного фронта является вполне назревшим.

Мероприятие, которое должен провести Военный совет фронта в виде выдвижения двух дивизий из 26-й армии, может являться только средством обеспечения. К тому же 26-я армия становится крайне обесцененной: на 150 км фронта остаются только три стрелковые дивизии. Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества мат. части.

12 сентября, на другой день после отправления телеграммы, Ставка освободила С. М. Буденного с занимаемого поста и назначила на его место С. К. Тимошенко.

Надо сказать, что руководство фашистской армией боялось организованного отвода войск Юго-Западного фронта, в процессе которого танковые группы Гудериана и Клейста, вклинившиеся в тыловую полосу фронта, могли быть смяты и разбиты отходившими войсками. И оно было очень довольно, что этого не произошло. В частности, командование группы армий «Юг» в журнале боевых действий за 12 сентября отметило: «...опасения, что командование красных откажется от обороны на р. Днепр и отведет свои силы на восток, не оправдались»⁶.

В этот день контрудар войск Юго-Западного фронта, организованный с целью ликвидации вражеского плацдарма юго-восточнее Кременчуга, окончательно захлебнулся. А в это время командование немецкой группы армий «Юг» переправило свою 1-ю танковую группу генерала Клейста на новый плацдарм — в районе Кременчуга и оттуда бросило ее на Ромны, навстречу танковой группе Гудериана. 13 сентября она вышла в Лубны. А 15 сентября на пути между Ромнами и Лубнами, в селении Лохвицы, обе танковые группы соединились. Оперативное окружение Юго-Западного фронта было завершено. Между тем в эти дни у Гудериана, как он отмечает, «соединения 46-го и 47-го танковых корпусов, выделенные для обеспечения наших флагов, оставались почти неподвижными...

⁶ А. Филиппи. Принятая проблема М., 1959, стр. 132

Атаки противника на нашем юго-восточном фланге южнее Путивля и Ямполья были отбиты».

18 сентября, когда Юго-Западный фронт уже был окружен, Ставка разрешила оставить Киевский укрепрайон и переправить войска 37-й армии на левый берег Днепра, выровнять фронт. Но единого фронта уже не было, в нем зияли большие бреши. Некоторые армии дрались изолированно одна от другой и сжимались со всех сторон выпешей в тыл пехотой противника. В этот день в сложной трагической обстановке Военный совет Юго-Западного фронта на основании устного разрешения нового Главкома Юго-Западного направления С. К. Тимошенко решил отводить войска на тыловой рубеж. Определил каждой армии, в каком направлении пробиваться из окружения, с какими задачами. В тяжелых условиях много смелых, инициативных командующих и командиров вместе с войсками сумели пробиться сквозь вражеские войска и выйти к своим. Но немало и полегло командиров и бойцов в ожесточенных боях при отступлении.

Колонна Военного совета и штаба Юго-Западного фронта вместе с колонной командования и штаба 5-й армии — общей численностью около 1000 человек — пробивалась сквозь вражеские войска в районе Лохвицы. Направление для прорыва оказалось неудачным. Именно здесь соединились войска обеих вражеских танковых групп. По рассказу бывшего начальника оперотдела штаба фронта И. Х. Баграмяна, вот что произошло 20 сентября в 15 км к юго-западу от Лохвицы:

«Зажатая со всех сторон крупными силами гитлеровцев, группа Военного совета фронта заняла круговую оборону в роще Шумейково, рядом с хутором Дрюковщина. Фашисты сразу же со всех сторон ринулись в атаку, надеясь легко разделаться с командирами Красной Армии, значительная часть которых была вооружена лишь пистолетами и гранатами. Однако бой сразу же принял такой ожесточенный характер, что надежды фашистов на легкую победу рухнули. Фашистам удалось было ворваться на опушку рощи, по яростной контратакой окруженные отбросили их. В ходе контратаки был ранен генерал-полковник Кирпонос, тяжело контужен и ранен генерал-майор М. И. Потапов⁷, а его боевой начальник штаба генерал-майор Д. С. Писаревский в этом бою пал смертью храбрых. Под вечер осколком мины командующий фронтом М. П. Кирпонос был убит. Погиб и член Военного совета М. А. Бурмистренко. Когда стемнело, окруженные во главе с начальником штаба предприняли попытку пробиться через кольцо вражеских войск. В ходе ночного прорыва генерал В. И. Тупиков погиб, но многим удалось все же вырваться, и они настойчиво продолжали свой трудный путь. В их числе был и автор этого рассказа»⁸.

⁷ Командующий 5-й армией

⁸ И. Х. Баграмян, Указ. соч., стр. 154—155

После тяжелых событий на Юго-Западном фронте военные советы фронтов получили от Ставки директиву с анализом боевых действий войск Красной Армии в условиях, близких к окружению, и в окружении. В ней указывалось, что командование и штабы всех степеней нередко слабо управляют боем в такой обстановке, а войска в некоторых случаях недостаточно упорно ведут бой в условиях окружения.

Я прихожу к выводу, что основной успех противнику в то время принесли его мощные танковые группы. Таких групп, как известно, немецкое командование создало четыре: по одной для групп армий «Север» и «Юг» и две танковые группы для группы армий «Центр». Почти все танки немецких вооруженных сил были сведены в эти группы. Танковые группы были по существу мощными танковыми армиями⁹. В частности, в группе Гудериана в трех моторизованных корпусах в начале войны было 823 танка. Кроме того, группу поддерживали соединения бомбардировщиков ближнего действия (пикетирующие бомбардировщики), авиационная группа истребителей, части и подразделения разведчиков и самолетов связи. В группу входили: артиллерийская группа, в том числе зенитный полк; инженерные войска и войска связи; тыловые учреждения. Управления танковых групп были больше, чем армейские управления. Эти танковые группы в виде мощных таранов пробивали оборону наших войск и устремлялись вперед. Там, где оборона у нас была прочной, пробивать ее помогали пикетирующие бомбардировщики группы. Пехотные немецкие армии развивали успех этих танковых групп. Немецкое командование все время держало свои танковые группы в составе, близком к штатному. Новые и отремонтированные танки шли почти полностью на возмещение потерь в этих танковых группах. Личный состав для танковых групп в быстрых темпах готовился в специальных учебных центрах и без промедления отправлялся на пополнение. Раненые и больные танковых групп, как правило, возвращались из госпиталей в свои части.

Противостоять этим сильным танковым таранам в ту пору мы еще не научились. Артиллерийских и тем более инженерных соединений для борьбы с танковыми группами еще не было создано, противотанкового оружия не хватало.

Только ударами наших крупных сил с разных направлений вражеские танковые группы задерживались и с потерями отступали, как это было в Смоленском сражении.

---

⁹ В первых числах октября группа Гудериана получила наименование «2-я танковая армия».

В боях за столицу

1. Враг устремился на Орел и Москву

Во второй половине сентября в Брянских лесах день ото дня становилось прохладнее. Все явственнее ощущалось дыхание холодной осени. Правда, цвет одежды сосновых лесов, в которых размещался фронтowej КФ, не менялся. Однако огромные леса заметно сокращали осенние короткие дни, особенно в ненастную погоду. Затяжные дожди и холодные ночи принудили нас, руководителей штаба фронта, покинуть «люксы» и переселиться в дымные, но зато теплые землянки. Армии Брянского фронта в те дни совершенствовали свои оборонительные позиции, собирали разведанные, которые, к сожалению, были не обширны. Судя по показаниям захваченных пленных, против войск фронта находились те же самые пехотные дивизии, которые были и в начале месяца. Перед правофланговыми войсками фронта по-прежнему стояли дивизии 4-й немецкой армии. А перед участками 3-й и 13-й армий продолжали обороняться пехотные дивизии 2-й немецкой армии. Они, как мы знали, прибыли сюда в первых числах сентября с гомельского направления и заняли оборону для прикрытия левого фланга группы Гудериана. Пленные всех этих дивизий показывали, что у них к наступлению не готовятся. Командир разведывательного радиодивизиона капитан А. Ф. Соловьяшинов, точно по почерку знавший рацши немецких штабов, заверял, что новых войск перед фронтом нет.

— Неужели фашисты решили зимовать на занимаемом рубеже?! — недоверчиво спрашивало, в свою очередь, командование фронта и армий своих разведчиков и, не веря этому, продолжало совершенствовать свои оборонительные рубежи. На танкоопасных направлениях строились надолбы и эскарпы. Долины рек искусственно заболачивались. Плотины на Десне и других реках были подготовлены для взрыва с целью повышения в них при взрыве уровня воды и приведения их в непреодолимое для танков препятствие. Пере-

правы через реки были замшированы. Командование, штаб фронта и фронтовые управления в течение второй половины сентября активно помогали армиям в организации обороны. Мне с группой работников штаба удалось побывать в двух армиях, и я должен признаться, что еще никогда не видал так разумно и хорошо организованной обороны.

В то время как на армейских участках Брянского фронта во второй половине сентября воцарилась относительная тишина, на лево-фланговом участке фронта шли затяжные бои, которые то затухали, то разгорались с новой силой. Удары группы Ермакова в направлениях на Ямполь и Глухов нанесли противнику заметный урон. Захваченные пленные показывали, что в этих районах обороняются две дивизии, в которых около 200 танков. По их предположению дивизии должны скоро уйти в район Ромны. Это были дивизии 47-го моторизованного корпуса группы Гудериана. В боях под Глуховом особенно отличалась 127-я стрелковая дивизия полковника Андриана Захаровича Акименко. Этой дивизии 18 сентября было присвоено звание «2-я гвардейская»¹. Наиболее сильный удар группой был нанесен противнику 24—26 сентября. Ряд населенных пунктов в районе Новгород-Северского и под Глуховом перешел в наши руки.

Гудериан так отметил этот удар группы Ермакова: «В течение нескольких дней противник предпринимал ожесточенные атаки, очевидно, свежими силами, восточнее Глухова и против нашего плацдарма у Новгород-Северского. Атаки русских, предпринимаемые 25 сентября на Белополье, Глухов и Ямполь, были отбиты».

Однако непрерывные наступательные действия группы Ермакова, колеблющийся все время фронт группы, построение ее войск для наступательных действий исключали возможность создания прочной глубокой обороны. В глубине участка группы инженерными войсками фронта был построен на подступах к Рыльску тыловой оборонительный рубеж. Однако части группы его не заняли, и своей роли рубеж не сыграл. По этому поводу считаю уместным рассказать о следующем печальном случае. 24 сентября начальник инженерных войск Калягин полетел на самолете в Рыльск. Осмотрел подготовленный для группы под Рыльском оборонительный рубеж и стал искать генерала Ермакова и его штаб. Хотел узнать, какие части он поставит на рубеж и как рассчитывает его использовать. Однако ни районные власти Рыльска, ни местные командиры частей о группе Ермакова, возглавлявшего Рыльский боевой участок, не знали. В пункте, где, по данным, полученным на фронтовом КП, находился штаб Ермакова, никого не было. Калягин возвратился ни с чем обратно. Донос о постройке оборонительного рубежа командующему. А затем пришел ко мне и подробно рассказал о поездке.

---

¹ Она была в составе первых четырех дивизий Красной Армии, которым было присвоено звание «гвардейская». — Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, л. 63, л. 307.

В штабе Брянского фронта. Слева направо: М. А. Кочетков, В. Н. Кузнецов, М. В. Ивашечкин и А. П. Петров

— Вы представляли себе штаб группы Ермакова, возглавляющего Рыльский боевой участок, в виде штаба армии, обосновавшегося в Рыльске, — ответил я ему. — Ермакову придали несколько командиров из штаба фронта, группу связи с радиостанциями, шифровальщика. Он пристроился со своей группой управления к штабу одного из соединений своей группы и оттуда командует войсками. После расформирования корпусных управлений оперативные группы стали вырастать везде, как грибы. Однако в сложной боевой обстановке они и живут столько же, сколько грибы. Группа Ермакова первого состава — на участке 13-й армии — существовала всего три дня. В быстро меняющейся в бою обстановке управлять группой без штаба и органа связи, без тыла и специальных частей усиления более чем трудно.

То, что группа Ермакова вела во второй половине сентября главным образом наступательные бои и мало внимания оказывала вопросам обороны, ослабило левофланговые войска фронта, а противнику принесло огромные выгоды. Как выяснилось вскоре, противник не собирался зимовать на занимаемых рубежах. Германское командование решило быстрой сокрушительной операцией по московскому направлению под кодовым названием «Тайфун» разгромить в течение октября группировку советских войск на этом направлении, захватить Москву и завершить войну против СССР еще

Генерал Ф. П. Полынин в группе летчиков

до начала зимы. Директива немецкого главного командования на эту операцию была дана 16 сентября. Главная роль в операции отводилась группе армий «Центр». В ее состав включалось около 80 дивизий, три танковые (из четырех) группы. Ей передавалось много соединений и авиации из других групп армий и из резерва главного командования. В течение второй половины сентября подготовка к новой операции шла полным ходом. Группа армий «Центр» пополнялась людьми, танками, самолетами и другой боевой техникой. Пополнение и техника лихорадочно перебрасывались всеми видами транспорта, в том числе и авиацией. Пехотные дивизии были пополнены людьми до 90% штатного состава (15 тысяч человек), количество танков в танковых дивизиях доведено до 80—100% по штату². Если превосходство группы армий «Центр» в живой силе против наших войск московского направления было небольшим, то по танкам, артиллерии, авиации противник превосходил нас в 2,3—2,6 раза. Кроме того, в советской авиации было только 20% новых бомбардировщиков, тяжелых и средних танков даже в составе Западного фронта насчитывалось всего 45³.

По замыслу операции группа армий «Центр» тремя мощными ударами танковых групп из районов Духовщины, Рославля и

² Архив МО СССР, ф. 6598 Служебный дневник Гальдера, кн. 10, стр. 2.

³ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 216, л. 9.

Шостки в восточном и северо-восточном направлениях должна была расчленить фронт обороны наших войск, окружить и уничтожить войска Западного и Брянского фронтов в районах Вязьмы и Брянска. В последующем, охватывая Москву с флангов, при одновременном наступлении с фронта, овладеть столицей Советского Союза.

Для наступления против войск Брянского фронта предназначались на северном участке часть сил 4-й армии, в центре — 2-я армия и на южном участке — против левофланговых войск 13-й армии и группы Ермакова — танковая группа Гудериана.

24 сентября, как мы узнали позже, в штабе группы армий «Центр», в районе Смоленска, проводилось заключительное совещание по спланированной наступательной операции. Помимо командования группы, армий и танковых групп, на совещании присутствовали главнокомандующий сухопутными войсками и начальник генерального штаба. Начало операции было установлено на утро 2 октября. Однако 2-й танковой группе, по просьбе Гудериана, разрешили начать наступление на два дня раньше. Он считал, что длительная подготовка уменьшит шансы на внезапность. Кроме того, Гудериан, по его словам, полагал, что, «если он начнет наступление раньше остальных армий, ему будет обеспечена сильная авиационная поддержка».

В начале последней пятидневки сентября Генеральный штаб получил из нескольких источников сведения о подготовке немецких войск для удара на Москву. В директивах Ставки от 27 сентября войска Западного, Резервного и Брянского фронтов предупреждались о возможности наступления противника. Приказывалось мобилизовать все силы на укрепление оборонительных рубежей, накапливать фронтовые и армейские резервы, усилить бдительность и боеспособность войск фронтов.

Генерал Еременко на основе этой директивы дал тут же аналогичный приказ армиям и группе Ермакова. В тот день я от генерала Захарова узнал, что Ставка направила нашему фронту две стрелковые дивизии и прислала инженерное имущество для установки заграждений, в том числе и противотанковых.

— Наконец-то! — обрадовался я известию об усилении фронта войсками и о прибытии противотанковых средств.

Г. Ф. Захаров дал мне указание:

— Дивизии разгружайте на участке Брянск, Карачев, а часть инженерного имущества используйте для создания фронтовых подвижных отрядов заграждений (ПОЗ). Командующий приказал Калягину сформировать пять ПОЗ.

К 29 сентября это распоряжение было выполнено. Все пять ПОЗ разместились поблизости от станции Свень. Каждый состоял из 40—50 саперов, был снабжен достаточным количеством ПТМ, ППМ, МЗП⁴ и другого инженерного имущества, погруженного на грузо-

⁴ Противотанковые и противопехотные мины и малозаметные препятствия.

вики. Мы с Калягиным поставили им следующие, согласованные с командующим задачи. Два ПОЗ минируют мосты и броды на р. Десне и готовят к разрушению основные пути движения от реки на восток. Один ПОЗ готовит подрыв плотин на Десне, а другой — подготавливает к разрушению промышленные объекты и железнодорожный узел в Брянске. Последний ПОЗ готовит к разрушению шоссе Карачев—Брянск и минирует железнодорожные и шоссеиные мосты через р. Снежеть в Карачеве. Взрывать и разрушать намеченные объекты командиры ПОЗ могли только с разрешения старшего общевойскового начальника действующих в данном районе войск.

Не удалось, к сожалению, даже начать оборонительные работы войскам группы Ермакова. На очередном вечернем совещании Военного совета фронта 28 сентября генерал Ерменко, памятуя директиву Ставки, обращался ко всем докладчикам с вопросом:

— Не появлялись ли на каком-либо участке фронта признаки подготовки противника к наступлению?

Начальник разведки Кочетков докладывал:

— Судя по захваченным в последние двое суток пленным и по документам, изъятых у убитых немцев, на подступах к Брянску появились две новые пехотные дивизии 2-й армии. Уплотняет свои войска противник и перед левым флангом 13-й армии, где радиоразведка засекала новый штаб армейского корпуса.

— Сегодня во второй половине дня авиационная разведка обнаружила интенсивное движение автотранспорта с юго-запада на Глухов и Шостку, — дополнил новые данные о противнике генерал Поляшин. — Одну колонну численностью до 300 машин наша авиация разбомбила.

Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли разгадать тогда намерений противника? Перед группой Ермакова продолжительное время стоял 47-й моторизованный корпус Гудериана. После завершения Киевской операции его главные силы были сосредоточены в районе Ромны на отдыхе. Движение оттуда моторизованных колонн в начале третьей декады сентября к Шостке и Глухову явно показывало рокировку всей группы к 47-му моторизованному корпусу. Ставка предупреждала 27 сентября о подготовке противника к наступлению на Москву. Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов, Новгород-Северский, Шостка, не найти. Путь оттуда на Орел, Тулу был кратчайшим. Десну форсировать не нужно. Брянские леса остаются севернее. Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр. Недоценили сосредоточивающихся сил противника и переоценили мощь войск Ермакова.

Командующий фронтом, несмотря на директивы Ставки о переходе к обороне, приказал Ермакову:

— Нанесите внезапный удар по сосредоточивающимся в районе Глухова войскам противника, сорвите их подготовку к наступлению. Удар поддержит вся фронтовая авиация.

Генерал Дмитриев и полковник Кабанов с группами работников своих управлений поехали помогать Ермакову в организации удара. 29 сентября войска группы Ермакова изготовились для наступления на другой день в направлении Шостка, Глухов.

Однако 30 сентября утром сосредоточившаяся перед левофланговыми войсками 13-й армии и группой Ермакова танковая группа Гудериана перешла в наступление. Ее состав для наступления на Орел, Тулу, Москву был значительно усилен. Вместо слабого 46-го моторизованного корпуса Гудериан получил 48-й корпус в составе танковой и двух мотодивизий. Помимо трех моторизованных корпусов в группу были включены 34-й и 35-й армейские корпуса в составе шести пехотных дивизий 15-тысячного состава и кавалерийская дивизия.

Свой центральный 24-й моторизованный корпус Гудериан нацелил от Глухова на Орел, Тулу. Правее его из района Путивля наступал 48-й корпус, а левее — от Шостки — 47-й корпус. Пехотные корпуса и кавалерийская дивизия, двигаясь уступами справа и слева за танковой группой, обеспечивали ее с флангов. При десятикратном превосходстве в танках и авиации и пятикратном превосходстве в живой силе войскам Гудериана легко было пробиться сквозь слабые левофланговые соединения 13-й армии и группу Ермакова. Головной корпус Гудериана с помощью большого числа пикирующих бомбардировщиков к вечеру 30 сентября прорвался на глубину около 12 км. В то время левофланговый корпус натолкнулся на стыке 13-й армии и группы Ермакова на упорно оборонявшиеся части 298-й стрелковой дивизии полковника М. Е. Ерохина и 55-й кавалерийской дивизии генерал-майора К. Г. Калмыкова. Героически сражавшиеся бойцы и командиры этих дивизий, особенно конники, дали жестокий отпор врагу. Однако огромное число сопровождающих самолетов и поддержка артиллерии сосредоточенной сзади армейского корпуса группы дали большой перевес противнику. Во второй половине дня эти дивизии были потеснены к северо-востоку. Между армией и группой Ермакова образовался разрыв, связь между ними нарушилась. Несколько раз в течение дня нарушалась связь на продолжительное время и у штаба фронта с группой Ермакова, а у последнего с войсками своей группы. Он несколько раз менял свой КП. Вражеская авиация вывела у него из строя две радиостанции.

Контратаки частей 13-й армии и группы Ермакова были безуспешными. Враг прорвался к исходу дня на 15-километровую глубину в нашу оборону.

На вечернем совещании Военного совета 30 сентября переоценки обстановки на фронте, к сожалению, сделано не было.

Полковник Кочетков доложил, что, по его мнению, наступает один корпус группы Гудериана.

— Захваченные прошлой ночью на участке 3-й армии пленные показали, что дивизии 2-й армии под Брянском изготовились к наступлению, — говорил он, показывая исходное положение войск про-

тивника на карте. — Артиллерия вела сегодня пристрелку, к Десне подтянуты переправочные средства. С тыла подошла еще одна пехотная дивизия. Начальник управления ПВО фронта генерал И. Н. Березовский дополнил, что Брянский железнодорожный узел дважды в этот день подвергался налету вражеских бомбардировщиков. Но эффективная стрельба наших зенитных батарей принудила неприятельских летчиков сбросить бомбы, не долетая до узла.

Я доложил, что лишь на левом фланге фронта у нас пробита брешь на глубину до 15 км. Причем сил противника, действующих там, мы не знаем. На других участках фронта — без перемен. Я был убежден, что следует крепко прикрыть образовавшуюся брешь, но кардинальных решений по перегруппировке войск фронта пока принимать не следует.

Генерал Захаров высказал мысль, что, возможно, на нашем левом фланге противник нанесит отвлекающий удар. Главный удар, по-видимому, последует на участках 3-й или 13-й армий, причем, вероятно, одновременно с ударами на других фронтах.

В 2 часа 1 октября по телеграфу из переговорной генерал Еременко доложил свое решение Верховному Главнокомандующему: нанести контрудар по прорвавшемуся противнику с двух направлений: тремя танковыми бригадами группы Ермакова, танковой дивизией Бахарова с двумя кавалерийскими дивизиями 13-й армии. Контрударом этих сил во взаимодействии со стрелковыми соединениями «уничтожить группировку противника сначала в направлении группы Ермакова, а затем — на левом фланге 13-й армии»⁵.

Однако закрыть огромную брешь, остановить вражескую лавину танков мы были не в силах. Октябрь для Брянского фронта стал самым тяжелым месяцем. Уже к полудню 1 октября стало ясно, что на левом фланге нашего фронта противник наносит не вспомогательный, а главный удар. Группа Гудериана, как мощный стальной таран, смяла слабые танковые бригады Ермакова и отбросила на северо-восток ставшие на ее пути кавалерийские дивизии армии генерала Городнянского. К середине дня центральный корпус Гудериана занял Севск и развивал удар на Дмитровск-Орловский. А левофланговый корпус захватил Середицу Буды и устремился к ст. Комаричи. Группа Ермакова была отрезана от 13-й армии.

Окрыленные успехом группы Гудериана перешли в этот день в наступление, на сутки раньше намеченного времени, и войска 2-й немецкой армии. Ударом на участке Почеп, Погар они стремились пробить оборону наших войск на р. Судость, а затем прорваться к Десне и с ходу форсировать реку.

В результате ожесточенного боя на участке 3-й армии немецким войскам удалось захватить в районе Почепа важный тактический пункт в обороне 280-й стрелковой дивизии генерал-майора

---

⁵ Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 64, л. 412.

С. Е. Данилова. Однако доблестные части дивизии трижды контратаковали противника и, нанеся ему большие потери, отвоевали утраченный пункт. В этих боях особенно отличился батальон капитана Георгия Михайловича Оласаева, имя которого стало широко известно в войсках фронта⁶. На правом фланге и в центре армии А. М. Городнянского атаки врага также были безуспешными. Наши войска нигде не отошли ни шагу назад. Вклинившиеся в оборону дивизии Бирюзова части противника с большими потерями были отброшены назад.

В середине дня палетом вражеской авиации узел связи фронта на продолжительное время был выведен из строя. Связь с штабами армий и группой Ермакова поддерживалась через делегатов связи, посылаемых на самолетах и машинах. Техническая связь была восстановлена лишь к вечеру. Полковник Дубовко к этому времени по проводам гражданской связи выяснил, что противник подошел к Дмитровск-Орловскому и захватил ст. Комаричи — на железной дороге Брянск—Льгов. Штабы армии довели, что занимаемые позиции везде удержаны. Однако в этот день от Новгород-Северского на северо-восток, во фланг левофланговым войскам 13-й армии, развернулось наступление пехотных войск противника.

Вечером 1 октября, перед тем как идти на доклад к командующему, генерал Захаров вызвал к себе меня и Кочеткова. После докладов о положении наших войск и войск противника Захаров, укоризненно смотря на нас, с раздраженным восклицанием:

— Вот вам и «отвлекающий удар» противника от Глухова! Войска Гудериана в полном составе за два дня наступления пробили 60-километровую брешь на левом фланге фронта и прорвались почти на 100 км в глубину. У нас создается такая же обстановка на фланге в тылу, как в прошлом месяце на Юго-Западном фронте.

— И опять, как и против Юго-Западного фронта, Гудериан начинает наступление из района Шостка, Глухов, Новгород-Северский... — заметил я.

— Что же, по-вашему, Гудериан как начинающий танцор умеет танцевать только от пачки? — прервал меня Захаров. — Наступает он из этого района лишь потому, что отсюда особенно выгодно наносить удары и развивать их в глубину. В прошлом месяце Гудериану противостояли слабые войска Юго-Западного фронта. А теперь против него действуют почти такой же силы левофланговые войска нашего фронта.

На вечернем совещании Военного совета вопрос о глубоком прорыве группы Гудериана на левом фланге фронта в значительной мере был смазан. Стабильность обороны на участках армий фронта, исключая левый фланг 13-й армии, и спокойное, «без перемен», положение на Западном и Резервном фронтах как-то сглаживали остроту обстановки на нашем фронте. К тому же сведения о появлении

⁶ Архив МО СССР, ф 202, фронтовая газета «На разгром врага», 4 октября 1941 г

противника в районе Дмитровск-Орловского и на ст. Комаричи мы получили от гражданских организаций, а не от Ермакова, с которым нам два-три раза в день с трудом удавалось связаться на несколько минут по радио. Но он и сам плохо знал обстановку, связь с войсками у него прервалась. Надо признать, что генерал Ермаков в наступательных боях и при обороне с примкнутыми флангами командовал войсками решительно и инициативно. Но при отступлении, в боях и в обстановке, близкой к окружению, он выпускал из рук управление войсками, терялся; видимо, сказались условия тяжелых боев при отходе из района Мшска.

При докладе в Ставку по телеграфу в 5 часов 20 минут 2 октября генерал Захаров показал обстановку на фронте менее тяжелой, чем в действительности, и передал решение командующего фронтом следующего содержания: 1. Силами 42-й танковой бригады и 287-й стрелковой дивизии, перебрасываемой по железной дороге Брянск—Льгов, не допустить распространения противника восточнее Севска. 2. По вклинившимся на ямпольском и глуховском направлениях группировкам противника нанести двумя стрелковыми и одной кавалерийской дивизиями 13-й армии и двумя стрелковыми дивизиями группы Ермакова контрудары по сходящимся направлениям на Хутор Михайловский. 3. Авиации фронта бомбить колонны противника⁷.

Днем 2 октября генерал Захаров был информирован своими коллегами из Западного и Резервного фронтов, что с утра на их фронтах противник крупными силами перешел в наступление. Как стало известно позже, на рославльско-юхновском направлении наносила удар 4-я немецкая армия с взаимодействовавшей с ней 4-й танковой группой. Сосредоточив против участка двух смежных дивизий 43-й и 50-й армий мощную группировку, враг прорвал оборону наших войск и к середине дня ввел в прорыв в направлении на Спас-Деменск танковую группу.

Начальник штаба 50-й армии полковник Пэри доложил, что правофланговая дивизия отеснена противником к юго-востоку; ее обтекают с севера немецкие моторизованные войска. От комбрига Петрушевского поступило донесение об обтекании крупными силами с юга левого фланга 13-й армии. У генерала Крейзера — в центральной армии фронта положение без перемен.

Как и следовало ожидать, контрудары слабых войск 13-й армии и группы Ермакова в направлении на Хутор Михайловский — по флангам и тылам группы Гудериана — успехом не увенчались. К тому же и ВВС фронта смогли в тот день произвести всего 57 самолетов-вылетов⁸. Правда, Ставка через своего представителя по вопросам авиации при нашем фронте полковника И. Н. Рухле передавала приказы авиационной группе Главного командования на

⁷ Архив МО СССР, ф. 202, оп. 5, д. 64, лл. 424—425.

⁸ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2579, д. 28, л. 4

бомбометание вражеских колонн в районе Хутора Михайловского. Наши контратакующие войска не смогли выполнить поставленную им задачу, зато они притянули на себя значительные силы врага. В течение нескольких суток в жарких кровопролитных боях они изматывали вражеские части и не дали им возможности двигаться на восток.

Во второй половине дня 2 октября танковые части противника заняли г. Кромы. Выдвижение моторизованных войск на Спас-Деменск в обход правого фланга фронта продолжалось с нарастающей силой.

В связи с ухудшением обстановки командующий фронтом приказал все пять фронтовых ПЗО направить для выполнения поставленных задач.

Ночью генерал Еременко докладывал по телеграфу Шапошникову об обстановке на фронте, об обтекании мощными танковыми группировками врага обоих флангов фронта. На случай выхода в тыловую полосу фронта крупных сил противника Еременко предлагал следующее: отвести войска фронта на тыловой рубеж и одновременно нанести ими сокрушающий удар по врагу, прорвавшемуся в тыл. Б. М. Шапошников отнесся отрицательно к этому предложению.

3 октября над войсками Брянского фронта уже явственно нависала угроза окружения. В тот день неожиданно для командования и штабов Брянского фронта и Орловского военного округа головной корпус Гудериана прорвался к Орлу и с ходу захватил город. Начальник штаба округа успел лишь прокричать по телефону Захарову:

— В Орел ворвались немецкие танки! Части гарнизона занять позиции у юго-западной окраины Орла не успели. Командующий округом генерал-лейтенант А. А. Тюрин выехал на позиции у южной окраины города и пока не вернулся. Штаб сейчас покидает город.

По словам Гудериана, «захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи»⁸. Между тем в Орле в то время находились четыре артиллерийских противотанковых полка, гаубичный артполк и несколько пехотных частей. Большая часть этих сил готовилась к отпору врагу при его движении с юга, со стороны Курска. Брянский фронт не смог задержать врага. Управление войсками было потеряно. В связи с этим Ставка оказалась вынужденной подчинить армии фронта непосредственно себе, но и это не могло помочь фронту. Противник на пятый день наступления, преодолев 250 км, 3 октября ворвался в Орел.

В тот день 4-я немецкая танковая группа развивала наступление на Спас-Деменск и все глубже обтекала правый фланг Брянского фронта. А войска 2-й немецкой армии наращивали наступление с юга против левофланговых соединений 13-й армии.

⁸ Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 220.

В ночь с 3 на 4 октября Захаров вызвал к себе меня и Аргунова.

— Противник торопится зажать наш фронт в клещи, причем таким же приемом, как и Юго-Западный фронт, — с горечью в голосе говорил Захаров, показывая на карте клышья вражеских танковых групп, нацеленных на Орел и Спас-Демеск. — Может быть, Ставка разрешит нам отвести войска нашего фронта на тыловой рубеж заблаговременно. Давайте составим план отвода войск фронта и набросаем проект приказа на отвод.

Фронтной тыловой рубеж у нас был намечен на линии р. Ока — от Белева до Попырей, дальше Фатеж, Льгов. Участок в районе Орла, уже захваченный противником, мы отнесли восточнее — на рубеж Мценск—Змиевка. После того как документы на отход вчерне были выполнены, Захаров стал вызывать поочередно, для ознакомления и согласования, командующих родами войск и начальников служб.

Начальник связи полковник Дубовко, явившийся первым, сокрушенно доложил:

— С падением Орла перерезана основная магистраль связи. С Генеральным штабом, соседними фронтами и левофланговой армией проводная связь потеряна. Надо срочно выносить фронтной КП на другую магистраль.

После обмена мнениями новый КП решили готовить в Белеве, промежуточный — в Хвастовичах. Переброску фронтного узла связи начать немедленно.

Начальник штаба артиллерии полковник Самсонов заявил:

— Надо немедленно вывозить боеприпасы из фронтного арсенала со ст. Нарышкино. Ведь от этой станции до Орла, куда провалились немцы, рукой подать.

— Спросите Рейтера, это в его компетенции, — обратился ко мне Захаров.

Я вызвал по телефону Рейтера и рассказал ему об опасениях Самсонова.

— Если бы я безмятежно сидел и ждал, когда штаб фронта предупредит меня об угрожающей обстановке и посоветует, что делать, я бы, наверно, попал в Карачеве вместе с фронтной базой в руки противника, — ядовито ответил он мне. — Начальник артснабжения полковник Кузнецов уже перевозит снаряды из склада. По разрешению начальника тыла Красной Армии Хрулева я начал перемещать фронтную базу на оставшиеся в наших руках железные дороги Белев — Горбачево, Тула — Белев, Горбачево — Елец — Курск.

— Тогда ставлю еще один важный вопрос, — продолжал Самсонов, узнав об ответе Рейтера. — Фронту придан первый полк реактивной артиллерии (РС) с новыми установками М-13. Он подивизионно роздан в армии. Командующего артиллерией и меня предупредили, что за целостность новых установок мы отвечаем головой.

Генерал Захаров тут же дал разрешение вывести подразделения полка из боя и сосредоточить его поблизости от КП.

Утром 4 октября колонна штаба и управления фронта, возглавляемая полковником Аргуновым, и полк связи во главе с полковником Литвиненко уехали в Белев организовывать новый КП. Все дела и документы штаба и управления фронта были увезены в Белев. На старом КП остались от каждого отдела и управления по несколько человек. Документы и карты они хранили в портфелях. На узле связи было оставлено небольшое число телеграфистов и телефонистов — исключительно мужчин. Громоздкий телеграфный аппарат БОДО остался только для переговоров со Ставкой. Связь с армиями была переключена на легкие аппараты СТ-35 (они имели вид пишущей машинки).

В те дни в районе Мценска Ставкой из группы в составе 6-й гвардейской стрелковой дивизии, 5-го воздушнодесантного корпуса, 4-й и 11-й танковых бригад, Тульского военного училища, мотоциклетного и пограничного полков, двух артиллерийских полков, двух дивизионов реактивной артиллерии, а также авиационной группы был образован 1-й особый гвардейский стрелковый корпус. Командиром его был назначен генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, комиссаром — бригадный комиссар К. Л. Сорокин. Корпусу была поставлена задача — разбить противника, прорвавшегося в район Орла, и остановить его наступление.

4 октября 47-й моторизованный корпус Гудериана стал поворачивать свои дивизии на север — к Карачеву и ст. Свень, имея в виду вместе с войсками 2-й армии окружить наши оборонявшиеся на Десне войска. Установить связь с 13-й армией и группой Ермакова штаб фронта не сумел; тогда Еременко вместе с Мазеновым утром 5 октября выехали, как и в предыдущие два дня, на ВПУ фронта в район Локоть. Они рассчитывали там лично связаться с войсками левого крыла фронта и на месте принять решение, диктуемое быстро меняющейся обстановкой.

К полудню из различных источников, в первую очередь от контрольных постов связи, выставленных в различных пунктах тыловой полосы фронта, в штабе стали накапливаться сведения о выдвижении моточастей противника к Карачеву и Болхову. Генерал Рейтер и бригадный комиссар Макаров, не получив обещанных войск для обороны Карачева, благополучно рокировали почти всю фронттовую базу на направление Белев, Горбачево, Тула. Для обороны Карачева они создали из войск гарнизона оперативную группу под командованием Рейтера. Когда во второй половине дня связь с Московской обходными путями через Белев была восстановлена, Захаров доложил Шапошникову критическую обстановку на фронте, попросил разрешения перенести КП в новый пункт и поставил вопрос об отводе войск фронта на тыловой рубеж. По-видимому, оба эти предложения Захаров согласовал утром с командованием фронта. Шапошников обещал доложить об этом Ставке.

К вечеру на самолетах У-2 возвратились Еременко и Мазенов. В левофланговых войсках 13-й армии они побывали, но связаться с группой Ермакова им не удалось. Они подтвердили, что от ст. Локоть

А. И. Еременко

П. И. Мазепов

на юг выдвигаются моторизованные части противника. Захаров доложил обстановку на фронте и у соседей, а также о разговоре с Шапошниковым. В это время Еременко получил извещение по телефону, что в Карачев ворвались немецкие танки и что мост через р. Снежить наши саперы взорвали. Еременко вызвал Калягина и приказал ему выехать с комиссаром штаба фронта Кузнецовым в Карачев, узнать, что там творится и почему ПОЗ взорвал мост.

Калягин с Кузнецовым немедленно уехали, а Еременко, Мазепов и Захаров занялись уточнением плана и приказа на отвод войск фронта за тыловой рубеж.

Ночью Еременко разговаривал с Шапошниковым и внес предложение о проведении этой операции. Шапошников не возражал и заверил, что в ближайшие часы соответствующая директива от Ставки последует.

Весь состав КП в ту длинную ночь бодрствовал, все ожидали сигнала для переезда на новый КП.

В полночь из Карачева возвратился комиссар штаба Кузнецов. О своей поездке он доложил командующему:

— Оперативная группа Рейтера днем 5 октября вела тяжелые бои со иттурмующими Карачев сильными моторизованными войсками противника. Их поддерживала большая группа самолетов. Между тем у Рейтера и Макарова была лишь 108-я танковая дивизия с пятнадцатью танками, да несколько подразделений выгрузившейся западнее Карачева 194-й стрелковой дивизии. Вечером

противнику удалось захватить восточную часть города — до р. Снежать.

— А кто же обороняет западную часть города и взорван ли мост через Снежать? — спросил Еременко.

— Во второй половине дня через мост шли колонны с личным составом второго эшелона штаба фронта и штаба ВВС, — отвечал Кузнецов. — А вечером, когда прикатые к Снежать наши войска переправлялись на западный берег реки, начальник ПОЗ взорвал и шоссеиный и железнодорожный мосты. К этому времени с юго-запада к Карачеву подошли новые подразделения этой дивизии и артиллерийский дивизион. Они только что выгрузились из эшелона. Привел их командир дивизии. Он с помощью Калягина организует оборону в районе Карачева. А Рейтер с последней автоколонной, прикрываясь 108-й танковой дивизией, направился в Белев.

В эти дни у Резервного и Западного фронтов создавалась также тяжелая обстановка. Войска этих фронтов были глубоко охвачены противником с флангов и тыла.

Ставка приняла решение об отводе войск Западного, Резервного и Брянского фронтов в ночь с 5 на 6 октября на линию: Осташков, ржевско-вяземский оборонительный рубеж, Мосальск, Белев, Мценск, Фатеж, Льгов. Ночью нам стало известно, что соседний фронт уже получил эту директиву и приступил к ее выполнению.

Наступило утро 6 октября, а никакой директивы из Ставки все еще не было.

Почему не была своевременно передана Брянскому фронту директива Ставки об отводе войск фронта, подписанная еще 5 октября, мы так и не узнали.

Около 12 часов приехал из Карачева Калягин. Он доложил командующему, что 194-я стрелковая дивизия продолжает обороняться в районе Карачева фронтом на восток.

— Через Карачев к нам путь противнику закрыт, — говорил он, показывая по карте оборонительный участок дивизии.

— К нам, на КП, противник может прорваться и минуя Карачев, — возразил Еременко. И тут же отдал распоряжение Захарову:

— Пошлите разведывательные группы по грунтовым дорогам, идущим с юга и юго-востока на КП.

Около 14 часов я и начальник разведки Кочетков находились в комнате Еременко и докладывали по карте последние данные об обстановке. Через некоторое время в комнату вошел Пигурнов. А примерно через полчаса раздались выкрики: «Немецкие танки. Немецкие танки!» Мы быстро вышли на крыльцо домика и увидели приближающиеся танки. Они с ходу короткими очередями вели огонь из пулеметов. К домику подбежали Мазепов и Захаров, последний на ходу отдавал всем встречающимся командирам приказание немедленно уезжать на новый КП. По воспоминаниям Долгова, я прибежал в оперативный отдел и крикнул:

— Тревога, уезжайте в Белев! При мне оставьте четырех человек.

Затем я дал распоряжение об отъезде Кочеткову, а Кузнецов — начальнику узла связи, шифровальщикам, АХЧ и столовой. Все это время в лесу, в районе КП, шла беспорядочная стрельба. Немецкие танки и мотопехота (непосредственно из машины) стреляли из пулеметов и пушек по домикам на КП и плохо замаскированным землянкам (обложенные сверху дерном блиндажи заметны не были). По противнику вели ответную стрельбу подразделения охраны штаба, а также командиры и красноармейцы состава КП. Но вот машины оперативного, разведывательного и шифровального отделов скрылись в лесу и по объездной грунтовой дороге направились в Белев. Я подошел к наблюдавшим за отъездом машин Мазепову и Захарову, который приказал мне обеспечить отъезд с КП всего состава, а затем кратчайшим путем ехать в Хвастовичи.

Мазепов и Захаров тотчас же уехали на моей машине, которую я держал поблизости от землянки.

Я и Кузнецов с группой в составе 12 человек остались на КП. Основным ядром нашей группы были командиры оперативного и разведывательного отделов и по одному человеку от управлений связи и артиллерийского, от штаба ВВС.

Через несколько минут после отъезда Захарова и Мазепова ко мне пришли Калягин, Кабанов, Рухле и другие командиры.

— Репили следовать в Белев одной колонной, — сообщил мне Калягин.

По-видимому, мы демаскировали себя при разговоре. Из вражеской части, которая в районе домика Военного совета вела огневой бой с подразделениями охраны штаба, отделились несколько танков и направились в нашу сторону, стреляя из пулеметов и пушек. Скрываясь за деревьями, нам удалось быстро отойти метров на сто в глубь леса. Находившийся рядом со мной А. Я. Калягин получил легкое пулевое ранение в ногу. Вскоре вражеские танки возвратились к своей части. Примерно через час стрельба прекратилась. Немецкая моторизованная часть ушла к Брянску. Это были части 47-го моторизованного корпуса — с этого дня уже 2-й танковой армии Гудериана. Корпус устремился мимо нас на Брянск, чтобы захватить его внезапным ударом с тыла. Вражеская часть не подозревала, что наткнулась на фронтовой КП. У шоссе Брянск—Карачев располагалось много наших тыловых частей и учреждений. Моторизованные подразделения противника для обеспечения движения своих войск по шоссе отгоняли наши тыловые части в глубину леса. По-видимому, и наш КП припяти за тыловое учреждение.

После того как в районе КП стало тихо, я и Кузнецов со своей группой возвратились к блиндажам штаба. Ногу Калягину перевязали, и он, прихрамывая, пошел во главе управления. К этому времени со старого КП все уже уехали на новый. Политическое и артиллерийское управления убыли одной колонной. Большая часть узла связи с телеграфными аппаратами была погружена на грузовые машины и оттянута в глубь леса для движения к Белеву.

В. М. Белов

Однако в некоторых блиндажах узла связи еще продолжались работы. Один из телефонистов станции, ныне офицер управления связи МВО майор В. М. Белов в своих воспоминаниях пишет, что перестрелка, по его мнению, длилась около часа. А потом «на КП фронта воцарилась тишина, все блиндажи опустели. Нас осталось 4 человека. Возглавлял нашу группу рядовой Тютин, который организовал свертывание телефонной станции, снятие кабеля и телефонных аппаратов. Часам к 18 нам было собрано в основном все имущество и погружено на грузовую машину». Затем телефонисты забрали оставшееся имущество связи из других блиндажей, а деревянное оборудование

в них подожгли зажигательной смесью. Погрузили также оставленные в военторговой столовой продукты. «С места старого КП мы выехали около 21.00 6 октября», — пишет Белов.

После возвращения к блиндажам наша группа обнаружила в кустах подбитую пулеметным огнем грузовую машину полка связи. С нашей помощью шофер восстановил машину, и мы перестали быть «безлошадными». Находились мы на старом КП до темноты. Командиры из состава группы дважды пробирались в землянки отделов и управлений, подбирали брошенные вещи и черновики. Один командир из разведотдела заходил в домик Военного совета. Людей нигде не обнаружили. На всякий случай нам надо ликвидировать отчетную карту, решил я.

Возле одного телеграфного столба мы вырыли яму и закопали в нее огромную карту. Место заровняли. Номер телеграфного столба и Кузнецов записали в своих личных книжках⁹. В течение всего времени пребывания группы на КП по шоссе от Карачева к Брянску шел непрерывный поток автомашин и танков. Шли одна за другой, на расстоянии 100—200 м. В некоторых пунктах вправо и влево от нас периодически вспыхивала оживленная перестрелка. Это наши подразделения подбирались к шоссе и из пулеметов и ав-

⁹ В 1963 г. В. П. Кузнецов, ныне полковник в отставке, ездил на родину, в Карачев. Побывал и на месте бывшего КП Брянского фронта. Ныне там построен большой пионерский лагерь, протянувшийся до р. Свень. Телеграфного столба не нашел.

томатов вели огонь по вражеским машинам. Тогда немецкие танки и мотоциклота сворачивали в лес, отгоняли наши подразделения в глубь леса и затем уходили к Брянску.

Как мы узнали позже, по другую сторону домика Военного совета в то время находились генерал Еременко с адъютантом, полковник Дубовко и начальник охраны тыла полковник Панкин с несколькими подразделениями охраны. Они, оказывается, также вели огонь по проходящим по шоссе машинам и несколько раз привлекали на себя вражеские подразделения. Если бы мы знали тогда, что командующий фронтом так близко от нас, мы бы присоединились к нему.

Когда стемнело, я осторожно, по одному, перевел нашу группу через шоссе в лес. На другой стороне шоссе мы сидели, прикрываясь деревьями, продолжительное время. Немецкие машины на больших интервалах продолжали идти по шоссе к Брянску. Изредка на короткое время, то там, то здесь, вспыхивала перестрелка.

— Как странно, что после такой жаркой перестрелки мы не нашли на КП ни убитых, ни раненых, — обратился ко мне Кузнецов.

— И немцы и наши стреляли, не прицеливаясь, — пояснил я. Но, понимая, что Кузнецова занимает вопрос, не случилось ли что с Еременко, я послал еще раз осмотреть домик Военного совета. На этот раз туда пошли командир из оперативного отдела и мой адъютант Остапенко, у которого был карманный фонарик. По их словам, в домике никого не было.

Становилось все темнее. Подул северный ледяной ветер. А вскоре пошел снег. Это был первый снег в том году. Мы переправили машину через шоссе, погрузились в нее и поехали в Хвостовичи.

В этот день армии Брянского фронта, как мы уточнили позже, продолжали обороняться на прежних рубежах.

Во второй половине дня 6 октября 47-й моторизованный корпус Гудериана прорвался к Брянску с тыла и занял город.

Но наступление головной танковой дивизии Гудериана от Орла на Мценск окончилось неудачей. Корпус Лелюшенко, оснащенный новыми танками Т-34 и КВ и поддерживаемый сильной авиацией, дал жестокий отпор врагу. В этих боях особенно отличились танкисты 4-й танковой бригады из батальонов капитанов В. Гусева и А. Рафтопулло и разведгруппы старшего лейтенанта А. Бурды. «Противник, атакованный танками с разных сторон, был вынужден приостановить наступление и отойти в исходное положение, — вспоминает Д. Д. Лелюшенко. — На поле боя он оставил 48 танков, 35 орудий и до 400 убитых солдат и офицеров»¹⁰. Гудериан с горечью свидетельствовал в своих воспоминаниях: «Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значи-

¹⁰ «Провал гитлеровского наступления на Москву». М., 1966, стр. 118

тельные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить».

Всю ночь с 6 на 7 октября наша группа тряслась в разбитом кузове грузовой машины, прикрываясь от густых хлопьев падающего снега плащами и накидками. Наш грузовик вскоре попал в сплошной поток машин, ехавших к северу от шоссе Карачев—Брянск. Грунтовая дорога превратилась в сплошное месиво. Машины часто останавливались, создавали пробки. Неисправные машины общими усилиями сбрасывали с дороги в сторону. Только 7 октября утром мы кое-как добрались до Хвостовичей. Здесь на контрольном пункте связи мне сказали, что вчера генерал Захаров приказал всех направлять в Белев. Сам он сейчас в Ульянове. Я вызвал начштаба к телефону, и он подтвердил мне это распоряжение. Я кратко доложил о нашем пребывании на КП во время полета на него противника, а в конце доклада сказал, что Еременко мы не видели, с КП он, несомненно, уехал.

После небольшого отдыха и скудного завтрака (продукты НЗ у большинства остались в грузовых машинах своих отделов, а у меня «уехали» с Захаровым) наша группа направилась в Белев. Шел мокрый снег. Ехали опять в составе огромной колонны машин. По глубокой колее грязной дороги двигались со скоростью черепахи. Часто останавливались и проталкивали машину передко своими плечами. В начале ночи, обессиленные и промерзшие, мы остановились в какой-то деревне.

— Наш шофер больше суток без сна и отдыха, вести машину не в состоянии, — заявил я. — Да и нам тоже нужно поесть, обогреться, поспать. Останавливаемся на почевку.

Все обрадовались предстоящему отдыху. Однако дома деревеньки были битком забиты тыловыми учреждениями. Энергичный Кузнецов разыскал за деревней пустую клуню, в которой готовили корм для колхозного скота. Затопили печь, напекли картошки, запасы которой обнаружили в клуне. Поужинав, разлеглись спать на полу, тесно прижавшись один к другому.

Рано утром 8 октября мы подъехали к Белеву. Переехали по обозначенному броду через Оку и направилась к примыкавшему к городу селению Куракино. Здесь в школе и разместился штаб фронта.

Захаров сразу выложил кучу новостей:

— Проводная связь у нас только с Генеральным штабом, а он непосредственно поддерживает связь с нашими армиями по радио. Вчера, наконец, получили директиву Ставки на отход. Генеральный штаб передал ее по радио и в армии. Еременко с утра вчерашнего дня в штабе 3-й армии.

— Так вы после нашего отъезда не видели его на КП? — спросил меня Мазепов.

— Нет, — подтвердил я. — По-видимому, командующий фронтом сразу уехал к Крейзеру.

— И никому не сказал, куда решил ехать! — сокрушался Захаров.

— Надо было нам всем ехать с Еременко, — заметил я. — И почему он никому не сказал, что едет к войскам!

— Однако давайте уточним проект приказа войскам фронта, — предложил Захаров. — Надо его как можно быстрее переслать Еременко для подписи и рассылки через штаб 3-й армии в остальные армии.

— Еременко, кажется, один проект приказа оставил у себя, — напомнил я.

— А если не оставил? — возразил Захаров.

К середине дня приказ был подписан Захаровым и Мазеповым. Вручать приказ командующему фронтом полетел на самолете У-2 полковник Долгов.

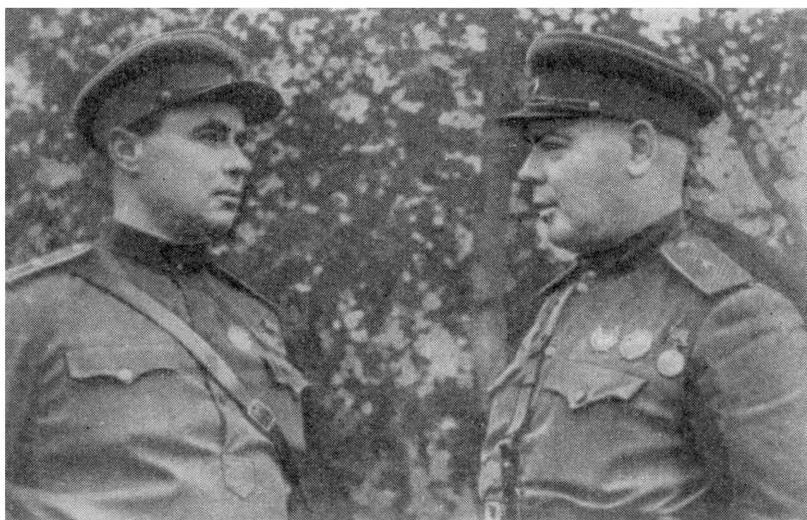
Но, как оказалось позже, Еременко уже во второй половине дня 7 октября передал через генерала Жадова приказ во все армии. Вот отдельные пункты приказа:

... 1. Противник мотомеханизированными частями ударом в направлении Севск, Орел, Киров, Жиздра, Льгов перерезал коммуникации фронта и создал явное окружение. 2. Армиям фронта строго организованным порядком, нанося удары противнику, пробиться и отходить за линию ст. ст. Ворошилово, Поньри, Льгов — в направлениях: 50-й армии — Бежица, Карачев, Змиевка; 3-й армии — Дмитровск-Орловский, ст. Поньри; 13-й армии — Дмитровск-Льговский, Фатеж. Группе Ермакова, удерживая занимаемый рубеж, не допускать наступления противника северо-восточнее Льгова.

В приказе устанавливались рубежи отвода войск по дням. Отходить предписывалось, как правило, ночью, закончить отход — 13 октября. Войскам предстояло отойти почти на 150 км.

Если бы этот приказ был отдан в ночь со 2 на 3 октября, когда Еременко внес предложение об отходе Шапошникову! Даже если бы армии фронта начали отход в ночь с 5 на 6 октября, как это предусматривалось директивой Ставки! Окружение в те дни было только оперативным, не сплошным. Вот тогда войска фронта смогли бы по-настоящему изготавиться к отходу и к организации удара при отходе по прорвавшимся в тыл войскам противника. А теперь Брянскому фронту пришлось отходить на двое суток позже назначенного Ставкой же срока, положение для наших войск несказанно ухудшилось. На наши обороняющиеся армии повели наступление с тыла от рубежа Хвостовичи, Карачев, Севск к западу четыре из пяти корпусов танковой армии Гудериана. Эти только что пополненные до штатов корпуса вместе с 2-й немецкой армией 8 октября уже сжимали в кольцо войска Брянского фронта, особенно 3-ю и 13-ю армии. Вот в таких тяжелых условиях и начался отход фронта.

В ночь на 8 октября армии фронта, обозначив для маскировки на ряде участков наступательные действия, начали, прикрываясь арьергардами, отход. Само собой разумеется, что правофланговый участок 50-й армии, так же как и левофланговый участок 13-й ар-

Н. П. Пухов (справа) и М. А. Козлов

ми, обтекаемые войсками противника, продолжали обороняться нашими войсками с еще большей силой. 50-й и особенно 3-й армиям удалось в ту ночь сделать скачок к востоку почти на 50 км. А для 13-й армии, к сожалению, уже 8 октября отход превратился в тяжелый прорыв из вражеского кольца. Генерал Городнянский решил пробиваться сначала на юг, в направлении на ст. Суземка, Калиновка, а затем повернуть к востоку, на Фатеж. Однако осуществить прорыв в тот день не удалось. Выделенные для этой цели 6-я и 143-я стрелковые дивизии, сражавшиеся в первые дни войны в составе 4-й армии, не имели сил для выполнения такой задачи. В ночь с 8 на 9 октября командование 13-й армии ввело между этими дивизиями более полнокровную дивизию генерала Бирюзова, усилив ее артиллерией и танками. О действиях этой ударной группировки 9 октября член Военного совета 13-й армии М. А. Козлов рассказывает так:

«Рано утром 9 октября отряды прорыва 132-й и 143-й стрелковых дивизий с приданными танками 141-й танковой бригады пошли в атаку в районе Негино. Одновременно все тракторы, стоящие в этом районе на опушке леса, завели моторы и своим шумом имитировали движение танков. Дивизионная артиллерия обрушила огонь на позиции противника. Атака была неожиданной и успешной. В Негино мы уничтожили до полка пехоты, захватили штаб полка, разбили 15 противотанковых орудий. Через Негино прошли 132-я и 143-я стрелковые дивизии и первый эшелон штаба армии.

Но через три часа противник, собрав свои силы, закрыл выход остальным частям армии. Подошедшая 6-я стрелковая дивизия стремительной атакой вновь опрокинула противника. За нею прошла часть второго эшелона армии и резервы командарма»¹¹.

Последующее успешное развитие прорыва ударной группировки 13-й армии описывает С. С. Бирюзов: «После падения Негини наши дивизии с боем овладели деревнями Шилинка, Алекшквичи и двинулись дальше. Гитлеровское командование срочно стягивало к месту прорыва свежие силы. Вражеская авиация и артиллерия обрушились на освобожденные нами деревни и на дороги, заполненные войсками, тысячи бомб, снарядов и мин. Я связался по радио с командующим армией и доложил ему обстановку. Генерал Городнянский поздравил меня с успехом и поставил дополнительную задачу: ускорить движение в сторону Хинельского лесокombината (труба его маячила на горизонте) ... части 6-й и 143-й стрелковых дивизий прочно удерживали «коридор», проделанный в обороне противника. А наши полки двинулись по открытой местности на юг... По достижении лесного массива, где уже не страшна была фашистская авиация, я объявил привал... Этой ночью удалось установить связь с местными партизанами. В штаб дивизии прибыли представители их отряда...»¹²

А вот что рассказывает об этих ожесточенных боях Гудериан:

«9 октября русские продолжали свои попытки прорваться в районе населенного пункта Суземка. Русские стремительно атаковали правый фланг 293-й пехотной дивизии, оттеснив дивизию к Суземке и Шилинке. Ввиду того, что 25-я мотодивизия, выделенная в резерв танковой армии, еще не прибыла, пришлось использовать 41-й полк 10-й мотодивизии, чтобы заполнить брешь, образовавшуюся между 29-й мотодивизией и 293-й пехотной дивизией. 48-й танковый корпус, который в соответствии с указанием командования группы армий «Центр» должен был наступать на Курск и Ливны, получил теперь приказ подтянуть к Севску все свои наличные силы.»¹³

Таким образом, против войск Брянского фронта Гудериан принужден был бросить не только все четыре из пяти корпусов своей армии, но и 10-ю мотодивизию головного 24-го моторизованного корпуса. Только танковые дивизии этого корпуса продолжали вести бой фронтом на восток: одна — в районе Мценска, а другая у Болхова. А тут еще начальство приказывало Гудериану наступать на Курск. Он с раздражением вспоминает: «10 октября от командования группы армий были получены новые указания: овладеть Курском; очистить котел в районе Трубчевска; завершить окружение котла, образовавшегося северо-восточнее Брянска; нанести удар по Туле. Все это предлагалось выполнить немедленно. Либенштейн

¹¹ «Военно-исторический журнал», 1964, № 5, стр. 55

¹² С. С. Бирюзов. Суровые годы, стр. 65–66.

¹³ Г. Гудериан. Указ соч., стр. 226

(начальник штаба Гудериана. — Л. С.) поступил совершенно правильно, запросив командование группы армий о степени срочности всех этих требований, которые явно исходили от высшего командования. Однако никакого ответа мы не получили»¹⁴.

В те дни к нам в штаб Брянского фронта данные об отходе войск фронта поступали очень скудно, отрывочно. Да и сведения эти шли к нам чаще всего через Генеральный штаб, который своими мощными радиостанциями периодически поддерживал связь с нашими армиями. Правда, в последние дни мы стали удачно ловить радиопереговоры Москвы с армиями, особенно с 50-й. Проводная связь из Белева у нас была только с Москвой, Западным фронтом, генералом Лелюшенко и с Тулой.

10 октября утром мы узнали по радио, что 50-я армия продолжает отход в заданном ей направлении, а 3-я армия прорывает оборону противника на рубеже Ута, Арельск.

— Значит фашистским войскам удалось захватить тыловой оборонительный рубеж армии, — отметил Захаров.

— Именно из Уты прилетел недавно на самолете полковник Долгов, — доложил я Захарову, выдвигая вперед Долгова. И он доложил:

— Я не смог вручить проект приказа командующему фронтом, так как не нашел его. Из-за поломки самолета мне пришлось в одном из селений восточнее Десны задержаться и заночевать. А когда я прилетел на следующий день в Вздружное, где прежде размещался КП 3-й армии, его там уже не было. У Десны шла оживленная перестрелка из всех видов оружия. Один из встретившихся мне командиров дал совет перелететь в селение Уту, куда якобы переместился КП армии. Только я приземлился у Уты, как там разгорелся жаркий бой. Мы спрятали самолет в рощицу за деревней и затаились там. Вскоре наступили сумерки. Я решил дожидаться рассвета. С наступлением темноты на мостовой переправе через Десну, поблизости от деревни Уты, продолжительное время слышался шум моторов. А в скором времени восточнее реки завязалась перестрелка. Бой разгорался все сильнее и сильнее. Перед рассветом мы услышали огромной силы взрыв, а потом стало тише. Как только занялся рассвет, мы вытянули самолет на поляну. С большим трудом нам удалось взлететь. И вот я, не выполнив задачи, полетел в Белев.

Захаров довольно спокойно выслушал Долгова, а потом сказал:

— Хорошо, что вас не захватили немцы. По-видимому, вам удалось увидеть переправу через Десну аррьергардных частей 3-й армии. Взрывал же переправу через Десну, а может быть плотину, вероятно, паш ПОЗ. Сейчас начнется совещание, и вы как исполняющий обязанности начальника оперативного отдела будете на нем присутствовать.

— А полковник Аргунов? — с недоумением спросил Долгов.

¹⁴ Г. Гудериан Указ соч., стр. 226--227

— Одна из вражеских группировок нацелилась от Жиздры к Белеву, — показал по карте Захаров. — Для отражения этой группировки мы на подступах к Белеву создали из различных частей, в том числе дивизиона новых РС, Белевский боевой участок. Начальником его назначили полковника Аргунова.

В комнату Захарова вскоре пришли три члена Военного совета фронта, командующий ВВС, начальник тыла фронта, начальники фронтовых управлений. Генерал Захаров, стоя перед большой картой с нанесенной обстановкой, сообщил собравшимся те скудные данные, которые имелись о прорывающихся из окружения армиях Брянского фронта. Рассказал также, как выходят из окружения войска соседних фронтов. Информировал, что в тот день Резервный фронт влился в Западный, а в командование им вступил Г. К. Жуков. Под конец Захаров объявил такую новость:

— По решению Ставки наше фронтовое управление перебрасывается из Белева на курское направление — в г. Щигры. Во-первых, для того, чтобы предоставить нам возможность самим управлять армиями при прорыве их из окружения. Я надеюсь, что Дубовко сможет из района Щигры связаться своими рациями со штабами армий. А во-вторых, по-видимому, из опасения, что в Белеве может повториться внезапный налет мехчастей противника на наш штаб. В Щигры поедем по железной дороге через Горбачево, Касторное. Завтра на ст. Арсеньеве для нас подадут эшелоны. Во время нашего переезда связь с армиями фронта Генеральный штаб берет на себя. Организацию переезда ПВО при погрузке и в пути возлагаю на вас, — обратился ко мне Захаров.

Во второй половине дня нам из Москвы сообщили, что 13-я армия продолжает пробиваться на юг и ведет бой у шоссе Севск—Глухов.

— Почему Городнянский до сих пор пробивается все к югу? — спрашивал, рассматривая карту, Пономаренко, который в то время принимал активное участие в работах фронтового управления.

— Когда же его армия повернет к Фатежу?

— Как перейдет шоссе, так и повернет на восток к р. Свапе, — пояснил Захаров. — А за южным участком этой реки стоят части группы Ермакова. Его войска хотя и поредели, но боеспособность не потеряли. Он окажет помощь армии при прорыве к Свапе. С таким приказанием в группу полетел на самолете наш делегат. Я не сомневаюсь, что через какую-нибудь часть группы Ермакова это приказание дойдет до него.

В тот день ударная группировка 13-й армии вела тяжелые бои с частями противника, оборонявшими шоссе Севск—Глухов, у дер. Познятока и Веселая Калина. Во время штурма последней генерал-майор С. С. Бирюзов был ранен. В своих воспоминаниях он пишет:

«К вечеру мы окончательно выбили немцев из Веселой Калины. Жалкие остатки их гарнизона бежали в юго-западном направлении, оставив на месте боя несколько десятков транспортных машин, мо-

тоциклов и большое количество оружия. Но и наши потери оказались немалыми. Смертью храбрых пали в этом бою многие бойцы и командиры, в том числе замечательный командир батальона старший лейтенант Артинцев, политруки рот Гарин, Слинько, Гайскан»¹⁵.

11 октября все армии Брянского фронта, в том числе и 3-я продолжали успешно пробиваться на своих направлениях. Однако на встречу 50-й армии, на рубеж Хвостовичи—Карачев, уже выдвигались войска Гудериана, в том числе одна танковая дивизия. А против 3-й армии на рубеж Навля—Локоть вышли главные силы 47-го моторизованного корпуса.

Ожесточенные бои развернулись в тот день и в районе Мценска. 1-й гвардейский стрелковый корпус атаковал 4-ю танковую дивизию Гудериана и нанес ей большой урон. Генерал Лелюшенко рассказывает в своих воспоминаниях: «В боях за Мценск мы уничтожили до 60 танков, около 30 орудий и до полка пехоты»¹⁶. Здесь особенно отличились танкисты танковых бригад полковника М. Е. Катукова и подполковника В. А. Бондаря, а также воины прибывшей из-под Ленинграда 6-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора К. И. Петрова.

Бой в районе Мценска оставил тягостное впечатление у Гудериана: «11 октября в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска, северо-восточнее Орла, развернулись ожесточенные бои местного значения, в которые втянулась 4-я танковая дивизия. Однако из-за распутицы она не могла получить достаточной поддержки. В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех»¹⁷.

11 октября генерал Лелюшенко был отозван в Москву и передал командование корпусом генералу А. В. Куркинсу. В этот день эшелоны с фронтовым управлением Брянского фронта двинулись к Щиграм. Стояла пасмурная холодная погода. Моросил дождь, перешедший к ночи в мокрый снег. Настроение у всех нас в вагоне командования было также сумрачное. Разговаривали вполголоса и почти исключительно о тяжелой обстановке, в которую попали войска фронта. Самокритично разбирали свои промахи и обсуждали мероприятия, которые могли бы улучшить положение.

— Нас, бездельников, и кормить-то не следовало бы, — вполголоса ворчал Рейтер. — Армиями вместо нас руководит Генеральный штаб, а мы наподобие туристов разъезжаем в тылу фронтовой полосы в поездах.

— Как только приедем в Щигры, сразу примемся организовывать оборону на тыловом рубеже фронта, — заверил его Захаров. — Туда и будут пробиваться наши войска из окружения.

¹⁵ Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 60—61

¹⁶ «Военно-исторический журнал», 1960, № 12, стр. 44.

¹⁷ Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 227—228.

— А где столько войск наберем? — усомнился Пигурнов.

— Мы совместно с членами Военного совета прикидывали и так и эдак и остановились на таком варианте, — ответил Захаров, жестом приглашая нас к разложенной у него на столе карте. — Правофланговый участок тылового рубежа Белев—Мценск у нас обороняют отряд Аргунова и гвардейский корпус Мелющенко. Сюда будет отходить армия Петрова. А на левофланговом участке — по рекам Свапа и Сейм, между Дмитриев-Льговским и Рыльском, стоит группа Ермакова. Выходящие на нее войска Городнянского направятся к Фатежу и расположатся на участке от Понырей до левого фланга войск Ермакова.

— Но сейчас на этом участке ведь никаких наших войск нет, — с заметным раздражением указал на карту генерал Дмитриев. — Противник не будет откладывать наступление до выхода туда 13-й армии.

— На нем стоят слабые части Курского боевого участка, которые мы усилим, и образуем боевой участок № 2, — возразил Захаров. — Начальником участка назначаем, как вы знаете, вас. Участок между Змиевкой и Понырями будет боевым участком № 1. Начальником его ставим полковника Долгова. К этому участку будет пробиваться армия Крейзера. Войска для создания и усиления этих двух боевых участков — по железной дороге, автотранспортом, на подводах и пешим порядком — уже направлены. Конечно, это не гвардейские дивизии и не танковые бригады. На участки идут фронтовые и армейские запасные полки, курскантские отряды, разного рода саперные, дорожные и тыловые части. Группа управления каждого начальника участка будет состоять из сотрудников всех отделов штаба и фронтовых управлений, в том числе и политического управления.

— От управления тыла при начальниках участков будут тыловые группы с запасами обмундирования, белья и продовольствия на грузовых машинах, — объявил Рейтер. — Ведь одна из главных задач участков — встреча и устройство выходящих из окружения войск. Надо только наладить с участками надежную связь.

— Начальники участков будут иметь проводную и радиосвязь с КП фронта и своими частями, — ответил Дубовко. — Узлы связи участков перейдут потом в распоряжение штабов выходящих из окружения армий.

Как только эшелон штаба фронта прибыл в Касторное, Захаров тут же на станции провел совещание с начальниками боевых участков и с их группами управления. А затем им придали транспорт, охрану, и они уехали на свои участки. В своих воспоминаниях полковник Долгов пишет, что его «боевой участок простирался по фронту до 110 км. День ото дня число разного рода частей и отрядов увеличивалось. В состав войск участка вошли также моторизованный отряд НКВД и сформированные райкомами партии в тыловой полосе участка добровольческие истребительные батальоны из местных патриотов. И все же оборона — из-за недостаточности

сил — была организована только на более важных направлениях».

Утром 13 октября первый эшелон штаба фронта и фронтовых управлений обосновался в Щиграх, а второй эшелон остался в Касторном. Из армейских радиogramм мы узнали, что к этому времени 50-я армия пробилась к р. Гессета, а 3-я и 13-я армии ведут кровопролитные тяжелые бои с превосходящими силами противника. Первая на рубеже Навля, Локоть, а вторая — в районе Хомутовка. Городнянский настойчиво просил Генеральный и фронтовой штабы подать ему самолетами горючее, так как и танки и машины почти совсем горючего не имеют. Несколько позже генерал Захаров получил от Шапошникова известие, что А. И. Еременко ранен осколком авиационной бомбы и находится на КП 3-й армии. Ставка приказывала немедленно вывезти Еременко в Москву.

Как мы узнали позже, ранение Еременко произошло во время боя в районе Борщево. Ударная группировка 3-й армии в составе 137-й и 269-й стрелковых дивизий и 42-й танковой бригады пробились с утра 13 октября проход для войск армии в кольцо окружения противника. А. И. Еременко находился в это время поблизости от КП 3-й армии, попал под бомбежку немецких самолетов и осколками бомбы был ранен.

В книге «В начале войны» А. И. Еременко рассказывает об этом так:

«К 10 часам утра я с группой офицеров вновь вернулся на передовые командные пункты дивизий, части которых развивали наступление. Сначала я побывал на КП 137-й дивизии. Этой дивизией командовал замечательный командир И. Т. Гришин. После этого я снова поехал на КП 269-й стрелковой дивизии, который располагался у дома лесника. Здесь же недалеко, в лесу разместился и КП 3-й армии, на котором были командарм Я. Г. Крейзер, член Военного совета Ф. И. Шеклаков и начальник штаба А. С. Жадов. Они уверенно руководили своими войсками. Спустя 20 минут после того, как мы сюда приехали, появились пикировщики врага и начали бомбить КП дивизии и боевые порядки артиллерии, которая недалеко занимала огневые позиции. Здесь я был ранен в правую ногу и в правое плечо несколькими осколками авиационной бомбы»¹⁸.

Организация вывоза Еременко была возложена на командующего ВВС фронта Ф. П. Польшина. После нескольких неудачных попыток самолет По-2, в который был посажен Андрей Иванович, перелетел в ночь с 13 на 14 октября фронт и перед рассветом сделал вынужденную посадку в Иваньковском районе Тульской области. Утром 14 октября из Москвы пришла санитарная машина с врачом и увезла его в Москву в Центральный военный госпиталь.

Из воспоминаний Гудермана мы узнали, какие мощные силы противостояли группировке Крейзера:

¹⁸ А. И. Еременко В начале войны. М., стр. 360—361.

«13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщеву. Для усиления 47-го танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой дивизии и 10-й мотодивизии 24-го танкового корпуса (с тульского направления! — Л. С). Несмотря на эту помощь и ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5 тысяч человек удалось прорваться и достичь района Дмитровка (Дмитровск-Орловский)»¹⁹.

С 14 октября генерал-майор Г. Ф. Захаров стал исполнять обязанности командующего Брянским фронтом, а я — начальника штаба фронта. В последующие дни 50-я армия, форсировав с боем р. Рессета и встретив там сильное сопротивление противника, переменила направление действий и устремилась к Белеву. В то же время 3-я армия с тяжелыми боями пробивалась к Дмитровск-Орловскому. 13-й армии горючее воздушным транспортом было доставлено. Однако недостаток в самолетах не дал возможности перебросить достаточное количество горючего, да и не все сброшенное попало по назначению. Между тем в армии Городнянского создавалась в то время особенно тяжелая обстановка. 48-й моторизованный корпус Гудериана перехватил пути к р. Свапе и на ряде участков оттеснил части группы Ермакова восточнее реки. Член Военного совета М. А. Козлов вспоминает: «Противник, разгадав направление нашего прорыва, организовал сплывную оборону вдоль дороги Рыльск—Дмитриев. К этому времени непрерывный дождь с мокрым снегом сделал дорогу непроходимой. И тут, к несчастью, кончилось горючее. По нашему запросу нам начали сбрасывать горючее на парашютах, но его было мало, — в условиях бездорожья оно быстро расходовалось. Почти весь автотранспорт, сосредоточенный в одном месте, стоял с пустыми баками. Противник, несомненно, это знал и, подтянув силы, начал наступать. На моих глазах наши спаренные пулеметные установки с машин открыли шквальный огонь по врагу, и он, оставив на поле боя убитых, отхлынул назад. Ну, а что же дальше? Ведь не было никакой возможности спасти автотранспорт. После всестороннего анализа сложившейся обстановки и тяжелых раздумий Военный совет 17 октября принял решение уничтожить автотранспорт и другое имущество, чтобы его не использовал враг. Моторы автомобилей простреливались бронебойными пулями, а сами машины пускали под откос в глубокий овраг. Артиллеристы гаубичного полка, вышустив все снаряды по скоплениям противника, последним выстрелом приводили орудия в негодность (в канал ствола сыпали песок). Все это делалось с болью в сердце. Утешало одно: враг ничем уже не воспользуется. Кроме того, по акту были уничтожены возимые рации, документы и деньги финансового отдела армии. Артиллеристы, связисты, танкисты, шоферы, вооружившись выптовками, превратились в пехоту. В час ночи 17 октября наши части прорвали оборону немцев на дороге Рыльск—Дмитриев, а не-

¹⁹ Г. Гудериан Указ соч., стр. 230

мецкий автотранспорт, который тоже стоял из-за бездорожья, был уничтожен»²⁰.

Еще тяжелее сложилось в те дни положение в 3-й армии. Она была самой малочисленной и слабой среди других армий. Между тем путь ей преграждали самые сильные войска Гудериана. К тому же пробивалась она от Дмитровск-Орловского на восток в трудно проходимой лесисто-болотистой местности. С боевой техникой и автотранспортом командованию армии пришлось поступить таким же образом, как и в 13-й армии. В результате с 17 октября радиосвязь с армиями Крейзера и Городианского прекратилась.

Начиная с этого дня на наши боевые участки и к частям группы Ермакова стали пробиваться из окружения части и подразделения 3-й и 13-й армий. Утром 17-го я доложил Захарову, что к Фатежу сосредотачиваются моторизованные части противника.

— Пусть начальники боевых участков наскребут кое-какие силы, в том числе и резервы, и сосредоточат их на стыке у Фатежа, — распорядился Захаров. — А с наступлением темноты внезапно атакуют противника, узнают его намерения и помогут выходить нашим войскам из окружения.

В ночь с 17 на 18 октября войны боевых участков под командованием полковника Долгова и генерала Дмитриева так и сделали: нанесли противнику значительные потери, уничтожили много машин и захватили пленных. Они показали, что к Фатежу выдвигается 48-й моторизованный корпус, который имеет задачу наступать на Курск. Гудериан подтверждает это в своих воспоминаниях: «Противник предпринимал контратаки в районе Фатежа... 48-й танковый корпус совместно с частями 18-й танковой дивизии... занял Фатеж и готовился к наступлению на Курск с северо-запада; в это время 34-й корпус должен был наступать на Курск с запада, имея задачей уничтожить действовавшую в этом районе сильную группировку русских войск под командованием генерала Ефремова²¹ и тем самым ликвидировать постоянную угрозу нашему правому флангу»²². Партийные и советские руководители Курской области спешно проводили эвакуацию.

После прихода в Щигры Военный совет фронта предпринял чрезвычайные меры к предстоящему восстановлению армий фронта.

Во всех войсках — железнодорожных, дорожных, связи, разного рода специальных и тыловых частях и учреждениях фронтовой полосы работали смешанные комиссии. Их задача заключалась в формировании запасных частей, создаваемых из командного и красноармейского состава, без которого часть или учреждение могло обойтись или который можно было заменить женщинами. Значительная доля вооружения, боеприпасов, инженерного имущества, имущества связи, транспорта, кухни, обмундирования передавалась из этих

²⁰ «Военно-исторический журнал», 1964, № 5, стр. 55—56.

²¹ Ермакова.

²² Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 230—231.

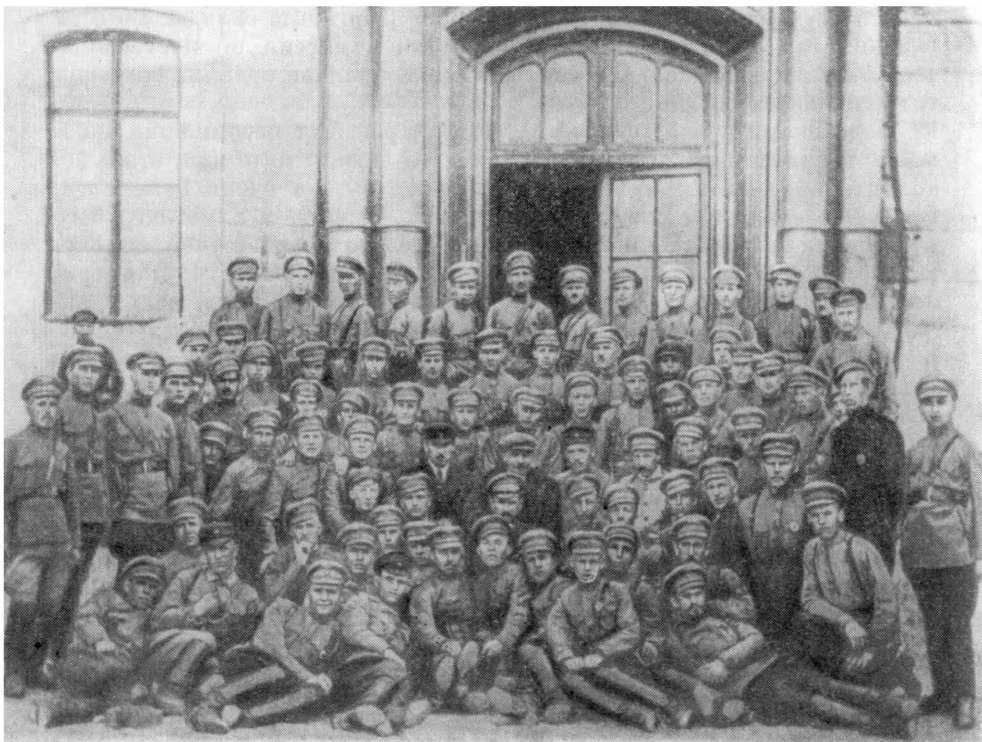
частей и учреждений в соответствующие фронтовые склады. Во всех военкоматах фронтовой полосы работали комиссии по переосвидетельствованию запасников, призыву новобранцев, занимались они и поставкой конского состава.

Надо сказать, что генерал Г. Ф. Захаров был несомненно знающим, талантливым воспитателем. Но после того как стал исполнять обязанности командующего фронтом, он очень изменился. Все чаще стала проявляться первозность, бывали и случаи грубого отношения к подчиненным. Конечно, все это до известной степени можно было объяснить тяжелой обстановкой на фронте. Резко отрицательные черты характера вынудили членов Военного совета, начальника политуправления А. П. Пигурнова и меня вынести вопрос о поведении командующего на специальное совещание Военного совета фронта. После единодушного осуждения поступков Захарова, он, казалось, осознал свою вину и дал обещание исправиться, быть более внимательным к подчиненным. По окончании совещания Петр Иванович Мазенов пашомнил, каким был внимательным к людям, вне зависимости от их положения, В. И. Ленин. Он рассказал нам:

«Я имел счастье быть курсантом Кремлевских курсов. В те далекие дни мы обучались на курсах и в то же время бдительно охраняли стены любимого Кремля и дорогую жизнь Владимира Ильича. Мне часто, очень часто вспоминается один очень интересный эпизод. Май 1920 г. Кремль и площадь в Кремле, залитая солнцем. Парад выпускников Кремлевских курсов — в присутствии Владимира Ильича. Напутствие товарища Ленина нам, выпускникам, отправляющимся на фронт против белополяков. Затем Владимир Ильич на память сфотографировался с нами. В тот незабываемый день мы только и жили одной большой радостью: получить дорогую для каждого из нас фотографию с Ильичем. А на другой день, к большому огорчению, мы узнали, что фотография из-за плохого негатива не получилась. Шла гражданская война, три четверти территории Советской России было оккупировано интервентами, товарищ Ленин был чрезвычайно занят. И все же, когда Владимир Ильич узнал, что снимок испорчен и мы все страшно огорчены, он, несмотря на занятость, нашел время переснять с нами! Вот эта фотография, я ее всегда ношу с собой, — закончил рассказ Мазенов и показал нам фотоснимок»²³.

21—23 октября прорвались из окружения основные силы всех трех армий. Лучшей других сохранилась при выходе 50-я армия. Правда, она была самой мощной армией фронта, а преграждали путь ей меньшие силы, чем другим армиям. Ударом на Белев она смяла вражеские части, прорвалась сквозь них и, переправившись в районе Белева через Оку, перешла за рекой к обороне. Армия вышла в составе восьми стрелковых и кавалерийской дивизий и танковой

²³ П. И. Мазенов, ныне генерал в отставке, член Союза художников. Живет в Ленинграде. В 1966 г. он подробно рассказывал по телевидению о встрече с В. И. Лениным и показывал фотографию.

В. И. Ленин в группе выпускников Кремлевских пулеметных курсов.
Май 1920 г.

бригады. Войска армии нанесли большие потери противнику, но и сами вышли обессиленными, поредевшими. Большинство дивизий перешло Оку в составе 2—3 тысяч человек. У некоторых дивизий вместо артиллерийских полков остались артиллерийские дивизионы. В ожесточенных боях при выходе из окружения пали на поле боя командующий армией Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров и член Военного совета бригадный комиссар Н. А. Шляпин. Неизмеримо велика была их личная роль в организации прорыва армии из вражеского кольца. В командование 50-й армией вступил генерал-майор А. Н. Ермаков, а начальником штаба стал полковник Н. Е. Аргунов. Его отряд вошел в 50-ю армию.

На 3-ю армию — самую малую по составу армию Брянского фронта — павалилось более половины армии Гудермана. И все же ослабевшим, малочисленным дивизиям Крейзера удалось пробить кольцо вражеского окружения и выйти к боевым участкам № 1 и 2.

К участку полковника Долгова вышла значительная группа 3-й армии во главе с генералом Жадовым. А на правый фланг участка генерала Дмитриева пробилась соединившиеся остатки дивизий 3-й армии в составе около 3 тысяч человек с личным оружием. Возглавлял их генерал Крэйсер. Армия стала перемещаться на рубеж севернее и южнее Поньрей и приводить себя в порядок.

13-я армия прорвалась через р. Свапу к частям группы Ермакова и с их помощью вышла в район Фатежа. Как и в каком составе вышла из окружения 13-я армия, рассказывает М. А. Козлов:

«Промокшие, истощенные от недоедания, ведя бои днем и ночью... воины 13-й армии вышли из окружения в составе 10 тысяч человек, все с винтовками, при 32 станковых и 34 ручных пулеметах, со 130 автоматами ППШ и 11 пушками. Все коммунисты имели при себе партийные билеты. Те, кто не смог выйти (раненые, больные), оставшись на юге Брянских лесов, вскоре организовались в партизанские отряды.»²⁴ После выхода из окружения командование 13-й армии было принято в штабе фронта.

Бесспорно, что войска Брянского фронта, пробиваясь из окружения, понесли огромные потери, особенно в боевой технике. Но зато те же войска Брянского фронта с 28 сентября по 22 октября притянули на себя почти всю танковую армию Гудериана и 2-ю полевую армию и нанесли им огромный урон в людях и боевой технике. Конечно, очень большую роль сыграл в боях под Орлом и Мценском корпус генерала Лелюшенко. После сражения с войсками Брянского фронта, в том числе и с корпусом генерала Лелюшенко, 2-я немецкая танковая армия возобновила наступление настолько обессилена, что в ее способность к выполнению больших задач уже не верил и сам Гудериан.

2. Под стенами Тулы

К исходу третьей недели октября зловещие черные тучи над нашей Родиной еще более сгустились. Пламя войны достигло ближних подступов к нашей столице. Войска Западного фронта, изнемогая в тяжелых оборонительных сражениях, вели кровопролитные бои за Волоколамск, Можайск, Нарофоминск и западнее Серпухова. В это же время на Украине обессилена войска Юго-Западного фронта отчаянно дрались с немецко-фашистскими полчищами у Харькова и Белгорода. Из-за глубокого прорыва вражеских войск к Москве и Харькову на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов образовался значительных размеров выгнутый к западу Львовский выступ. Чтобы избежать надвигавшегося окружения наших войск в районе Курска, спрямить фронт и создать за счет этого фронтовые резервы, Ставка разрешила командование Брянского

²⁴ «Военно-исторический журнал», 1964, № 5, стр. 57.

фронта отвести вышедшие из окружения армии на линию Богучарово, Ефремов, Верховье, Тим. На этой линии армии должны были организовывать оборону и в недельный срок восстановить соединения. Отвод армий решено было производить под прикрытием войск боевых участков, гвардейского корпуса и бывшей группы Ермакова.

Вступившему в командование 50-й армии генералу Ермакову была поставлена задача отвести армию на рубеж Богучарово, Плавск и прочно прикрыть подступы к Туле. Для непосредственной обороны города был создан Тульский боевой участок.

Генералу Крейзеру было приказано отвести войска армии на рубеж Ефремов, Верховье, организовать там оборону и одновременно в быстрых темпах восстановить армию. А генерал Городнянский перемещал свои и группы Ермакова войска по железной дороге, автомобильным и конным транспортом и пешком в район Щигры. Оттуда войска начали выходить для обороны рубежа Ливны, Тим. Штаб фронта, управление тыла и другие управления прилагали все усилия, чтобы быстрее восстановить армии, укомплектовать их всем необходимым.

Вечером 22 октября, на десятый день пребывания фронтового управления в Щиграх, генерал Захаров решил провести совещание Военного совета фронта по оперативным вопросам, по типу совещаний, проводившихся прежде генералом Еременко. Совещание было многочленным. Проводили его в самом большом зале средней школы, помещении которой занимал штаб фронта. Несмотря на грозную обстановку, в зале царил оживление, настроение у всех было приподнятое. И это как обычно. Ведь теперь, после полумесячного перерыва, командовали и штаб фронта опять управляли не эфемерными, а настоящими армиями. Как и раньше, штаб фронта был непосредственно связан с армиями всеми видами связи. Участники совещания были проникнуты единой мыслью: пусть армии вышли из окружения очень слабыми, но мы способны поставить их на ноги и поставим!

Начальник разведки Кочетков перед совещанием получил достаточно широкую информацию о противнике в штабах вышедших из окружения армий и в 1-м особом гвардейском стрелковом корпусе.

— По всем данным, Гудерман начал стягивать свою армию к Мценску для удара на Тулу. — докладывал он, стоя перед картой. — Сегодня его усиленная 4-я танковая дивизия пыталась пробиться из Мценска на Тульское шоссе. Но гвардейцы опять отразили нападение вражеских частей и отбросили их за р. Зуша. Сегодня наша авиаразведка обнаружила сосредоточение северо-западнее Мценска еще одной танковой дивизии, а в Орле — мотодивизии.

По показаниям пленных, 47-й моторизованный корпус выдвигается с запада к Орлу, а 48-й моторизованный корпус подтягивается к Фатежу для удара на Курск.

В роли начальника оперативного отдела впервые выступал полковник М. В. Ивашечкин, назначенный на эту должность вместо

Аргунова. Он детализировал процесс отвода армий на новые рубежи, говорил о включении в состав 50-й армии Ермакова 31-й кавалерийской дивизии, прибывшей из Козельска.

— Все мы считаем, что не сегодня, так завтра противник развернет наступление на Тулу, — задумавшись, произнес Захаров. — Создали там Тульский боевой участок, а войск в его составе нет. Прикажем Ермакову послать эту кавдивизию к Туле.

— Кавалерийская дивизия генерала Калмыкова в 13-й армии остановила на своем оборонительном рубеже части Гудериана, — Ивашечкин уловил скептическое отношение участников совещания к посылке в Тулу конницы.

— Надо послать в Тулу и 108-ю танковую дивизию, которую Рейтер привел в Белев, — предложил я.

— У командира дивизии полковника Иванова исправных танков в дивизии нет, — дал справку Рейтер.

— В Туле исправят, — возразил Захаров, ухватившись за мое предложение. — Зато Иванов на автомашинах быстро перебросит туда дивизию. Именно его и надо назначить начальником гарнизона Тулы. Как там есть специальные войска? — задал вопрос Захаров.

— В Туле сосредоточились 447-й корпусной артиллерийский дивизион реактивной артиллерии М-13, — сообщил полковник Самсонов. — На станции Тула стоят два бронепоезда, один из них неисправный. Есть еще полк ПВО с новыми 85-миллиметровыми зенитками, но он подчинен Москве.

После совещания Военный совет фронта обратился в Ставку с просьбой усилить Тулу свежими войсками, в первую очередь противотанковой артиллерией и танковыми частями.

Противник не дал нам времени для выполнения намеченных задач. Утром 23 октября из района Мценска Гудериан повел наступление всеми дивизиями 24-го моторизованного корпуса. Наступление поддерживалось большим числом самолетов армейской авиации и авиацией группы армий «Центр». Главный удар нанесла сосредоточенная северо-западнее Мценска 3-я танковая дивизия. Ей были переданы, как указывает Гудериан, и сохранившиеся в небольшом числе танки 4-й танковой дивизии.

К середине дня генерал Ермаков донес о тяжелых боях гвардейского корпуса в районе Мценска и об опасном положении, создавшемся для армии и Тулы.

Генерал Захаров ответил ему приказанием:

— Отводите как можно быстрее армию за р. Плаву и становитесь там в оборону. Непосредственно в Тулу направьте форсированным маршем одну-две стрелковые и одну кавалерийскую дивизии.

Поскольку проводная и радиосвязь штаба фронта с гвардейским корпусом прервалась, я послал туда на самолете одного из командиров оперативного отдела.

По-видимому, в тот день противник обнаружил начавшийся отвод войск фронта и решил боем проверить это. Создал две неболь-

шие ударные группировки и неожиданным штурмом овладел на правом крыле фронта г. Белев, а на левом — г. Фатеж.

К вечеру 24 октября из района Мценска возвратился на самолете наш делегат. Плохие новости доложил он Захарову:

— Тяжесть удара противника легла в основном на плечи 6-й гвардейской стрелковой дивизии и 11-й танковой бригады. Главным образом они в течение двух суток сдерживают натиск в несколько раз превосходящие их силы противника. Нанесли им значительный урон в людях и боевой технике, особенно в танках. Но и сами понесли очень большие потери. Сегодня пал на поле боя командир танковой бригады подполковник В. А. Бондарь. В общем наши войска под Мценском поредели и едва ли продержатся до завтрашнего утра.

Захаров доложил о положении под Мценском в Ставку. Одновременно он просил ускорить выдвижение в Тулу резервов и разрешить для удобства управления войсками тульского направления переместить штаб фронта в Елец. Оттуда ответили, что свежие войска в Тулу направляются, перемещение КП санкционируют.

Утром 25 октября противнику ударом во фланг с северо-запада удалось прорвать оборону наших войск за р. Зуша и выбросить по шоссе на Тулу танки и моторизованные части. К сожалению, войска 50-й армии еще только вышли за р. Плава в районе Плавска и не успели как следует организовать оборону. К этому времени гвардейский корпус прекратил свое существование. Командир корпуса Лелюшенко уже командовал 5-й армией под Москвой. Компссар корпуса К. Л. Сорокин получил назначение членом Военного совета 50-й армии. Некоторые части отведены на переформирование. 6-ю гвардейскую стрелковую дивизию с 11-й танковой бригадой приказано было включить в 50-ю армию.

На других направлениях в те дни войска фронта выполняли намеченные задачи. 3-я и 13-я армии отводили войска на тыловые рубежи и одновременно укомплектовывали свои соединения. Штаб фронта вечером 25 октября переехал по железной дороге из г. Щигры в Елец.

25 и 26 октября войска 50-й армии мужественно отражали в районе Плавска непрерывные атаки двух танковых и одной моторизованной дивизии армии Гудериана. Все вражеские атаки подерживались пикирующими бомбардировщиками. От огня нашей артиллерии, ударов по вражеским танкам истребительных противотанковых отрядов и от миш враг понес большой урон. На берегах р. Плава безжизненно стояло свыше 40 черных обгоревших немецких танков. Для обороны Тулы генерал Ермаков направил форсированным маршем 154-ю и 290-ю стрелковые и 31-ю кавалерийскую дивизии. К середине дня 26 октября Гудериан отказался от фронтальных атак на Плавск. А в ночь на 27 октября его танковые дивизии обошли город с флангов и утром форсировали реку. С трудом сдерживая вражеские части, войска 50-й армии стали медленно, от рубежа к рубежу, отходить к Туле. Накануне 108-я танковая ди-

визия пришла в Тулу и стала в оборону на южной окраине города. Командир дивизии полковник С. И. Иванов вступил в должность пачальника гарнизона. К вечеру 28 октября танковая дивизия Гудермана достигла селения Писарево, в 30 км южнее Тулы. В то же время разведывательные группы левофлангового армейского корпуса танковой армии подошли к Одесву. С утра 29 октября 3-я танковая дивизия завязала бои у Косой Горы с выброшенной туда из Плавска 154-й стрелковой и 31-й кавалерийской дивизиями. Разведывательные группы наступающего справа 47-го моторизованного корпуса подходили к железной дороге Тула—Елец. В середине дня штаб 50-й армии без разрешения штаба фронта отошел от Тулы на 8 км к северо-востоку и потерял проволочную связь со штабом фронта и своими соединениями. Краткие радиogramмы из армии не вносили штабу фронта ясности в обстановке.

В особо памятный для меня день, 30 октября, генерал Захаров и я были вызваны Москвой на переговорную узла связи штаба фронта в Ельце. От имени Ставки А. М. Василевский потребовал доложить обстановку под Тулой.

— Судя по отрывочным радиogramмам, сегодня утром противник начал штурм Тулы, но истинной обстановки не знает ни штаб фронта, ни штаб 50-й армии, — откровенно признались мы.

После продолжительной паузы на телеграфной ленте слово за словом появляется следующее:

— По докладу секретаря Тульского обкома В. Г. Жаворонкова, противник прорвался к южной окраине Тулы. Генерал Ермаков со штабом армии отошел за город. В помощь войскам, удерживающим Тулу, выдвинуты в первую линию обороны рабочие части, войска НКВД и милиция. Немедленно вышлите в Тулу начальника штаба фронта с начальниками родов войск фронта для помощи в организации обороны Тулы. Ставка иыскивает дополнительные силы для усиления войск под Тулой.

За оборону Тулы отвечаете головой, — предупредил в заключении разговора А. М. Василевский.

— Сейчас я вместе с членами Военного совета намечу, кого с вами послать в Тулу, — предупредил меня Захаров. — А затем

А. М. Василевский

собирайте группу и немедленно выезжайте железнодорожной летучкой или дрезиной. Вместо вас здесь останется полковник Ивашечкин, а за комиссара штаба фронта — заместитель Кузнецова, полковой комиссар Петров.

И вот через два-три часа я с группой из 15 человек выехал на дрезине из Ельца в Тулу. Со мной поехали комиссар штаба фронта полковой комиссар В. Н. Кузнецов, начальник автобронетанкового управления полковник Е. Е. Кабанов, заместитель начальника инженерных войск фронта А. И. Прошляков, заместитель начальника связи фронта полковник А. Н. Литвиненко, заместители командующих артиллерией и противовоздушной обороной фронта. Поезда от Ельца до Узловой уже не ходили. Вражеские диверсанты и проравшиеся разведывательные дозоры дивизий Гудериана в нескольких местах подорвали путь. Во время следования нам приходилось самим передвигать на станциях путевые стрелки. На ряде участков дрезину переносили с одного пути на другой на руках. На пути от Узловой до Тулы навстречу нам шли эшелоны с эвакуированным имуществом. В Тулу приехали вечером. На станции и в городе было совершенно темно. Светомаскировка соблюдалась безупречно. Нас встретил начальник гарнизона Тулы полковник С. И. Иванов — командир 108-й танковой дивизии. Он привез нас к себе и подробно ознакомил с обстановкой под Тулой.

— Вчера днем дивизия Гудериана овладела поселком Косая Гора и к вечеру передовыми частями подошла к окраине Тулы, — показал он по карте. -- Южную и юго-западную окраины Тулы обороняли к тому времени лишь 260-я стрелковая и 108-я танковая дивизии. Надо сказать, что областной партийный комитет во главе с энергичным секретарем В. Г. Жаворонковым мобилизовали все население Тулы для организации обороны города. На окраинах города под руководством командования боевого участка возведен ряд оборонительных рубежей. Сам город, как вы увидите завтра, превращен в своеобразную крепость. Войска 50-й армии, предназначенные для обороны Тулы, подошли к городу только сегодня утром.

Надо признаться, что нам очень горько было слушать доклад Иванова о таком тяжелом положении под Тулой, ведь и мы в какой-то мере были повинны в этом.

— Решением городского комитета обороны, — продолжал начальник гарнизона, — вчера были переданы в состав Тульского боевого участка сформированный на днях Тульский рабочий полк, полк войск НКВД и отряд милиции. Вчера же вечером я поставил их на позиции. Вместе с подразделением 108-й танковой, а также 260-й и 290-й стрелковыми дивизиями они заняли подготовленный перед южной окраиной Тулы рубеж, перехватывающий въезды в город по Одоевскому, Орловскому и Воронежскому шоссе.

«Хорошо, что мы своевременно направили в Тулу 108-ю танковую дивизию и назначили ее командира начальником гарнизона Тулы», — думал я, смотря на этого энергичного и храброго командира.

В штабе Тульского боевого участка. Справа налево: Е. Е. Кабанов, Л. М. Сандалов, А. И. Прошляков, Н. И. Чмутов, В. С. Попов, В. Г. Жаворонков, К. Л. Сорокин

— А кто же и как поддерживал бои защитников Тулы? — спросил я.

— Позади наших дивизий и рабочего полка на борьбу с танками противника выставил свои 85-миллиметровые зенитные орудия зенитно-артиллерийский полк ПВО. Две батареи и часть зенитных пулеметов он оставил для противовоздушной обороны. Артиллерийская поддержка обороняющихся частей возложена на армейский артиллерийский полк и бронепоезд. Вот какие войска приняли на себя сегодня утром удар передовых танковых дивизий 2-й немецкой танковой армии.

— Если бы Гудериан знал, какие силы отражали штурм Тулы! — произнес я, обращаясь ко всей группе. — А где же посланные Ермаковым к Туле войска?

— Выброшенные к Туле войска 50-й армии вышли к южной окраине города и примкнули к флангам обороняющихся частей лишь к середине дня, — пояснял Иванов, показывая на карте. — С тех пор фронт стал сплошным. К середине дня рабочий полк был несколько потеснен, но на помощь подошли сначала стрелковый полк майора Зубкова, а затем 258-я стрелковая дивизия комбрига К. П. Трубникова. Все последующие вражеские атаки в тот день

были отбиты. Войска Тульского боевого участка вместе с рабочим полком нанесли противнику большие потери, уничтожили много фашистских танков, но и у самих защитников Тулы много жертв.

— А кто командует боевым участком? — спросил я.

— В командование Тульским боевым участком вступил заместитель командующего 50-й армией генерал-майор Попов, — ответил Иванов. — По существу теперь он и начальник гарнизона Тулы, а я его заместитель.

— Как хорошо, что оборону Тулы возглавил такой опытный и способный командир, — обрадовался я, и, обращаясь ко всей группе, пояснил: — Ведь мы с Василием Степановичем Поповым отлично знаем друг друга. Нам довелось вместе сражаться под Брестом в начале войны. Он был тогда командиром стрелкового корпуса, а я — начальником штаба 4-й армии. А затем вместе в составе этой армии отходили с боями от Буга до Днестра.

Тотчас же со всей группой я поехал к генералу Попову. В те дни он со штабом участка занимал домик Зареченского райкома партии Тулы.

— Опять вместе и опять против Гудериана, — такими словами встретил он меня.

— Но отступать дальше нельзя, — возразил я. — За Тулу мы отвечаем головой.

Рассказывая о событиях дня, генерал Попов отметил:

— В боях за Тулу огромную, пожалуй решающую, роль сыграл сегодня зенитно-артиллерийский полк полковника М. Т. Бондаренко. Орудия и батареи полка метко разили немецкие танки. Особенно отличился выставленный на Орловском шоссе заслон из двух зенитных орудий, подбивших 14 вражеских танков. Командир заслона лейтенант Г. М. Волнянский геройски погиб в бою¹. Всего за сегодняшний день зенитчики уничтожили более 50 танков.

— Завтра Гудериан, несомненно, будет наращивать удар на Тулу, и встретить его надо более организованно, чем сегодня, — подчеркнул я.

— В течение полуночи из отошедших в Тулу войск ставлю на позиции две стрелковые дивизии и один усиленный стрелковый полк, — ответил Попов. — Поставил на позиции два дивизиона «РС».

— Под утро в Тулу придет из Владимира эшелон 32-й танковой бригады, — обрадовал я Попова, который сразу стал прикидывать, как ее лучше использовать.

Штаб боевого участка имел проволочную связь со своими войсками и со штабом армии, а лично у Попова остался армейский телефон ВЧ для переговоров с командующим фронтом и Москвой. Поэтому я со своей группой обосновался при штабе участка. Связался по телефону с Захаровым, доложил о прибытии, об обстановке под Тулой и на всем участке 50-й армии. Информировал его, что левофланговая армия Западного фронта ведет тяжелые бои

¹ Он посмертно награжден орденом Ленина.

в районе Серпухова. Сказал, что утром ожидаем новый удар на Тулу и просим поддержать наши войска авиацией.

— Все ВВС фронта будут завтра брошены для ударов по немецко-фашистским войскам, наступающим на Тулу, — заверил меня Захаров. — А послезавтра оборону Тулы поддержит ударом по правофланговым войскам Гудериана из района Теплое 3-я армия.

Рано утром 31 октября я и генерал Попов выехали на южную окраину Тулы. После двухдневных дождей воздух опять стал морозным. Многочисленные лужи и ручейки подернулись льдом.

Сначала мы поехали на передовой артиллерийский наблюдательный пункт армейского гаубичного полка, оборудованный на колокольне церкви в южной части города. В стенах церкви зияло несколько пробоин от вражеских снарядов.

В стереотрубу я видел выдвигавшиеся со стороны Косой Горы к Туле немецкие танковые колонны. Генерал Попов показал участки обороны полков и дивизий. В прозрачном утреннем воздухе с колокольни хорошо просматривалось даже простым глазом выдвижение к Туле вражеских войск.

Но вот по ним начала бить наша тяжелая артиллерия.

— Наш брестский арtpолк полковника Маврина мстит Гудериану за Брест, — обратил мое внимание Попов.

Затем появилась наша фронтовая авиация и стала бомбить скопления вражеских войск. Противник продолжал наступление. Траншеи наших войск в это время оставались как бы безжизненными. Бойцы затаились и готовились к отражению атаки врага. Вражеский артиллерийский обстрел НП заставил нас покинуть его. По опыту я знал, что крепкие стены церкви не пробиваются снарядами среднего калибра. Тем не менее находиться на содрогающейся под ударами снарядов колокольне невыносимо. Через несколько минут мы спустились вниз, а затем на машинах добрались до другого НП, оборудованного на здании старой тюрьмы. С большим трудом доехали мы туда, пробираясь через окраинные улицы города с глубокими рвами и баррикадами. Въезды в город оцетинились металлическими ежами. Здесь жители города вырыли несколько траншей, которые занимали теперь отошедшие к Туле войска.

Вскоре после переезда на новый КП мы увидели начало наиболее мощного в этот день танкового удара противника. Свернув с Орловского и Воронежского шоссе, вражеские танки в развернутом строю через поля и луга устремились на обороняющиеся войска. Почти на всех танках находились автоматчики, которые вблизи наших окопов сыривали с машин и шли вместе с танками в атаку. Атаке предшествовал сильный артиллерийский и минометный огонь. Однако самоотверженность, героизм наших бойцов и рабочих Тулы не дали вражеским войскам прорваться в город. На усиление частей, оборонявших город, был брошен прямо из эшелона танковый батальон 32-й танковой бригады.

Зенитчики вновь своим огнем закрыли пути вражеским танкам в Тулу. В тот день мне удалось увидеть у Орловского шоссе

стрельбу по танкам 85-миллиметровых зениток батареи лейтенанта Мпловидова. Фашистские танки в страхе метались под огнем зенитных орудий и один за другим вспыхивали, как свечи. Немало танков уничтожили наши пехотинцы и бойцы-рабочие, вооруженные противотанковыми ружьями, гранатами и бутылками с горючей смесью.

Больше трех часов продолжался вражеский штурм. К атакующим танковым дивизиям присоединились пехотные дивизии. И именно в этот момент генерал Попов дал сигнал для удара дивизионам «РС».

Надо сказать, что почти никто из нас еще не видел в действии этих новых реактивных минометов, которые позже стали называть «катюшами». Противник, конечно, ничего не знал о них. Хлынувший высоко через головы наших войск каскад ярких огненных мин, с грохотом разрывавшихся среди атакующих войск противника, буквально ошеломил их. Вражеская пехота в панике побежала назад, за ней стали отходить и танки.

Воспользовавшись наступившим относительным затишьем, я и Попов съездили в стрелковые дивизии генерал-майора К. П. Трубникова, генерал-майора Я. С. Фоканова, полковника Н. В. Рякина и полковника В. Д. Хохлова². Командиры доложили, что части дивизий успешно отразили вражеские атаки, но понесли значительные потери. Тем не менее людей и вооружения теперь было больше, чем вчера.

— Подходят с прежних оборонительных рубежей, — пояснил Попов.

— Почти все командиры подразделений и красноармейцы жалуются на нехватку противотанковых ружей и гранат, — подчеркнул присоединившийся к нам член Военного совета армии К. Л. Сорокин. Константин Леонтьевич в бытность комиссаром 1-го гвардейского стрелкового корпуса во время боя находился обычно с группой политработников в частях, воодушевляя воинов на подвиги. Он перенес этот метод работы и в 50-ю армию. В дивизиях мы встретили также начальника оперотдела штаба армии, энергичного подполковника Е. И. Почема, который с группой офицеров помогал частям организовать отпор врагу. После посещения дивизий мы поехали в тульский кремль. Там сосредоточилась выгрузившаяся из эшелонов 32-я танковая бригада. Половина танков оказалась устаревшей марки «БТ», остальные машины были новые, но с 20-миллиметровой пушкой. Попов сокрушенно вздохнул.

— Батальон, который выгрузился ночью и утром был сразу брошен в бой, укомплектован средними танками, — доложил командир бригады полковник И. И. Ющук.

— Что же вы прислали для борьбы с танковыми дивизиями Гудермана такие танки? — укоризненно обратился Попов к осмат-

---

² 217, 154, 290 и 260-я стрелковые дивизии.

К. П. Трубников

А. Д. Терешков

ривавшему танки начальнику автобронетанкового управления фронта полковнику Е. Е. Кабанову.

— По-видимому, более мощные танки нужнее под Москвой, — возразил он.

— Поставим бригаду у въезда в Тулу по Орловскому шоссе, и будет она подвижным резервом, — решил Попов.

— Пусть она стоит за дивизией Фоканова и проложит маршруты ко всем улицам южной окраины, — дополнил я.

На том и порешили.

Поздно вечером стала собираться моя группа. Первым явился полковник А. И. Прохляков, заместитель начальника инженерных войск фронта, будущий маршал инженерных войск.

— Выполненные работы по подготовке города к обороне и уличным боям грандиозны, — рассказывал он, демонстрируя схему оборонительных сооружений под Тулой и в самом городе. — Под общим руководством армейского инженера полковника С. Ф. Чепурова и его штаба саперные части армии, тыловые учреждения, обороняющиеся войска, добровольческие отряды туляков-патриотов построили на всех улицах большое число опорных пунктов. Построены они в прочных строениях, главным образом в полуподвальных этажах, с оборудованными для стрельбы из пулеметов и мелкокалиберных пушек амбразурами. Недостаток мин прицепил соорудить на окраинных улицах особые подвижные шлагбаумы с прикрепленными к ним минами. Шлагбаумы можно быстро передвигать

для перекрытия соседних улиц. На некоторых улицах возведены противотанковые препятствия в виде многоярусных штабелей из ваты. Все мосты на дорогах и перекрестках заминированы. Ожидаем прибытия из фронтового склада грузовиков с противотанковыми минами.

Вторым пришел комиссар штаба фронта полковой комиссар В. Н. Кузнецов. Он побывал во многих частях. Бойцы, по его словам, держатся стойко, но для борьбы с танками у них есть лишь гранаты да бутылки с горючей смесью.

— Во время минометного залпа я пробрался в рабочий полк, — рассказывал Кузнецов. — Полк обороняет участок у Орловского шоссе перед поселком Красной Перекоп. Полком командует капитан Анатолий Петрович Горшков. В полку свыше 600 человек. Большинство бойцов — коммунисты и комсомолы. Дерутся героически, беззаветно. Много уничтожили фашистов и танков, но потеряли много людей. Вчера героически пал в бою комиссар полка Григорий Антонович Агеев. Сложили свои головы начальник конной разведки полка Садовников и командир взвода работник строймонтажтреста № 1 Гудков. Нехорошо, что многие в полку легко одеты и в ботинках.

— Надо завтра ночью перевести полк на другой более спокойный участок, где люди смогут поочередно обогреться в помещениях. — обратился я к Попову.

На улицах Тулы

В это время к нам зашли секретарь Тульского обкома партии В. Г. Жаворонков и председатель облисполкома Н. И. Чмутов. Это была моя первая встреча с ними.

Попов показал им на карте положение войск, рассказал о боях за день и о том, что предпринимается для усиления обороны.

— Надо ожидать завтра более сильного удара, — сказал он в заключение.

— Сегодня вы видели, как коммунисты и комсомольцы, да и все жители Тулы подготовили для обороны свой город и как обороняют его, — обратился ко мне Жаворонков. — Чем, по-вашему, мы еще можем помочь войскам?

— Хотелось, чтобы вы организовали на тульских заводах ремонт танков, автомашин и оружия, — высказал я просьбу сопровождавших меня начальников родов войск фронта.

Жаворонков пообещал организовать ремонтные бригады на заводах, оборудование которых эвакуировано было неполностью.

Ночью я доложил о тяжелом положении под Тулой А. М. Василевскому.

— На других участках обороны столицы тоже угрожающая обстановка, — огорченно поведал он мне. — Но все же Ставка направила одну дивизию, идущую к Москве, в Тулу.

1 ноября под Тулой еще громче, чем накануне, гремели пушки. еще мощнее рокотали залпы реактивных минометов. Гудериан бросил на штурм города основные силы своей армии. Несколько раз в течение дня возобновлялись атаки немецких танковых и пехотных дивизий. Но снова и снова с большими потерями откатывались они назад, оставляя на поле боя десятки горящих танков. В этот день зенитчики уничтожили вражеских танков в два раза больше, чем накануне. Заметно усилила оборонявшиеся части танковая бригада И. И. Ющука.

Сил для захвата Тулы врагу не хватало.

Большую роль в отвлечении войск Гудериана от Тулы сыграл контрудар армии генерала Крейзера, нанесенный 2 ноября из района Теплое — по правофланговому войскам танковой армии. Гудериан об этом контрударе пишет так:

«Ввиду невозможности взять Тулу с фронта генерал Гейер предложил обойти город с востока. Я согласился с этим предложением, и приказал ему наступать в направлении на Дедилово...» 1 ноября часть сил 24-го моторизованного корпуса была повернута Гудерианом на Дедилово. А когда туда же был направлен и его правофланговый армейский корпус, случилось, по его словам, следующее: «Когда авангард 53-го армейского корпуса приблизился 2 ноября к населенному пункту Теплое, он неожиданно натолкнулся на противника. Это была крупная русская группировка, состоявшая из двух кавалерийских дивизий, пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады, продвигавшихся вдоль шоссе Ефремов, Тула и, очевидно, имевшая задачу атаковать в тыл и фланг соединения 24-го танкового корпуса в районе Тулы... С 3 по 13 ноября в районе

Теплое развернулись бои, в результате которых 53-му армейскому корпусу, поддержанному танковой бригадой Эбербаха (4-я танковая дивизия. — Л. С.), удалось отбросить противника обратно к Ефремову...»

Но Гудериану не хотелось расставаться с мыслью захвата Тулы в лоб. И он решил осуществить такой авантюрный план. В ночь на 2 ноября он бросил свою головную дивизию в «психическую» танковую атаку на Тулу. Несколько десятков танков с пьяными, как мы узнали позже, экипажами, ведя беспорядочную стрельбу, ринулись по Орловскому шоссе в город. Наши войска подпустили танки к окопам. Зенитчики ослепили их прожекторами, а потом расстреляли из зенитных орудий. Много немецких танков было уничтожено, а оставшиеся бросились врасыпную назад. В течение нескольких суток враг залечивал раны и позже позволял себе атаковать наши позиции под Тулой лишь небольшими силами по мало-важным объектам.

2 ноября в Тулу приехал начальник Автобронетанкового управления Красной Армии генерал-полковник Я. Н. Федоренко, мой близкий товарищ, с которым мы учились в одной группе в Академии имени М. В. Фрунзе. Остановился он у меня.

— Я теперь являюсь заместителем наркома обороны и по поручению Сталина проверяю состояние танковых частей в войсках московского направления, — пояснил он мне и Попову цель своей поездки.

— Был со своей группой в Подольске, Серпухове и вот заехал в Тулу. Смотрим, какие танковые соединения можно восстановить, и тогда сразу направляем им на укомплектование танки. Безнадежные, поредевшие танковые бригады расформировываем. Так решили поступить с 11-й танковой бригадой 50-й армии, вместо которой мы прислали в Тулу бригаду полковника Ющюка. А вот 108-ю танковую дивизию будем восстанавливать.

— Тогда шлите нам скорее танки в Тулу, — попросил я Федоренко.

— Дней через десять получите, — обещал он. — В Туле мы ищем также возможности для капитального ремонта танков, или хотя бы танкового вооружения.

— В 3-ю и 13-ю армии также поедете? — спросил я.

— Они не на московском направлении и восстанавливать их будем во вторую очередь, — ответил Федоренко.

Во время завтрака Яков Николаевич по нашей просьбе передал нам некоторые новости.

Войска Западного фронта восстановили утраченную боеспособность. В быстрых темпах формируются новые соединения, в том числе и танковые. На усиление обороны столицы во второй половине октября направлено 14 стрелковых дивизий, 16 вновь сформированных танковых бригад и более 40 артиллерийских полков. Танковые соединения московского направления танками пополнены, За-

падному фронту передано значительное число новых танковых частей. Много соединений и частей создано из добровольцев-патриотов Москвы и Московской области.

— А окраины Москвы и сам город, наверное, укрепляются для обороны в особенно широких масштабах? — спросил Попов.

— Я видел сегодня оборонительные сооружения под Тулой и в городе, — ответил Федоренко. — Работа проведена огромная и сделано многое. Но это, конечно, значительно меньше, чем в Москве. Более полумиллиона человек работали на строительстве оборонительных сооружений в городе. Свыше 300 тысяч москвичей вступило в войска противовоздушной обороны. Верховное Командование, войска Западного фронта и москвичи полны уверенности, что под Москвой противник пайдет свою погибель.

Надо признаться, что информация Федоренко заметно подняла наше настроение. Этому способствовало и то, что в районе Тулы интенсивно разгружались эшелоны 413-й стрелковой дивизии, сформированной на Дальнем Востоке.

— В дивизии более 10 тысяч человек! — восторгались командиры, встречавшие эшелоны. — А как вооружена, сколько у нее артиллерии, противотанковых ружей, пулеметов! Бойцы, в основном сибиряки, одеты отлично, выправка парадная.

3 ноября один полк дивизии занял оборону у южной окраины Тулы. Стала на позиции дивизионная артиллерия. Вот когда с облегчением вздохнули руководители обороны Тулы и все ее защитники.

А 4 ноября, когда дивизия заканчивала сосредоточение, мы приняли решение нанести на другой день контрудар по вражеским войскам, отбросить их от Тулы. Дивизия усиливается 32-й танковой бригадой. Горячее участие в подготовке атаки против немецко-фашистских войск принял В. Г. Жаворонков. В те дни я часто встречался с ним и с Н. И. Чмутовым и по-настоящему оценил этих энергичных, инициативных руководителей области. По их предложению в состав атакующих войск был включен и рабочий полк.

Во второй половине 4 ноября наши войска тщательно готовились для предстоящей атаки. Погода стояла ясная. Земля была скована первым льдом. Я пробрался на НП 413-й дивизии. Командир дивизии генерал-майор А. Д. Терешков уточнял с командирами частей план атаки на завтра. Невысокого роста, заметно прихрамывающий на одну ногу он быстро переходил по траншеям из одного полка в другой. Незаурядные способности в руководстве боями и храбрость Алексея Дмитриевича уже были отмечены правительством: он стал Героем Советского Союза. Атаку дивизии Терешков подготовил отлично. 5 ноября доблестные воины дальневосточной дивизии вместе с танкистами под командованием Юшукя и рабочим полком неожиданным ударом отбросили немецко-фашистские войска от южной окраины Тулы.

— Вот теперь зенитно-артиллерийский полк ПВО можно будет отпустить из Тулы, — предложил мне Попов.

Я согласился. Дело в том, что начиная с 31 октября командующий ПВО генерал М. С. Громадин настаивал на перемещении полка ПВО из Тулы в Серпухов. А мы день ото дня откладывали уход полка из Тулы. И 4 ноября на мое и Попова имя пришла из Москвы телеграмма, подписанная Шапошниковым:

— За задержку полка ПВО в Туле объявляю выговор.

— Ермаков хочет 108-ю танковую дивизию вывести в резерв, восстановить ее, — напомнил я Попову. — Пусть Иванов отводит дивизию из первой линии, а свои обязанности по гарнизону передает командиру 32-й танковой бригады Ющук.

С 6 ноября, в канун праздника Октябрьской революции, противник, отчаявшись овладеть Тулой с фронта, перенес атаки на фланги. Артиллерийская канонада у Тулы заметно стихла. В тот день утром в Тулу приехал командарм Ермаков и предложил мне переехать к нему в штаб армии.

— Под Тулой становится спокойнее, число войск противника под городом уменьшилось, а на флангах армии, наоборот, положение обостряется, — убеждал он меня. — Надо принять решение об усилении флангов, о перегруппировке войск армии.

— Чтобы противник не снимал войска из-под Тулы и не перебрасывал их на другие направления, командование боевого участка, как вы знаете, готовит на второй день праздника новый удар на Косую Гору, — возразил я. — В ударе примут участие дивизии Терешкова, Рякина и Хохлова, а также танковая бригада Ющука, — доложил Ермакову Попов, показывая по карте.

Из штаба участка мы приехали на южную окраину Тулы и там, на местности, уточнили задачи войск. В тот день стояла ясная погода, был небольшой мороз. Во второй половине 6 ноября, не заезжая в штаб боевого участка, я, В. П. Кузнецов, Е. Е. Кабанов, А. Н. Ермаков поехали по шоссе на Венев, в Медвенку, в штаб 50-й армии. Надо сказать, что Аркадия Николаевича Ермакова я знал довольно хорошо. В составе войск Брянского фронта, как я уже писал, он командовал оперативной группой. А во второй половине октября, в очень тяжелой обстановке, его назначили командармом, и оказалось, что поспешили с назначением. Генерал Захаров не раз спрашивал меня во время обороны Тулы: почему я не хочу возвращения Ермакова со штабом армии в Тулу. И я откровенно отвечал:

— Пусть оборону Тулы продолжает возглавлять Попов. Он сильнее в оперативном руководстве войсками и организованнее Ермакова...

На КП 50-й армии мы обосновались у Ермакова. К нему пришли также К. Л. Сорокин и Н. Е. Аргунов. После принятия решения об усилении войск на флангах армии мы рассмотрели проект обращения к войскам армии в день 24-й годовщины Великой Октябрьской революции. Затем по радио слушали торжественное заседание Московского совета и доклад на нем И. В. Сталина. А утром 7 ноября мы опять сидели вокруг радиоприемника: слушали парад на Красной площади и историческую речь И. В. Сталина.

«На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого ЛЕНИНА!»³

Затем мы возвратились в Тулу, к Попову.

8 ноября внезапным ударом войск Тульского боевого участка противник был отброшен к Косой Горе. Несколько населенных пунктов под Тулой были отвоеваны нашими войсками. Гудериан отметил в своих воспоминаниях: «8 ноября 24-й танковый корпус отражал атаки противника из Тулы».

До середины ноября противник несколько раз пытался обойти Тулу с флангов, через Дедилово и Суходол, и окружить гарнизон Тулы, но безуспешно. Фланговые войска 50-й армии были усилены своевременно и дали врагу достойный отпор. Не велики успехи у врага были также под городами Ефремов и Елец, на участках 3-й и 13-й армий Брянского фронта.

Да и на всем фронте войск московского направления — на линии Осташков, Селижарово, Калинин, Волоколамск, Нарофоминск, Тула, Ефремов, Тим — противник к началу ноября был остановлен.

Наступление фашистских полчищ на Москву разбилось о величайшую стойкость и выдержку, массовый героизм воинов Красной Армии и советского народа, руководимых нашей Коммунистической партией.

А как же объясняют провал гитлеровского наступления на Москву в своим мемуарах немецкие генералы, в свое время оповестившие весь мир о разгроме и пленении всех войск московского направления, в том числе и Брянского фронта? Причинами провала они, а за ними и буржуазные военные историки, как правило, выставляют или грязь, или мороз, или ошибки Гитлера. Признать, что войска при наступлении на Москву в значительной мере потеряли боеспособность, а советские войска день ото дня становились сильнее, им не дает жгучая ненависть к коммунизму, к Советской власти. Впрочем, некоторые немецкие генералы, непосредственно руководившие войсками при наступлении на Москву, нашли мужество сказать правду о событиях тех дней. Так, бывший начальник штаба 4-й армии, действовавшей против Западного и частично Брянского фронтов, генерал Типпельскирх свидетельствует: «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и в начале ноября, что разгромленные

³ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947, стр. 39, 40.

русские вовсе не перестали существовать как военная сила. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, и напряжение боев с каждым днем нарастало... Все это было для нас полной неожиданностью. Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках. В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды»⁴.

Даже Гудериан, днем и ночью мечтавший о наступлении на Москву, в дни неудачного штурма Тулы стал пессимистически смотреть на продолжение операции «Тайфун».

«13 ноября в Орше под руководством начальника генерального штаба сухопутных сил было проведено совещание командующих армиями группы армий «Центр» и объявлен приказ на осеннее наступление 1941 г., — пишет он. — Этот приказ ставил перед 2-й танковой армией задачу овладеть г. Горьким, находящимся в 600 км от Орла. Либенштейн немедленно заявил, что 2-я танковая армия при настоящей обстановке способна лишь дойти до Вены. Теперь же не май месяц и мы не во Франции! Я полностью разделял мнение своего начальника штаба и немедленно доложил в письменной форме командующему группой армий о том, что танковая армия не в состоянии выполнить этот приказ»⁵.

13 ноября 50-я армия «в целях объединения усилий по обороне Москвы» была передана решением Ставки из Брянского в Западный фронт. На другой день мы тепло распрощались с командованием 50-й армии и Тульского боевого участка, а также с партийными и советскими руководителями Тулы. А вечером наша группа опять на дрезине поехала в Елец, в штаб Брянского фронта.

Немецкое командование подвело к Туле к середине ноября новые войска и сильными ударами на флангах продолжало попытки окружить Тулу. Тяжелые кровопролитные бои пришлось вынести войскам 50-й армии, в командование которой 22 ноября вступил генерал-лейтенант И. В. Болдин. Он блестяще справился с нелегкой задачей по руководству обороной Тулы. Враг не добился успеха. О непробиваемые стены города оружейников разбилась броня гудериановских полчищ. Рассерженный Гитлер отстранил своего любимца от командования танковой армией.

Как только я возвратился в Елец и доложил Захарову о задаче Западному фронту 50-й армии, он ошеломил меня следующим сообщением:

— Брянский фронт свое существование прекращает.

— А как же 3-я и 13-я армии? — спросил я. — Ведь они сейчас ведут особенно жаркие бои под Ефремовом и на подступах к Ельцу.

— Эти армии передаем Юго-Западному фронту, — ответил он. — Принимать приехал командующий фронтом Маршал Советского

⁴ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 200

⁵ Г. Гудериан. Указ. соч., стр. 237.

Союза С. К. Тимошенко и заместитель начальника штаба фронта генерал-майор И. Х. Баграмян.

Генерал Г. Ф. Захаров через день после моего возвращения уехал в Москву и был назначен заместителем командующего Западным фронтом. А я остался для передачи войск и штаба фронта. С 18 ноября почти ежедневно шел снег. Пришла настоящая зима. С. К. Тимошенко и И. Х. Баграмян приехали в Елец с большой группой и детально изучили состояние армий Крейзера и Городнянского, их состав и потребности. И вот в эти армии в быстрых темпах потянулись по железной дороге и автотранспортом пополненные людьми, оружие и боеприпасы. Трудно переоценить важность и своевременность восстановления в те дни 3-й и 13-й армий, дивизии которых были очень малочисленными. Дело в том, что во второй половине ноября получившие подкрепление вражеские войска возобновили наступление на Ефремов и Елец. Ценой огромных потерь им удалось овладеть г. Ефремов и завязать бои за Елец. По указанию Тимошенко я переместил штаб Брянского фронта в Липецк. Маршал переехал вместе с нами и через штаб Брянского фронта руководил оборонительной операцией принимаемых армий и всеми подчиненными ему войсками.

Утром 28 ноября я получил из Москвы приказание немедленно прибыть к начальнику Генерального штаба. Тотчас же я доложил об этом Семёну Константиновичу Тимошенко, тепло распростился со своими соратниками и поспешил на аэродром. Провожать меня пришли мои друзья В. Н. Кузнецов, М. Д. Кочетков, В. Н. Дубовко, М. В. Ивашечкин и Ф. И. Польшини. Шел снег, было морозно и ветрено. Вылетал я вместе с адъютантом Остащенко на самолете По-2. Перед отлетом Федор Петрович Польшини подарил мне свой меховой комбинезон.

— Самолет поставили на лыжи, надо и вас перевести на зимнюю форму одежды, — пошутил он.

Но вот самолет поднялся в воздух и, с большим трудом пробиваясь сквозь разыгравшуюся пургу, полетел к Москве.

3. На Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую

Во второй половине 28 ноября мы уже были над Центральным аэродромом Москвы. Однако то ли из-за сильной пурги, то ли по другим причинам посадки нам не дали. Между тем приближался вечер, видимость становилась все хуже. Пилот сделал несколько кругов вокруг Москвы, с большим трудом передвигаясь сквозь разыгравшуюся пургу, и сел в Подмосковье. Оттуда я позвонил дежурному по Генеральному штабу, попросил доложить о моем прилете и прислать мне машину.

Поздно вечером, медленно пробиваясь по занесенному снегом шоссе, мы добрались до Москвы. В городе непроглядная тьма. Светомаскировка и дуга совершенно скрыли город. Казалось, мы

продолжаем ехать по загородному шоссе. И только когда машина проезжала возле домов, их темные силуэты на короткий миг возникали из мрака и тут же исчезали. Не было слышно на улицах обычного городского шума. Лишь изредка проходившие автомобили с едва заметным светом синих фар нарушали тишину встречными гудками. Но вот мы добрались до улицы Кирова, где в то время размещался Генеральный штаб. Меня сразу провели к Маршалу Советского Союза Б. М. Шапошникову. С большим волнением входил я к нему в кабинет, строя всевозможные догадки о причинах моего срочного вызова.

— Последняя встреча у нас с вами была в июле за Днепром, куда отошла тогда от Бреста ваша армия, — так начал разговор со мной Борис Михайлович, внимательно рассматривая меня своими умными пронзительными глазами. — А теперь вы пристаете в Москву после более чем тяжелого отступления вашего Брянского фронта к Туле, Ельцу. Да, заслуг немного у вас, голубчик. Вот поэтому мы решили вернуть вас на такую же должность, с какой вы начинали войну. Назначаем начальником штаба армии, которую развертываем завтра под Москвой.

Видя по выражению моего лица, что я доволен назначением, он подвел меня к одной из карт, лежавших у него на столе, и ознакомил с обстановкой на Западном фронте.

— Немецкое командование любой ценой стремится захватить Москву. Ведь Гитлер на весь мир объявил, что на днях он займет столицу России. Поэтому, несмотря на огромные потери, войска группы армий «Центр» продолжают рваться к Москве. Сегодня противнику удалось овладеть Яхромой и захватить мост через канал Москва—Волга. Уже несколько дней идут ожесточенные бои у Крюкова, в районе Истры и под Нарофоминском. Самое опасное положение, как видите, создается на правом крыле Западного фронта. Чтобы отразить нависшую над Москвой угрозу с северо-запада, Ставка вводит завтра две новые армии. В районе Яхромы — 1-ю ударную, а южнее, за рубежом Белый Раст, Крюково — 20-ю армию. Так вот начальником штаба второй армии вы и назначаетесь. В ее состав включаются две стрелковые дивизии, разгружающиеся в районе Москвы, морская стрелковая бригада, две стрелковые бригады из Московской зоны обороны и два отдельных танковых батальона. Кроме того, армия получит две танковые бригады, артополк, два гвардейских минометных дивизиона и бронепоезд. Армия еще не полностью сосредоточилась и развернулась на своем рубеже, но время не ждет.

— По составу войск это скорее корпус, нежели армия, — заметил я.

— Все войска вашей армии штатного состава, — подчеркнул Борис Михайлович. — Каждая дивизия вашей армии равна трем дивизиям других армий. Имейте в виду, что в обстановке, особенно под Москвой, наступает перелом. Мы день ото дня становимся

сильнее противника и, вероятно, через некоторое время Западный фронт перейдет в контрнаступление.

Я спросил о средствах усиления.

— Артиллерийским огнем армию будет поддерживать артиллерия Московской зоны обороны, — возразил Шапошников. — А в процессе наступления танками и артиллерией вас усилит командование фронта.

А кто назначен командующим армией? — задал я вопрос.

— Недавно вышедший из окружения командующий 37-й армией Юго-Западного фронта, — ответил Шапошников и назвал фамилию не известного мне генерала. — Но учтите, что он сейчас болен. В ближайшее время вам придется обходиться без него. Однако все важные вопросы согласовывайте с ним. В штаб фронта схватить вам уже нет времени, да к тому же вас знают там по первым месяцам войны. Напутствие мое вам такое — быстрее сформировать армейское управление, развернуть армию, создать оборону и готовиться к наступлению. Ни шагу назад, помните, что Москва позади вас всего в одном переходе.

Как только стало светать, я поехал в штаб армии, в Химки. Когда машина выехала на Ленинградское шоссе, я увидел результаты грандиозных оборонительных работ войск Московской зоны обороны и сотен тысяч трудящихся Москвы: различные противотанковые препятствия на улицах, мощные оборонительные рубежи, опоясывающие окраину города и канал Москва—Волга. Оборонительные рубежи оцетинились линией металлических ежей и сплошными проволочными заграждениями, заперенными снегом. Впереди их тянулись минные поля. В Химках на замаскированных позициях стояла артиллерия. Но вот я и приехал. Штаб армии формировался в нескольких квартирах огромного многоэтажного нового дома, в то время одиноко стоявшего на Ленинградском шоссе (дом № 16).

Несколько раньше меня из Москвы приехал комиссар Автобронетанкового управления Красной Армии дивизионный комиссар П. Н. Куликов и начальник Центрального Дома Красной Армии бригадный комиссар С. И. Паша. Первый — на должность члена Военного совета армии, а второй — начальника политотдела.

— Как видно, собирают нас с бору по сосенке, — сострил, знакомясь со мной, Куликов.

Начальник оперативного отдела штаба, мой заместитель комбриг Б. С. Антропов, формировавший штаб армии, представил сотрудников штаба. Сам он высокого роста, солидный, интеллигентного вида командир, был до войны начальником кафедры Военно-инженерной академии, а теперь быстро освоился с работой в армейском общевойсковом штабе.

Антропов доложил, что люди на укомплектование штаба прибывают непрерывно, причем главным образом из центральных управлений Наркомата обороны. В районе Сельскохозяйственной академии, по его словам, размещается второй эшелон штаба армии

А. И. Лизюков

дятся два армейских танковых батальона. Рубеж от Хлебникова до Сходни занимает группа полковника А. И. Лизюкова в составе двух стрелковых бригад. Здесь, в Химках, после разгрузки начала сосредоточиваться 352-я стрелковая дивизия. Прикрывают развертывание армии на рубеже Белый Раст, Озерцево, Большие Ржавки (на Ленинградском шоссе) части групп генералов Ф. Д. Захарова и Ф. Т. Ремизова. Нашим соединениям приказано выдвинуть к этому рубежу передовые части.

К этому времени в комнату, где мы принимали доклад Антропова, собрались и представились нам начальник автобронетанкового отдела полковник Е. Е. Белов, армейский инженер полковник С. В. Цвангер, начальник разведки майор Н. С. Солодовник. Все они только прибыли, и ознакомление с ними мы отложили до более удобного времени.

— Как дела со связью? — спросил я.

— Плохо, — ответил Антропов и повел нас в подвал, где развертывался узел связи. По пути на узел связи я рассказал Куликову о своем разговоре с Шапошниковым.

— Значит, нам с вами, засучив рукава, придется пока вдвоем возглавить развертывание армии, — сказал Куликов.

Начальник связи армии полковник Л. Я. Бельшев, еще накануне работавший в управлении связи РККА, показывая узел связи, доложил, что проволочная связь установлена только с штабом фронта и левофланговой бригадой, а с другими войсками связи еще нет.

и армейских управлений, но помещений как для первого, так и для второго эшелона не хватает. Последний возглавляет начальник тыла армии генерал-майор С. Н. Марков.

Знакомя нас с поставленной армии задачей, Антропов доложил, раскрыв карту, что войскам армии приказано выйти на линию Рогачевского шоссе от Черной до Хлебникова и далее по р. Клязьме до Черкизова у Ленинградского шоссе.

Показывая на карте, он продолжал:

— Вчера вечером на правобережный участок вышла морская стрелковая бригада. В районе Лобня сосредоточиваются части 35-й стрелковой бригады, а в районе Хлебникова — части 331-й стрелковой дивизии. В Хлебникове нахо-

— Почти все связисты и связистки присланы из военных и гражданских учреждений связи Москвы. Они взялись за работу с энтузиазмом, и уже к концу дня вступит в строй, — заверил он нас.

— Раз связи с войсками нет, надо ехать туда самим и знакомиться с обстановкой на месте, — сказал я. Куликов согласился. Когда мы селись в машину, к нам подошел командир 352-й стрелковой дивизии полковник Ю. М. Прокофьев. Он доложил о ходе сосредоточения дивизии, о том, что в ней больше 11 тысяч человек и что она прибывает из Татарии.

— На случай прорыва противника по Ленинградскому шоссе строите противотанковый рубеж в Химках и будьте готовы к отражению врага, — предупредил я Прокофьева.

Мы с Куликовым пробрались на Дмитровское шоссе, а оттуда в Марфино, в штаб 64-й морской стрелковой бригады. Она состояла из моряков Тихоокеанского флота, прибывших на защиту столицы. В бригаде было 552 коммуниста и 830 комсомольцев. Большинство моряков были одеты в черные морские шинели. Люди в бригаде были рослые, brave, своим видом они напоминали моряков красногвардейских отрядов времен гражданской войны.

Однако командование бригады смутно представляло себе решение таких важных вопросов, как подготовка к обороне и наступлению. Мы с членом Военного совета дали целый ряд указаний по выполнению предстоящих перед бригадой задач. Но тем не менее решили, что следует как можно скорее поставить во главе бригады опытного пехотного командира.

Из морской бригады мы поехали в 35-ю стрелковую бригаду. Ее командира полковника П. К. Будыхина мы встретили у Лобни. Вышедшими сюда передовыми частями он организовывал противотанковую оборону на Рогачевском шоссе перед полотном бывшей Савеловской железной дороги. Я обещал ему выслать на ст. Лобня для поддержки бригады бронепоезд. Из Лобни мы с трудом пробрались по занесенной снегом дороге, идущей вдоль полотна железной дороги, в Хлебниково. Здесь находился командир 331-й стрелковой дивизии генерал-майор Ф. П. Король со своим штабом. Его дивизия, перебрасываемая с востока, состояла в основном из сибиряков.

Ф. Т. Ремизов

Л. Я. Бельшев

Н. С. Солодовник

В дивизии было больше 11 тысяч человек. Прибыл пока только один 1106-й стрелковый полк. Тепло одетые и в достаточной степени оснащенные вооружением, подразделения этого полка производили хорошее впечатление. Из Хлебникова с Дмитровского шоссе мы переехали на Ленинградское шоссе. Там, в районе Сходни, мы нашли полковника А. И. Лизюкова и познакомился с ним. Он ввел нас в курс происходивших на этом направлении событий:

— На рубеже Красная Поляна, Большие Ржавки части группы Ремизова с трудом сдерживают натиск танковой и пехотной дивизий противника. А левее Ленинградского шоссе мы слышим из района Крюкова шум боя правофланговых войск 16-й армии генерала Рокоссовского.

— А ваша Северная оперативная группа? — спросил я.

— Два дня тому назад меня, командира моторизованной дивизии, вызвали и приказали вступить в командование оперативной группой в составе двух стрелковых бригад Московской зоны обороны. В тот же день к вечеру я их вывел на рубеж между Хлебниковом и Сходней. Задача группы — не допустить прорыва противника непосредственно к Москве.

— Но ваша группа расформируется, — заметил я.

— Послезавтра в Сходню придет стрелковая дивизия, и тогда моя группа ликвидируется, — подтвердил Лизюков. — Правофланговую 28-ю стрелковую бригаду я передам в 20-ю армию, а левофланговую возвращу в Московскую зону обороны.

Ю. М. Прокофьев

Е. Е. Белов

— В Химках, по моему приказанию, будет готовить противотанковый рубеж дивизия полковника Прокофьева, — информировал я Лизюкова. — Он явится к вам для увязки совместных действий на случай прорыва противника.

Из Сходни мы пробрались в Большие Ржавки к нашему другу генералу Ф. Т. Ремизову. Обрадовали его сообщением, что позади его группы сосредоточивается свежая армия. А он нанес на моей карте положение своих войск.

В штаб армии мы возвратились к вечеру и разместились в одной комнате. Проводная связь была установлена уже со всеми соединениями армии. В наше отсутствие для помощи в оборудовании узла связи армии приезжал сам начальник связи Красной Армии генерал И. Т. Пересыпкин. О ходе развертывания армии я доложил начальнику штаба Западного фронта генералу В. Д. Соколовскому и Б. М. Шапошникову. При докладе последнему я подчеркнул неудачный способ формирования штаба 20-й армии и армейских управлений: на голом месте, без всякой базы.

— Стехались отовсюду командиры, не знакомые один другому, — рассказывал я Шапошникову. — У нас нет никаких административных и хозяйственных ячеек. Мы даже не можем накормить своих командиров, а довольствуемся в рядом размещающейся дивизии.

— Ставка была введена в заблуждение, — ответил Борис Михайлович. — Рассчитывали, что штаб Северной оперативной группы,

Ф. П. Король

С. Г. Дороченков

на базе которой должна была развертываться ваша армия, имеется в действительности, а он, оказывается, существует лишь на бумаге.

С 29 ноября 1941 г. 20-я армия вошла в строй армий Западного фронта. Но не удалось нашей армии спокойно развернуться на своем рубеже под прикрытием групп Захарова и Ремизова.

Стремясь во что бы то ни стало прорваться к Москве, командование немецкой группы армий «Центр» ввело в бой свои последние резервы. Утром 1 декабря 3-я танковая группа противника нанесла сильный удар по поредевшим частям группы Захарова, смяла их и устремилась вдоль Рогачевского шоссе к Москве. На стыке 1-й ударной и 20-й армий создалось угрожающее положение. Танковые части противника овладели Белым Растом, Озерецким, Красной Поляной и вышли у ст. Лобня и севернее к полотну бывшей Савеловской железной дороги. Неожиданное появление танковых частей противника перед развертывающимися частями 20-й армии привело их, особенно морскую бригаду, в замешательство.

Однако встреча с нашими войсками была неожиданной и для противника. По показаниям пленных выяснилось, что немецкое командование рассчитывало захватить переправы через канал Москва—Волга в районе Хлебникова беспрепятственно. В действительности же передовые части врага натолкнулись на новый сплошной фронт наших войск, встретивших гитлеровцев плотным артиллерийским огнем, а в районе Лобни — танковыми контратаками. Продвижение немецко-фашистских войск приостановилось.

Тем не менее противнику удалось здесь подойти к Москве на расстояние около 25 км. Много неприятных, но справедливых упреков я вынужден был выслушать в тот день от руководителей Генерального штаба и штаба фронта.

В грозной критической обстановке на северо-западных подступах к столице командование Западного фронта блестяще организовало отражение вражеских ударов, ведя одновременно всестороннюю подготовку войск для контрударов. 1-й ударной и 20-й армиям было приказано нанести 2 декабря контрудары и разгромить наступающие войска противника. Для обеспечения стыка армий начальник артиллерии Западного фронта генерал-майор артиллерии И. П. Камера создал из специально выделенной артиллерии противотанковый рубеж. Правофланговые войска 20-й армии были усилены двумя танковыми бригадами. Командовать 64-й морской стрелковой бригадой был назначен инспектировавший ее части полковник И. М. Чистяков, опытный волевой командир.

В ночь на 2 декабря командование армии с начальниками родов войск и большая часть сотрудников штаба и политотдела армии выехали в войска для организации контрудара. Возле командного пункта генерала Короля — в с. Лобня — был развернут армейский НП. Вечером я и Куликов посетили в 331-й стрелковой дивизии полк майора М. А. Штейнлухта, подразделения которого вместе с танковым батальоном задержали противника у ст. Лобня. В одном из подразделений мы встретили полкового комиссара Т. И. Коровина, который с большим подъемом призывал воинов подразделения, не щадя жизни, отстаивать столицу нашей Родины. Он прочел собравшимся широко известную в те дни передовую статью одного из номеров «Красной звезды». Вот о чем писала в те дни газета:

«Напор врага не ослабевает. Кровавый фашистский атаман Гитлер погоняет свои разбойничьи орды. Он требует от них взять Москву — столицу нашего государства. Он судорожно торопится, бросая в мясорубку войны огромные массы живой силы и техники. Опасность велика. Нам незачем ее преуменьшать. Дальние подступы к Москве стали ареной кровопролитных схваток Красной Армии с немецко-фашистскими войсками. Через груды трупов своих солдат и офицеров гитлеровцы рвутся к нашему великому городу.

Москва! Это слово многое говорит сердцу советского человека. Москва — праматерь нашего государства. Вокруг нее собиралась и строилась земля русская, вокруг нее стоял народ, всякий раз, когда ему грозили иноземные пришельцы. История Москвы — это героическая летопись борьбы русских людей за свою честь, свободу и независимость. На Москву обрушивались разноплеменные захватчики. Она оцетикивалась укреплениями, поднималась во весь свой исполинский рост, скликала себе на помощь воинов со всех концов нашей земли и наносила лютым своим врагам сокрушительные

удары. Москва горела, но снова и снова возникала из пепла, еще более прекрасная и сильная, чем прежде.

Древние камни Москвы овеяны славой наших предков, бесстрашно защищавших ее гордое имя. Так повелось на Руси, что самые страшные удары иностранных армии получали у степ Москвы. В старой солдатской пословице, сложеной богатырями Кугузова и Багратиона, говорится: «Свету целому известно, как платили мы долги. И теперь получают честно под Москвой платеж враги».

Потоками своей черной крови расплачиваются фашисты за стремление приблизиться к нашей столице. Пароль наших врагов — во что бы то ни стало. Во что бы то ни стало они хотят ворваться в Москву, чтобы надругаться над всем, что свято советскому человеку. Во что бы то ни стало они хотят обречь наш народ на вымирание, на уничтожение, превратить наши колхозы в имения немецких баронов, отдать наши фабрики и заводы немецким толстосумам. Во что бы то ни стало они хотят огнем и мечом выжечь и вырубить наши города и села.

На пароль фашистских дьяволов советский народ и его Красная Армия отвечают своим — во что бы то ни стало. Во что бы то ни стало изурить врага, обескровить, преградить ему дорогу в Москву. Во что бы то ни стало напрячь все свои силы, удесятерить энергию и противопоставить зверному натиску гитлеровцев нашу стойкость, выдержку, хладнокровие. Во что бы то ни стало крепить наши части, добиваться, чтобы ни один боец, командир и комиссар Красной Армии не дрогнул в любой обстановке, не убоился окружения, не отступил перед какой угодно опасностью. Найти в себе мужество, отвагу и упорство подняться на вершины человеческого духа, с которых не страшна и сама смерть во имя победы Родины.

Мы идем по этому пути, и ничто не остановит советских бойцов, поклявшихся драться с врагом до последней капли крови, поклявшихся победить или умереть.

Из глубины годов доносится сейчас на поля сражений к воинам Красной Армии, защищающим Москву, благородный клич их предков:

«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали»
И умереть мы обещали.
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой

Сама Родина говорит сейчас этими словами со своими вооруженными сыновьями. Пусть не будет воина, который не услышал бы этого призыва. Помни, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали,

почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, советскую власть — власть трудящихся» (Ленин).

Мощь нашего народа неистощима, есть у нас порох в пороховницах и крепка наша сила. В тяжелые времена устояла русская земля. В петровские дни, когда Карл XII вторгся в пределы России, в годину Отечественной войны, когда полчища Наполеона докатились до Москвы, — не раз на протяжении истории нашей страны казалось врагам, что гибнет русская земля, что не подняться ей вновь. Но вставал бессмертный народ и повергал в прах всех, кто покушался на его жизнь. Так будет и ныне.

Гитлер — средневековый варвар, с окровавленным топором за спиной, вынырнувший из тьмы веков на поверхность современной Европы, хочет погубить нас. Мы погубим Гитлера и всю его проклятую свору! Сегодня она с пеной у рта старается прорвать линию обороны красной Москвы. Крепче удар по взбесившимся фашистским псам! Сильнее отпор врагу! Уничтожим, искрошим все, что он бросил теперь на нас! Эту задачу мы должны решить во что бы то ни стало.

Где бы ни находились наши люди, в какие бы тяжелые условия их ни поставила обстановка боя, пусть они помнят старую воинскую мудрость: «Побежден тот, кто чувствует себя побежденным». Никогда не чувствовать себя побежденным! Даже если перед тобой сотни врагов, даже если один против десяти, даже если смерть глядит в лицо. Бейся с врагом, пока движется хотя бы единый мускул, пока видят глаза, пока повируется рука, а с последним ударом сердца наноси смертельный удар фашисту и знай, что ты умираешь героем во имя нашей победы.

Никогда не чувствовать себя побежденным!»

К сожалению, привлечь в те дни значительные силы для участия в контрударе, который нацеливался против 2-й танковой и 106-й пехотной дивизий, захвативших район Красной Поляны, не было возможности. Утром 2 декабря в наступление на Красную Поляну перешли из Хлебникова полк майора Штейнлухта, входивший в дивизию генерала Короля, с танковым батальоном и из района Мелькисарово — 28-я стрелковая бригада полковника А. И. Гриценко, также с танковым батальоном. Вновь прибывший энергичный начальник артиллерии армии полковник П. С. Семенин искусно организовал поддержку наступающих войск огнем армейского артиллерийского полка, бронепоезда, двух гвардейских минометных дивизионов «РС» и нескольких батарей Московской зоны обороны. По атакуемым, теснящим назад частям противника наносила удары и фронтовая авиация.

Все наше внимание в тот день было приковано к Красной Поляне. Но во второй половине дня противник усилил свой нажим вдоль Ленинградского шоссе и оттеснил правофланговые соединения 16-й армии за Крюково. Для обороны Ленинградского шоссе 20-я армия выдвинула полк из дивизии Прокофьева. Намеченное

перемещение штаба армии из Химок в район Хлебниково пришлось отменить.

2 декабря гитлеровское командование решило, что для Красной Армии наступил конец. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер записал в тот день в своем дневнике: «Сопrotивление противника достигло своей кульминационной точки. В его распоряжении нет больше никаких новых сил»¹.

Начатые 2 декабря контратаки войск 1-й ударной и 20-й армий продолжались с нарастающей силой вплоть до 5 декабря. Однако из-за того, что к моменту наступления обе армии сосредоточились неполностью, территориальные успехи наших войск были невелики. Но зато вражеские дивизии понесли такой урон, что принуждены были перейти к обороне и стали укреплять захваченные пункты.

В тяжелых кровопролитных боях на северо-западных подступах к Москве доблестные войска Красной Армии грудью отстояли столицу нашей Родины и создали благоприятную обстановку для перелома в контрнаступлении и разгрома противника.

4 декабря 20-я армия полностью закончила сосредоточение и готовилась к наступлению. Директивой командующего фронтом 1-й ударной армии, нацеленной на Клин, и 20-й армии, нацеленной на Солнечногорск, было приказано начать наступление 6 декабря.

В ночь с 5 на 6 декабря части заняли исходное положение и получили приказ о времени атаки. Проверая готовность войск, я посетил 35-ю стрелковую бригаду и зашел в одно из подразделений. Бойцы с большим вниманием слушали торжественные слова воззвания Военного совета фронта, которые зачитывал комиссар батальона. Оно заканчивалось словами: «Подступы к Москве должны стать и будут могилой для немецких полчищ! Ни шагу назад — таков приказ Родины. Истребим фашистских разбойников всех до одного! Не дадим им житья на нашей земле».

Ночью перед наступлением армейский НП в с. Лобня превратился в командный пункт. Сюда с докладами о готовности войск съезжались начальники родов войск и командиры штаба.

— Каждый должен глубоко осознать, что завтра начнем первую для нашей армии наступательную операцию, причем начинаем ее от Москвы! — нервничал Куликов. — Все ли мы сделали для успешного наступления?

И опять проверяли готовность войск, уточняли обеспеченность их боеприпасами и инженерным имуществом. Надо признаться, что первичали в ту ночь все. Ведь до тех пор нам приходилось только обороняться, отступать, или в лучшем случае, наносить небольшие контрудары. К тому же противник в те дни широко распроставлял слух о подходе новых войск для возобновления наступления на Москву, о подвозе в Красную Поляну большой мощности пушки для обстрела Москвы. Из военных сводок тех дней Красная По-

¹ «Военно-исторический журнал», 1961, № 12, стр. 89—90

ляна — районный центр Московской области — стала широко известной во всем Советском Союзе и за рубежом. По хвастливым уверениям немецко-фашистского командования, из этого самого близкого к Москве пункта якобы хорошо видна в бинокль советская столица.

Утром 6 декабря термометр показывал более 20° мороза. Одевшись в летний меховой комбинезон, я вместе с Куликовым побрался на дивизионный НП генерала Короля, оборудованный под крышей сарая за окраиной села. После короткой артиллерийской подготовки войска армии перешли в наступление. Основной удар наносили по противнику, укрепившемуся в Красной Поляне. В ожесточенных боях, продолжавшихся весь день, части 331-й дивизии Короля и 28-й бригады полковника Гриценко, усиленные двумя батальонами танков и поддержанные армейской артиллерией и фронтовой авиацией, пробились к восточной и юго-восточной окраинам Красной Поляны. В то же время две правофланговые бригады армии, преодолевая сопротивление противника, продвинулись за день от 2 до 3 км. Успех небольшой, но все же успех. Сказывалось отсутствие опыта в наступательных боях и у командиров, и у войск. Да и артиллерии, поддерживающей войска, было мало.

На другой день для поддержки войск 20-й армии, помимо армейских и фронтовых средств, было привлечено 100 орудий из Московской зоны обороны и часть авиации Верховного Главнокомандования. Однако использовать эту поддержку в районе Красной Поляны удалось лишь отчасти. Весь день 7 декабря в поселке шли кровопролитные бои, не раз доходившие до рукопашных схваток. За восемь дней оккупации части танковой и пехотной дивизий противника превратили поселок в сильный укрепленный пункт. Засевшие в домах автоматчики и стрелявшие из-за домов танки преграждали путь нашей пехоте. Дом за домом, строение за строением отвоевывали советские войска у врага. Из дивизии генерала Короля особенно храбро дрались автоматчики Родинов, Марухин и Купцов. Они уничтожили до 50 гитлеровцев и 6 взяли в плен. Смертью героя погиб сержант Новиков. Он был связистом и исправлял провод, соединявший штаб полка с НП. Вражеские автоматчики открыли огонь по связисту. Новиков сжал зубами не сращенные еще концы кабеля и открыл из автомата ответный огонь. Так и нашли его мертвым с концами кабеля в зубах. Части бригады Гриценко в тот день овладели юго-западной окраиной Красной Поляны. Однако во второй половине 7 декабря части 106-й пехотной дивизии, усиленные танками 2-й танковой дивизии, перешли в контратаку. Роты 2-го батальона бригады дрогнули и попятились назад. Тогда комиссар батальона старший политрук Ц. Н. Копалев с группой наиболее стойких бойцов бросился с криками «ура» вперед и увлекли за собой весь батальон. К рассвету 8 декабря разбитые части противника были вышвырнуты из поселка и стали отступать на запад. Свыше 30 танков и броневиков, много орудий, минометов и ручного оружия оставил враг в районе Красной По-

ляны. В числе наших трофеев оказалась и привезенная накануне пушка калибра свыше 200 мм², из которой немцы рассчитывали обстреливать Москву. Убегая из поселка, оккупанты оставили не только награбленное продовольствие и имущество, в том числе оказалась даже детская одежда, но и войсковые склады. Перед отходом фашистские варвары подожгли школу, клуб и текстильную фабрику.

Примерно в 10 часов утра приехал из морской бригады член Военного совета Куликов. Он был в приподнятом настроении.

— На рассвете полковник Чистяков посадил на танки приданной танковой бригады морскую пехоту, — рассказывал Петр Николаевич. — Утром танковая бригада с десантом пехоты, сопровождаемая артиллерийским огнем, неожиданно для противника атаковала и прорвала один из участков его обороны. Вслед за танками в атаку бросилась вся морская бригада. А снег глубокий, больше полуметра. Тогда герои-моряки сбросили с себя шинели и, несмотря на 25-градусный мороз, в одних бушлатах, с криком «ура», ринулись на штурм Белого Раста. Смелая, дерзкая атака увенчалась успехом. Большая часть противника в Белом Растве была уничтожена, а остальные обратились в бегство. На поле боя остались 17 вражеских танков и 6 бронемашин. В бою за Белый Раст особенно храбро сражался старшина II статьи А. Федоров. Рискуя жизнью, он пробрался к каменному зданию, где засели фашисты, и бросил в окно противотанковую гранату. Пуля вражеского автоматчика сразила героя, но путь для преследования войск противника был открыт. Части морской бригады устремились на Никольское, ее штаб перешел в Белый Раст.

Через несколько минут мне позвонил по телефону полковник Будыхин и громким веселым голосом сказал:

— 35-я стрелковая бригада совместно с 31-й танковой бригадой полковника А. Г. Кравченко ударами с фронта и тыла овладели селом Озерецким и перешли к преследованию врага.

К середине дня войска армии продвинулись на 4—6 км. Генерал Король стал перемещать КП дивизии в Красную Поляну. Начальник штаба этой дивизии подполковник Н. Ф. Пуховский переводил штаб в Горки. Армейский НП в Лобне стал ненужным. Мы возвратились в штаб армии и, радостно волнуясь, доложили командованию фронта об успехах войск армии. Оказалось, что к тому времени 1-я ударная армия овладела Яхромой, а правифланговые войска 16-й армии вели уличные бои в Крюкове.

Вечером меня вызвал к телефону Б. М. Шапошников. После моего доклада об обстановке он спросил:

— Правда, что в Красной Поляне сдалось в плен сразу 11 немцев?

После моего утвердительного ответа он, как бы для себя, заметил:

² Архив МО СССР, ф. 373, оп. 6631, д. 3, л. 25.

— Начали сдаваться в плен группами... Раньше этого не было... Значит, у неприятельских солдат начался перелом в сознании.

— В составе пленных пять солдат 2-й танковой дивизии, — дополнил я свой ответ. — По их показаниям, танковая дивизия предназначалась после захвата Москвы к участию в параде на Красной площади. Парадное обмундирование офицерам уже было выдано на руки, а для сержантов п солдат в особых ящиках возилось в тыловых учреждениях полков.

— Перед всем миром плюхнулись теперь в лужу наглецы, — сказал Шапошников.

Как же расценивало в те дни обстановку гитлеровское командование, неделю тому назад предвещавшее крах Красной Армии? Тот же генерал Гальдер пишет 8 декабря в своем дневнике: «С фельдмаршалом фон Боком я обсуждал обстановку на участке фронта его группы армий. Результатом этого совещания явился следующий вывод: «Группа армий ни на одном участке фронта не в состоянии сдержать крупное наступление»³.

10 декабря наступление войск армии на Солнечногорск, в стык 3-й и 4-й танковых групп противника, продолжалось с нарастающей силой. От 10 до 12 км продвинулись в этот день наши части и вышли на рубеж Векшино, Никольское. Освободили несколько десятков пунктов, захватили значительное число пленных и богатые трофеи.

К концу дня оптимистическое построение командования армии охладил командующий фронтом генерал армии Г. К. Жуков. В разговоре со мной по телефону он указал на недопустимо медленные темпы наступления армии и сказал, что наши войска продвигаются только по дорогам вслед за отступающими частями противника, не выходят на фланги и в тылы неприятельским колоннам, не стремятся окружить врага. В заключение разговора он приказал в быстром темпе выдвинуть правофланговые войска армии севернее Солнечногорска, перерезать Ленинградское шоссе, окружить и разгромить обороняющие Солнечногорск вражеские части.

Выйти севернее Солнечногорска и перерезать пути отхода врагу из города мы приказали морской бригаде.

Надо сказать, что к тому времени армия получила значительное число лыж и по указанию командующего фронтом во всех соединениях были созданы лыжные отряды. Одетые в полушубки, прикрываемые сверху маскхалатами, лыжники проникали по глубокому снегу далеко в тыл противника и дерзкими налетами по резервам и тылам противника вносили панику в ряды врага. В морской бригаде лыжный отряд состоял из 800 человек. В 14 часов 11 декабря полковник Иван Михайлович Чистяков донес, что его передовой отряд в составе 24-й танковой бригады с десантом морской пехоты и лыжников перерезал к северо-западу от Солнечногорска

³ «Военно-исторический журнал», 1961, № 12, стр. 91

Ленинградское шоссе. Часом позже танковая бригада полковника Кравченко, а вслед за ней стрелковая бригада полковника Будыкина, вышли к южной и юго-западной окраинам Солнечногорска и атаковали вражеские позиции под городом. Однако овладеть Солнечногорском с ходу не удалось. Части 106-й и 23-й пехотных дивизий противника, усиленные танками, превратили город в укрепленный пункт. Чтобы отрезать неприятелю пути отхода из Солнечногорска на Клин, следом за морской бригадой стала выдвигаться стрелковая дивизия полковника Прокофьева. Наступающие на Солнечногорск войска 20-й армии были временно усилены 55-й стрелковой бригадой из 1-й ударной армии. Для руководства наступающими на Солнечногорск войсками в с. Радомля — у Ленинградского шоссе — был подготовлен армейский вспомогательный пункт управления. Весь день 11 декабря продолжались ожесточенные бои за Солнечногорск, в руководстве которыми принял активное участие полковник Лизюков. После полудня танковая бригада полковника Кравченко дерзкой атакой прорвалась в город и стала улицу за улицей отвоевывать у противника. Первыми в Солнечногорск ворвались танковая рота старшего лейтенанта Грязнова и мотострелковый батальон капитана Иванушкина. Вслед за танками уличные бои в Солнечногорске завязали 35-я и 55-я стрелковые бригады. Смело, не отрываясь от пехоты, сопровождала ее огнем артиллерия майора А. С. Ухова. Сам он в бою под Солнечногорском геройски погб⁴. Во второй половине дня на город повели наступление с севера части морской бригады. К исходу суток город был занят. В боях за Солнечногорск гитлеровцы потеряли несколько сот солдат и офицеров. На городских улицах осталось 20 подбитых танков и 18 орудий. Уничтожение изолированных очагов неприятеля в городе продолжалось всю ночь. Рано утром 12 декабря Солнечногорск был полностью очищен от противника.

В полдень в Радомль съехались почти все представители командования армии.

— Солнечногорск, который мы только что освободили, находится в 65 км от Москвы, — показывал я на карте. — Значит, за все дни наступления войска продвинулись на 40 км. Темпы слабые.

— Надо лучше управлять войсками, нацеливать их на обходы и охваты, объединять их действия при наступлении, — подчеркнул Куликов. — Вот я был в дивизии Короля. Его части наступают на Стрелино и Обухово, юго-западнее Солнечногорска. На эти же пункты наступают и части группы генерала Ремизова. Но те и другие действуют без всякой увязки, сами по себе. Почему группу Ремизова не подчиняют нам?

— Рассчитывают, что она обойдет Истринское водохранилище с севера и ударит с тыла по войскам противника, обороняющим водохранилище, — пояснил я.

---

⁴ Александр Семенович Ухов похоронен в Солнечногорске.

— Наша левофланговая бригада полковника Гриценко уже вышла у дер. Пятница к Истринскому водохранилищу, — заметил полковник Лизюков. — Противник уничтожил все переправы, а дамбу взорвал. Вода спущена, лед рухнул и сломался. Бригада готовится к переправе на западный берег водохранилища. Похоже, что противник бросает позиции за водохранилищем.

13 декабря армии Западного фронта получили новые задачи на наступление. 20-я армия теперь нацеливалась на Волоколамск.

Вечером 14 декабря я докладывал начальнику штаба Западного фронта генерал-лейтенанту В. Д. Соколовскому об упорных боях главных сил армии вместе с группой Ремизова на подступах к Нудоль-Шарино. Сопrotивление противника в тот день заметно возросло. Войскам приходилось преодолевать значительно большее, чем раньше, число заграждений, да и глубина снега стала не меньше метра.

— Отрыв группы Ремизова от пехоты в этих условиях маловероятен, — докладывал я. — А выход группы с запада к Истринскому водохранилищу теперь не имеет смысла. По допесению командира нашей левофланговой бригады, переправившейся сегодня у Пятницы через Истринское водохранилище и занявшей Татищеву, противник оттуда отходит. Какую же задачу будет выполнять теперь группа Ремизова?

— Чтобы облегчить вашей армии овладение Волоколамском в назначенный срок — 18 декабря, группа Ремизова 15-го с утра перейдет в ваше подчинение, — обрадовал меня Соколовский.

К сожалению, эта группа была очень слабой. В ее состав входили 145-я танковая бригада, насчитывающая меньше двух десятков танков, 44-я кавалерийская дивизия, полки которой включали от 150 до 200 человек, и малочисленная 17-я стрелковая бригада. 15 декабря мы передали на усиление группы Ремизова 24-ю и 31-ю танковые бригады. Мощным тараном, состоящим из группы Ремизова, морской бригады и 331-й дивизии, 20-я армия стала пробивать укрепленный рубеж на подступах к Нудоль-Шарино для последующего развития наступления на Волоколамск. Ожесточенно сопротивлялись на подготовленных позициях 11-я танковая, 35-я и 106-я пехотные дивизии врага. При отходе они прикрывались многочисленными заграждениями. Раньше вражеские части ограничивались обычно постановкой мин и фугасов на дорогах да устройством лесных завалов. Теперь же минные заграждения стали дополняться, особенно в населенных пунктах, сооружениями разного рода «сюрпризов». Двери пустых домов, сараев и других хозяйственных строений, двери уборных и хлевов соединялись незаметными проволочками с минами. В пустых домах минировались печи и кровати. На столах оставлялись как бы брошенные в спешке съестные припасы и вино, которые были отравлены. Наши части широко оповещались об этих варварских приемах немецко-фашистских войск, но все же жертв было немало.

В боях 15 декабря особенно много геройских подвигов было совершено в морской бригаде и в частях группы Ремизова. В тот день в напряженном бою за дер. Алексеевку комиссар батальона 17-й стрелковой бригады Давыдов находился в роте, действовавшей на правом фланге батальона. Рота попала под сильный артиллерийский и пулеметный огонь противника. Давыдов принял меры, чтобы вывести роту из-под обстрела, а затем смело атаковал врага и овладел селом. В этой же бригаде рядовой Исаев по своей инициативе заменил в бою убитого командира роты (все командиры также выбыли из строя). Смелой и решительной атакой во фланг противнику рота под командованием Исаева внесла в ряды гитлеровцев смятение и панику, чем способствовала успешному выполнению задачи батальона. За умелое управление ротой во время боя, смелость и инициативу Исаев был произведен в лейтенанты и назначен командиром роты⁵.

В этот день войска 20-й армии глубоко обошли с севера Истринское водохранилище и помогли 16-й армии генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского преодолеть истринский оборонительный рубеж противника. А правый сосед — 1-я ударная армия генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова, — взаимодействуя с 30-й армией, освободила в тот день Клин.

С середины 16 декабря быстро сбиваемые с промежуточных рубежей под Нудоль-Шарином части противника стали поспешно отходить на юго-запад, бросая в большом количестве технику и тяжелое вооружение. В тот день наши части захватили 32 противотанковых орудия, 14 стачковых пулеметов, 106 автомашин и склад с боеприпасами. Первый эшелон штаба армии переместился в Солнечногорск.

Преследуя отступающего за р. Ламу противника, войска 20-й армии вышли 18 декабря уже на подступы к Волоколамску, на рубеж Гусенево, Чисмена, Покровское. С подходом 331-й стрелковой дивизии здесь разыгрались тяжелые ожесточенные бои. Неприятельские части во что бы то ни стало стремились задержать наши войска, в это же время спешно готовя оборонительные позиции за Ламой. Об этом нам сообщали и авиация, и армейская разведка, и партизаны. Надо сказать, что помощь партизан войскам Западного фронта заметно ощущалась на всех этапах Московской битвы. Неувядаемой славой покрыли себя многие партизаны и целые партизанские отряды. Немало их пало смертью героев. Так, при выполнении боевых заданий погибла группа советских патриотов, которые были зверски замучены фашистами в Волоколамске. Партизанский отряд Волоколамского района под руководством Б. В. Тагунова и В. П. Мыларщикова за время действий в тылу врага уничтожил 300 гитлеровских солдат и офицеров, 46 автомашин, 3 цистерны с горючим и склад с боеприпасами. Этот же отряд взор-

⁵ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2526, д. 46, л. 531.

вал 15-метровый мост на дороге Волоколамск—Клин, что вызвало скопление вражеского транспорта и дало возможность уничтожить нашей авиации свыше 100 машин противника⁶.

Во второй половине дня 18 декабря генерал Король ввел в бой второй эшелон, и вместе с частями группы Ремизова полнокровная дивизия сибиряков нанесла противнику мощный удар.

Совместно с войсками 20-й армии на Волоколамск наступала оперативная группа генерала М. Е. Катукова, входившая в состав 16-й армии. Танкисты Катукова действовали вместе с частями 331-й стрелковой дивизии. Головная танковая рота 1-й гвардейской танковой бригады, продвигаясь по лесным просекам, нанесла удар гитлеровцам, оборонявшим с. Покровское. Разгорелся жаркий бой. Противник подтянул сюда резервы и отрезал роту от главных сил бригады. В этой тяжелой сложной обстановке командир танковой роты старший лейтенант Д. Ф. Лавриненко принял смелое решение: развернуть роту и прорваться в тыл вражеской обороны противника, уничтожить фашистов, засевших в селении Аннино. Во время атаки экипаж танка Лавриненко уничтожил два неприятельских танка, два противотанковых орудия и десятки немецких солдат и офицеров. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В ожесточенном бою под Аннино 18 декабря отважный танкист старший лейтенант Дмитрий Федорович Лавриненко героически пал на поле боя.

Сокрушительный удар дивизии Короля и групп Ремизова и Катукова стоил неприятелю больших потерь, смял его оборонявшиеся части и принудил их к отходу. На поле боя враг оставил несколько сот мерзлых трупов, 12 танков, 17 орудий, 90 автомашин и 3 войсковых склада. Из-под полов и подвалов домов, из погребов наши бойцы выгнали и пленили свыше трех десятков «зимних фрицев». Это были не солдаты, а оборванцы — грязные, вшивые. Они дрожали от холода и страха.

Наступая на пятки отходившего в Волоколамск противника, нанося ему фланговые удары лыжными отрядами, 331-я дивизия Ф. П. Короля подошла утром 19 декабря к восточным предместьям Волоколамска — Ядрово и Никольское. А морская бригада вместе с группой Ремизова вели к тому времени бои в районе Ефремово, Авдотьино, Ченцы — в 3—5 км северо-восточнее города.

В полдень 19 декабря в с. Чисмены начал разворачиваться армейский командный пункт. Когда я и член Военного совета Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, туда вошел адъютант командующего армией и доложил нам о его приезде. В окно было видно, как из остановившейся у дома машины вышел высокого роста генерал в темных очках. На нем была меховая бекеша с поднятым воротником, обут он был в бурки.

⁶ Архив МО СССР, ф. 15, оп. 178359, д. 1, л. 351

Это был генерал Власов⁷. Он зашел на узел связи, и здесь состоялась наша первая с ним встреча. Показывая положение войск на карте, я доложил, что командование фронта очень недовольно медленным наступлением армии и в помощь нам бросило на Волоколамск группу Катюкова из 16-й армии. Куликов дополнил мой доклад сообщением, что генерал армии Жуков указал на пассивную роль в руководстве войсками командующего армией и требует его личной подписи на оперативных документах. Молча, насупившись, слушал все это Власов. Несколько раз переспрашивал нас, ссылаясь, что из-за болезни ушей он плохо слышит. Потом с угрюмым видом буркнул нам, что чувствует себя лучше и через день-два возьмет управление армией в свои руки полностью. После этого разговора он тут же на ожидавшей его машине отправился в штаб армии, который переместился в Нудоль-Шарино.

Вскоре после отъезда Власова меня вызвал по телефону генерал Соколовский и ошеломил следующей новостью:

— Командующий фронтом крайне недоволен нерешительным преследованием войсками вашей армии отходящего к Волоколамску противника. По донесению начальника штаба 16-й армии генерала Малинина, «группа Катюкова, соединившись с группой Ремизова, с утра 19.12.41 г. преследует отходящего в направлении Волоколамска противника»⁸. Исходя из этого, генерал Г. К. Жуков передал группу Ремизова из вашей армии в армию Рокоссовского и освобождение Волоколамска возложил на него.

— Вас ввели в заблуждение, — возразил я. — Противник отступать пока не собирается. Он создал под Волоколамском прочную оборону, которую, шаг за шагом, с большим трудом пробивают с фронта 10-тысячная дивизия Короля с танковым батальоном и гвардейским минометным дивизионом, а с северо-востока — морская бригада с группой Ремизова. Мы их поддерживаем всей армейской артиллерией. Группа Катюкова находится в районе Петелино, Большое Никольское, юго-западнее нашего КП. Никакой связи она с группой Ремизова не имеет. В обеих группах осталось в строю по 20 танков. На дорогах, особенно перед перелесками и населенными пунктами, противник построил сильную противотанковую оборону, а вне дорог на полях лежит снег глубиной свыше метра. Прорывать оборону небольшим числом танков, да еще ночью, невозможно. Это возможно только полнокровным пехотным соединениям нашей армии. ⁱ

— Под Волоколамск поехали заместитель командующего генерал Захаров и группа командиров штаба фронта, мы ожидаем от них доклада, — недоверчиво промолвил Соколовский.

⁷ Позже Власов командовал 2-й ударной армией и, будучи в окружении, в июле 1942 г. сдался в плен. Поступил на службу к немцам, организовал «РОА» («Русская освободительная армия») из таких же пленных предателей, каковым стал сам. В конце войны предатель Власов был захвачен нашими войсками и в 1946 г. по приговору военной коллегии советского суда повешен.

⁸ Архив МО СССР, ф. 203, оп. 2514, д. 139, л. 257.

Я сообщил о содержании разговора с Соколовским Куликову, который с огорчением проговорил:

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

В подтверждение переданных Соколовским новостей мне через несколько минут припеску из боевого распоряжения штаба 16-й армии, подписанную генералом Рокоссовским в 11.00 19 декабря 1941 г.

«Общее руководство действиями оперативных групп Катукова и Ремизова возложено на меня. В целях наиболее тесного взаимодействия частей в операции по овладению Волоколамском приказываю: а) группу Ремизова подчиняю Катукovu; оперативной группе Катукова после овладения Волоколамском, впредь до распоряжения, оставаться в Волоколамске»⁹.

Прочитав этот документ, Куликов с возмущением воскликнул: — Это все результат недостаточной осведомленности штаба фронта. Ведь штаб 16-й армии находится от Волоколамска в 100 верстах и смотрит на складывающуюся здесь обстановку глазами Катукова. Пусть он попробует один войти в Волоколамск вслед за отступающим, по его словам, противником.

Мы решили не менять задачи войскам нашей армии по наступлению на Волоколамск. Обстановка заставит командование фронта изменить свое решение.

Куликов остался для доклада об этом неприятном казусе члену Военного совета фронта Булганину, а я через некоторое время уехал на дивизионный НП генерала Короля, развернутый в районе Ядрово. Там полковник Лизюков организовал армейский НП. Почти одновременно со мною туда же приехал полковник Семенов. Он подтянул к Ядрово армейский артполк, который становился на позиции.

Отводя свои войска на оборонительный рубеж за р. Ламу, немцы оставили для обороны Волоколамского района значительные силы. На подступах к городу они взорвали все мосты, заминировали дороги, устроили большое число всевозможных заграждений. Во второй половине 19 декабря войска армии в ожесточенных боях метр за метром прорывали вражескую оборону, преодолевали заграждения.

Вечером группа генерала Ремизова и морская бригада заняли пригородную слободу Пушкирки и вышли к северо-западной окраине Волоколамска. Несколько позже сибиряки 331-й дивизии Короля во взаимодействии с тапкистами группы генерала Катукова приблизилсь к восточной и юго-восточной окраинам города. Стрелковый полк майора М. А. Штейнлухта к исходу суток прорвался южнее Волоколамска, перерезал шоссе от города к железнодорожной станции Волоколамск (расстояние между ними около 5 км) и устремился главными силами к р. Ламе, а частью сил — на Волоколамск. Ночью начался штурм города.

⁹ Архив МО СССР, ф. 16а, оп. 5916, д. 64, л. 227.

Наши войска в жарких схватках сломали сопротивление противника и в 3 часа утра ворвались в Волоколамск. Дом за домом, улицу за улицей очищали они от противника, уничтожая и пленя гитлеровцев. Первыми ворвались в город с северо-запада части группы Ремизова — мотострелковый батальон майора Я. С. Трубицина и танковый батальон майора В. Л. Труфанова. Левее их почти в то же время в город проник передовой отряд морской бригады под командованием командира бригады полковника Чистякова. С востока и юго-востока Волоколамск штурмовали вместе с группой генерала Катукова стрелковые полки 331-й стрелковой дивизии под командованием майора А. К. Калиша и Ф. П. Регпни. С юго-востока первым ворвался в город батальон лейтенанта С. П. Битюцкого и нанес вражескому пехотному батальону удар с тыла. В уличных боях лично Битюцкий уничтожил 12 автоматчиков. Один из взводов батальона под командой комсорга Михаила Шумилкина, уничтожив несколько вражеских групп, засевших в домах, открыл батальону путь в город. Красноармеец Киреев в ходе боя заставил замолчать вражеский пулемет и взял в плен трех гитлеровцев, а красноармеец Фомин бесстрашно и умело расправился с автоматчиками, засевшими в домах и мешавшими продвижению наших пехотинцев¹⁰. С востока, с фронта первым штурмовал Волоколамск стрелковый батальон 331-й дивизии под командованием старшего лейтенанта М. А. Токарева. Среди героев в бою за Волоколамск почетное место занимает рядовой Шилов. В разгар боя был тяжело ранен командир взвода. Эта внезапная потеря внесла замешательство в ряды бойцов. Быстро оценив остроту и опасность положения, Шилов проявил незаурядную инициативу: он немедленно вступил в командование взводом. Под сильным минометным и ружейно-пулеметным огнем он смело повел взвод в атаку. За храбрость и находчивость в бою рядовой Шилов был награжден орденом Ленина. Утром 20 декабря группа генерала Ремезова (20-я армия) совместно с переданной к тому времени из 16-й армии группой генерала Катукова освободили от немецких оккупантов старинный русский город Волоколамск. Около 1200 вражеских солдат и офицеров было уничтожено и пленено в районе Волоколамска. В окрестностях города и в самом городе враг оставил 18 подорванных танков, 23 орудия, 3 войсковых склада и более 200 машин¹¹. А капитану В. М. Носевичу из 331-й дивизии удалось с группой бойцов отнять у вражеских солдат исправный самолет, который они на руках перекатили за р. Лама. Значительные потери были и у наших войск. В боях за Волоколамск смертью храбрых пали на поле боя комиссар морской бригады полковой комиссар В. И. Тулинов, заместитель командира морской бригады полковник Г. Е. Кузьмин. Геройски сложили здесь свои головы за Родину, за партию командир

¹⁰ «Красноармейская газета» (газета Западного фронта), 21 декабря 1941 г.

¹¹ Архив МО СССР, ф. 373, оп. 6631, д. 3, л. 42.

батальона 331-й дивизии лейтенант Сергей Петрович Битюцкий, а также командир взвода этой дивизии комсомолец младший лейтенант Николай Горюнов. Накапуе, во время боя за селение Ченцы, он подал заявление о приеме в партию. В бою за Волоколамск Горюнов был тяжело ранен, но не покинул взвод. Лишь спустя некоторое время, когда наступило короткое затишье, бойцы взвода вынесли его в безопасное место. Но рана оказалась смертельной, и младший лейтенант Горюнов скончался.

К 11 часам 20 декабря Волоколамск был полностью очищен от засевших на чердаках и в подвалах домов неприятельских групп.

Радостно, со слезами на глазах жители города встречали своих избавителей. От них мы узнали, а затем увидели своими глазами, как велики были злодеяния немецких оккупантов в этом городе. За время оккупации Волоколамска тысячи жителей города и района были брошены в тюрьмы, расстреляны и угнаны в неволю. В центре города наши бойцы увидели ужасающую картину. На высокой огромной перекладине висели тела восьми советских патриотов, казненных извергами-фашистами. Имена героев стали широко известными всему советскому народу. Это были москвичи П. В. Кирьянов, Е. Я. Полтавская, А. В. Грибкова, К. Ф. Пахомов, В. В. Ординарцев, И. А. Маненков, Н. А. Галочкин и Н. С. Каган. Как только враг был изгнан из города, возле места казни замученных и повешенных гитлеровцами героев-партизан состоялся многолюдный митинг¹². С яркой зажигательной речью на этом митинге выступил начальник политотдела 331-й стрелковой дивизии полковой комиссар Владимир Иванович Шипилов, погибший в 1944 г. в боях под Гродно.

В полдень 20 декабря части морской бригады завязали бой под с. Ивановским. Туда же подходили группы Катукова и Ремизова. 331-я стрелковая дивизия атаковала укрепленные позиции врага за р. Ламой на участке Гимково, Терентьево. В 13 часов 30 минут, после ожесточенных боев, переходивших не раз в рукопашные схватки, левоблачный полк 331-й дивизии под командованием майора Ф. П. Регины совместно с бригадой полковника Будыхина овладели железнодорожной станцией Волоколамск¹³. Много боевой техники и награбленного немцами имущества осталось в эшелонах и на складах станции.

К исходу 20 декабря 20-я армия и соседние с ней армии правого крыла Западного фронта вышли к заранее укрепленному противником рубежу за реками Лама и Руза. Попытки прорвать его с ходу не удалось. Тогда командование 20-й армии, КП которой переместился в Волоколамск, несколько раз организовывало прорыв вражеской обороны, но безуспешно. Остановились и соседние армии. На Западном фронте наступила омерзительная пауза.

За время исторического контрнаступления Красной Армии

¹² После войны на месте казни героев-патриотов воздвигнут памятник.

¹³ Архив МО СССР, ф. 373, оп. 6631, д. 3, л. 44.

немецко-фашистские войска понесли огромные потери, боеспособность их понизилась, моральный дух был надломлен. За поражение под Москвой главнокомандующий сухопутными силами Германии генерал-фельдмаршал фон Браухич 19 декабря был отстранен Гитлером от своего поста. В этот же день главнокомандующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок был снят и заменен генерал-фельдмаршалом фон Клюге. А несколько раньше был снят с должности командующего танковой армией генерал Гудериан.

«Сила удара русских и размах этого контрнаступления были таковы, — вспоминает немецкий генерал Типпельскирх, — что колдобали фронт на значительном протяжении и едва не привели к непоправимой катастрофе... Немецким войскам грозила судьба великой армии Наполеона»¹⁴.

В итоге победного контрнаступления наших войск в декабре 1941 г. враг был отброшен от Москвы на запад от 100 до 300 км. Угроза столице миновала. Москва получила возможность жить и работать в более спокойной обстановке.

В последнюю декаду декабря 1941 г. войска 20-й армии несколько раз пытались прорвать оборону противника за р. Лама. Наиболее сильный удар наносился на правом фланге армии от Ивановского на Михайловское. В нем принимали участие 352-я стрелковая дивизия полковника Прокофьева, подтянутая из второго эшелона армии, а также группы Ремизова и Катукова. А в центре продолжали атаковать в направлении на Хворостинино и Лудину Гору дивизия генерала Короля и морская бригада. Надо сказать, что в то время нередко недооценивалась сила и боеспособность войск противника, недостаточно учитывались потери наших войск при контрнаступлении и их слабое оснащение боевой техникой и боеприпасами. Можно было услышать такие разговоры, что противник едва добрал от Москвы до Ламы и сел за рекой, чтобы отдохнуть и набраться силы. А мы, вместо того чтобы гнать врага дальше и не давать ему передышки, тоже остановились.

К сожалению, дело было не так. За Ламой стали в оборону сильные, боеспособные резервные части противника. В частности, перед 20-й армией оборонялись 5-я и 6-я танковые и 35-я и 106-я пехотные дивизии. Они не раз переходили в контратаки против наших войск.

В дни наступательных боев Куликов и я обычно находились или на КП командиров дивизий, или на рядом расположенных КП генералов Ремизова и Катукова. КП Катукова располагался в подвале церкви с. Ивановское, а Ремизова — в доме священника этой церкви. И церковь и дом нередко обстреливались артиллерийским и пулеметным огнем противника. Два дня на КП Катукова и Ремизова находился заместитель командующего фронтом генерал Г. Ф. Захаров с группой командиров штаба. Он воочию убедился,

¹⁴ К. Типпельскирх. История второй мировой войны, стр. 201—203.

что атакующие войска нашей армии отвоевали у противника несколько населенных пунктов, нарушили его систему обороны, причинили ему большой урон, но прорвать всю тактическую глубину вражеской обороны не в силах.

Перед возвращением в штаб фронта он заехал ко мне и сказал:

— Буду докладывать командующему фронтом, что для прорыва обороны противника вашу армию надо значительно усилить и оснастить боевой техникой. А наступать одной дивизией Прокофьева и двумя полупустыми группами Ремизова и Катуква — напрасная трата сил и средств. Фронт дал вам приказание передать группу Ремизова в 1-ю ударную армию, но при таком ее состоянии помощи она на новом направлении не окажет. Ее надо выводить в тыл на укомплектование. В частности, приказание на вывод из группы ее обсиленной кавалерийской дивизии вы получите на днях.

Прощаясь со мной при посадке в машину, Георгий Федорович, невесело усмехаясь, поделился со мной такой новостью:

— Дня три тому назад наш Брянский фронт опять вошел в строй. Восстановлен он почти в прежнем составе. Командует им генерал Я. Т. Черевиченко, а начальником штаба фронта стал наш общий друг генерал Владимир Яковлевич Колпакчи.

— Меня известили, что начальник тыла фронта генерал М. А. Рейтер тяжело ранен под Ельцом и эвакуирован в госпиталь, — сообщил я Захарову.

С первой недели января 1942 г. командование Западного фронта в быстрых темпах стало готовиться к возобновлению прерванного наступления. На усиление 20-й армии, которой предназначалась главная роль в наступлении войск правого крыла фронта, передавались по две стрелковые бригады от соседних 1-й ударной и 16-й армий; пять артиллерийских полков и два дивизиона реактивной артиллерии; 2-й гвардейский кавалерийский корпус с танковой бригадой и пятью лыжными батальонами¹⁵. Последний предназначался для развития успеха после прорыва обороны противника. Командовал корпусом генерал-майор И. А. Плиев. Прежний командир корпуса генерал-майор Л. М. Доватор 19 декабря 1941 г. героически погиб на поле боя в сражении северо-западнее г. Рузы. Войска армии усиленно пополнялись людьми, танками, оружием и боеприпасами. По предварительному распоряжению фронта командование армии приняло решение на проведение армейской наступательной операции, которая в документах штаба армии получила наименование «Волоколамская».

Утром 6 января 1942 г. я приехал к начальнику штаба Западного фронта генералу В. Д. Соколовскому по его вызову. Он предупредил меня, что Ставка предполагает начать общее наступление всех фронтов.

¹⁵ Архив МО СССР, ф. 1410, оп. 3485, д. 1, л. 10

— На правом крыле Западного фронта должна перейти в наступление на Шаховскую, Сычевку ваша 20-я армия, — показывал он мне на карте с нанесенным на ней решением на наступление войск фронта.

— А соседние армии куда нацеливаются? — спросил я.

— Левофланговые войска 1-й ударной армии будут наступать во взаимодействии с вашей армией, — ответил Соколовский. — Ну, а обессиленная в предыдущих боях 16-я армия участия в наступлении принять не сможет.

Затем генерал Соколовский вручил мне только что подписанную директиву фронта на наступление и проект директивного письма Ставки, которое, по его словам, дня через два будет подписано¹⁶. В этом письме, на основе передовой теории советского военного искусства о глубокой операции и с учетом предшествующих операций, Ставка дала подробные указания по организации и проведению наступательных операций. В письме говорилось, что прорыв вражеской обороны следует производить мощными ударными группами на узких участках. На поддержку и обеспечение ударных групп массировать все силы и средства. Артиллерийскую подготовку перед наступлением заменить артиллерийским наступлением. Я позволяю привести здесь отрывки из этого важного директивного письма Ставки, принципы которого легли в основу организации и проведения наступательных операций Великой Отечественной войны:

«Что требуется для того, чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину? Для этого требуется по крайней мере два условия: во-первых, — нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и во-вторых, — необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением... Что это означает? Это означает, во-первых, что артиллерия не может ограничиваться разовыми действиями в течение часа или двух часов перед наступлением, а должна наступать вместе с пехотой, должна вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину. Это означает, во-вторых, что пехота должна наступать не после прекращения артиллерийского огня, как это имеет место при так называемой «артиллерийской подготовке», а вместе с наступлением артиллерией, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки. Это означает, в-третьих, что артиллерия должна действовать не вразброс, а сосредоточенно, и она должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе

---

¹⁶ Это директивное письмо Ставки от 10 января 1942 г., подписанное Сталиным и Василевским, было передано фронтам и армиям по телеграфу.

В. Катаев беседует с конниками корпуса И. А. Плиева

действия ударной группы армии, фронта, и только в этом районе, ибо без этого условия немислимо артиллерийское наступление. Любая наша армия, как она ни была бедна артиллерией, могла бы сосредоточить в районе действия своей ударной группы 60—80 орудий, обратив на это дело армейский артиллерийский полк и взяв у своих дивизий, скажем, по две батареи дивизионной артиллерии и десятка два-три 120 мм минометов».

После просмотра представленного мной решения на наступление 20-й армии Соколовский подчеркнул:

— Ваше решение в основном соответствует и нашей директиве и директивному письму Ставки. Однако участок ударной группы надо несколько сузить.

Утром 7 января я зачитал командованию армии исправленный план армейской операции и проект боевого приказа армии.

— Ну вот теперь все приведено в соответствие с письмом Ставки, — сказал Куликов.

— Вы правы, — ответил я. — Армия наступает в направлении на Шаховскую в узкой 20-километровой полосе. Прорыв будет производить ударная группа в составе групп Ремизова и Катукова и 352-й стрелковой дивизии. Участок прорыва ударной группы

всего лишь 8 км. Второй эшелон ударной группы — морская и 55-я стрелковые бригады¹⁷.

— А удалось ли достичь артиллерийской плотности, указанной в письме Ставки? — поинтересовался Куликов.

— Плотности на один километр участка прорыва достигают 76 орудий и минометов и 12,5 ташков, — ответил я. — Таких плотностей удалось достичь впервые за войну¹⁸. На поддержку прорыва выделен 601-й бомбардировочный авиаполк, а осуществлять противовоздушную оборону операции назначена 47-я истребительная авиадивизия. Да и большая часть авиации фронта будет брошена на помощь нашей армии.

— А корпус Плиева? — спросил Куликов.

— Усиленный гвардейский кавалерийский корпус планируется ввести на второй день операции, — ответил я. — Войска займут исходное положение для наступления в ночь с 8 на 9 января, а наступление начнется утром 9 января после полуторачасовой артиллерийской подготовки, — огласил я концовку.

— Успеем ли мы к этому сроку? — усомнился командующий армией.

Тотчас же по получении армейского приказа на наступление в войсках началась усиленная подготовка командиров, штабов и войск к прорыву вражеской обороны. В течение 7 и 8 января командиры соединений с командирами частей, а последние с командирами подразделений выходили, маскируясь, к переднему краю и на местности ставили задачи на наступление, отрабатывали взаимодействие пехоты с артиллерией и танками. Командование и работники штаба армии поголовно все находились в войсках и помогали командирам в подготовке войск к наступлению.

Однако по целому ряду обстоятельств намеченное на 9 января наступление войск 20-й армии не состоялось.

Утром 10 января шел сильный снег. Видимость была плохая. Авиация действовать не могла. Артиллерийская полуторачасовая подготовка при такой видимости должного эффекта дать не могла. В 9 часов 30 минут после артподготовки войска ударной группы перешли в атаку. Однако наступление наших войск для противника, к сожалению, не было неожиданностью. В жестоких, кровопролитных боях, отвоевывая у противника метр за метром, наши части продвинулись в этот день на 2—3 км. Группа Ремизова овладела сильно укрепленным населенным пунктом Захарино, разгромила подразделения и штаб полка 6-й танковой дивизии. В то же время 352-я стрелковая дивизия овладела таким же укрепленным пунктом, Тимоино. В Захарино было обнаружено до 400 трупов немецких солдат, а в Тимоино — свыше 350. В подвалах домов, которые немцы приспособили для стрельбы из пулеметов через сооруженные амбразуры, были захвачены сотни обор-

¹⁷ Архив МО СССР, ф 208, оп 5300, л 23, лл 18—19.

¹⁸ Там же, л. 254.

важных, вшивых «зимних фрицев». Почему немцы в те дни дрались за Ламой с таким ожесточением и не отступали даже под угрозой окружения, мы узнали из показаний пленных:

— Нас предупредили, что все отступающие офицеры и солдаты будут как изменники расстреливаться эсэсовцами и гестаповцами, которые размещаются во второй позиции.

В документах разгромленного штаба полка танковой дивизии в Захарино был найден приказ Гитлера от 3 января 1942 г., подтверждающий эти показания:

«Цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последней гранаты, — вот чего требует текущий момент. Каждый населенный пункт должен быть превращен в опорный пункт. Сдачу его не допускать ни при каких обстоятельствах, даже если он обойден противником»¹⁹.

На второй день операции и в течение первой половины 12 января войска ударной группы армии преодолели еще 3 км вражеской обороны. Левофланговые части 1-й ударной армии также продвинулись вперед. Медленное продвижение наших войск в значительной степени обуславливалось глубоким снежным покровом, затрудняющим наступление войск, а также применение танков и передвижение артиллерии. Командование армии решило в этот день ввести кавалерийский корпус. Предполагалось, что конница поможет ударной группе закончить прорыв вражеской обороны, а затем устремится на Шаховскую, Гжатск. Однако Г. К. Жуков запретил ввод подвижной группы до прорыва обороны противника на всю тактическую глубину²⁰. К исходу 12 января войска 20-й армии пробились на глубину 6—7 км. Группы Ремизова, Катукова и морская бригада подполковника Кулешева вышли на подступы к Шаховской. Перешла в наступление и действовала левее ударной группы дивизия генерала Короля. Продвинулись вперед и левофланговые части 1-й ударной армии.

С утра 13 января был введен в прорыв на Шаховскую кавалерийский корпус генерала Плиева. В последующие дни наши войска продвигались вперед со скоростью 4—5 км в сутки. Преодолевали многочисленные оборонительные рубежи противника на ржевском направлении. Конница двигалась на уровне пехоты.

Утром 15 января я докладывал по телефону обстановку генералу армии Г. К. Жукову. После моего доклада он сказал:

— ... Чего вы все войска направили на Шаховскую и еле-еле продвигаетесь вперед? Перенацельте корпус Плиева на Середу, Гжатск для перехвата начавшей отход Можайской группировки.

Передать это приказание Плиеву поехал сам. На корпусном КП я застал начальника штаба корпуса полковника А. И. Радзиевского и изложил ему приказание генерала Жукова. В это время подъехал Плиев и быстро принял решение на поворот корпуса. Он

¹⁹ «Нюрнбергский процесс», т. I. М., 1954, стр. 779

²⁰ Архив МО СССР, ф. 208, оп. 2511, д. 1427, л. 91

имел в виду обойти Середу с севера и юга и устремиться на Гжатск. После возвращения на армейский КП я доложил решение Плиева начальнику штаба фронта.

16 января перешли в наступление все войска армии, а на другой день заняли Шаховскую и подошли к Середе. О боях конницы за Середу рассказывается в воспоминаниях, которые любезно прислал мне бывший командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал армии Исса Александрович Плиев. Я их помещаю здесь в сокращенном виде:

«Среда. Так называется большое село, лежащее в верховьях р. Руза, километрах в 15 к югу от автостреды Москва—Ржев. В те дни это был один из наиболее сильных опорных пунктов немцев, расположенный на пути наступления 2-го гвардейского кавалерийского корпуса на Гжатск. Корпус оторвался от пехоты и успешно развивал наступление. Высланные вперед дозоры донесли, что Среда занята крупными силами противника. На ее окраинах и западном берегу Рузы — хорошо подготовленная система обороны. Перед населенным пунктом с севера на юг тянется широкая полоса равнинной открытой местности с большой толщей снега. Все это пространство было зоной сплошного заградительного огня. Само собой напрашивалось решение обойти этот опорный пункт и продолжать стремительное движение на Гжатск. Вряд ли немцы удерживали бы его, имея в тылу конный корпус. Об этом решении я доложил прибывшему ко мне начальнику штаба 20-й армии Сандлову. Командованье армии приказало не тратить времени на обход и взять Середу атакой с фронта.

Атака в лоб опорного пункта через открытое, заснеженное пространство днем, к тому же без заблаговременной подготовки, сводила к нулю наши преимущества и могла привести к затяжному бою с тяжелыми потерями. Но приказ есть приказ. Бой за Середу начался с утра 18 января и длился весь день. С наступлением темноты 3-я гвардейская кавалерийская дивизия захватила переправу на р. Руза севернее Середы. 20-я кавалерийская дивизия попала под удар 30 пикирующих бомбардировщиков и укрылась в лесу. Но как только самолеты улетели, продолжала углубляться в обход Середы с юга. В то же время под покровом ранних сумерек в тыл противника на широком фронте просочились многочисленные разъезды казаков. Всю ночь они активно и дерзко действовали вокруг опорного пункта, имитируя окружение, разрушая связь и управление, внимательно наблюдая за всеми движениями по тыловым дорогам. Только 4-я гвардейская кавалерийская дивизия, затаившись, стояла в лесу перед Середой в готовности к атаке.

Ранним утром 19 января 3-я гвардейская кавалерийская дивизия возобновила наступление из района захваченной накануне переправы. Разъезды донесли, что из Середы навстречу дивизии движется колонна немцев. Одновременно была обнаружена колонна пехоты,двигающаяся к Середе с северо-запада. Эти силы противника оказались на время движения выключенными из борьбы. Теперь все

решала мощная внезапная атака. Атака без артподготовки, по такая, чтобы в нее была вложена вся воля и безудержный натиск казаков.

В установленное время, по заранее сверенным часам, без сигнала почти одновременно из леса вырвались эскадроны 4-й гвардейской кавалерийской дивизии и быстро исчезли в темноте. Снежный покров поглощал дробный гул копыт. Это была по-настоящему казачья атака — лихая и стремительная. Первыми в Середу ворвались эскадроны 37-го кавалерийского полка старших лейтенантов Ильи Бурупова и Ивана Картечкина. Артиллерийские батареи сразу открыли заградительный огонь по западной окраине села. Все это произошло в считанные минуты. Так был взят крупный опорный пункт немцев Середка. Улицы и окраины селения были покрыты трупами вражеских солдат и офицеров. Однако и наши потери из-за лобовой атаки противника были очень большими».

В день взятия Середы по распоряжению начальника штаба фронта выехал в штаб 1-й ударной армии, которую совершенно неожиданно для нас Ставка выводила в этот день в свой резерв. 20-й армии было приказано сменить войска уходящей в тыл армии. Я нашел генерала В. И. Кузнецова с его штабом в одном из селений поблизости от Теряевой Слободы. После теплых приветствий мы сразу приступили к вопросу замены войск 1-й ударной армии нашими войсками.

— Вы получили от нас перед наступлением из Волоколамска три стрелковые бригады, вот их и направляйте в нашу полосу. — советовал мне Кузнецов.

— Так мы и делаем, — возразил я. — Но наступательная сила армии теперь резко снизится.

С этого дня 20-я армия стала правофланговой армией фронта, а полоса ее наступления увеличилась почти вдвое.

21 января 16-я армия была переброшена на сухиничское направление.

Ослабление правого крыла Западного фронта привело к постепенному «затуханию» наступления 20-й армии и ее левого соседа 5-й армии. 25 января войска 20-й армии, наступая в направлении на Сычевку, вышли к новым подготовленным гжатским оборонительным позициям противника (так называемая «линия фюрера») на рубеже Васильевское, Быково и выпущены были остановиться. Волоколамская операция 20-й армии закончилась. За две недели боевых действий ее войска продвинулись на 40—50 км.

В послевоенные годы эта первая наступательная армейская операция в зимних условиях, проводившаяся по принципам теории глубокой операции, стала изучаться на групповых занятиях со слушателями в ряде высших военно-учебных заведений, в том числе в Академии имени Фрунзе.

В конце января наступление войск Калининского, Западного и Брянского фронтов временно приостановилось.

Врага отбрасывают
от Москвы все дальше
и дальше

1. Первая наступательная операция
в летних условиях

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой явился решающим событием первого года Великой Отечественной войны и первым крупным поражением немецких армий во второй мировой войне. Гитлеровское командование, чтобы остановить наступление наших войск, перебросило на советско-германский фронт в январе—феврале 1942 г. из Германии и оккупированных ею стран свыше 40 дивизий. Ценой огромных потерь противник задержал наступление фронтов Западного направления на рубеже Великие Луки, Велиж, Белый, Зубцов, Погорелое Городище, Гжатск, Жиздра.

Войска Красной Армии весной 1942 г. перешли на достигнутых рубежах к обороне. В середине весны 1942 г. в Середу, где размещался штаб 20-й армии, приехал новый командующий армией, которым, к моему огромному удовольствию, оказался генерал-лейтенант М. А. Рейтер. Во время первой теплой встречи он, улыбаясь, рассказал мне:

— После выхода из госпиталя я был назначен командующим Северо-Кавказским военным округом. Однако по истечении месяца стал настойчиво проситься на фронт, на любую должность. И меня, не ожидавшего такой чести, назначили на высокий пост командующего армией, к тому же армией, которая успешно участвовала в Московской битве.

— Ну, а какое вы получили напутствие в Москве у главнокомандующего Западным направлением?¹ — спросил я.

— В первую очередь укреплять оборону. Все время помнить, что от фронта до Москвы расстояние еще не велико. А в армии

¹ С 1 февраля 1942 г. командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков по совместительству стал Главнокомандующим войсками Западного направления, включившего помимо Западного фронта, также и Калининский.

Группа воинов 20-й армии, отличившихся в Московской битве.
В центре Л. М. Сандалов

всего две стрелковые дивизии, четыре стрелковые и две танковые бригады. Но, укрепляя оборону, мне приказано также начать подготовку армии к летнему наступлению.

— А как вы предполагаете, обороняясь, готовиться к наступлению? — допытывался я.

— Я имею в виду треть армии, т. е. от каждой дивизии полк, держать во втором эшелоне, вне воздействия вражеского огня, — пояснил мне Макс Андреевич. — По истечении недели эта треть становится на позиции, а во второй эшелон выходит другая треть и т. д. Выйдя в тыловую полосу, люди сходят в баню, сменяют белье, приведут в порядок с помощью мастерских обмундирование и обувь, примут подобающий вошский вид. В это время части пополняются людьми, получают новое оружие, научатся владеть им. В течение недели, на специально оборудованных в тылу полигонах подразделения и части станут обучаться наступать на оборонительные позиции немецкого типа и стрелять из новых образцов оружия. Конечно, в эти дни будут также проводиться и политические занятия.

Член Военного совета П. Н. Куликов и начальник политотдела армии С. И. Паша с одобрением отнеслись к этому нововведению.

Новый порядок в армии тотчас же был введен и соблюдался, как говорится, неукоснительно.

В течение недели Рейтер вместе со мной объезжал верхом передовые обороняющиеся части, тщательно обследовал траншеи. А затем с недовольным видом сказал мне:

— Через неделю устроим сбор для командиров соединений и частей, покажем, как надо строить оборону и как наступать.

На оборудованном полигоне возле местечка Середа, где размещался штаб армии, собравшимся командирам были показаны траншеи полного профиля с приспособлениями для отвода воды и отрезок позиций полкового участка с минными полями, проволочными заграждениями и ходами сообщения. На второй день сборов состоялись практические занятия с целью научить командиров преодолевать вражеские траншеи, снимать мины, резать проволоку, делать перебежки для атаки, ползать разными способами, перелезть через забор, забираться на деревья, колоть штыком, бить прикладом и т. д. А на третий день провели пристрелку всех видов оружия, в том числе противотанковых и танковых пушек. Методика занятий всецело была подчинена нуждам практики. После показа отрывки и преодоления траншеи, постановки проволочного заграждения и снятия его, показа перебежки, переползания и т. д. командиры, разбитые на группы, проделывали те же приемы по несколько раз. М. А. Рейтер лично занимался с группой командиров соединений, показывал, что и как нужно делать, а затем заставлял обучаемых добросовестно повторять показанное.

— Не думайте, что я какой-то солдафон, занимаюсь с вами муштрой, — говорил он командирам в конце сбора. — Четверть, если не половина, потерь в наших войсках надо отпестить за счет неумения строить оборону, плохой обученности перебежкам, переползанию, прыжкам, штыковому бою, да и стрельбе, особенно навскидку, за счет ведения огня из нестрелянного оружия.

Напутствуя перед отъездом в свои части командиров, Макс Андреевич требовал:

— Перестраивать оборону начинайте немедленно. Проволоки и мины для уплотнения заграждений на днях вам подбросим. Выводите по очереди батальоны из первой линии обороны в тыл, обучайте их тому, чему вас здесь обучали. Стройте бани в тылу, люди давно не мылись, не меняли белья. Чтобы лучше руководить работами и обучением, штабы переведите из деревень ближе к частям, оборудуйте для них землянки и блиндажи.

В конце июня 1942 г. гитлеровское командование, воспользовавшись тем, что второй фронт в Европе открыт еще не был, сосредоточило сильную группировку на юге нашей страны и предприняло крупное наступление, в котором приняло участие свыше 90 дивизий. Враг имел в виду разгромить войска нашего левого крыла, вернуть утраченную стратегическую инициативу и овладеть важнейшими экономическими районами юга Советского Союза.

В июле 1942 г. тяжелыми оборонительными сражениями начались Сталинградская битва и битва за Кавказ. Между тем армии Западного направления в это время продолжали в относительно тихой позиционной обстановке оставаться на тех же рубежах, которых достигли в последних числах января. Правобережная 31-я армия Западного фронта оборонялась на рубеже р. Держа, от ее впадения в Волгу до с. Васильевское. Левее — до с. Быково оборонялась 20-я армия, а левее ее, перед Гжатском, — 5-я армия.

В первой половине июля КП 20-й армии обосновался в лесу поблизости от Середы. К исходу каждого дня ко мне, «на огонек» заходили Рейтер, Куликов и все основные начальники армейского управления. Я зачитывал суточную сводку Генерального штаба и показывал на карте, на какие рубежи отошли на юге наши войска.

— Главная группировка немецко-фашистских войск сосредоточилась на юге и брошена на Сталинград, а наши войска там не имеют силы сдерживать их, — с огорчением пояснял Рейтер.

— А войска Западного направления никакой помощи войскам сталинградского направления не оказывают, — заметил Куликов. — Шестой месяц наши армии стоят на месте, ведут себя тихо. Части нашей армии живут, как в мирное время: обучаются военным дисциплинам, проводят собрания, смотрят кинокартины.

Надо заметить, что в то время штаб и политотдел 20-й армии имели самую тесную связь с партизанским отрядом Погорельского района, действовавшего во вражеском тылу на сычевском направлении. Мы имели с отрядом надежную связь, ставили ему задачи, получали от него сведения о противнике. Поэтому я позволю себе рассказать о деятельности отряда.

В сентябре 1941 г., когда фашистские войска приближались к районному центру Калининской области Погорелому Городищу, в глухих лесных урочищах Караси и Семичастный Мох, в 15—20 км юго-западнее этого селения, по инициативе партийных организаций были заложены базы с продовольствием для партизан. Накануне захвата вражескими войсками районного центра секретарь Погорельского райкома партии С. Г. Дороченков и председатель райсовета К. П. Петров, закончив намеченную эвакуацию, ушли в урочище Караси, где организовали партизанский отряд. Дороченков стал командиром отряда, а Петров — начальником штаба. Большинство партизан были членами партии и комсомольцами. На вооружении партизаны имели винтовки, охотничьи ружья и револьверы. У них, кроме отечественного, было трофейное оружие, захваченное у противника. В отряде было более 60 человек. Партизанский отряд Погорельского района имел связь с партизанскими отрядами Шаховского и Кармановского районов.

В январе 1942 г. во время отступления фашистских войск от Волоколамска группа партизан под командованием С. Г. Дороченкова в одну из ночей, в сильную вьюгу обезоружила и уничтожила охранников на разъезде Обовражье, восточнее Погорелого Городища. В это время к разъезду приближался с фронта воинский эше-

лон, а с глубокого тыла — эшелон с горючим. Партизаны перевели железнодорожную стрелку. Произошло крушение, в результате которого погибло более 200 немецких солдат. Эшелон с горючим был сожжен.

Крушение на разъезде Обовражье наделало много шума. Противник усилил охрану железнодорожных объектов. Однако через несколько дней партизанам удалось заминировать железнодорожный мост около ст. Княжьи Горы и взорвать транспорт с боеприпасами. В марте 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР группа партизан Погорельского отряда за доблесть и мужество, проявленное в боях против немецких захватчиков, была награждена орденами Красной Звезды.

В организации диверсий, засад и налетов на тыловые объекты врага партизанам помогали многие местные жители. Особенно большую помощь оказал партизанам лесничий Кармановского района П. П. Павлов, которого гитлеровцы при приближении наших войск расстреляли вместе с семьей.

Поспешную помощь оказывала партизанам жительница с. Ивановское, член Коммунистической партии И. Е. Гожева. Задача партизанского отряда с беззаветным мужеством и героизмом выполняли и сыновья Гожевой Валентин и Жорж. Карательный отряд противника, заподозрив Гожеву в связи с партизанами, угнал ее вместе с другими жителями западнее р. Держа. В июле гитлеровцы расстреляли Гожеву и ее 8-месячную дочь. Сыновья ее успели с партизанами матери уйти к партизанам².

Так вот, от этого героичиского действовавшего в тылу врага Погорельского партизанского отряда мы и получали уточненные данные о войсках противника, действовавших на сычевском направлении.

В конце первой декады июля Г. К. Жуков срочно вызвал М. А. Рейтера на свой КП. Возвратился Макс Андреевич оживленный, веселый и сразу объявил мне и Куликову, с нетерпением ожидавшим его приезда:

— Будем наступать!

— Надо думать, что на этот раз наша армия не будет наступать в одиночестве? — спросил я.

Макс Андреевич развернул карту и стал пояснять нам:

— В наступательной операции примут участие две армии левого крыла Калининского фронта генерал-полковника И. С. Конева и две армии правого крыла Западного фронта. Первые очистят вражеский плацдарм за Волгой и освободят Ржев, а вторые совместным ударом прорвут оборону противника на р. Держа, уничтожат его зубцовско-кармановскую группировку и выйдут на рубеж рек Вазуза и Гжать³. Это будет по существу первая крупная наступательная операция в летних условиях. Ее проведение возложили на

² В 1942 г. Жорж Гожев умер (последствия ранения при побеге к партизанам); Валентин Гожев — офицер Советской Армии.

³ Архив МО СССР, ф. 373, оп. 11350, д. 1, л. 47.

С. И. Паша выдает партбилет на передовой

войска Западного направления, и мы должны с честью выдержать экзамен.

— А почему Калининский и Западный фронты перейдут в наступление не всеми силами? — задал в свою очередь вопрос Куликов.

— Для такого наступления, как говорится, пороку не хватает, — ответил Рейтер. — Поэтому Ставка решила провести операцию ограниченными силами, с основной, понятной для вас, целью — отвлечь как можно больше сил и средств противника от сталинградского направления.

— Какая же конкретно задача возлагается на нашу армию, какими войсками она будет усилена и сколько времени предоставляется на подготовку операции? — поставил я особенно важные для меня — начальника штаба армии — конкретные вопросы.

— Наша 20-я армия, как и в январской операции, будет играть главную роль в наступлении правого крыла Западного фронта, — продолжал пояснять Рейтер. — Как и тогда, прорывать оборону противника будем на правом фланге мощной ударной группой, на узком участке, совместно с левофланговыми частями соседней армии. А слева войска 5-й армии наступать не будут.

— То же как в Волоколамской операции, — подчеркнул Куликов.

— 20-я армия за счет переброски войск с других направлений увеличится больше чем вдвое. Во второй половине июля в нашу армию будут переброшены стрелковый корпус, три стрелковые дивизии, три танковые, самокатно-мотоциклетная и саперная бригады, а также артиллерийские, минометные и зенитные части, части реактивной артиллерии и связи.

— Вот это будет настоящая, полноценная армия! — радовались мы с Куликовым.

— 31-я армия генерал-майора В. П. Поленова также усиливается, но в меньших размерах, — заметил Рейтер. — В удачном прорыве на участке нашей армии фронт особенно заинтересован. В полосе нашей армии, в направлении на Сычевку, фронтовое командование планирует ввод фронтовой подвижной группы в составе двух танковых и кавалерийского корпусов. Наступление нашей армии и левофланговых войск Поленова будет обеспечивать вся 1-я воздушная армия Западного фронта. Корпуса подвижной группы в конце месяца сосредоточатся в лесах северо-западнее Шаховской.

— Где и как разместить такую махину войск? — забеспокоился Куликов.

— Разместить нетрудно, — возразил Рейтер. — Вопрос стоит, как скрыть железнодорожные перевозки и сосредоточение войск в полосе армии от воздушной разведки противника. Как замаскировать и не дать обнаружить их до начала операции, намечаемого на 1 августа.

— Значит, придется прятать войска больше чем полмесяца, — подчеркнул я.

— Георгий Константинович требует от нас начать наступление неожиданно для противника, — внушал нам Рейтер. — Он напомнил, что январская операция 20-й армии могла быть значительно успешнее, если бы подготовка к наступлению армии не была раскрыта неприятелем. На нас троих возлагается особая ответственность за сохранение в тайне подготовки операции. В ближайшие дни мы выберем участок для прорыва и примем решение. А затем информируем об операции начальников армейских управлений и отделов и командиров соединений. На этот раз никаких письменных документов по операции ни фронт, ни армия, ни соединения выпускать не будут. Задачи и приказания командиры будут отдавать своим подчиненным устно.

В течение двух дней Рейтер, я и начальник артиллерии полковник П. С. Семенов находились на первой позиции правофланговых бригад армии. В красноармейской одежде, поверх которой надевали маскхалаты, мы переходили по траншеям из одного пункта в другой и часами рассматривали в бинокль оборонительные позиции противника. Не раз приходилось ползком пробираться к проволочным заграждениям. Тут-то отлично патренированный Рейтер и показал нам наглядно, зачем нужно учиться ползать. Однако для наступления ударной группы армии участка мы не нашли. Некоторые

П. С. Семенов (справа) и Л. М. Сандалов на артиллерийском полигоне

участки в результате неоднократных атак наших войск в весенние месяцы противник уплотнил новыми войсками и позади первых позиций построил тыловые позиции. Другие участки находились впереди больших лесисто-болотистых районов, неудобных для использования танковых войск и артиллерии.

— Какие прекрасные участки для наступления у левофланговой дивизии соседней армии, — завистливо говорил Рейтер, рассматривая в бинокль район селения Погорелое Городище. — Давайте попробуем туда, может быть и для нашей армии там найдется место, а если так, возьмем его в «аренду».

На другой день мы в сопровождении сотрудника штаба 251-й стрелковой дивизии 31-й армии были на позициях этой дивизии. Она оборонялась за р. Держа на фронте свыше 23 км. Перед центром ее оборонительной позиции находился укрепленный узел противника Погорелое Городище. После непродолжительного пребывания на позициях этой дивизии мы облюбовали левую половину дивизионного участка для ударной группы своей армии.

— Лучше этого участка для прорыва ударной группы 20-й армии нельзя и придумать, — восхищался Рейтер. — А 31-й армии для прорыва своей ударной группы достаточно будет другой половины позиций дивизии. Ударные группы армий начнут действия одновременно, плечом к плечу, прорвут оборону противника и будут развивать удары — 31-я армия на Зубцов, а 20-я армия на Сычевку.

— Что говорить, наступать здесь удобнее для всех родов войск, не то что из полосы нашей армии,— согласился Семенов.— Да и дороги отсюда на запад отличные как для войск, так и для танков.

— А движение по железной дороге от Волоколамска на Погорелое Городище проводится до разъезда Обовражье, в 5 км от фронта,— дополнил Рейтер.

— Зато здесь придется форсировать реку,— напомнил я Рейтеру.

— Р. Держа, хотя и приток Волги, легко преодолима,— возразил Рейтер.— Ширина ее здесь всего 15—25 м, а глубина 0,2—2,0 м. Через реку много бродов с песчаным и каменистым дном. Части противника, рассчитывая, что река сама по себе является преградой, обороняются за рекой меньшими силами. Завтра к нам придет на КП командующий войсками Западного фронта. При докладе решения на операцию мы укажем ему, какой участок выбрали для прорыва, и будем просить прирезать его 20-й армии.

На следующий день утром на КП 20-й армии в район Середа приехали Г. К. Жуков и Н. А. Булганин. Решение на операцию 20-й армии с небольшими поправками было утверждено, участок для прорыва одобрен.

— Для соблюдения маскировки 251-я стрелковая дивизия останется на занимаемых позициях в составе 31-й армии, а за день до операции перейдет в вашу армию,— указал Рейтеру Жуков.— Никаких изменений в боевых порядках этой дивизии не производить. 31-я армия будет вести подготовку для прорыва своей ударной группой в правой половине дивизионной полосы, а 20-я — в левой. О цели посещения позиций дивизии командирскими рекогносцировочными группами пусть будет знать только командир дивизии.

На вопрос Рейтера, когда можно будет выводить на свои участки войска ударной группы, Жуков ответил так:

— Исходное положение займете в течение двух последних перед атакой почей. А до тех пор войска держать замаскированными в лесах, за левым флангом армии, в 15—20 км от фронта.

При утверждении Г. К. Жуковым решения на операцию оперативное построение войск 20-й армии было принято следующим. В первом эшелоне на 10-километровом участке главного удара, от Погорелого Городища до Матюшино, разворачивались ударная группа в составе трех стрелковых дивизий и стрелкового корпуса. Каждый полк первого эшелона этих соединений усиливался ротой танков из двух непосредственно поддерживающих пехоту танковых бригад. Для развития успеха этих войск создавалась армейская подвижная группа под командованием Героя Советского Союза полковника П. М. Армана в составе трех танковых и самокатно-мотоциклетной бригад. Во втором эшелоне и резерве армии оставались две стрелковые дивизии.

Каждая стрелковая дивизия ударной группы должна была прорывать оборону противника в среднем на фронте 2—2,3 км.

П. М. Арман

А. Л. Гетман

На 10-километровом участке главного удара планировалось привлечь 255 танков, 979 орудий и минометов, 2 зенитных артиллерийских полка, 16 дивизионов реактивной артиллерии и 17 инженерно-саперных и мостовых батальонов. До того времени еще не было примера такой концентрации сил и средств на участке главного удара. На всем остальном 27-километровом участке армии оставались одна стрелковая дивизия и две стрелковые бригады.

Каждому командиру соединения ударной группы М. А. Рейтер или я ставили задачи на местности. Началась планомерная подготовка к наступлению командного состава, штабов и войск армии. Для достижения внезапности операции все подготовительные мероприятия проводились с соблюдением строгих мер маскировки. К непосредственной подготовке операции привлекался ограниченный круг лиц.

Особенно большие усилия принимались к сохранению в районе Погорелое Городище установившегося уже давно спокойного режима. Против продолжительное время оборонявшейся там за р. Держа 161-й немецкой пехотной дивизии в течение июля продолжала обороняться на широком фронте наша 251-я стрелковая дивизия. Противник хорошо знал ее, привык к ней и не ожидал от нее активных действий. Здесь не проводились длительное время ни нашими войсками, ни войсками противника наступательные бои и боевая разведка. Перестрелка редко нарушала тишину обороны, а артиллерийская стрельба по переднему краю становилась замет-

ным событием дня. По одиночным людям, появившимся в глубине обороны, обычно не стреляли, если только они не попадали на мушку снайпера. По утрам, при ясной погоде, можно было наблюдать смену немецких солдат на постах впереди первой траншеи, дым, идущий из блиндажей и землянок, переливание через бруствер ведрами воды из окопов. Вечером из первой траншеи противника разносились звуки губной гармошки, а ночью долина р. Держа — нейтральная полоса — изредка, реже, чем на других участках, освещалась ракетами. Утром и вечером в излучине реки, вне досягаемости ружейно-пулеметного огня, появлялись иногда рыболовы. По одиночным самолетам — как у противника, так и у нас — огня не открывали. Однако стоило нам у противника или противнику у нас обнаружить в обороне нечто необычное, особенно группу людей, и затишье быстро сменялось оживленной перестрелкой и артиллерийской каюпадой. Для сохранения обычного режима на этом участке число суточных вылетов авиации и интенсивность артиллерийского и ружейно-пулеметного огня оставались прежними.

— Ну, теперь спокойной жизни там пришел конец, — расстраивался Куликов после моего рассказа о том, как спокойно было в районе Погорелое Городище. — По траншеям 251-й дивизии открывается движение, как на бульваре. Противник это сразу заметит.

— Я встречался там с начальником штаба 31-й армии генерал-майором В. А. Глуздовским, и мы установили жесткий порядок работы командирских групп на участке дивизии, — успокаивал я Куликова. — Командиры дивизий усиления прибывают туда совместно с начальниками артиллерии и на местности ставят задачи каждому командиру полка отдельно. Командиры полков таким же образом будут отрабатывать задачи с командирами батальонов, а последние — с командирами рот. Составлять для работы на местности группы свыше трех-четырёх человек запрещается. По предварительной договоренности с командованием частей 251-й дивизии рекогносцировочные группы перед рассветом будут подъезжать в заранее установленные пункты, где их встретят сопровождающие. С рассветом в красноармейском обмундировании они начнут работать, а с наступлением темноты уйдут в тыл.

— Меня особенно тревожит, как бы противник не засек своей авиацией сосредоточение прибывающих в полосу армии войск, — беспокоился в свою очередь Рейтер.

20 июля состоялось заседание Военного совета армии, на которое были приглашены все руководители армейского управления. На заседании подробно рассматривался план наступательной операции и обсуждались мероприятия по сохранению в тайне подготовки к наступлению. По последнему вопросу Рейтер дал такие указания:

— Противник может обнаружить сосредоточение наших войск только из-за нашей преступной беспечности. В лесных массивах армейской полосы легко скрыть в два раза больше войск. Большинство прибывающих войск будем размещать в лесах восточнее и западнее рокадного шоссе Середа — Шаховская, т. е. в 25—40 км

от намеченного участка прорыва. Всем командирам направляющихся в нашу армию соединений выслать карты с нанесенным маршрутом движения и районами сосредоточения. Предупредить их, что двигаться разрешено только ночью. Все прибывающие железнодорожные эшелоны с войсками и техникой подавать для разгрузки на станции восточнее и западнее Шаховской только в период от 8 часов вечера до 6 часов утра. После разгрузки из эшелонов войска и технику сразу уводить в лесные районы сосредоточения. Предупредить всех командиров и начальников, что демаскировка войск, готовящихся для наступления, будет приравняться к выдаче противнику военной тайны.

Размещаться в населенных пунктах вновь прибывающим частям и тыловым органам, особенно санитарным учреждениям, запрещалось, да и большинство населенных пунктов в главной полосе обороны армии было сожжено врагом. Приусадебные участки поросли бурьяном и крапивой. Однако еще весной начали приходить к своим участкам местные жители, главным образом старики, женщины и дети. Беззаветно веря в могущество Красной Армии, не сомневаясь в победе над врагом, эти местные жители в тяжелых условиях прифронтовой полосы, подвергаясь бомбардировке вражеской авиации, а иногда и артиллерийским налетам, приступили к восстановлению своих колхозов. Вначале они построили примитивные жилища, главным образом землянки, очистили колодцы, возделали огороды, посадили на ближних полях картофель. При содействии представителей партийных и советских органов района они получили помощь семенами полевых культур и тягловой силой от колхозов менее пострадавших населенных пунктов. По инициативе политорганов и парторганизаций войсковых частей, размещавшихся вблизи разрушенных деревень, части и учреждения также оказывали посильную помощь местным жителям.

Забегая вперед, скажу, что благодаря жестким мерам по маскировке авиация противника, ежедневно контролировавшая тыловую полосу армии, в том числе железную дорогу и ее станции, не установила передвижения, перевозок и сосредоточения наших войск. Между тем с 18 поля до конца месяца на станциях Шаховского района разгружалась основная масса войск усиления 20-й и 31-й армий. Выгрузились 8 стрелковых дивизий, 8 танковых бригад, 12 артполков, большая часть танков двух фронтовых танковых корпусов. В это же время в полосу армии прибыли своим ходом стрелковый, кавалерийский и 2 танковых корпуса, стрелковая дивизия, 3 стрелковые бригады, 5 артиллерийских и 7 инженерных частей.

Командиры прибывших соединений, отрабатывая в районе Погорелое Городище с командирами частей задачи на наступление, одновременно развешивали учебную подготовку к прорыву вражеской обороны. Каждая дивизия построила вблизи своего района размещения оборонительную позицию по немецкому типу и тренировала свои войска в ее прорыве. Для проделывания проходов в проволочных и минных заграждениях и штурма первой оборони-

тельной позиции противника в стрелковых полках, назначенных для атаки, были сформированы специальные штурмовые отряды. Артиллерийские и танковые части, назначенные поддерживать стрелковые дивизии, размещались и обучались вместе с ними.

Большую помощь в подготовке войск армии к наступлению оказали присланные в то время на должность заместителей командующего армией хорошо знакомые Рейтеру и мне по Брянскому фронту генералы А. А. Тюрин и А. Н. Ермаков. Подготовку армейской подвижной группы проводил начальник автобронетанкового отдела армии полковник Е. Е. Белов.

В период подготовки войск к наступлению в частях армии проводились открытые партийные и комсомольские собрания, на которых были разработаны конкретные мероприятия для подготовки войск к наступательным боям. Разумеется, для сохранения в тайне намеченной операции, о ее замысле, сроках и силах, на этих собраниях, так же как и при учебной подготовке войск к наступлению, ничего не говорилось. Вопрос шел только о боевой подготовке войск к наступательным боям. Пропагандисты разъясняли личному составу, что тяжелая обстановка на юге страны требует ускорить нанесение удара по врагу. Они рассказывали о зверствах немецко-фашистских захватчиков в оккупированных городах и селах и призывали к жестокой схватке с врагом.

28 июля генерал-лейтенант Рейтер переместился с первым эшелоном штаба армии на новый армейский КП, развернутый восточнее Погорелого Городища, в лесу севернее с. Красный Холм. Мне с частью штаба пришлось остаться в Серede для передачи приехавшему туда командующему 5-й армией генерал-лейтенанту И. И. Федюнинскому трех левофланговых стрелковых бригад. О завершении передачи бригад и о перемещении армейского КП я доложил по телефону Г. К. Жукову, который объявил мне такую новость:

— Имейте в виду, что через день-два на ваш новый КП переберусь и я со своим КП. Руководить операцией войск Западного фронта буду я с вашего КП.

Я доложил Жукову, что начавшиеся наkapуне проливные дожди, по словам Рейтера, привели дороги к КП в непроезжее состояние. Жуков ответил, что из-за этого обстоятельства менять место своего КП он не намерен, а командованию армии для устройства удобных подъездов к КП надо поставить саперные части.

Когда я по телефону доложил об этом Рейтеру, он сказал мне:

— Вылетайте сюда сейчас же на самолете и по пути посмотрите, как маскируются наши части и что делается на дорогах.

Перелетая на самолете По-2 на новый КП, я проверил маскировку в районах размещения прибывших на усиление армии войск и особых угущений не обнаружил. Но зато дорожная сеть в полосе армии представляла печальное зрелище. На всех путях виднелись неподвижные, застрявшие на размокших от дождя дорогах машины. И только выносливые лошади медленно, с трудом тащили по грязи повозки с грузами.

С посадочной площадки на КП я ехал верхом. На дороге уже работал саперный батальон. У Макса Андреевича находился начальник тыла генерал Марков. Они рассматривали карту армейского тыла. Я доложил свои замечания о маскировке войск и об остановившемся транспорте на всех дорогах.

— Мы сейчас и обсуждали, как при подвозе тыловых грузов преодолеть внезапно застигшую нас распутицу, — пояснил мне Рейтер. — На Брянском фронте в должности начальника тыла фронта я приобрел немалый опыт в организации подвоза в таких условиях. Сейчас у нас армейская станция снабжения с отделениями головных складов в районе ст. Волоколамск. Подвозить грузы к дивизионным обменным пунктам приходится на расстояние в среднем 75 км. Я отдал распоряжение перебазировать армейскую станцию в Шаховскую. Это сократит подвоз на 50 км. А госпитальную армейскую базу переместим теперь же в район ст. Князьки Горы, неподалеку отсюда.

— Армейские транспортные части насчитывают около 500 машин, но ходить сейчас они могут только по шоссе-ным дорогам, — доложил Марков. — Я сформировал 4 гужетранспортные роты и подготавливаю формирование гражданских конных колонн. При продвижении армии на 20—25 км вперед головные отделения армейской станции снабжения переместим на ст. Погорелое Городище.

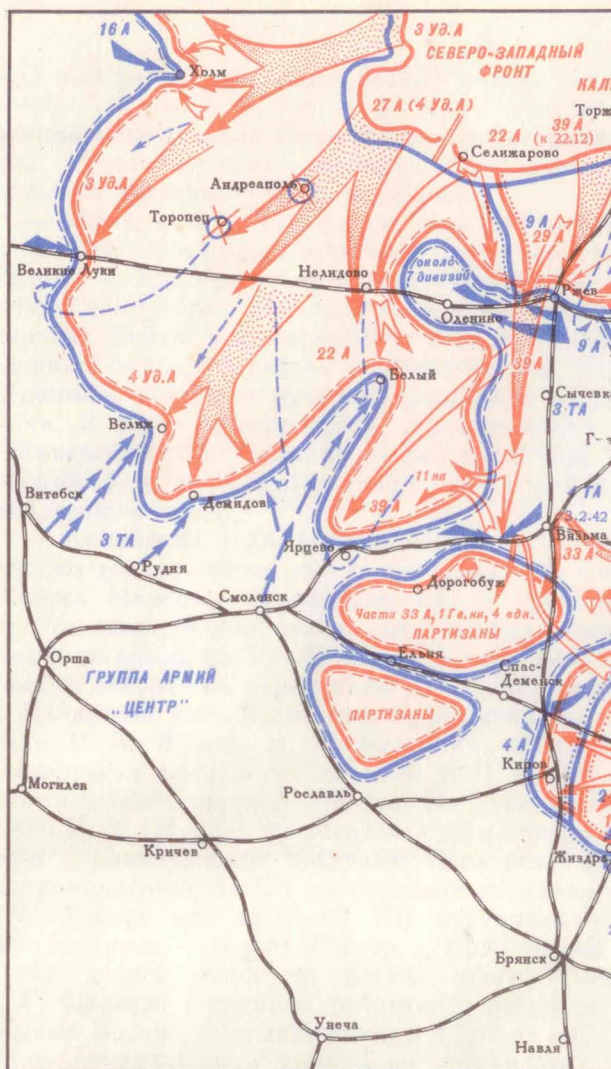
На другой день после моего прибытия на новый КП туда приехали Г. К. Жуков, Н. А. Булганин, оперативная группа штаба, руководимая генерал-лейтенантом А. П. Покровским, и командующие родами войск Западного фронта. Начальник связи фронта генерал-майор Н. Д. Псурцев преобразовал наш армейский узел связи в узел связи командующего войсками Западного фронта. Большинство своих помещений на КП мы передали начальству.

— Теперь мы на своем КП очутились в положении бедных родственников, — ворчал Рейтер. — Надо скорее пересезжать отсюда.

На другой день он послал моего заместителя полковника А. Г. Маслова с группой работников штаба и узла связи в район селения Ботино, находившегося в 1 км от переднего края. По указанию командующего армией он организовал там армейский НП, который с началом наступления войск армии должен был развернуться в КП.

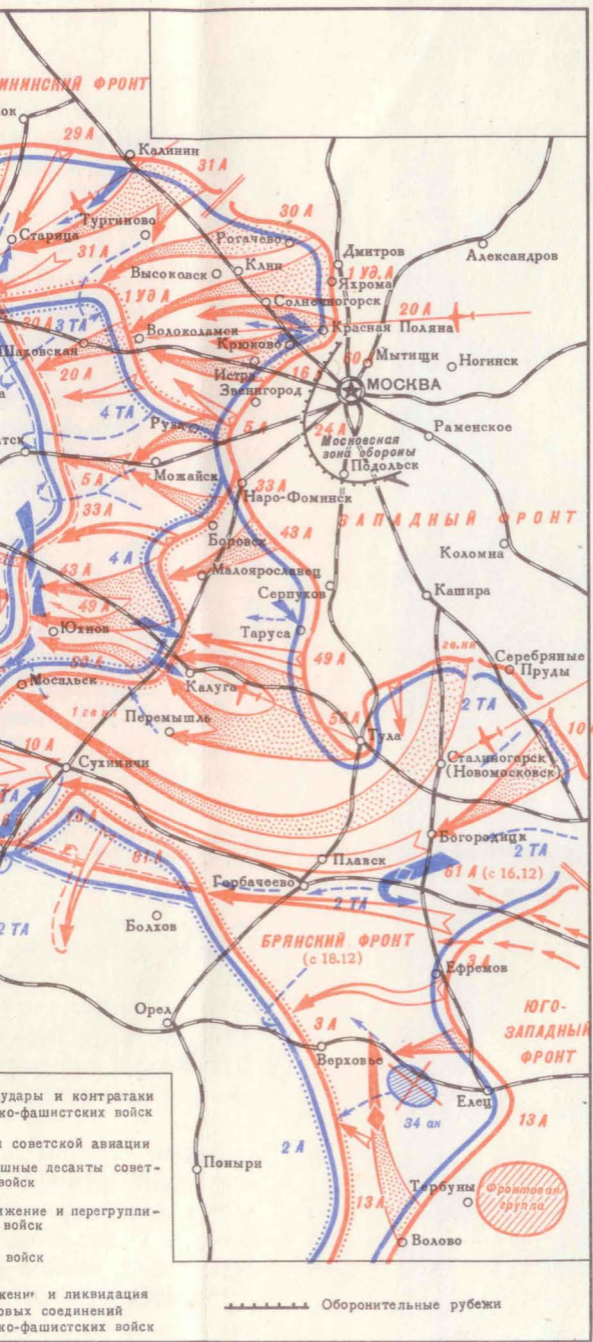
30 июля, несмотря на ненастную дождливую погоду, началось наступление войск левого крыла Калининского фронта. Наступавшие 30-я и 29-я армии прорвались на несколько километров в глубину вражеской обороны и остановились. А в ночь на 1 августа назначенные для наступления в первом эшелоне войска 31-й и 20-й армий Западного фронта начали выдвигаться к району Погорелое Городище. Вся артиллерия к утру 1 августа заняла огневые позиции, на которых до того времени находились лишь пристрелочные орудия, по одному на дивизион.

— Остается ли незаметным для авиационной и агентурной разведки противника выдвигание наших войск к району Погорелое

	Линия фронта к 5-6 декабря 1941 г.		Контр-наступление
	Линия фронта к 7-10 января 1942 г.		Удары
	Линия фронта к концу апреля 1942 г.		Воздушные удары
	Направление главных ударов общевойсковых и кавалерийских соединений советских войск		Выдвижение
	Направление вспомогательных ударов общевойсковых и кавалерийских соединений советских войск		Отход
			Отход
			Окружение войсковых частей немецких войск

Контрнаступление советских войск под Москвой. Декабрь 1941 г.—апрель 1942 г.

удары и контратаки
ко-фашистских войск

советской авиации

шные десанты совет-
войск

ижение и перегруппи-
войск

войск

кени и ликвидация
овых соединений
ко-фашистских войск

----- Оборонительные рубежи

Городище? Обнаружил ли враг крушные железнодорожные перевозки в районе Шаховской и прибытие войск усиления в полосу армий? — Эти вопросы тревожили как командование армий, так и командование войск Западного фронта.

Чтобы не дать врагу разгадать наши намерения в районе Погорелое Городище, командование 20-й армии с согласия командующего фронтом решило отвлечь внимание немецкого командования на другое направление. Для этого одновременно с передвижением войск 20-й армии к правому флангу с 31 июля началась инсценировка подготовки наступления на левом фланге армии, на участке Аржаники, Крутицы. На переднем крае оборонявшейся здесь 40-й стрелковой бригады ежедневно без особых мер маскировки проводились многочисленные командирские рекогносцировки. В нескольких пунктах из частей левого фланга армии предпринимались усиленные разведывательные поиски. В полосе бригады с 31 июля проводилась оживленная ружейно-пулеметная перестрелка, дополнявшаяся минометным и артиллерийским огнем.

Достаточно ясно была обозначена усиленная артиллерийская пристрелка, в том числе и артиллерии 152—203-мм калибра. Для этого выделялись орудия армейской артиллерийской группы. В работу включилось несколько радиостанций дивизионного типа. Зенитные орудия открывали огонь по каждому самолету противника. Усилилась активность нашей авиации. Инженерные подразделения соорудили в ряде пунктов макеты артиллерии на позициях. Несколько подразделений резервной 415-й стрелковой дивизии, усиленных артиллерией, перемещаясь по особому плану, инсценировали сосредоточение войск в глубине полосы бригады. Ночами при помощи тракторов, машин и отдельных танков имитировалось выдвижение к переднему краю танковых частей. На рассвете 1 августа по переднему краю 40-й стрелковой бригады ставилась дымовая завеса.

31 июля и 1 августа в районе предстоящего наступления шли сильные дожди. Уровень воды в р. Держа на участке прорыва поднялся на 60—70 см.

Все броды оказались затопленными водой. Наступление войск Калининского фронта, начатое 30 июля, не принесло желаемых результатов, особенно на стыке с 31-й армией. Войска левого крыла фронта, утопая в грязи, медленно пробивались к Ржеву.

Командование Западного фронта решило перенести начало операции правого крыла фронта со 2 на 4 августа. Таким образом, разрыв между началом наступления войск Западного и Калининского фронтов достиг пяти суток.

Между тем комплекс мероприятий по дезинформации противника на левом фланге армии принес неожиданный для нас результат. Командование немецкого 46-го танкового корпуса перебросило на участок перед 40-й стрелковой бригадой ряд частей и отдельных подразделений из других районов и на рассвете 3 августа после артиллерийской и минометной подготовки при поддержке авиации

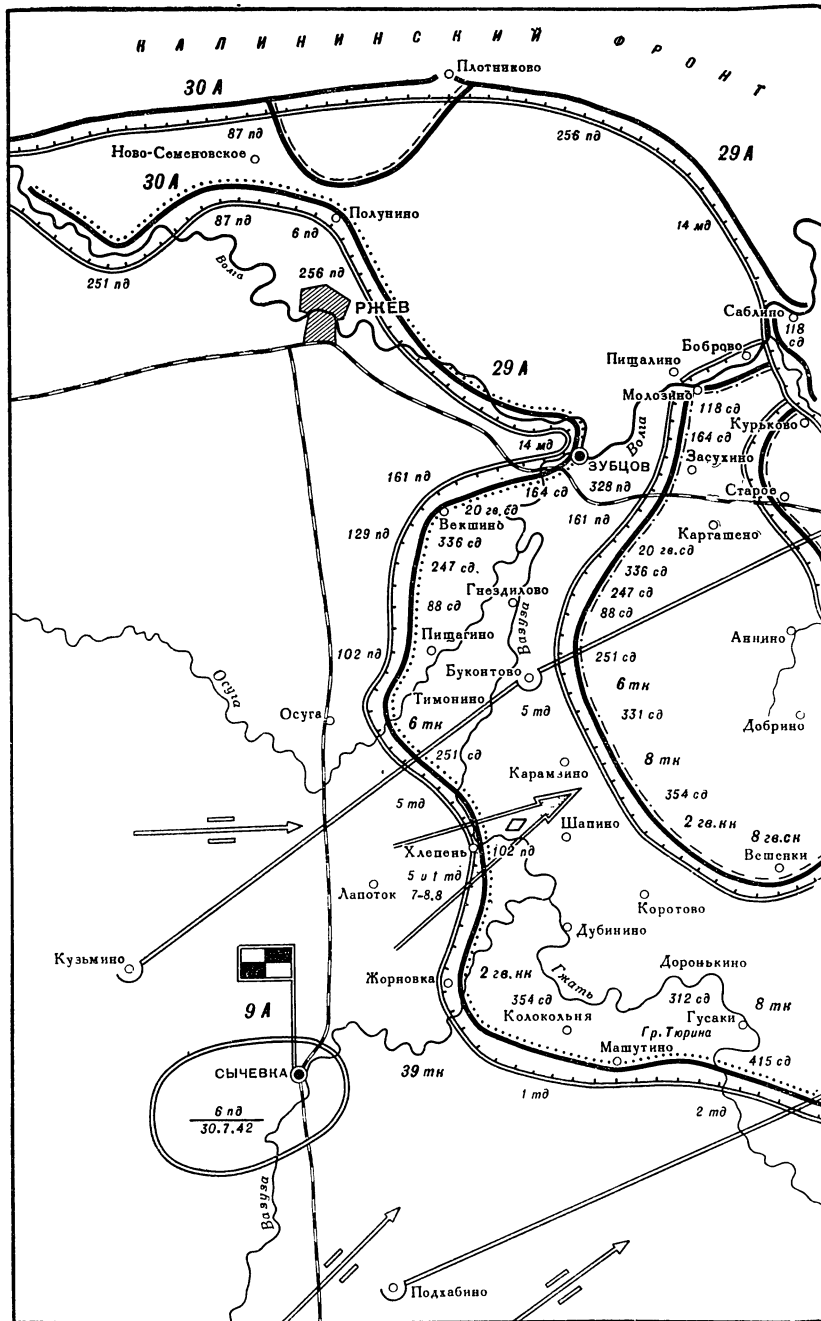
предприняло значительными силами наступление. Одновременно авиация противника нанесла удар по нашим тыловым объектам, особенно сильный по району Шаховская. Погода в тот день прояснилась. В процессе боя противник потеснил один из батальонов 40-й стрелковой бригады на восток. Командир бригады полковник Т. С. Самойленко вынужден был перейти на запасной командный пункт и просить командующего армией прекратить провоцировать противника из оборонительной полосы его бригады или же усилить бригаду армейскими резервами.

В ночь на 4 августа войска 20-й армии заняли исходное положение. Командование и часть штаба армии переехали на подготовленный наблюдательный пункт в район Ботино и преобразовали его в командный пункт. Для управления и связи командир кавалерийского корпуса прикомандировал к нам полуэскадрон связи.

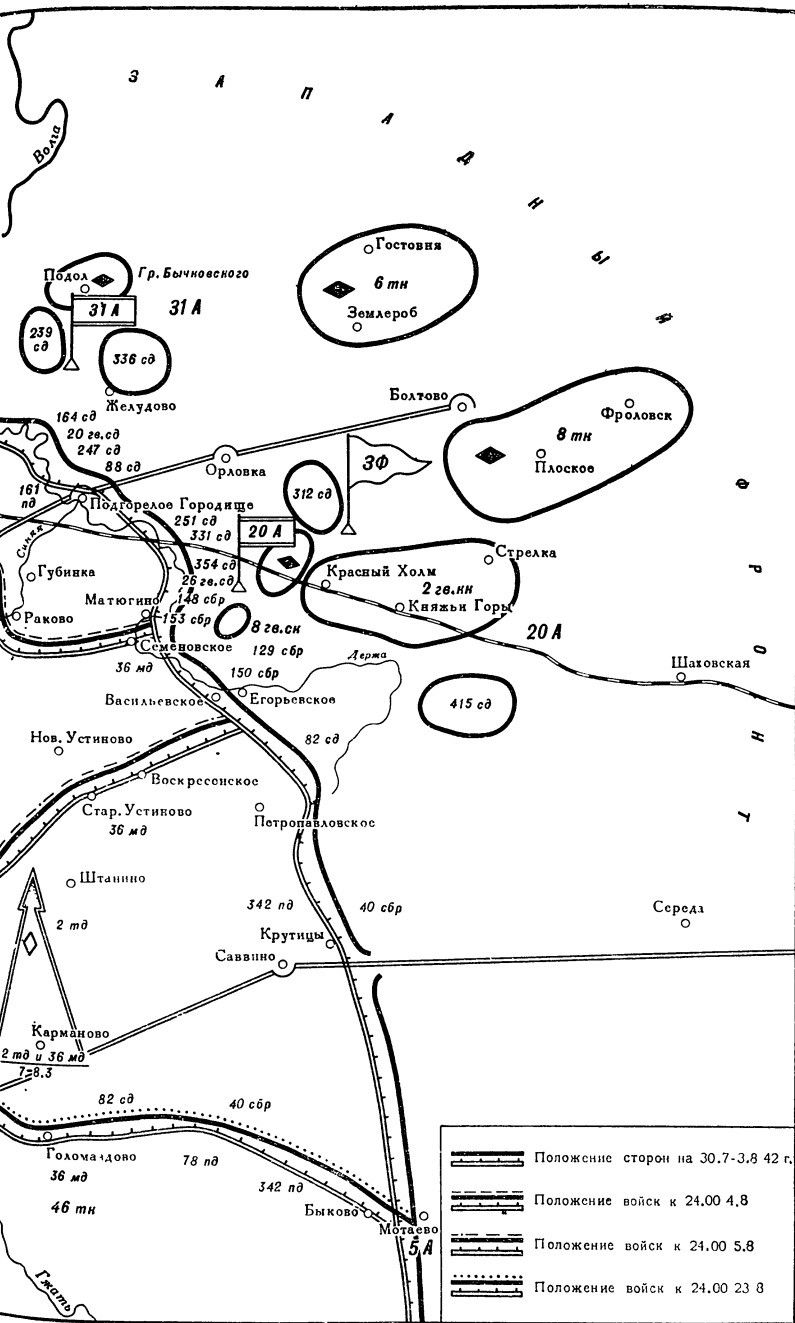
6 часов 4 августа. Наступил так называемый артиллерийский рассвет. Войска 20-й армии полностью изготовились к наступлению. С наблюдательных пунктов стали постепенно вырисовываться контуры вражеской обороны. Несмотря на обычную предупредительную тишину в стане врага, его позиции казались необыкновенно зловещими, загадочными. Через 15 минут утренняя тишина в районе Погорелое Городище сменилась оглушительной канонадой. Орудия, минометы и реактивная артиллерия начали артиллерийскую подготовку. Огненный шквал обрушился на врага и в течение 10 минут сокрушал передний край его обороны. Огневой налет был произведен по наблюдательным пунктам, артиллерийским и минометным позициям оборонительных полос 161-й пехотной и 36-й моторизованной дивизий противника. От гула орудий и минометов, от разрыва снарядов и мин дрожала земля и воздух. С наблюдательных пунктов было видно, как вздымаются ввысь столбы огня и земли, как разлетаются осколки разбитой техники в первой траншее противника, как разрушаются блиндажи и проволочные заграждения на его переднем крае.

В течение полуторачасовой артиллерийской подготовки бомбардировочные и штурмовые авиационные дивизии фронта мощными бомбовыми ударами громили оборонительную полосу врага. Бомбардировщиками бомбили главным образом передний край, штабы, узлы связи и батареи.

В 7 часов 45 минут штурмовые батальоны и передовые части первого эшелона 251, 331 и 354-й стрелковых дивизий по штурмовым мостикам, на плотам, на паромках, в лодках, на подручных переправочных средствах и вброд форсировали р. Держа и стремительным броском через проделанные штурмовыми отрядами и саперными подразделениями проходы в проволочных заграждениях и минных полях перешли совместно с приданными танками в атаку. С возгласами «ура», «за Родину!», «за Коммунистическую партию!» наши бойцы ворвались на передний край обороны противника. Уничтожая и захватывая в плен оставшихся в живых вражеских бойцов, части 251, 331 и 354-й стрелковых дивизий овладели первой

Погорело-Городищенская операция

Западного фронта в 1942 г.

Командование 251-й стрелковой дивизии. В первом ряду в центре
Б. Б. Городовиков

траншеей. Один за другим опорные пункты врага переходили в наши руки или блокировались.

Успешное уничтожение огневой системы врага во время артиллерийской и авиационной подготовки, быстрый прорыв переднего края и всей первой оборонительной позиции, слабое в начале наступления противодействие вражеской артиллерии и авиации и незначительные потери наших войск при атаке — все это наглядно свидетельствовало о том, что наступление началось для противника неожиданно и что элемент внезапности создает благоприятные условия для победоносного развития операции. Беглый опрос первых пленных подтвердил, что вражеские войска не ожидали нашего наступления и были застигнуты врасплох.

В середине дня я пробрался на НП 251-й стрелковой дивизии, которая частью сил вышла в тыл гарнизона противника, оборонявшего Погорелое Городище. Командир дивизии полковник Городовиков доложил:

— Сейчас с трех направлений начнется штурм окруженного в районе Погорелое Городище противника. После сильного налета артиллерии и минометов дивизии и бомбардировки авиации части дивизии, поддержанные огнем артиллерии, атаковали противника и в 13 часов 50 минут ворвались в город. В результате ожесточенных боев, переходивших в рукопашные схватки, гарнизон Погорелое

Городище при попытке прорваться через мост на р. Деряга у юго-западной окраины города был уничтожен, а 87 солдат и офицеров противника сдались в плен. В городе и на станции были захвачены богатые трофеи оружия и боеприпасов, войсковые склады, инженерное имущество, а также 400 новых мотоциклов, присланных на укомплектование 36-й моторизованной дивизии. В боях за Погорелое Городище особенно отличились батальон старшего лейтенанта Н. И. Шевченко и роты старшего лейтенанта Н. Ф. Климанова и лейтенанта Е. Г. Карпенко. С 15 часов главные силы дивизии устремились на запад, на Федоровское.

Распростившись с командиром дивизии, я поехал верхом на армейский КП. По пути я заглянул на НП 331-й стрелковой дивизии, самого старинного соединения нашей армии, прославившегося в боях за Москву. Вместо убитого после ранения в феврале генерала Короля дивизией командовал полковник П. Ф. Берестов. Дивизия, усиленная танковой бригадой, прорвалась в оборону противника глубже всех.

— К 17 часам передовые части дивизии, усиленные 17-й танковой бригадой, ведут бои западнее селений Губинка и Ильинское, — докладывал Берестов. — В Губинке разгромили штаб полка 161-й пехотной дивизии, вот ваш начальник разведки ездил туда.

Только что возвратившийся из Губинки майор Н. С. Солодовник рассказал:

— Больше половины состава штаба неприятельского полка остались на месте убитыми и ранеными. Свыше 20 офицеров и солдат захвачены при выносе ими документов из штаба. Пленные офицеры показали, что командир 161-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Рекке из-за неожиданного разгрома дивизии застрелился. По их словам, вторая линия обороны за р. Вазуза. Отступавшие в панике подразделения немецкого полка бросили в Губинке подготовленный к эвакуации «офицерский клуб» с прибывшим недавно духовым оркестром и бригадой немцев из публичного дома⁴.

— В Губинке захватили полковые склады вооружения, имущества и продовольствия, — доложил Берестов. — В районе Ильинское дивизия вошла в связь с Погорельским партизанским отрядом. Командование отряда утверждает, что противник готовит тыловой оборонительный рубеж за р. Вазузой. Партизаны выделили проводников для показа путей через труднопроходимые лесисто-болотистые участки.

В продвигавшуюся уступом слева от дивизии Берестова 354-ю стрелковую дивизию полковника Д. Ф. Алексеева, а также в наступавший левее последней 8-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора Ф. Д. Захарова ездили Рейтер и Куликов. Местность там была лесистая, оборона противника построена в несколько ярусов, стоит в обороне укомплектованная отборным личным составом 36-я мотодивизия. Поэтому успехи там были меньше, чем

⁴ Архив МО СССР, ф. 373, оп. 11350, д. 1, л. 34

у частей правофланговых дивизий. До наступления темноты войска ударной группы армии продвинулись на глубину 6—10 км. Когда я доложил об этом Рейтеру, он отдал приказание сопровождавшему его полковнику Арману:

— Обгоняйте передовые части дивизии Берестова и направляйте подвижную группу армии к устью р. Гжать. Задача группы — обеспечить выход войск армии на рубеж рек Вазуза и Гжать. Желаю успеха!

К 20 часам в Погорелом Городище сопротивление засевших в ряде домов групп противника прекратилось. Стрельба затихла. Возвращались к своим пепелищам из лесов и ближних населенных пунктов жители Погорелого Городища. Из партизанского отряда возвратились партизаны — жители Погорелого Городища. Секретарь районного партийного комитета С. Г. Дороченков и председатель исполкома райсовета К. П. Петров с первого дня освобождения районного центра занялись организацией его восстановления.

Газета «Красная звезда» в те дни извещала советских людей о зверствах гитлеровцев в Погорелом Городище: «Политика истребления русского населения проводилась в Погорелом Городище систематически и методично. В октябре 1941 г. здесь проживало 3076 человек. Из этого числа фашистскими палачами 37 человек расстреляны, 94 сожжены живьем за сопротивление «эвакуации» в германский тыл и 60 человек увезено в рабство в Германию. 1980 человек умерли от голода и болезни. В живых осталось 905 человек. Так современные варвары осуществляли свою злодейскую программу истребления русского народа».

С утра 5 августа наступление левофланговых войск 31-й армии и ударной группы 20-й армии успешно продолжалось. Образовался участок прорыва шириной 15—16 км и глубиной 7—10 км. Генерал армии Г. К. Жуков сообщил по телефону Рейтеру:

— Сегодня в полосе вашей армии вводится фронтовая подвижная группа. Ей поставлена задача — форсировать 6 августа совместно с 20-й армией реки Вазуза и Гжать, а затем овладеть Сычевкой. Обеспечьте ввод в прорыв корпусов подвижной группы и предоставьте необходимые пути в полосе армии.

О том, как и в каких условиях наступали в тот день войска армии, информировал нас мой заместитель полковник Маслов, который суммировал устные доклады возвратившихся из войск своих подчиненных.

— Противник всеми мерами пытается задержать наши войска, чтобы выиграть время для подхода из тыла резервов к р. Вазузе и для вывоза в тыл техники, складов, госпиталей. Цепляясь наспех созданными подразделениями с тремя-четырьмя станковыми пулеметами, одним-двумя противотанковыми орудиями и отдельными минометами за выгодные в тактическом отношении пункты и рубежи, располагаясь на них в наскоро вырытых окопах, отходившие части противника постепенно организовывали оборону. Противотанковые орудия устанавливались, как правило, на открытых позициях.

преимущественно в огородах, за плетнями, на окраинах населенных пунктов, на лесных опушках. Их периодически передвигали вдоль заборов или лесных опушек и вели огонь из разных мест, создавая видимость большого насыщения средствами противотанковой обороны. На подступах к оборонительным позициям ставились мины. Оборона таких арьергардных подразделений противника останавливала и иногда задерживала на продолжительное время наши растянувшиеся вдоль дорог части. Тем более, что артиллерия из-за непролазной грязи отставала от пехоты.

— Не довольствуясь постановкой мин и фугасов на дорогах, тропинках, противник стал сооружать, особенно в населенных пунктах, разного рода «сюрпризы», — дополнил Солодовник. — Так, в селении Красный Пахарь двери пустующих домов, сараев и других хозяйственных строений, а также калитки в сады и огороды были соединены проволочками с минами. В дер. Долгие Нивы колодезные журавли, двери уборных и хлебов, а также умышленно поставленные поблизости от дорог телеги, мешавшие проезду, были соединены с минами.

В тяжелых условиях бездорожья управлять наступающими войсками армии можно было, лишь не отрываясь от них далеко. К тому же основным средством связи у нас были конные делегаты связи.

— Давайте перенесем свой КП в Губинку на место разгромленного немецкого штаба полка, — предложил я Рейтеру.

Он согласился, но шутливо спросил меня:

— Может быть, там игру немецкого оркестра хотите послушать?

Под вечер 5 августа подвижная группа Армана и передовые части стрелковых дивизий вышли на подступы к рекам Вазуза и Гжать, где встретили организованное сопротивление выброшенных за реку войск противника. Наши войска остановились и стали готовиться к наступлению на другой день утром.

В итоге двух дней операции войска 20-й армии прорвали оборону противника на фронте 18 км и в глубину до 30 км. Однако с выходом к рекам Вазуза и Гжать опоздали.

Вечером 5 августа вновь пошли сильные дожди. Начавшие было подсыхать дороги быстро портились, подвоз боеприпасов и горючего войскам задерживался. И только конный транспорт соединений и армейские гужетранспортные роты с большим трудом пробивались к передовым войскам. К исходу второго дня операции войска из-за слабой организации подвоза имели незначительный запас боеприпасов. В соединениях и частях главной группировки оставалось от 0,2 до 0,5 боекомплекта и три четверти заправки горючего.

— Выбирали самое жаркое, самое сухое время года, — конец июля и начало августа, а вот что получилось, — говорил Куликов.

В эту дождливую пору двинулась из своих исходных районов для ввода в прорыв на Сычевку подвижная группа фронта под командованием генерал-майора И. В. Галанина. В ее состав входили 6-й танковый корпус генерал-майора танковых войск

Ф. И. Голиков

И. А. Плиев

А. Л. Гетмана, 8-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М. Д. Соломатина и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора В. В. Крюкова, недавно сменившего генерала И. А. Плиева. Танковым корпусам были предоставлены переправы через Держу севернее и южнее селения Погорелое Городище. Они имели задачу совместно с войсками 20-й армии овладеть переправами через р. Вазузу на подступах к Сычевке. А кавалерийский корпус, переправившись через Держу южнее танковых войск, должен был устремиться к устью р. Гжать и создать западнее реки плацдарм на подступах к Сычевке.

Во время выдвижения корпусов к р. Держа, при переправе их через реку и при следовании в свои районы все время шел дождь. Дороги быстро приходили в негодность. Части передвигались медленно, с частыми остановками. В механизированных войсках, выдвигавшихся с затемненными фарами или без света, застрявшие в грязи или на неисправных мостах отдельные машины создавали пробки. Поэтому переправа корпусов через Держу закончилась лишь утром 6 августа.

Как же расценивало немецко-фашистское командование развернувшееся на ржевском и сычевском направлениях наступление войск Калининского и Западного фронтов? Какие предпринимало меры для предотвращения угрозы разгрома своей ржевско-сычевской группировки и для сохранения стратегически важного выступа, открывавшего один из важнейших и кратчайших путей на Москву?

Операция левого крыла Калининского фронта, начатая 30 июля наступлением на двух направлениях для очистки плацдарма за Волгой севернее городов Ржев и Зубцов, сразу же приковала к себе внимание немецкого командования группы армий «Центр». 31 июля в район Сычевки в резерв командующего 9-й армией, штаб которого был в Сычевке, прибыла 6-я пехотная дивизия. В первых числах августа начала выдвигаться из Вязьмы на Ржев 5-я танковая дивизия. Танковые части дивизий перевозились по железной дороге, а моторизованные части передвигались своим ходом. 1-я танковая дивизия в полном составе подтягивалась в район Ржева. Сосредоточение танковых дивизий в новые районы должно было закончиться 5—7 августа. Однако успешное развитие Погорело-Городищенской операции заставило вражеское командование изменить намеченный план. Перебрасываемые в Ржев танковые дивизии пришлось переадресовать одну в Сычевку, другую в Карманово.

Несмотря на большой срок подготовки операции и сосредоточения для наступления весьма значительных сил, прорыв обороны на р. Держа войсками правого крыла Западного фронта для противника явился неожиданным. Первый же день наступления наших войск достаточно ясно показал врагу, что основной удар в этой операции нацелен на Сычевку. Между тем удар на Сычевку создавал угрозу отрезать всю северную часть ржевского выступа вместе с находящимися на нем войсками. Поэтому командующему 9-й армией было приказано нанести контрудар советским войскам, наступавшим на Сычевку, и восстановить положение. Основная масса неприятельской авиации перебазировалась к Сычевке и Ржеву.

Командующий 9-й армией контрудар на Погорелое Городище стал готовить с двух направлений: из района Карманово — 46-м танковым корпусом и со стороны Сычевки — 39-м танковым корпусом. И вот в то время как через Держу переправлялись войска подвижной группы Западного фронта, по переправам через Вазузу и в район Карманово выдвигались для контрудара передовые части танковых корпусов противника.

От 12 до 14 часов 6 августа к генералу Рейтеру поступали далеко не радостные сообщения из соединений.

— Не доходя 2—3 км до Вазузы, части дивизии атакуются частями 5-й танковой и 23-й пехотной дивизией противника, — озвученно докладывал по телефону полковник Городовиков. — Правый фланговый полк потеснен назад.

— При подходе к Вазузе дивизия вступила во встречный бой с частями 1-й танковой и 6-й пехотной дивизии противника, — доложил по радио полковник Берестов.

— Наступление корпуса на Карманово развивается медленно, — докладывал по телефону генерал Захаров. — 36-ю моторизованную дивизию противник усилил 2-й танковой дивизией.

— Опередил нас противник! — расстраивался Рейтер. — Теперь плацдармы за реками Вазуза и Гжать придется завоевывать. Но только с помощью подвижной группы фронта.

Командующий армией отправил генерала Ермакова к генералу Галанину с просьбой поспешить с выдвинутым корпусом подвижной группы к р. Вазузе. Перед вечером он возвратился и доложил:

— Я застал танковые корпуса на большом привале в 10—15 км от Вазузы. После 50-километрового марша по бездорожью в корпусные районы вышли главным образом танки. А большинство автомобильных подразделений и артиллерии, к сожалению, далеко отстали. К переправам на р. Вазузе танковые корпуса выбросили передовые части. В 17 часов оба танковых корпуса после приведения в порядок машин и дозаправки возобновили выдвижение к Вазузе. Кавалерийский корпус в это же время двинулся к р. Гжать.

Встречными боями 6 августа на подступах к Вазузе и Гжать и в районе Карманово завязалось крупное встречное сражение войск правого крыла Западного фронта с войсками 9-й армии и оперативными резервами группы армий «Центр».

Используя успех правофланговых армий Западного фронта, возобновили наступление и войска левого крыла Калининского фронта, особенно его 30-я армия. Ее войска к исходу 6 августа расширили участок прорыва до 10 км по фронту и около 7 км в глубину и приближались к Рыеву.

7—8 августа войска 20-й армии вместе с фронтовыми корпусами нанесли поражение наступавшим на Погорелое Городище танковым корпусам противника и отбросили их назад. Наши войска на всем протяжении подошли к Вазузе и Гжать, а на ряде участков захватили за реками плацдармы. Подошли к Вазузе и войска армии генерала Поленова.

Находившийся при форсировании Вазузы в правофланговой дивизии полковника Городовикова Петр Николаевич Куликов 8 августа вечером рассказывал:

— При отходе за Вазузу немецко-фашистские войска переправу через реку, конечно, взорвали. Дивизия Городовикова при содействии танкового корпуса Гетмана приступила в 14 часов на нескольких участках к форсированию реки. Оказывается, Вазуза более солидный приток Волги, нежели Держа. Ширина ее местами свыше 80 м, а глубина достигает 2 и более метров. Но зато дно во многих местах песчаное или каменистое, допускает переход реки вброд. Я был очевидцем форсирования Вазузы правофланговым полком майора Грицука в пункте напротив селения Тимошино. После короткого артиллерийского налета под огнем противника атакуемый пикирующими бомбардировщиками первым начал переправляться — вброд и на плотах — 1-й батальон этого полка. С восточного берега переправу батальона поддерживали огнем танки бригады полковника И. Г. Москвина из 6-го танкового корпуса. Быстро форсировав реку, батальон смело атаковал противника, оттеснил его от берега и, развивая наступление на Тимошино, захватил за рекой небольшой плацдарм. Наступление батальона поддерживал артиллерийский полк дивизии. Вслед за батальоном под его

прикрытием стали переправляться на плотах, лодках, по штурмовым мостикам и вброд другие подразделения полка и артиллерия.

— А танковый корпус начал переправляться через Вазузу? — спросил Рейтер.

— Ровно в 17 часов по разведанным во время боя бродам и наведенным мостам начали переправляться танковая и мотострелковая бригады танкового корпуса, — ответил Куликов. — Стрелковый полк в это время развивал наступление в западном направлении, расширил плацдарм. 1-й стрелковый батальон в ожесточенных боях, переходивших в рукопашные схватки, выбил противника из Тимоино. В этом бою пали на поле боя командир батальона старший лейтенант И. В. Никоенко, комиссар батальона старший политрук Г. П. Баранов и начальник разведки батальона старший лейтенант Ш. Г. Шамсутдинов.

Левее 251-й стрелковой дивизии действовала дивизия полковника Берестова. Ее части совместно с танковым корпусом Соломатина нанесли во встречном бою на подступах к Вазузе поражение 6-й пехотной и 1-й танковой дивизиям противника, отбросили их за реку и в середине дня начали с ходу форсировать реку. Я приехал на наблюдательный пункт командира 331-й стрелковой дивизии, когда переправа частей была в самом разгаре. В результате бессонных ночей полковник Берестов заметно осунулся, но по-прежнему был бодр и с присущей ему живостью доложил:

— Уровень воды в Вазузе из-за шедшего всю ночь дождя значительно повысился. Глубина бродов везде выше метра. Несмотря на это, у селения Печоры 1108-й стрелковый полк майора К. С. Татарчука смелым броском частью по бродам, частью вилавь, форсировал Вазузу. Вслед за ним переправилась по разведанным бродам 31-я танковая бригада из корпуса Соломатина. Полк Татарчука и танковая бригада, преодолев реку, устремились на Хлепень. В бинокль видно, как они ворвались в селение и ведут там бой.

— Этим славным полком в течение Московской битвы командовал майор Александр Карлович Калиш, талантливый, храбрый командир, латыш по национальности, — заметил я. — В конце января он сложил свою голову в боях на подступах к Гжатску.

— Сейчас мне донесли, что и левофланговый полк с другой танковой бригадой танкового корпуса также форсировали реку, — информировал меня Берестов после разговора по телефону.

Под вечер я возвратился на армейский КП, выдвинутый в район Вишенки, на расстояние 4—5 км от войск первой линии.

Успешнее всего 8 августа развивалось наступление в 354-й стрелковой дивизии. Возвратившийся оттуда с наступлением темноты генерал Рейтер с воодушевлением рассказывал:

— Части генерала Алексеева еще накануне вечером переправились через р. Гжать в нескольких пунктах. Гжать уже и значительно мельче Вазузы. А ночью под проливным дождем части дивизии построили через реку два моста для переправы артиллерии и автотранспорта, а также нескольких штурмовых мостиков. С утра полки

дивизии продолжали форсировать Гжать и развивать наступление на юго-запад.

Вслед за дивизией, можно сказать, на ее плечах, стали переправляться, преимущественно вброд, дивизии кавалерийского корпуса. К сожалению, мне в это время пришлось лишь наблюдать тяжелую картину. Самолеты противника непрерывно штурмовали на низких высотах переправляющуюся через реку конницу. Между тем корпусная зенитная артиллерия, так же как и армейская, отстала из-за бездорожья в тылу. Кавалеристы несли значительные потери. Однако за рекой сопротивление оборонявшихся частей противника было сломлено. И к концу дня наши войска за р. Гжать завоевали значительный плацдарм.

— Выходит, что кавалерийский корпус со стрелковой дивизией успешно наступали, чем два танковых корпуса с двумя стрелковыми дивизиями, — удивлялся Куликов.

— Противник стянул свои войска в район Сычевки и в Карманово для нанесения контрудара, — пояснил Рейтер. — За р. Гжать, на второстепенном участке, он поставил в оборону более слабые части. Я думаю внести предложение генералу армии Жукову о вводе в прорыв с плацдарма за р. Гжать всей фронтовой подвижной группы.

— А сдержим ли мы без фронтовых корпусов контрудар противника на Погорелое Городище? — усомнился я. — Усиленные танковые корпуса, наносившие удар, доведены в людях и боевой технике до питательной численности. Один из них входил прежде в танковую армию Гудериана, другой — в 3-ю танковую армию.

Рейтер промолчал. Вносил он или нет свое предложение о перенацеливании подвижной группы фронта, я не знаю.

С утра 9 августа — на шестой день операции — встречное сражение войск правого крыла Западного фронта на рубеже рек Вазуза и Гжать и в районе Карманово дошло до кульминационной точки.

Обе стороны ввели в бой 9 августа почти все войска, предназначенные для действий на зубцовском, сычевском и кармановском направлениях. Общее число танков, принявших участие в боях в дни встречного сражения, в войска правого крыла Западного фронта превышало 800, а в войсках левого крыла группы армий «Центр» было около 700. Из этого количества в полосе 20-й армии действовало 255 танков 20-й армии и 334 танка подвижной группы фронта. Враг бросил в полосу 20-й армии свыше 500 танков. Некоторое преимущество войск Западного фронта в танках уравнивалось тем, что в наших танковых частях около трети всех танков составляли малые танки с 20-мм пушкой.

На сычевском направлении 20-ю армию и подвижную группу фронта поддерживали 9 авиационных дивизий Западного фронта. Такие же примерно авиационные силы были выделены для действий на этом направлении и у немецкой группы армий «Центр».

С невиданным ожесточением происходили в тот день бои, особенно встречные бои механизированных войск. Неприятельские

танковые дивизии несли огромный урон в танках и людях. В наших армейских танковых бригадах и танковых корпусах потери также были значительны, особенно от вражеской авиации, действовавшей с сычевского аэродрома. Наступавшие совместно с фронтовыми корпусами армейские стрелковые дивизии были переданы в подчинение командирам корпусов.

В тот день к вечеру танковые корпуса Гетмана и Соломатина расширили плацдармы за Вазузой от 3 до 5 км. А успешно наступавшие дивизии кавалерийского корпуса Крюкова значительно расширили плацдарм за р. Гжать и захватили восемь крупных населенных пунктов. В боях в тот день особенно отличились совместно наступавшие стрелковый полк майора И. Ф. Золотарева и кавалерийский полк подполковника Я. Ц. Агеева. Конногвардейцы действовали, как правило, в пешем строю. При спешивании лошадей оставляли или в долине Гжати, или в населенных пунктах, оврагах, рощах.

— Против наступающей на Сычевку конницы немецкое командование бросило части 1-й танковой дивизии, поддержанные бомбардировщиками, — докладывал командующему армией Крюков. — Части корпуса остановлены в 7—8 км юго-восточнее Сычевки, несут большие потери и с трудом сдерживают вражеские атаки.

В армейском журнале боевых действий за тот день записано: «Смертельно раненный при атаке танков противника политрук пулеметного эскадрона младший политрук И. Е. Егоров, умирая, обратился к бойцам с предсмертным призывом: „Товарищи, умираю за Родину! Помните приказ партии: ни шагу назад!“⁵. И вот сержант Воронин подполз к пулемету противника, остановившему наступление эскадрона, и гранатой уничтожил его. Следуя примеру сержанта, боец этого же эскадрона Владимиров взорвал ручной гранатой другой пулемет и освободил путь наступающему эскадрону.

В районе Карманово, в многочисленных лесах и перелесках, войска корпуса генерала Захарова весь день отбивали яростные атаки частей 46-го немецкого танкового корпуса. Обороняясь в тесном взаимодействии с авиацией, наши части нанесли ощутимые потери танковой и моторизованной дивизиям противника и ни шагу не отступили назад.

На другой день от плененных под Сычевкой офицеров мы узнали, что немецкое командование, убедившись в бесперспективности контрудара на Погорелое Городище, приказало войскам 9-й армии перейти с 10 августа к обороне.

— Подумать только, что год тому назад два таких немецких танковых корпуса прорвались от Десны на юг за Ромны, перерезали коммуникации Юго-Западного фронта, — вспоминал узнавший об этом решении противника Рейтер. — Позже такие же силы неприятеля прорвались от Орла до Тулы. А теперь два полнокровных танковых корпуса разбиты относительно равными силами нашей армии

⁵ Архив МО СССР, ф 373, оп. 11350, д. 1, л. 11.

и спешно переходят к обороне, зарываются в землю. Причем вражеские танковые корпуса понесли поражение летом, когда, по уверениям немецкого командования, немцам нет равных! Нет, не тот немец стал, не тот!

— А может быть, мы не те стали? — возразил я.

— Конечно, переделали немцев, протерли им глаза радикально изменившиеся за это время войска Красной Армии, — согласился Рейтер. — Оснащение наших войск современной боевой техникой, создание сильных механизированных и авиационных соединений, оперативно-тактический рост комсостава и накопленный в боях с немецко-фашистскими войсками опыт наших войск повысили их боеспособность в несколько раз. Гонор немецких генералов и офицеров сбит, легенда о непобедимости немецких войск, в том числе и в летних условиях, рассеялась как дым.

После 10 августа, когда противник перешел к обороне на занимаемых рубежах, встречное сражение войск правого крыла Западного фронта превратилось в наступление против обороняющегося противника. Фронтальная подвижная группа прекратила свое существование, фронтовые корпуса перешли в подчинение командующего 20-й армией.

Генерал армии Г. К. Жуков задачу 20-й армии определил так:

— Удерживая и расширяя плацдармы за реками Вазуза и Гжать, главный удар перенацелить на Карманово, куда перебросить 8-й танковый корпус. После уничтожения кармановской группировки противника повести наступление во взаимодействии с 5-й армией на Гжатск.

— Почему бы генералу Федюнинскому не перебросить часть своих войск в нашу полосу восточнее Карманово и наступать на Гжатск плечом к плечу с нами? — недоумевал Рейтер.

— Сколько снимет войск 5-я армия с фронта, столько снимет и противник для переброски в район Карманово, — возразил я.

— Войска у Федюнинского слабые, без техники, при переброске только измотаются напрасно, — поддержал меня Куликов.

Почти две недели продолжались наступательные действия войск Калининского и Западного фронтов, особенно войск 20-й армии. Однако сила наступления день ото дня ослабевала. Генералы Захаров и Соломатин, войска которых с трех направлений наступали на Карманово, докладывали:

— Медленно шаг за шагом прогрызаем Кармановский укрепленный район, отражаем многочисленные контратаки противника и ежедневно приближаемся на 1—2 км к Карманово.

Одной из основных причин затухания темпов наступления 20-й армии была утрата с подходом вражеских резервов общего превосходства в силах над противником. Надо учитывать, что готовившиеся для переброски на юг 1, 2 и 5-я танковые дивизии противника к 1 августа имели по 15—16 тысяч человек и до 150—160 танков, так что каждая из них была сильнее нашего танкового корпуса, 6-й и 8-й танковые корпуса включали по 8 тысяч человек

и 160 танков⁶, среди которых больше трети были малые танки с 20-мм пушкой. Кроме того, фактор внезапности, благоприятствовавший нам до выхода к р. Вазузе, уже прекратил свое действие.

Более выгодно, чем на других направлениях, складывалась обстановка на плацдарме юго-западнее г. Гжать. Кавалерийский корпус с приданной ему стрелковой дивизией наголову разбил 6-ю пехотную дивизию противника, остатки которой были отведены к Ржеву на переформирование. Некоторые населенные пункты за Гжатью стали оборонять подразделения 1-й танковой дивизии. Но большая часть оборонительного участка 6-й пехотной дивизии была передана для обороны отрядам «трудовой повинности». Из этих изрядно потрепанных отрядов в гитлеровскую ставку сыпались письма с воплями о бедственном положении в отрядах, с просьбами о помощи и о смене отрядов регулярными войсками. В ответ на многочисленные письма генерал Ботмер, руководитель союза «трудовой повинности» гитлеровской Германии, издал следующий приказ, захваченный нашими войсками 18 августа⁷. «Я получил ваши призывы, в которых вы настоятельно просите об освобождении из создавшегося положения. Я предпринял все необходимые шаги в этом направлении. Хотя я знаю, что эти продолжающиеся 9 дней бои превосходят силы молодежи, я принужден требовать выдержки и стойкости. Нельзя допустить такого положения, чтобы фюрер оттянул из решающей битвы на юге ударные дивизии, для того чтобы спасти положение здесь... Мы помогаем нашей стойкостью добиться нашему вождю победы на юге для общей победы в войне. Вследствие этого все невозможное должно стать легким. Мне жаль, что я не могу оказать вам поддержки, но я счастлив, что могу поставить вам задачу стойко держаться. Мне очень тяжело, что я не могу лично прибыть к вам, а могу только передать письмо. Я прошу вас всеми средствами придерживаться линии, данной фельдмаршалом Кеслером, и выбросить из головы все свои заблуждения и нервозность, потому что мы переживаем труднейшие часы. Я прошу еще раз, невзирая ни на что, закопаться в землю, не отступать и не колебаться. Не сдавать ни пяди и отступать лишь в исключительном случае и только по приказу».

Этот приказ непосредственно распоряжению Военного совета Западного фронта был отпечатан и разослан во все войска фронта.

Командование армии было убеждено, что усилленный кавалерийский корпус смог бы преодолеть завесу отдельных отрядов «трудовой повинности» и подразделений танковой дивизии, а затем прорваться через Новодугино к Вязьме. По поручению Рейтера я несколько раз ездил беседовать по этому вопросу с командиром корпуса Владимиром Викторовичем Крюковым, моим близким това-

⁶ Архив МО СССР, ф. 676, оп. 25014, д. 2, л. 1.

⁷ Архив МО СССР, ф. 373, оп. 11350, д. 1, лл. 33—34. Приказ по отрядам союза «трудовой повинности» № 25.

рищем по совместной службе в войсках Белорусского военного округа.

— Если направить оба танковых и мой корпус с плацдарма за р. Гжать на юго-запад, нет сомнения, что мы прорвемся сквозь вражескую оборону и успешно пойдем к Вязьме, — хладнокровно рассуждал Крюков. — Однако слабые войска вашей армии не сумеют сохранить участок прорыва. Противник после нашего прохода сомкнет фронт и будет бить нас в окружении и танковыми дивизиями и авиацией.

— А если пустить в прорыв только ваш корпус, усиленный стрелковой дивизией и всеми армейскими танковыми бригадами, которые под командованием генерала Тюрина вышли южнее р. Гжать, левее вас? — допытывался я.

— В армейских танковых бригадах танков осталось немного, причем горючее для них, как я знаю, вы доставляете авиационным транспортом, — насмешливо ответил Крюков. — В рейде ваши бригады будут мне обузой. Нет, пусть слава и лавры в проведении подобной операции остаются лишь у моего коллеги генерала Павла Алексеевича Белова. Я не верю в возможность такого рейда в настоящее время. Да и обстановка теперь более тяжелая, чем во время рейда Белова⁸, местность открытая, противник для удара по нашим частям имеет в своем тылу три танковые дивизии. Мое решение следующее: до разгрома кармановской группировки противника сохранять и расширять плацдарм за Гжатью. А затем совместно с главными силами вашей армии наступать на Гжатск.

После доклада генералу армии Жукову это решение Рейтер утвердил.

Вечером 22 августа сохранившиеся войска кармановской группировки противника были окружены в районе Карманово. Мы переместили в тот день свой армейский КП к Карманово и готовили стрелковые и танковые войска, а также артиллерию и авиацию к штурму поселка.

Утром 23 августа одновременно с трех сторон начался штурм Карманово. В ожесточенных схватках большинство солдат и офицеров неприятельского укрепрайона были перебиты, а другие сдались в плен. В 13 часов над зданием Кармановского районного совета взвилось победное Красное знамя.

В боях за Карманово наши войска захватили 40 танков, много артиллерии и оружия. За чертой поселка осталось несколько немецких госпиталей, переполненных ранеными солдатами и офицерами.

В тот день войска 31-й армии полностью очистили от противника г. Зубцов и завоевали плацдарм за р. Вазузой.

---

⁸ В январе 1942 г. кавалерийский корпус генерал-лейтенанта П. А. Белова прорвался через оборону противника. В течение пяти месяцев возглавляемые Беловым войска героически сражались в тылу врага на территории Смоленской области

В этот же день в основном завершили свою задачу и войска левого крыла Калининского фронта: очистили от противника плацдарм на северном берегу Волги.

На этом летняя операция войск Западного направления закончилась. Несмотря на свой ограниченный размах, она имела важное стратегическое и политическое значение. Операция сковала основные силы немецкой группы армий «Центр» и притянула к себе 12 резервных дивизий, в том числе и с юга. Переброска крупных сил врага, в том числе 39-го и 46-го танковых корпусов, с центрального направления на юг была сорвана. Оценивая неожиданный удар на Сычевку, немецкий военный историк Типпельскирх пишет, что «прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на Южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем для контрудара»⁹.

За время боев на реках Держа, Вазуза и Гжать и в районе Карманово 10 пехотных, 3 моторизованные и 3 танковые дивизии противника потеряли от 50 до 80% личного состава. В танковых дивизиях осталось от двух до трех десятков боевых машин в каждой.

За храбрость в боях, за талантливое руководство боями в Погорело-Городищенской операции была награждена большая группа комсостава и рядовых 20-й армии. Генерал Рейтер и я были награждены орденом Ленина.

В заключение следует еще раз подчеркнуть важность наступательной операции войск Западного направления из-за того, что она проводилась летом и проводилась успешно. Ведь немецкие генералы на весь мир кричали, что советские войска летом против немецкой армии наступать не могут. А теперь их разубедили в этом.

2. На Касторное, Курск

Во второй половине сентября 1942 г. я неожиданно был вызван в Москву. Меня предупредили, что обратно я не вернусь. Рейтер и Куликов устроили мне теплые проводы, в которых приняли участие почти все руководящие работники армейского управления. Я вылетел самолетом в Москву. В тот же день меня принял начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский.

После уточнения некоторых деталей закончившейся наступательной операции на Западном фронте Александр Михайлович сообщил мне:

— Командующий Брянским фронтом генерал-полковник К. К. Рокоссовский и его начальник штаба генерал-майор М. С. Малинин вступают в командование одним из фронтов под Сталиноградом. На освободившуюся должность начальника штаба Брянского фронта Ставка назначает вас.

⁹ К. Типпельскирх История второй мировой войны, стр. 241.

На КП Брянского фронта. Слева направо: Л. М. Сандалов, М. А. Рейтер, И. З. Сусайнов, А. П. Пигурнов

Василевский, улыбаясь, показал мне подписанное им представление на имя Верховного Главнокомандующего о моем назначении. В левом верхнем углу представления была сделана надпись: «Я — за Сталин». Рядом были подписи членов Ставки.

— Самая наикратчайшая резолюция, — удивлялся я, рассматривая документ. — Первый раз вижу подлинную подпись товарища Сталина на документе, да еще касающемся меня.

Я поблагодарил за оказанное мне доверие, за назначение начальником штаба фронта и спросил, кто станет командующим фронтом.

— Этот вопрос будет окончательно решен сегодня же, — подумав, ответил Василевский. — Во всяком случае из Москвы на фронт выведете вместе с новым командующим. А до тех пор изучайте в Генеральном штабе обстановку на Брянском фронте, его состав, оснащение и положение на соседних фронтах, особенно под Воронежем.

— Там создан новый фронт — Воронежский? — спросил я.

— Да, — подтвердил Александр Михайлович. — В конце июня противник нанес сильный удар на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов в направлении на Воронеж. Немецким войскам удалось глубоко и на широком фронте прорвать нашу оборону, выйти к Дону и овладеть Воронежем.

— По-видимому, у наших войск была недостаточно прочная оборона на этом направлении? — задал я вопрос Василевскому.

— Надо признаться, что такой силы удара в направлении на Воронеж мы не ожидали, — ответил он. — В первых числах июля я выезжал туда на несколько суток. Путем целого ряда чрезвычайных мероприятий, в первую очередь вводом в сражение крупных резервов Ставки, наступление врага удалось остановить перед Долом. Вот тогда-то, в конце первой недели июля, и был создан Воронежский фронт. В него вошли войска левого крыла Брянского фронта и три армии из резерва Ставки. Командовать фронтом стал бывший командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, начальник штаба фронта — генерал-майор М. И. Казаков. А в Брянский фронт на их должности пришли К. К. Рокоссовский и М. С. Калинин.

Через несколько часов после посещения Василевского я встретился в Генеральном штабе с Рокоссовским и Калининым. Они были на приеме у Сталина. Кратко информировав меня об обстановке на Брянском фронте, К. К. Рокоссовский сообщил, что командовать фронтом назначается генерал Рейтер.

На следующий день утром я встретил в Генеральном штабе снявшего от удовольствия Макса Андреевича. Нет слов, как я был доволен, что командующим Брянским фронтом назначен именно Рейтер. Мне кажется, что и он был рад моему назначению на должность начальника штаба фронта. Следует подчеркнуть, что в конце августа после удачного летнего наступления войск Калининского и Западного фронтов в руководстве этих фронтов произошел ряд перемещений и назначений. Генерал армии Г. К. Жуков стал заместителем Верховного Главнокомандующего. Генерал-полковник И. С. Копев был назначен командующим Западным фронтом, а генерал-лейтенант М. А. Пуркаев — командующим Калининским фронтом.

Днем, накануне нашего отъезда на фронт, Рейтера и меня, а также Конева и Соколовского принимал генерал армии Г. К. Жуков. Заместитель Верховного Главнокомандующего информировал нас о предстоящих операциях Красной Армии и о роли в них Западного и Брянского фронтов. После приема он, кивая на Соколовского, шутливо сказал мне:

— Вот на кого вам теперь придется равняться, не подкачайте.

А поздно вечером Рейтер и я неожиданно были вызваны на прием к И. В. Сталину. Когда мы явились в Кремль, у него происходило совещание о положении на юге. Нам пришлось продолжить время дожидаться в приемной. Оба мы заметно нервничали: Рейтер у Сталина был один раз, а я — ни разу. Вскоре после окончания совещания Сталин принял нас. Он стоял у большого стола, с лежащими на нем картами. Рейтер и я представились ему. Набивая табак в трубку и затем раскуривая ее, он внимательно рассматривал нас, как бы стремясь запечатлеть в памяти наши лица. А потом, посмотрев на карту мелкого масштаба, лежавшую у него на столе, сказал:

— Вы ведь оба коренные брянцы. Вступать в командование Брянским фронтом вам будет легко. Да к тому же там теперь спокойно. Но имейте в виду, что больше никаких отступлений быть не должно. Я требую от вас активизировать действия войск фронта. Наносите периодически удары врагу то на одном, то на другом направлении. Оттягивайте его войска от Сталинграда, положение там очень тяжелое.

Рейтер и я дали обещание приложить все силы на выполнение этих задач и распрощались с И. В. Сталиным.

Радостные и возбужденные вышли мы из Кремля. Рейтер пригласил меня к себе на ужин. Он остановился в своей московской квартире, в одном из домов военведа на проезде Серова. Конец вечера я провел в кругу семьи Рейтера. А на другой день утром мы выехали на машине через Подольск, Тулу в Ефремов. В Туле и на подступах к ней со стороны Орла, а затем в районе Ефремова мы обзелили места тяжелых боев Брянского фронта в минувшем году. Стояли чудесные малооблачные дни наступившего бабьего лета. Мы останавливались в особо памятных нам пунктах, вспоминали неудачные операции фронта и без труда находили теперь — с опозданием — свои промахи и ошибки в управлении войсками. Но вот наша машина миновала г. Ефремов, и мы въехали в красивое село, расположенное на холмистом, поросшем лесом и кустами берегу р. Красная Меча.

Здесь, в нескольких уютных домах, сложенных из красного кирпича, и размещался штаб Брянского фронта.

По словам встретившего нас коменданта штаба фронта, К. К. Рокоссовский очень любил тургеневские места и показал нам построенную недалеко от р. Красная Меча, поблизости от штаба фронта, беседку, в которой он работал в дневное время.

— После почти годового «отпуска» возвращаемся на родной Брянский фронт, — радостно говорил Рейтер, выходя из машины.

Со дня отъезда Рокоссовского в Москву Брянский фронт возглавлял заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант П. И. Батов. Он доложил, что в составе фронта три общевойсковые армии — 3, 48 и 13-я и 2-я воздушная армия. Показал на карте оборонительный рубеж фронта — от Мценска до железной дороги Елец—Касторное. Уточнил положение каждой армии, их состав, вооружение. Заметив по выражению наших лиц, что мы не в восторге от состояния войск фронта, член Военного совета фронта генерал-майор И. З. Сусайков, хорошо знакомый мне по совместной службе в Белорусском военном округе, с сумрачным видом поведал нам:

— Брянский фронт теперь стал «бедняцким» фронтом. В июле, во время прорыва немецких войск к Воронежу, левофланговые 38-я и 40-я армии Брянского фронта и все танковые корпуса были переданы в новый Воронежский фронт.

— Выходит, действительно Брянский фронт «раскулачен», — с огорчением заметил я.

Б. С. Антропов

И. И. Федюнинский

— А правофланговую 61-ю армию отобрал у нас Западный фронт, — дополнил Сусайков.

— Ну, Брянский фронт почти всегда состоял из трех армий, — старался поднять наше настроение Рейтер.

— Больше половины личного состава штаба фронта и фронтовых управлений также переданы на формирование Воронежского фронта, — доложил после представления мой заместитель, генерал-майор Б. С. Антропов.

— Какое редкое совпадение, — удивился я. — В ноябре прошлого года я приехал в 20-ю армию. Встречал меня там Антропов, назначенный моим заместителем. Приезжаю сюда, и здесь встречает меня он же, назначенный опять-таки моим заместителем.

На другой день после приезда Рейтер собрал всех руководящих работников штаба и фронтового управления. Познакомившись со всеми, он передал им слова И. В. Сталина, касающиеся задач Брянского фронта. Оказалось, что, кроме начальника политуправления фронта генерал-майора А. П. Пигурнова, все остальные начальники переведены в Воронежский фронт. Однако большинство рядовых сотрудников штаба фронта были прежними, служившими в штабе со времени создания фронта.

Последующие дни мы посвятили ознакомлению с армиями. В первую очередь Рейтер, Сусайков и я поехали в 13-ю армию. Командовал ею генерал-майор Н. П. Пухов. Как и прежде, членом Военного совета армии был генерал-майор М. А. Козлов, а началь-

ником штаба — генерал-майор А. В. Петрушевский. После июльского отступления армия повернулась почти на 90° и стала фронтом на юго-запад. Она оборонялась на 120-километровом участке от р. Кшень до селения Козника против вражеских войск, вышедших на рубеж Касторное, Малоархангельск.

Передав командованию армии напутственные слова И. В. Сталина о недопустимости отступления войск фронта, Рейтер спросил:

— Почему 13-я армия своим центром и особенно левым флангом так отступила на восток, в то время как правофланговые войска фронта сохранили свои позиции?

Генерал Пухов сообщил:

— Вам, вероятно, генерал Батов докладывал, что Брянский фронт в конце июня обладал достаточными силами для отражения вражеского удара. Еще весной на усиление фронта было переброшено 7 стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад, значительное число артиллерийских частей и, наконец, 4 танковых корпуса. Кроме того, фронт имел 2 кавалерийских корпуса, а в его полосе, в районе Ефремова, размещалась 5-я танковая армия, подчиненная Ставке. Но, к сожалению, командование фронта до дня неожиданного наступления противника готовило наступательную операцию в направлении Мценск, Орел. На этом-то направлении и были сосредоточены главные силы фронта. А обороне левофланговых войск фронта поэтому уделяли недостаточное внимание, артиллерии и танков на их усиление выделяли мало.

В глубине полосы 13-й армии крупных фронтовых резервов не было. Отсюда и все беды.

После тщательной проверки обороны на ряде участков армейской полосы Рейтер отметил:

— Я удовлетворен организацией обороны в полосе армии. Однако надо траншеи отрывать на такую глубину, чтобы можно было по ним ходить, не пагибаясь. Снайперы у вас есть, но стреляют они неважно. Для проверки я показал трем снайперам хорошо видимых в окопах противника немцев: только один снайпер, по моим наблюдениям, попал в цель. То ли стрелять они слабо обучены, то ли оружие у них пристреляно плохо.

Пухов ответил, что в выводимых во второй эшелон и резерв полках обучение стрельбе и пристрелка оружия проводятся во всех подразделениях, а снайперы обучаются на особых курсах.

— Кстати, почему в вашей, да и в других армиях фронта во второй эшелон и в резерв выводят не целые дивизии, а по нескольку полков различных дивизий? — поинтересовался я.

— Как только выведешь во второй эшелон или в резерв целую дивизию, ее сейчас же приказывают перебросить к Воронежу и передать в состав Воронежского фронта, — усмехаясь, пояснил Пухов. — Вы, вероятно, знаете, что за счет переброшенных под Воронеж наших резервных дивизий была пополнена новая 38-я армия, которую передали в Воронежский фронт.

— Сейчас наступление в районе Воронежа Ставка приостановила, — сообщил я. — Перебрасывать туда войска от нас больше не будут.

После раздумья Рейтер приказал на основании постановления ГКО выводить треть войск во второй эшелон для отдыха, обучения и пристрелки оружия, выводить целыми дивизиями, периодически сменяя их.

— Надо дать такое же приказание Корзуну и Халюзину, — обратился ко мне Рейтер.

— А вы обратили внимание, — включился в разговор М. А. Козлов, что командование армий Брянского фронта укомплектовано за счет нашей 13-й армии. Командующий 3-й армией генерал-майор С. А. Корзун был у нас командиром корпуса, а его начальник штаба полковник М. В. Ивашечкин — начальником штаба корпуса. Командующий 48-й армией генерал-майор Г. А. Халюзин был заместителем командующего 13-й армией, а его начальник штаба генерал-майор С. С. Бирюзов командовал дивизией в 13-й армии.

— Халюзин был заместителем по тылу и подчинялся тогда мне, — после раздумья заметил Рейтер.

Через некоторое время я поехал в центральную 48-ю армию. Генерал Халюзин был в войсках, и я остановился у начальника штаба армии генерала Бирюзова, с которым мы очень сблизились в начале войны. После теплой встречи мы обменялись краткими рассказами о том, где и как воевали в течение прошедшего года.

Генерал Бирюзов рассказал много важного, не известного мне о Брянском фронте, особенно о 48-й армии.

— До апреля я продолжал командовать 132-й стрелковой дивизией в 13-й армии, — рассказывал Сергей Семенович. — Однако не совсем зажившие раны давали себя чувствовать. При ходьбе я заметно прихрамывал. Командующим Брянским фронтом в то время был генерал-лейтенант Ф. И. Голиков. В середине апреля он вызвал меня и сообщил, что я назначаюсь начальником штаба вновь формируемой в районе Касторное 48-й армии. От Голикова мне стало известно, что командующим армией назначен генерал-майор А. Г. Самохин, который в ближайшие дни приедет из Москвы и привезет директиву Ставки.

— А как же 48-я армия из района Касторное попала в район Новосиль? — удивился я.

— В результате трагедии, которая произошла с командармом, — ответил он. — Нашу армию начали развертывать в тыловой полосе левофланговой 40-й армии Брянского фронта. Эти две армии вместе с двумя танковыми корпусами должны были образовать ударную группу фронта для наступления из района Касторное.

— Куда и с какой задачей? — спросил я.

Генерал Бирюзов взял со стола карту мелкого масштаба и рассказал мне, как и где начала формироваться 48-я армия, сообщил о трагическом событии, заставившем перенацелить армию на другое

направление. С огромным вниманием я слушал обстоятельный рассказ Сергея Семеновича, не отвлекая его вопросами¹⁰.

— Ставка дала директиву о подготовке крупного наступления на харьковском направлении. В этом наступлении одновременно участвовали два фронта — Брянский и Юго-Западный. Ударная группировка Брянского фронта должна была сосредоточиться в районе Касторное, а Юго-Западного — в районе Барвенково. Сходящимися ударами из этих районов требовалось окружить и разгромить харьковскую группировку противника, освободить Харьков. В состав ударной группировки Брянского фронта входила и вновь создаваемая 48-я армия.

Размах предстоящего наступления и важность задачи, возлагавшейся при этом на 48-ю армию, захватили меня. Не теряя ни одного дня, я направился к новому месту службы — в армию, которая существовала пока только на бумаге. Ее нужно было создать из дивизий и бригад, выделяемых фронтом и прибывающих из глубокого тыла.

Все заботы о формировании армии и ее управлении легли на мои плечи. Александр Григорьевич Самохин, назначенный на должность командующего, еще не прибыл из Москвы.

Вскоре все мы выехали в Касторное. Туда из разных мест стягивались наши дивизии и бригады. Всего в состав 48-й армии было включено свыше десятка соединений. Их требовалось встретить на местах выгрузки из эшелонов, своевременно вывести в намеченный район сосредоточения и в самые сжатые сроки подготовить к предстоящему наступлению. Штабу и мне лично пришлось работать днем и ночью.

Через несколько дней поступило сообщение о вылете из Москвы нашего командарма. С генералом Самохиным я встречался один раз накануне войны в Генеральном штабе, когда меня «сватали» на военно-дипломатическую работу. Тогда он только что вернулся из захваченной гитлеровцами Югославии, где служил военным аташе.

Самолет командарма должен был приземлиться в Ельце. Трудно было оторваться от неотложных дел, навалившихся на меня, но я решил все же встретить командующего на аэродроме. К этому обязывали неписаные правила элементарной вежливости. А кроме того, я считал своим долгом поскорее ввести командующего в курс наших забот и намеревался уже по пути из Ельца в Касторное подробно доложить ему, сколько дивизий и бригад к нам прибыло, в каком состоянии они находятся и где в данный момент сосредоточены.

На аэродроме никто не мог сказать точно, когда прибьет интересовавший меня самолет. В томительном ожидании прошло около

---

¹⁰ Здесь я излагаю рассказ С. С. Бирюзова в сжатом виде, так, как он записан в его книге «Суровые годы» (стр. 80—84).

пяти часов. Терпение мое было исчерпано, и, посоветовавшись со штабом фронта, я возвратился к себе в Касторное.

Вечером, однако, из штаба фронта последовал тревожный запрос: — Где командарм? Почему его нет до сих пор?

В ответ я повторил то, о чем уже докладывал с Елецкого аэродрома. Мне возразили:

— Утром Самохин вылетел из Москвы.

Пришлось заняться розысками командарма. Стал звонить по телефону во все бригады и дивизии. Его нигде не было. Не появился Самохин и на следующий день. А через сутки наши связисты перехватили радиопередачу противника, из которой явствовало, что Александр Григорьевич по ошибке совершил посадку не в Ельце, а в оккупированном немцами Мценске. Там он был пленен, и враг завладел при этом оперативной директивой нашего Верховного Главнокомандования.

— Какой жестокий удар для фронта и для Ставки! — возмущался я.

— Дорого обошлась беспечность людей, отправивших генерала Самохина с недостаточным опытным летчиком, который потерял в воздухе ориентировку. Ставке пришлось пересмотреть сроки готовившегося наступления, изменить направление наших ударов по противнику. Но и это не спасло нас от неудач. У меня нет никакого сомнения в том, что трагический эпизод с генералом Самохиным сыграл свою роковую роль и в какой-то мере предопределил печальный исход наступления на Харьков в мае 1942 г.

По-прежнему сложилась в связи с этим событием и судьба 48-й армии. Перед нами была поставлена новая задача — готовиться к наступлению не на Харьков, а на Орел из района севернее Ливны. Для этого армию следовало перебросить на значительное расстояние в условиях весенней распутицы.

Однако наступать не пришлось. Серьезные неудачи, постигшие наши войска под Харьковом, и последовавшее затем продвижение противника на восток, к Дону, сделали невозможным осуществление Орловской операции в 1942 г. 48-й армии предстояло держать здесь оборону, стягивая на себя как можно больше сил противника и лишая гитлеровское командование возможностей перебрасывать отсюда свои войска на южное направление. В течение нескольких ночей мы сменили в отведенной нам полосе части 3-й и 13-й армий и приступили к выполнению этой задачи.

В это время судьба опять свела меня с генерал-майором Халюзиним. Первоначально он был назначен на должность заместителя командующего 48-й армией, а после того, как стало известно о пленении Самохина, вступил временно в исполнение обязанностей командарма.

К вечеру из поездки в войска возвратились генерал Халюзин и член Военного совета армии генерал-майор Н. А. Истомин.

— Наметили три наиболее выгодных участка для частной насту-

пательной операции, — сказал мне Халюзин. — Обмозгуем, спланируем и пришлем вам на рассмотрение.

На другой день утром я по пути на фронтовой КП заехал в штаб 3-й армии. Генерал Корзун и полковник Иванечкин также трудились над разработкой плана частной операции.

— Пытаемся избежать погрешностей и ошибок, которых немало было у нас в весенних частных операциях, — пояснил мне Корзун, показывая на карте пометки решения.

За завтраком мы вспомнили прошлогодние тяжелые бои на реках Сож и Десна. Генерал Корзун сетовал на продолжительную бездеятельность армии.

— Восемь месяцев армия сидит в обороне на одном и том же рубеже, — с огорчением говорил он. — Мы у противника, а он у нас, знаем фамилии всех командиров полков, не говоря уже о более высоких начальниках. Война идет мимо нас, идет на фронтах, действующих южнее Брянского фронта. Если бы мне предложили поехать под Сталинград командиром корпуса, мое согласие было бы немедленным и я был бы доволен таким назначением.

Возвратившись на фронтовой КП, я доложил Рейтеру в присутствии Сусайкова о своих впечатлениях от поездки в 48-ю и 3-ю армии. Показал на карте, на каких участках командования армий намечают проведение частных операций. Рассказал о настроениях Бирюзова и Корзуна, об их желании перевестись на действующие фронты.

— Выходит, что Брянский фронт нечто вроде внутреннего округа! — возмущался Рейтер. — Под Сталинград просятся также мой заместитель генерал Батов и командующий артиллерией фронта генерал В. И. Казаков.

Через некоторое время П. И. Батов был назначен командующим одной из армий под Сталинградом, и его имя стало часто упоминаться в оперсводках Генерального штаба. В. И. Казаков получил назначение командующим артиллерией Донского фронта. А в первой половине декабря уехал от нас и С. С. Бирюзов. Его назначили начальником штаба 2-й гвардейской армии Донского фронта, которой командовал генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Перед отправлением к месту новой службы Сергей Семенович Бирюзов заехал проститься со мной. Он был радостен, весел. Беспокоило его, как он говорил, лишь одно: уже 23 ноября войска Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения вокруг армии Паулюса и теперь громят ее в нарастающих темпах. Как бы не опоздать с прибытием под Сталинград, не попасть к шапочному разбору.

Я разуверял Бирюзова. Доказывал ему на основе опыта, что для уничтожения огромной группировки противника потребуется значительное время. Тем более, что, судя по информации Генерального штаба, на выручку окруженной в Сталинграде армии Паулюса немецкое командование нацеливает с востока танковую группу Манштейна.

Надо сказать, что дня за два до отъезда Бирюзова я действительно получил информацию из Генерального штаба об обстановке под Сталинградом от заместителя по политической части Ф. Е. Бокова. Он, как мы знали, во время выездов А. М. Василевского в войска, брал бразды правления Генеральным штабом в свои руки.

А мы, начальники штабов фронтов, не имея данных, по каким причинам возглавляет Генеральный штаб политработник, лишь удивлялись такому более чем необычному положению. Федор Ефимович Боков был умным, эрудированным, обладающим отличной памятью политработником, но оперативно-стратегических знаний не имел. Однако его хорошая осведомленность об обстановке на фронтах, его доклады о положении войск на фронтах правились И. В. Сталину, и свои распоряжения он нередко передавал через Бокова. Так вот он вызвал меня к телефону и информировал:

— Для высвобождения окруженных в Сталинграде войск Паулюса нацеливается с востока сильная группировка под командованием Манштейна. Она день ото дня усиливается войсками с различных направлений, в том числе и из Орловского района. Калининский и Западный фронты уже перешли на отдельных направлениях в наступление и притянули к себе войска противника, предназначенные к переброске на юг. Но вот ваш Брянский фронт, несмотря на обещания командования Сталину, до сих пор к проведению частных операций не приступил.

— Федор Ефимович, вы же прекрасно знаете, как обкорнали наш фронт, — ответил я. — Между тем обороняем мы одно из важнейших направлений — Орел, Тула. Противник перед нами — 2-я танковая армия, которой в прошлом году командовал Гудерман, армия сильная, укомплектованная. У нас не было и нет гарантии, что противник не нанесет неожиданного удара от Орла к Туле. А наша оборона довольно жидкая. Дивизии обороняются на 10—15-километровых участках по фронту. Что если бы противник неожиданным ударом прорвался к Туле, как летом к Воронежу? А генерал Рейтер дал обещание товарищу Сталину, что никакого отступления на Брянском фронте больше не будет. Поэтому командование и войска фронта с весны занимались оборудованьем прочных оборонительных позиций и, думается, сделали это хорошо.

Боков выслушал меня, не перебивая, а потом сказал:

— Но вы давали и другое обещание товарищу Сталину: проводить частные операции для оттягивания войск противника со сталинградского направления.

— Мы вместе с командармами тщательно разработали планы частных операций и на днях вышлем их вам на утверждение. Как только получим ваше согласие, сразу приступим к проведению частных операций.

Наши предложения были утверждены без изменений, и с середины декабря Брянский фронт приступил к проведению частных операций.

В оборонительную полосу 48-й армии глубоко вклинился участок противника, который обороняли два вражеских полка. Генерал Халюзин и предпринял операцию с целью окружения и уничтожения частей противника на вклинившемся в нашу оборону участке. К сожалению, подготовка ударов по флангам оборонительного участка противника производилась без достаточных мер маскировки. Поэтому операция не явилась для противника внезапной. Окружить вражеские части не удалось. В результате противник заранее притянул туда значительные силы. Бой длился в течение нескольких суток. Неприятель понес большие потери и принужден был оставить занимаемый участок.

Рейтер и Сусайков возвратились из 48-й армии в мрачном настроении.

Через два месяца командовать 48-й армией приехал опытный, уже отличившийся в операциях под Сталинградом генерал-лейтенант П. Л. Романенко, а Халюзин стал заместителем командующего армией на другом фронте.

Тремя днями позже 48-й армии начала частную операцию 3-й армии. Провел ее Корзун оригинально, с высоким оперативным мастерством. За два дня до начала операции он удачно имитировал на трех удаленных один от другого участках армии подготовку к операции. На этих участках проводилась усиленная рекогносцировка, стягивались войска, танки, артиллерия. Рано утром в день начала операции на этих участках началась шумная боевая разведка, которая поддерживалась артиллерийским огнем разного калибра артиллерии. В это время по специально сооруженным сложным траншеям (глубина снежного покрова была большая) скрытно выводились к действительному участку удара главные силы двух дивизий и танковая бригада. После артиллерийского налета и залпа реактивных минометов войска бросились в атаку и разгромили вражеские части, занимавшие плацдарм восточнее р. Зуша к югу от Мценска. Неприятель не ожидал удара. Два немецких полка, принадлежавших различным дивизиям 2-й танковой армии, были наголову разбиты. Несколько рот сдались в плен. Два полка второго эшелона наших дивизий вместе с двумя танковыми батальонами повел в бой для развития успеха начальник оперативного отдела штаба 3-й армии полковник Алексей Викторович Владимирский, мой однокурсник по Академии имени Фрунзе. Он сам попросил Корзуна дать ему возможность показать себя в бою. С армейского НП, сделанного из снежных плит, Корзун, я, Ивашечкин, а также командующий артиллерией генерал М. М. Барсуков и начальник штаба воздушной армии генерал А. А. Сакович отличились, как Владимирский со своими войсками перешел на западный берег р. Зуша и стал выдвигать части вперед. Корректируемая непосредственно с армейского НП артиллерия и авиация отлично помогали наступающим войскам. К вечеру наши части завоевали значительный плацдарм за р. Зуша и в продолжение нескольких суток вели бой за него с подброшенными от Орла резервами противника.

В конце декабря генерала Рейтера вызвали в Ставку. Через двое суток он возвратился и объявил нам с Сусайковым:

— Будем готовить настоящую наступательную операцию.

Вечером по вызову командующего фронтом к нему прибыли, помимо Сусайкова и меня, командующий 13-й воздушной армией, командующие родами войск и начальник тыла фронта.

Рейтер неторопливо развернул перед нами небольшую карту мелкого масштаба с начерченными на ней только ему понятными иероглифами и рассказал нам о полученных в Ставке указаниях:

— Наступавшая к Сталинграду на выручку дерущихся там немецких войск группировка Манштейна потеряла поражение, и наши войска Сталинградского направления перешли в успешное контрнаступление. Подобно контрнаступлению в дни Московской битвы, оно в ближайшее время перерастет в общее наступление. Перейдут в наступление все фронты южного крыла советско-германского фронта.

Несколько раньше меня в Ставку вызывался Голиков. Он получил указание от товарища Сталина о разработке плана операции по разгрому — совместно с Юго-Западным фронтом — острогожско-россошанской группировки.

— Когда начнется эта операция и какая, собственно, в ней роль нашего фронта? — спросил командующий воздушной армией генерал И. Г. Пятыхин.

— Начнется операция примерно в середине января, — ответил Рейтер. — От Воронежского фронта будут задействованы в ней лишь войска левого крыла фронта. А войска центра и правого фланга Воронежского фронта, а также и войска левого крыла нашего Брянского фронта, в основном 13-я армия, вместе с воздушной армией должны изготовиться к этому времени для нанесения последующего удара в направлении на Касторное, для наращивания силы наступления фронтов.

— Какая же конкретно задача в этой операции ставится нашему фронту и, в частности, 13-й армии? — спросил генерал Пухов.

— Ближайшая задача — окружить и разгромить вместе с Воронежским фронтом ворожежско-касторненскую группировку противника и восстановить левофланговыми войсками фронта, т. е. вашей армией, утраченное летом положение, — пояснил Рейтер.

— Как оснастят нас перед операцией? — задал вопрос практичный начальник тыла фронта генерал Н. А. Антипенко.

На этот вопрос Рейтер ответил так:

— Рассчитывать на потоки эшелонов с людским пополнением и транспортов с самолетами, танками и материальными ресурсами для нашего фронта, как вы сами понимаете, не приходится. Большую часть своих резервов и средств Ставка направляет фронтам, действующим южнее нашего.

— Однако 13-я армия начинает операцию не в существующем же составе? — забеспокоился Пухов.

— Ставка разрешила усилить вашу армию за счет других войск фронта, исключая войск, обороняющих направление Мценск — Тула, — пояснил Рейтер. — Выделим в вашу армию по две-три дивизии от других армий и передадим вам большинство фронтовых танковых и инженерных соединений. Придется временно придать также в вашу армию из других армий значительную часть артиллерии вместе с боеприпасами.

— Значит, предстоит большая перегруппировка войск к левому флангу фронта, — забеспокоился Сусайков — Не обнаружил бы перегруппировку противник, как это получилось в 48-й армии.

— Опыт более чем дорогой, не учесть его преступно, — сразу помрачнев, ответил Рейтер. — Передвигать войска будем только ночью. Завтра окончательно установим состав наступающих и поддерживающих наступление войск. А затем совместно с командованием 13-й армии выберем участок для прорыва и составим план операции.

На этом и порешили.

В первых числах января 1943 г. наш план операции был уже в Ставке. Из Генерального штаба от начальника направления полковника М. М. Потанова я получил извещение, что план операции Брянского фронта возражений в Ставке и Генеральном штабе не вызвал.

— А для его уточнения и помощи в организации операции к вам придет в ближайшее время представитель Ставки, — предупредил он меня.

В это время ночными маршами уже двигались к левому флангу войска фронта, выделенные для участия в операции. Чтобы вражеская авиация не смогла обнаружить перегруппировку войск, они с рассветом и до наступления темноты остаивались на дневки, укрываясь в лесах и населенных пунктах. Районы сосредоточения прибывающим войскам были назначены в значительном удалении от выбранного участка прорыва вражеской обороны. Там, где не было лесов и населенных пунктов, войска строили снежные городки в виде разного рода снежных домиков, юрт, шалашей, приспособленных для размещения людей. Зима в том году, как и первая военная зима, была морозной, изобиловавшей снежными метелями.

К исходу первой недели января генерал Рейтер переместил фронтovou КП из района Ефремова на левый фланг фронта, в полосу 13-й армии. Поблизости от него организовал свои КП и командующий воздушной армией фронта. В первую очередь надо было окончательно установить границы выбранного между реками Кшень и Олым участка для ударной группы 13-й армии. Так как глубина снега в том районе была не меньше метра, командующий фронтом подъезжал к позициям на аэросанях, а от саней в накинутом поверх бекешки маскхалате пробирался на лыжах к передовой. Здесь он встречался с генералом Пуховым и командующими артиллерией фронта и армии. Передвигаясь по траншеям, Рейтер и Пухов уточ-

няли участки прорыва и определяли задачи войскам и поддерживающей их артиллерии.

Со второй недели января в 13-й армии и выделенных на ее усиление войсках развернулась боевая подготовка к наступлению. Готовились войска и штабы примерно такими же методами, как и к Погорело-Городищенской операции, но, конечно, с учетом зимних условий.

В середине января, когда успешно началась Острогожско-Россошанская операция Юго-Западного и Воронежского фронтов, в руководстве которой активно участвовали Г. К. Жуков и А. М. Василевский, Рейтер вместе с Пуховым провели сборы и учения в тыловой полосе 13-й армии. Обучались все соединения и части, выделенные для наступления. В своих воспоминаниях об этих сборах и учениях Н. П. Пухов пишет о Рейтере: «Это был очень интересный человек. Он до тонкостей знал солдатскую службу и часто лично показывал подчиненным, как надо правильно переползать, перебежать, перестраивать под огнем боевые порядки. Несмотря на почтенный возраст, генерал проделывал все это с легкостью молодого человека, очевидно, то был результат постоянной физической тренировки.

На проводившихся показательных занятиях Рейтер с удивительной быстротой переползал по ровной местности, а за ним, выбиваясь из сил, обливаясь потом и все больше отставая, следовали молодые офицеры. С восхищением глядя тогда на генерала, я невольно подумал о том, как важно прививать военному человеку физическую культуру. . . »¹¹

В эти дни прибыл к нам представитель из Ставки. Им, к моему удивлению и удовольствию, оказался генерал-лейтенант А. И. Антонов. Мы, конечно, знали, что в декабре 1942 г. он с должности начальника штаба Закавказского фронта был назначен заместителем начальника Генерального штаба, но никак не предполагали, что Ставка, после такого краткого пребывания на новом посту, командует его к нам в качестве своего представителя. По-видимому, талантливость Алексея Иннокентьевича в оперативно-стратегических вопросах, его изумительная память, редкая работоспособность, блестящее умение кратко и в то же время достаточно полно доложить обстановку, почти не пользуясь записями, сразу завоевали ему популярность в Ставке и в первую очередь у И. В. Сталина. Однокурсники по Академии Генерального штаба и коллеги по службе я и Антонов были близкими товарищами. Он остановился у меня, его группа разместилась на КП. А. И. Антонов детально изучил наш план операции, затем вместе с генералами Рейтером и Пуховым осмотрел на местности намеченный участок для прорыва и побывал в двух дивизиях 13-й армии.

---

¹¹ Н. П. Пухов. Годы испытаний, стр. 29—34.

По возвращении генерал Антонов предложил Рейтеру внести несколько изменений в план операции, а затем объявил:

— Завтра я выезжаю на КП Воронежского фронта для встречи с А. М. Василевским, Г. К. Жуковым и командованием фронта. Там, в зависимости от развития Острогожско-Россошанской операции и будет окончательно определен замысел Воронежско-Касторпенской операции, задачи фронтам и сроки начала операции.

Вечером, во время ужина в моем домике, я и Антонов рассказали один другому, где и как участвовали до сих пор в войне. А потом вспомнили годы учебы в Академии.

— Какой сильный состав слушателей был на нашем первом курсе! — вспоминал я.

— Да, больше половины всех начальников штабов фронтов — наши бывшие однокурсники, — согласился Антонов. — В их числе А. П. Покровский, М. В. Захаров, И. Х. Баграмян, М. И. Казаков, Г. К. Маландин.

— Не запомнили ли, что и начальник Генерального штаба А. М. Василевский, и вы его первый заместитель, к тому же оба представители Ставки, также были слушателями первого курса? — шутливо упрекнул я Антонова.

Он благодушно рассмеялся своим особенным, неповторимым глухим смехом и возразил:

— Я помню об этом так же, как и то, что три наших однокурсника — Николай Федорович Ватулин, Леонид Александрович Говоров и Павел Алексеевич Курочкин — уже командуют фронтами.

После успешного (18 января) окружения войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов острогожско-россошанской группировки противника образовался глубоко врезавшийся в оборону наших войск так называемый воронежский выступ неприятеля. Основание выступа было больше 120 км, а глубина его достигла 100 км. Обороняли его войска 2-й немецкой и частично 2-й венгерской армий. Наши войска глубоко охватывали вражеские силы, оборонявшие выступ. Было ясно, что замкнуть и уничтожить врага, оставшегося в воронежском выступе, легче всего ударами с севера и юга в направлении на Касторное. Такой замысел операции, по словам возвратившегося Антонова, и был послан в Ставку командованием Воронежского фронта совместно с А. М. Василевским. И вот 20 января Ставка дала директиву Брянскому и Воронежскому фронтам: ударами по флангам противника с севера и юга в направлении на Касторное окружить и уничтожить противника и развивать наступление на Курск и Харьков.

Воронежско-Касторпенская операция началась 24 января 1943 г. ударом с юга на Касторное 40-й армией Воронежского фронта под командованием генерал-лейтенанта К. С. Москаленко. К сожалению, в тот день разыгралась сильная метель, мороз достигал 20°. Такая погода не давала возможности вылетать авиации и затрудняла действия наземных войск, особенно артиллерии. Задачу дня армия выполнила лишь частично и в то же время спугнула противника,

А. И. Антонов

П. С. Рыбалко

наглядно показала, какая участь ему готовится. Враг стал отводить войска из района Воронежа и одновременно усиливал оборону северного фаса выступа. Он стремился лишить войска Брянского фронта возможности ударом с севера отрезать пути отхода воронежской группировке.

25 января было последним днем подготовки к наступлению войск левого крыла Брянского фронта. Все фронтовые и прибывшие из Москвы начальники устремились в изготовившиеся для наступления дивизии 13-й армии и в первую очередь заходили на НП командующего 13-й армией. Я, одевшись в тот морозный день в летний, меховой комбинезон, полученный на Брянском фронте в начале прошлой зимы, также пробрался вместе с А. И. Антоновым на НП генерала Пухова. Он, член Военного совета М. А. Козлов и начальник штаба А. В. Петрушевский заметно нервничали: ведь армия готовилась проводить такую наступательную операцию впервые за войну! Антонов старался вселить в них бодрость, говорил, что операция подготовлена хорошо и что он не сомневается в ее успехе.

В те дни политработники, все коммунисты и комсомольцы проводили разнообразную политическую работу в подразделениях частей, изготовившихся к наступлению. Рассказывали о разгроме вражеских войск под Сталинградом, призывали отомстить врагу за летний удар на Воронеж ударом на Касторное, Курск. Для помощи политуправлению фронта к А. П. Пигурнову приехал заместитель

начальника ПУРа генерал Н. В. Пунышев с группой политработников.

В ночь на 26 января 1943 г. войска левого крыла Брянского фронта заняли исходное положение, авиация была готова к нанесению ударов. Перед рассветом на фронтовой КП возвратился из войск усталый, но довольный Макс Андреевич.

— Побывал во всех изготовившихся к атаке дивизиях, — рассказывал он. — Задачи знают неплохо, с поддерживающими танками, артиллерией и авиацией связаться надежно. Если мы летом били немцев под Сычевкой, так неужели теперь, зимой, не одолеем их!

В этих словах звучали и уверенность, и озабоченность, вполне понятные в той обстановке: М. А. Рейтер впервые в роли командующего фронтом проводил наступательную операцию. Ночью противник продолжал отходить из воронежского выступа. Воронеж был освобожден. Из Ставки по телефону ВЧ Антонова предупреждали:

— Не опаздывайте с наступлением, враг уходит из выступа. Утром 26 января при 20-градусном морозе наши войска нанесли мощный удар по врагу и прорвали его позиции. Уничтожая с помощью авиации опорные пункты в глубине обороны врага, войска 13-й армии устремились на Касторное, и на другой день армейские танковые части завязали бой за железнодорожный узел. Гитлеровские солдаты из переполненных эшелонов, подготовленных к отправке, открыли стрельбу по наступающим. Один эшелон попытался было уйти со станции, но это ему не удалось. Маневрируя между вагонами, складами и железнодорожными сооружениями, наши танкисты истребили большое количество солдат, офицеров и техники противника. Бой шел на перроне вокзала и на железнодорожных путях. Многие железнодорожные составы горели. Особенно храбро дрались и нанесли большой урон врагу части 79-й танковой бригады подполковника Ф. П. Васецкого. Тяжелый танк, которым командовал старший лейтенант Загораев, уничтожил несколько орудий, 13 пулеметов, 18 автомашин и 10 повозок с боеприпасами.

К концу 28 января войска 13-й армии совместно с подошедшими войсками Воронежского фронта полностью овладели Касторным. Генерал Пухов доложил командующему фронтом, что помимо большого числа артиллерийских орудий и танков части его армии захватили на ст. Касторное до 700 автомашин и свыше 800 вагонов со всякого рода военным имуществом¹². Начальник тыла генерал-майор Н. А. Антипенко немедленно доложил о взятых трофеях начальнику тыла Красной Армии А. В. Хрулеву.

При соединении Брянского и Воронежского фронтов в районе Касторного значительная часть воронежско-касторненской группировки оказалась в окружении. Ее уничтожение было возложено на правофланговую 38-ю армию Воронежского фронта под командо-

¹² Н. П. Пухов. Указ. соч., стр. 28.

вашем генерал-лейтенанта Н. Е. Чибисова. Вместо нее для наступления на правом фланге фронта выдвигалась 60-я армия.

13-я армия еще во время боев за Касторное повела частью сил наступление на запад, в направлении Щигры, Курск, а главные силы армии генерал Пухов повел в направлении на ст. Золотухино, Фатеж, имея в виду ударами с севера и северо-запада овладеть Курском.

В быстром продвижении наших войск на запад большую роль сыграли лыжные батальоны. Они выполняли задачи разведывательных и передовых отрядов. Обтекая с фланга вырвавшиеся из окружения части разбитой 2-й немецкой армии, а также и выброшенные на подступы к Курску резервные части, они стремительно двигались вперед. Наступая днем и ночью, в пургу и в крепчайшие морозы, войска 13-й армии разгромили на р. Тим переброшенные сюда из Мценска части 4-й немецкой танковой дивизии и устремились главными силами к ст. Золотухино, а левофланговыми дивизиями — на Щигры, Курск.

Вечером 2 февраля фронтовой КП переместился в одно из селений южнее Ливны. Дата эта мне хорошо запомнилась потому, что в этот день под Сталинградом капитулировала окруженная группировка Паулюса. Генерал Антонов продолжал оставаться при нашем фронте. Ночевал он тот раз вместе со мной в пустом, промерзшем от стужи домике. Всю ночь не в меру усердный ординарец топил соломой печку. В результате и я и особенно Алексей Иннокентьевич сильно угорели. Однако болезненное состояние не повлияло на его работоспособность. Утром 3 февраля мы вместе с ним пришли к командующему фронтом. У него находился и член Военного совета. Генерал Рейтер с довольным видом показал Антонову полученные донесения от генерала Пухова о том, что войска армии перерезали железную дорогу и шоссе Курск—Орел севернее Курска и заняли ст. Золотухино.

— А левофланговые части ведут бои за Щигры, — подчеркнул Рейтер. — Сначала освободили Касторное, где в прошлом году я возглавлял второй эшелон штаба Брянского фронта, вот-вот освободим Щигры, где тогда была резиденция первого эшелона штаба фронта, а потом и Курск.

— 13-я армия наступать на Щигры, Курск не должна, — охладил пыл Рейтера Антонов. — С вчерашнего дня началась наступательная операция Воронежского фронта. Главная его группировка наступает на Харьков, а 60-я армия перенацелена на Щигры, Курск. 13-й армии следует наступать в направлении на Малоархангельск, а левофланговыми войсками — на Золотухино.

— Почему Брянский фронт оттирают от участия в наступательной операции фронтов южного крыла? — с обидой в голос спросил Рейтер. — Почему от нас отбирают исконное направление нашего фронта — Касторное, Курск, Льгов? Наша 13-я армия вышла в район севернее Курска, занимает выгодное положение для ударов во фланг и тыл вражеского гарнизона в Курске, а 60-я ар-

меня, как я знаю, еще ведет бои с прорывающейся из окружения воронежско-касторской группировкой противника.

— Выходит, что в результате совместной межфронтной операции, которая развивается так успешно, мы получили лишь возможности вывести 13-ю армию на рубеж, который занимали войска левого крыла фронта летом прошлого года, т. е. восстановить только статус-кво, — подержал я Рейтера. — В то же время войска Воронежского фронта будут наступать в 300-километровой полосе от г. Щигры до Кузьянска.

— По-видимому, Ставка имеет свои соображения, — сказал Алексей Иннокентьевич. — Ведь ваше основное направление — Орел, Брянск. Возможно, противник начнет отход с орловского выступа или настолько обессилит там свою оборону, что ваши войска легко прорвут ее.

— Почти каждый день на подступах к Орлу проводим боевую разведку и нигде даже намек нет на подготовку противника к отходу, — возразил Рейтер. — Все дивизии 2-й немецкой танковой армии на месте.

Утром 5 февраля 132-я стрелковая дивизия 13-й армии под командованием генерал-майора Т. К. Шкрылева освободила г. Щигры, передала эстафету для наступления на Курск подошедшим дивизиям 60-й армии и повернула на Золотухино.

Геройски дрались на р. Тим, за Щигры и особенно в районе ст. Золотухино войска 13-й армии. Больше других отличились части 148-й и 280-й стрелковых дивизий под командованием генерал-майора А. А. Мищенко и полковника Д. М. Голосова. В одном из боев бессмертный подвиг совершил комсомолец сержант Григорий Кагамлык. Он и его пятеро товарищей отбивали контратаку подразделения неприятельской танковой дивизии. В начале боя сержант был ранен, но не вышел из строя и метко бил из противотанкового ружья по танкам. А другие бойцы вели огонь по вражеским солдатам, атакующим вместе с танками. Вскоре сержанту удалось подбить головную машину. Однако сам он был ранен второй пулей. Превозмогая боль, он по-прежнему продолжал вести огонь и подбил еще один танк. Остальные повернули назад. От тяжелых ран Григорий Кагамлык умер. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза ¹³.

С 5 февраля левофланговые войска 13-й армии вели наступление на Фатеж, а частью сил повернули на юг, на Курск.

На следующий день они находились в 25—40 км северо-западнее Курска. Часть сил была брошена для перехвата путей отхода противника от Курска. К этому времени с востока и северо-востока повели наступление на город дивизии 60-й армии. Под угрозой окружения противник в ночь с 7 на 8 февраля стал отводить главные силы из Курска на запад. Перед отходом взорвал железнодорожный узел.

¹³ И. И. Пухов Указ соч., стр. 29.

зажег склады и разрушил много больших зданий в городе. 8 февраля войска 60-й армии очистили Курск от прикрывающих отход частей противника и освободили город. Передовые войска армии, преследуя отходящего противника, продвинулись к исходу этого дня на 15—20 км западнее Курска.

На другой день после освобождения Курска мне позвонил по ВЧ из Генерального штаба Федор Ефимович Боков.

Он уточнил у меня положение 13-й армии и предупредил — Вы сейчас получите директиву о переходе 10 февраля в решительное наступление войсками левого крыла фронта на Дмитриев-Льговский, Севск. Одновременно с вами перейдет в наступление на Льгов, Рыльск 60-я армия Воронежского фронта.

Вслед за Боковым мне позвонил заместитель начальника оперативного управления Генштаба генерал-майор С. И. Тетешкин. Мы с ним были хорошо знакомы, позже он стал моим заместителем. Сергей Иванович нервным голосом стал убеждать меня в необходимости убыстрения наступления армии Пухова на Севск.

Я высказал сомнение, что растянувшаяся в нитку 13-я армия вряд ли сумеет прорваться к Севску, и дал ему такую информацию:

— Со вчерашнего дня командующий фронтом готовит для наступления на левом фланге 13-й армии фронтальную группу в составе трех стрелковых дивизий, усиленных танковыми частями и лыжными батальонами. Командовать ею будет помощник командующего войсками фронта генерал-лейтенант Ю. В. Новосельский. Но на организацию ввода группы потребуется не меньше двух суток.

— Ставка не даст отсрочки, — возразил Тетешкин. — По докладом командующих Воронежским и Юго-Западным фронтами противник с боями отводит свои войска к Днепру. Голыков вот-вот освободит Харьков, а Ватутин устремился на Днепропетровск. Вам нужно только посильнее и посмелее подтолкнуть противника, и он покатится на запад. К тому же войскам вашего фронта большую помощь окажут брянские партизаны. Имейте в виду, что на левом крыле Брянского фронта для развития успеха ваших войск перейдет в наступление на Брянск фронт Рокоссовского. К середине февраля его войска будут переброшены от Сталинграда в район Курска.

Не дожидаясь получения директивы, я направился к Рейтеру и доложил ему в присутствии Антонова о своем разговоре с Боковым и Тетешкиным.

— Значит, смелее толкнуть 2-ю немецкую танковую армию, и она покатится на запад, — скептически повторил совет Тетешкина Рейтер.

— Перевозка войск Рокоссовского от Сталинграда идет медленнее, чем мы планировали, — заметил Антонов. — Боюсь, что он не будет в состоянии начать наступление в намеченный срок.

Антонов тут же распростился с нами и уехал в Курск. Вскоре после его отъезда мы получили директиву Ставки. Рейтер позвонил

в моем присутствии И. В. Сталину и попросил у него отсрочки наступления хотя бы на день. Он дал свое согласие.

11 февраля возобновилось наступление 13-й армии и фронтовой группы под командованием заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Ю. В. Новосельского (три стрелковые дивизии, два танковых полка, три лыжных батальона) в направлении на Дмитриев-Льговский. Одновременно соседняя слева 60-я армия повела наступление на Льгов. За три дня наступательных боев наши войска продвинулись на 20—30 км. Однако войска Рокоссовского, как и предполагал А. И. Антонов, не были готовы к наступлению, к развитию успеха наших смежных армий.

В один из этих дней на КП Брянского фронта приехали К. К. Рокоссовский и его начальник штаба М. С. Малинин. Рокоссовский поставил нас в известность, что его войска перевозятся с большим опозданием, без специальных войск, без органов фронтового тыла, с мизерными запасами снарядов, горючего и даже продовольствия.

— Начало наступления Ставка отсрочила на 10 дней, — сообщил Рокоссовский. — Вы нас сместили в командовании Брянским фронтом, и вот теперь мы просим помочь нам, вашим предшественникам.

И Рейтер, и я, и все, кого я знаю, с большим уважением относились к Константину Константиновичу Рокоссовскому, преклонялись перед этим обаятельным человеком. Мы быстро пришли к взаимопониманию и выделили взаимобразно значительную часть своих фронтовых запасов, фронтовых инженерных, дорожных и тыловых частей и отдали даже один фронтовой полк связи.

После разрешения деловых вопросов мы пригласили наших гостей пообедать с нами.

Во время обеда генерал Малинин конфиденциально сообщил нам, что их новый, Центральный фронт будет наступать на Брянск. Там он сожмется с войсками Западного фронта. Оба этих фронта оставят часть войск для образования вместе с войсками Брянского фронта кольца окружения группировки противника. Ваш фронт, переименованный в «Орловский», примет в свое подчинение все войска, окружающие орловскую группировку противника, и будет ее уничтожать.

— Выходит, что нам предстоит выполнять такие же задачи, какие выполнял ваш фронт под Сталинградом, — недоверчиво заметил Рейтер.

С 14 февраля наши войска продолжали медленно продвигаться вперед. К 20 февраля группа Новосельского и 13-я армия вышли к Дмитриев-Льговскому и завязали бой за город. В это время 60-я армия дралась на ближних подступах к Льгову. И снова мне пришлось выслушать по телефону из Москвы упреки:

— Воронежский фронт овладел Харьковом, Юго-Западный фронт подошел к Днепропетровску, а вы никак не сможете захватить даже Дмитриев-Льговского.

Мое замечание, что этот город расположен почти на одном меридиане с Днепропетровском и западнее Харькова, восприняли как неуместную шутку.

Но вот, наконец, Центральный фронт развернулся между Воронежским и Брянским фронтами и совместно с фронтовыми войсками последнего 26 февраля начал наступление на Брянск. Несколько днями раньше на Брянск с северо-востока перешла на наступление 16-я армия Западного фронта. По замыслу получился концентрический удар на Брянск, с двух направлений, замыкающий в кольцо орловскую группировку противника.

Первые дни наступления Центрального фронта на Брянск были радостными. Его войска продвинулись к западу на 30—40 км. Для развития успеха была выброшена фронтовая конно-стрелковая группа, которая в первых числах марта вырвалась далеко вперед и 10 марта вышла к Десне, у Новгород-Северского. Однако наступать к Брянску Центральному фронту пришлось по существу в одиночестве. Брянский фронт прорвать оборону противника под Орлом не смог. Только его действующая на левом фланге группа Новосельского, пользуясь успехом соседа, продвигалась к Севску. Армия Западного фронта, наносившая удар на Брянск с северо-востока, смогла лишь на несколько километров вклиниться в оборону противника, а затем прекратила наступление. Поэтому войска генерала Рокоссовского растягивались в виде широкой дуги, которая день ото дня становилась все больше.

В начале марта немецкое командование группы армий «Центр», чтобы предотвратить нависшую угрозу над своей 2-й танковой армией в районе Орла, лихорадочно стягивало в район Брянска войска с двух направлений. Больше всего шло сюда дивизий из 9-й немецкой армии, оборонявшей ржевско-вяземский выступ, той самой армии, с которой сражались войска Западного фронта летом 1942 г. под Сычевкой.

11 марта меня опять вызвал к телефону Тетешкин и спросил: знаю ли я, что передовые войска Рокоссовского прорвались в глубину на 120 км и вышли на Десну и к Новгород-Северскому. После моего утвердительного ответа он добавил, что и войска Западного фронта хотя и медленно, но также продвигаются к Брянску. Затем он задал вопрос, из-за которого, по-видимому, и вызвал меня к телефону:

— Нет ли каких признаков, что орловская группировка противника, боясь окружения, готовится к отходу и не из нее ли перебрасываются дивизии против войск Рокоссовского?

Я ответил:

— Ночью на такой же вопрос товарища Сталина командующий фронтом доложил, что по показаниям захваченных пленных, по данным авиационной и радиоразведки, 2-я немецкая танковая армия со всеми своими войсками стоит на месте, отходить не собирается. Под этим докладом подписываюсь и я.

После паузы Тетешкин продолжал:

— Ставка предполагает, что в ближайшие дни эта немецкая армия начнет отход. Окружить ее и сжимать — не хватит войск¹⁴. Поэтому уничтожение орловской группировки противника намечается тем же методом, каким была ликвидирована воронежско-касторненская группировка: одна армия громит спереди, другая сзади.

Суть последнего разъяснения Тетешкина до меня дошла лишь 12 марта, когда мы неожиданно получили директиву Ставки такого содержания:

— Брянский фронт расформируется. Войска передать в состав Центрального фронта.

— Значит, не судьба нам принимать капитуляцию орловской группировки противника, — проширировал Сусайков.

В течение двух суток мы оформили передачу войск в Центральный фронт. 13 марта М. А. Рейтер получил приказание вступить в должность командующего вновь создаваемым Резервным фронтом. По указанию Ставки, переданному из Курска через генерала Антонова, фронтовое управление должно было перейти в Щигры для перевозки по железной дороге в район формирования Резервного фронта.

Но не успели мы еще полностью сосредоточиться в Щиграх, как получили через Антонова новое распоряжение: немедленно переместиться в Беседино, в 20 км восточнее Курска.

15 марта 1943 г. штаб и фронтовые управления целиком сосредоточились в этом крупном, мало пострадавшем от войны населенном пункте. На другой день Рейтер и я поехали к генералу Антонову. В одном из сохранившихся домов Курска он организовал вспомогательный пункт управления Ставки с мощным узлом связи. Под началом А. И. Антонова работала значительная группа офицеров Генерального штаба. Помимо Москвы, генерал Антонов имел связь с фронтовыми управлениями.

— На Юго-Западном и Воронежском фронтах, а в последние дни и на Центральном фронте противник нанес по нашим войскам ряд мощных контрударов, — так начал с нами разговор Алексей Иннокентьевич, показывая положение войск на карте. — Надо признать, что мы недооценили сил и возможностей вражеских войск, ошиблись в своих предположениях об отходе противника к Днепру, — продолжал Антонов. — Но в обстановке успешных операций на этих фронтах в февральские дни, пожалуй, и я и вы сделали бы такой же вывод о глубоком отходе противника, как и Ватутин с Голиковым.

---

¹⁴ О причине особой заинтересованности Тетешкина в убыстрении выдвижения наших войск к Севску я узнал позже: он был автором плана начавшейся в то время операции по ликвидации орловского выступа, которая, к сожалению, развития не получила.

После продолжительного перерыва для переговоров по телефону с командованием Воронежского фронта и со Ставкой Антонов продолжал разговор с нами:

— Противнику удалось сегодня захватить Харьков. Его войска двинулись вдоль шоссе на Белгород, Курск. Для обороны южных подступов к Курску два дня назад выступила 21-я армия Центрального фронта. Как вы видите, под Курском создается тяжелое положение. Между тем командование Воронежского фронта всецело занято сражением под Харьковом, а войскам своего правого крыла уделять достаточного внимания не имеет возможности. Поэтому Ставка наметила создать для руководства войсками курского направления новый — Курский фронт. Вы и ваше фронтовое управление и возглавите его.

— А какие задачи ставятся фронту и какой будет его состав? — спросил сразу повеселевший Рейтер.

— Окончательного решения Ставка еще не приняла, — ответил Антонов. — Пока устанавливайте связь с 60-й и 38-й армиями. Заберите обратно свою воздушную армию, фронтовые части и учреждения от Центрального фронта. В ближайшие дни ждите директиву Ставки об организации Курского фронта.

В течение последующих трех суток Рейтер и я ежедневно ездили в штабы и войска армий генералов И. Д. Черняховского и Н. Е. Чибисова, знакомились у них с обстановкой на фронте, с положением соединений, с их командованием. Установили проводочную связь с штабами армий и стали получать от них оперативные сводки.

Днем 19 или 20 марта Рейтер получил от Антонова распоряжение явиться на КП Воронежского фронта в Обоянь. Мы приехали во второй половине дня и быстро нашли дом, где размещалось командование фронта. Командующий фронтом Ф. И. Голиков, члены Военного совета Ф. Ф. Кузнецов и Н. С. Хрущев, начальник штаба фронта генерал-майор А. П. Пилипенко не удивились нашему появлению — по-видимому, они знали, зачем нас вызвали. После обмена приветствиями я остался в комнате Пилипенко, который был моим однокурсником по Академии имени Фрунзе и близким товарищем. Он мне подробно рассказал о тяжелом положении войск левого крыла фронта, о потере Белгорода и показал на карте положение своих армий и направление вражеских ударов. Периодически к Пилипенко подходил с разного рода вопросами Ф. И. Голиков, давал ему различные поручения или диктовал приказания войскам. А. М. А. Рейтер в это время вел разговоры или с Голиковым или с членами Военного совета. Из поездки в войска вернулся А. М. Василевский. После обсуждения обстановки с командованием фронта он зашел в свою комнату и предложил Рейтеру и мне зайти к нему. Александр Михайлович дополнил информацию Антонова об обстановке следующими данными. Перед фронтом Рокоссовского появилась почти вся 9-я немецкая армия с ржевско-вяземского выступа. Поэтому войска Центрального фронта, ослабленные к тому же выделением значительных сил на прикрытие южных подступов

к Курску, наступательные действия прекратили. На прикрытие Курска с юга Ставка направляет в район Курска 1-ю танковую армию.

На вопрос Рейтера, принято ли решение о создании Курского фронта, А. М. Василевский предложил подождать приезда Жукова.

Перед вечером из войск возвратился и Г. К. Жуков. Как только он зашел в свою комнату, вслед за ним пришли туда все, в том числе и мы с Рейтером. Георгий Константинович развернул на столе свою карту и сухо, но очень корректно, обращаясь к Ф. И. Голикову, сказал:

— Положение войск фронта нанес на карту ваш штаб. Но на ряде направлений войска свои позиции уже оставили, а на некоторых участках 69-й армии мы вообще никаких наших войск не нашли и едва не заехали к противнику.

Развернулся длительный и подробный анализ обстановки, вносились и тут же обсуждались предложения, как остановить дальнейшее наступление противника.

Обсуждение почти исключительно вели Жуков, Василевский и Голиков. По некоторым вопросам выступал и П. П. Пилипенко. Кузнецов и Хрущев ограничивались редкими репликами. Поздно вечером А. М. Василевский, переговорив с Жуковым, сказал Рейтеру:

— Ночью мы с Георгием Константиновичем будем докладывать товарищу Сталину о положении на Воронежском фронте, зададим вопрос и о создании Курского фронта. Перед отъездом я был предупрежден, что вновь создаваемым фронтом, возможно, будет командовать Ф. И. Голиков.

Приезжали мы на КП Воронежского фронта и на другой день, по опять представители Ставки нам не смогли дать никакого ответа. В тот день мы узнали от них, что конно-стрелковые части Рокоссовского отошли к Севску и Центральному фронту приказано перейти к обороне на линии Мценск, Новосиль, Севск, Рыльск.

Рейтер продолжал в последующие дни ездить в армии Черняховского и Чибисова. Сусайков ожидал назначения членом Военного совета другого фронта. А я ежедневно, как на службу, с утра приходил к генералу Антонову. Он сам и офицеры его группы подробно информировали меня об обстановке и положении войск на различных фронтах. Почти все офицеры были хорошо знакомы мне.

Но вот, наконец, 24 марта 1943 г. Антонов объявил нам, что Ставка приняла решение о создании нового фронта, но не Курского, а Орловского.

— Ставка считает, что в последние дни угроза наступления противника на Курск ослабла, — пояснил Антонов. — В то же время в орловском выступе у противника сосредоточились значительные силы. Организовать отпор им при наступлении на Тулу некому: Западный и Центральный фронты видят лишь северный и южный фасы орловского выступа. Вот поэтому с 25 марта и создается Орловский фронт, на который возлагается задача оборонять направле-

ние Орел, Тула, Москва. Вам возвращаются ваши бывшие 61-я и 3-я армии вместе с их армейскими полосами, а также 15-я воздушная армия. Взамен 48-й армии вы получите другую армию, которая станет на ее место.

— А где разместить штаб фронта? — спросил я.

— В Плавске, — ответил Антонов и выдал нам новые удостоверения личности: Рейтеру как командующему, а мне как начальнику штаба Орловского фронта.

Обрадованный Рейтер, переговорив со мной, тут же от Антонова отдал по телефону распоряжение моему заместителю генерал-майору Н. П. Сидельникову: выехать совместно с начальником связи фронта генерал-майором П. К. Паниным, комендантом штаба и квартирными в Плавск и организовать там размещение первого эшелона штаба фронта и узел связи.

Потом Рейтер и я стали уговаривать Антонова просить вместе с нами Ставку оставить новому фронту старое название — Брянский.

— Сколько напрасного времени и труда надо вложить на замену всяких документов, бланков, печатей, штампов, — говорил Рейтер. — А для чего? Ведь мы остаемся тем же Брянским фронтом, с теми же войсками и с прежними задачами.

— Кроме того, в названии «Орловский фронт» заложена слишком мелкая, скоропроходящая задача, — поддержал Рейтера я, вместе со мной и большинство офицеров группы Генштаба. — Вот называли войска, дравшиеся под Воронежем, — Воронежским фронтом, а теперь это название стало анахронизмом.

Антонов согласился с нами, и еще во время перемещения фронтного управления в Плавск нас известили, что фронту оставлено прежнее название — Брянский.

Вскоре на левом крыле фронта вместо 48-й армии стала в оборону 63-я армия. 15-я воздушная армия перебазировалась на аэродромы орловского направления. В Плавске сосредоточилась для укомплектования ослабленная в боях во время Харьковской операции 3-я танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск П. С. Рыбалко.

Правда, она была в подчинении Ставки, но, так как находилась в полосе нашего фронта, мы включили ее в свой актив.

Оборона направления Орел, Тула, Москва приняла прочный законченный вид.

В последних числах марта 1943 г. перешел к обороне на рубеже Коренево, Краснополье, Белгород, Волчанск и Воронежский фронт, образовав вместе с Центральным фронтом историческую Курскую дугу.

3. Разгром вражеских полчищ в Орловско-Курской битве

В апреле 1943 г. Ставка и Генеральный штаб, исходя из группировки сил противника и выводов из разведывательных данных, пришли к твердому убеждению, что противник развернет свое генеральное наступление летом на курском направлении. Без особых затруднений был разгадан и замысел врага: встречными ударами с орловского плацдарма и из района Белгорода разгромить наши войска в курском выступе.

После тщательного анализа обстановки Ставка решила предложить противнику первому перейти в наступление. А когда он будет измотан, обескровлен нашей обороной, перейти в решительное контр наступление и разгромить обессиленного врага. Исходя из этого решения, Ставка дала предварительное указание Воронежскому и Центральному фронтам об организации мощной, глубокой обороны и стала сосредоточивать в районе Курска стратегические резервы.

Брянский фронт в то время с 61, 3 и 63-й армиями создал прочную оборону на рубеже между Ожигово и Ольховец, надежно обеспечивая направление Орел, Тула.

Во второй половине апреля командующий фронтом был вызван в Москву. После возвращения генерал Рейтер рассказал Сусайкову и мне, какой способ действий решила применить Ставка для разгрома противника и какие задачи возлагаются на наш фронт.

— Как только немецко-фашистские войска уткнутся в оборону Центрального фронта, увязнут в ней, Западный и Брянский фронты начнут Орловскую наступательную операцию.

— Какие же силы примут в ней участие и каков ее замысел? — спросил я.

— Ставка намечает разгромить орловскую группировку противника и ликвидировать его орловский выступ концентрическими ударами Западного, Брянского и Центрального фронтов, — пояснил Рейтер. — Однако удары в Орловской операции придется наносить лишь тремя армиями нашего фронта, да левофланговой армией Западного фронта. Центральный фронт будет крепко связан наступательной группировкой противника, и ему впору хотя бы сдерживать ее натиск. Конечно, значение Центрального фронта должно быть велико, но принять участие в наступательной операции он практически сможет лишь при успешном ее развитии. Тогда войска правого крыла Центрального фронта будут наступать в направлении на Кромы.

Хватит ли сил для одновременного прорыва на трех участках? — усомнился я, рассматривая начерченные на карте Рейтера стрелы.

— Сам Брянский фронт нанесет только два удара: один — правофланговой 61-й армией с севера, на Болхов, Орел; другой — главный удар — совместно наносят на Орел с востока 3-я и 63-я ар-

ми, — пояснил Рейтер. — Третий удар наносит с севера левофланговая армия Западного фронта. Она во взаимодействии с нашей правофланговой армией уничтожает противника в районе Болхова, а затем вместе с ней будем наступать на Орел, охватывая его с запада.

— Почему бы для лучшей увязки взаимодействия этих армий левофланговую армию Западного фронта не передать в состав нашего фронта? — спросил Сусайков.

— Возможно, Ставка согласилась бы передать эту армию в Брянский фронт, но я против ее передачи перед началом операции, — ответил Рейтер. — Оснастить, обеспечить ударную группировку этой армии танками, артиллерией и авиацией мы не в силах. Западный фронт богаче нас. Он должным образом усилит войсками и вооружит армию генерал-лейтенанта И. Х. Баграмяна, обеспечит ее наступление на первом этапе операции, а при выходе армии на подступы к Орлу Ставка имеет в виду передать ее нам.

— Если так, то армии генерала Баграмяна следует включить в план операции нашего фронта? — спросил я.

Рейтер ответил утвердительно и добавил:

— Для развития удара на Орел нам обещали также передать 3-ю танковую армию, которая размещается здесь, в Плавске. Но так как решения о передаче армии в состав фронта еще нет, да и сама армия только приступила к укомплектованию людьми и танками, в фронтовом плане операции показывать эту армию не надо.

Как и прежде, начиная подготовку к операции, Рейтер и я в первую очередь стали тщательно выбирать участки для прорыва и нанесения ударов. Участок для совместного удара 3-й и 63-й армий мы выбрали вместе с командующими этими армиями генерал-лейтенантами П. П. Корзуном и В. Я. Колпакчи. Единогласно остановились на правофланговом участке 63-й армии. Это был тихий, глухой район у р. Зуша, поблизости от селения Новосиль, километрах в 30 юго-восточнее Мценска. С наметкой участка для прорыва правофланговой армии мы запаздывали. Дело в том, что наступившая распутица сделала дороги, ведущие к 61-й армии, непроезжими. Командующий фронтом и я добирались со ст. Горбачево до ст. Белев на автодрезине. Оттуда вместе с командующим 61-й армией генерал-лейтенантом П. А. Беловым, встретившим нас в традиционной одежде конника — бурке, мы поехали верхом к выбранному им участку для прорыва восточнее р. Нугрь. Участок утвердили, но несколько сузили в размерах.

Через два дня проект плана Орловской наступательной операции был мною совместно с моим заместителем генералом Антроповым окончательно оформлен. Участок для прорыва левофланговой армии Западного фронта был указан, по согласованию с командующим этой армией, в междуречье Рессета и Вытебеть. С подписанным планом я выехал на машине в Москву. А. М. Василевский и А. И. Антонов находились в войсках, и я докладывал план Орловской операции Ф. Е. Бокову. Он оставил план у себя и предложил прийти

на другой день. Когда я явился к нему, он в присутствии начальника направления генерал-майора М. М. Потапова сообщил, что план докладывался им И. В. Сталину.

— Поезжайте к себе и готовьтесь к наступлению по этому плану, считайте, что он одобрен, — напутствовал меня Боков.

Следует подчеркнуть, что разработанный штабом фронта план Орловской операции не предусматривал решительных действий ударных группировок с целью окружения войск противника на орловском плацдарме. Почему же Ставка и командование Брянского фронта не воспользовались весьма выгодной конфигурацией советских войск для проведения операции на окружение орловской группировки? Дело в том, что в то время все внимание Ставки было обращено на подготовку войск Центрального и Воронежского фронтов к предстоящим оборонительным боям, на сосредоточение стратегических резервов в район Курска. Потому-то для Орловской операции выделялись относительно ограниченные силы, для которых задача окружения орловской группировки противника была бы непосильной. Одной из основных задач Орловской операции явилось отвлечение части вражеских сил, которые противник бросит на Курск.

В начале мая М. А. Рейтер, уточняя у Антонова некоторые вопросы взаимодействия в операции с Центральным фронтом, спросил:

— Через сколько примерно дней после начала наступления противника на войска Рокоссовского должна начаться Орловская операция?

— Этот вопрос в несколько иной форме ставился и в Ставке, — ответил он. — Все будет зависеть от устойчивости наших войск в обороне. Не исключено, что обстоятельства заставят двинуть ваш фронт в наступление уже через 2—3 дня после начала вражеского удара.

В майские дни развернулась всесторонняя подготовка к наступлению на Орел. Основное внимание уделялось войскам, предназначенным для наступления на направлении главного удара. В войсках же 61-й армии генерал Рейтер и я смогли побывать всего два раза. В это время прибыл новый заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский, обладавший большим опытом в проведении операций. Его и направили для оказания помощи в подготовке к наступлению 61-й армии.

С целью маскировки штабы всех степеней переместились в леса или в маленькие, находящиеся на отшибе деревеньки. Штаб фронта перенел в небольшое селение Юрьево, в 2—3 км севернее Плавска. В начале июня туда прилетел на самолете А. М. Василевский. Самолет подрулил почти к самому дому, где должен был разместиться Александр Михайлович. Сразу после прибытия он напомнил мне, что еще 13 марта по решению Ставки командование Брянского фронта должно было вступить в командование Резервным фронтом. Но это перемещение тогда отложили.

А вот теперь Ставка нашла возможным осуществить свое решение, — сказал Василевский. — Рейтер¹, Сусайков и вы возглавите Резервный фронт, который переименован в Степной военный округ, а его командование — генерал-полковник М. М. Попов, генерал-полковник Л. З. Мехлис и генерал-лейтенант М. В. Захаров — возглавят Брянский фронт.

Видя мое огорчение, Василевский дополнил свое сообщение:

— Для преемственности в управлении Брянским фронтом я и новый командующий фронтом генерал Попов считаем целесообразным оставить лично вас на месте. Если вы не возражаете против этого предложения, то договоритесь об этом с Поповым.

7 июня генерал-полковник М. М. Попов прибыл в Юрьеву и вступил в командование фронтом. Мне прежде не приходилось с ним встречаться. Однако я знал, что генерал Попов накануне войны командовал Ленинградским военным округом, во время войны он командовал армией, был заместителем командующего Юго-Западным фронтом, а под Сталинградом и при наступлении от Волги на запад командовал группой войск. Таким образом, новый командующий фронтом обладал богатым опытом в проведении крупных наступательных операций. Мы быстро договорились с ним, и я остался на прежней должности.

Молодой, энергичный, очень подвижный, Маркиан Михайлович сразу же включился в подготовку Орловской операции. Огромную помощь оказал нам в ее подготовке Александр Михайлович Василевский. Он на продолжительный срок остался при нашем фронте.

После детального изучения плана операции и внесения в него некоторых коррективов мы направились в войска. В первую очередь поехали в 3-ю армию, командующего которой генерал-лейтенант П. П. Корзуна и А. М. Василевский и М. М. Попов знали довольно плохо. Он встретил нас на выезде из Черни по Орловскому шоссе и вместе с нами поехал к Мценску. Вскоре мы увидели указатель с надписью «На Спасское-Лутовиново».

— В этом году исполняется 125 лет со дня рождения И. С. Тургенева, — напомнил нам Василевский, — давайте заедем в бывшую усадьбу его родителей, где и он сам жил долгое время, почти память выдающегося русского писателя.

Погода стояла солнечная, было сухо. Ехать можно было по всем грунтовым дорогам. Через несколько минут мы въехали в Спасское-Лутовиново. Осмотрели бывшую усадьбу Тургеневых, ее окрестности и особенно домик, в котором жил Иван Сергеевич. Затем возвратились на Орловское шоссе и повернули к левому флангу 3-й армии. Генерал Корзуна поехал теперь впереди, но кратчайшему, по его словам, пути, а мы за ним.

---

¹ Через месяц Степной военный округ был переименован в Степной фронт. В командование им вступил генерал армии П. С. Копев, а генерал-полковник М. А. Рейтер был назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

М. М. Попов (справа) и Л. М. Сандалов

Мы ехали за Корзуном по еле заметной дорожке через лес. Но вот дорога привела нас к развалинам какого-то небольшого строения и пропала. Корзун вышел из машины и на наши вопросительные взгляды ответил, что здесь, в лесной сторожке, как он слышал, жил «Бирюк», которого описал в своем рассказе Тургенев.

Но вот мы приехали на участок, с которого ударная группировка армии должна была, по плану операции, перейти в наступление. Корзун своим изложением задач армии и ее соединениям, а также ответами на вопросы А. М. Василевского и командующего фронтом о подготовке и предстоящем проведении операции произвел на них благоприятное впечатление. Возвращаясь на фронтовой КП, они сообщили мне об этом.

Я в свою очередь доложил им, что генерал Корзун² отлично командовал дивизией, а затем корпусом в 21-й армии, показал себя

² Генерал-лейтенант П. П. Корзун 4 августа 1943 г. был назначен командующим 47-й армией Степного фронта и через месяц погиб на поле боя.

А. В. Горбатов

Н. Д. Яковлев

храбрым, энергичным командиром. Однако с замечанием, что ему ни наступательной, ни даже оборонительной армейской операции проводить не доводилось, пришлось согласиться. Через некоторое время на должность командующего 3-й армией прибыл опытный военачальник — генерал-лейтенант А. В. Горбатов.

Такую же поездку мы предприняли через день в полосе 63-й армии. Ее командарм генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи показал участок, намеченный для ударной группировки армии, и пояснил намеченные соединениям задачи. Генерал Попов внес некоторые коррективы в задачи армии, в план армейской операции. С этих пор подготовка к наступлению на Орел развернулась в Брянском фронте еще шире.

После возвращения из Москвы с совещания, на котором Ставка утвердила план летней кампании, командующий фронтом провел с фронтовым управлением и командармами, в том числе и с командующим 3-й танковой армией, фронтовую оперативную игру на картах.

Для занятий с командованием и штабами армий, с командирами соединений ударной группировки фронта и с командирами специальных соединений, обеспечивающих наступление, были оборудованы на небольших участках земли специальные полигоны. На них в уменьшенном масштабе был изображен рельеф местности полосы наступления, показаны укрепления орловского плацдарма и вражеские войска, их занимающие. На этих полигонах генералом

Поповым и командармами неоднократно проигрывались всевозможные варианты боевых действий при наступлении на Орел.

Войска в это время тренировались попеременно в прорыве специально оборудованных в тылу оборонительных полос.

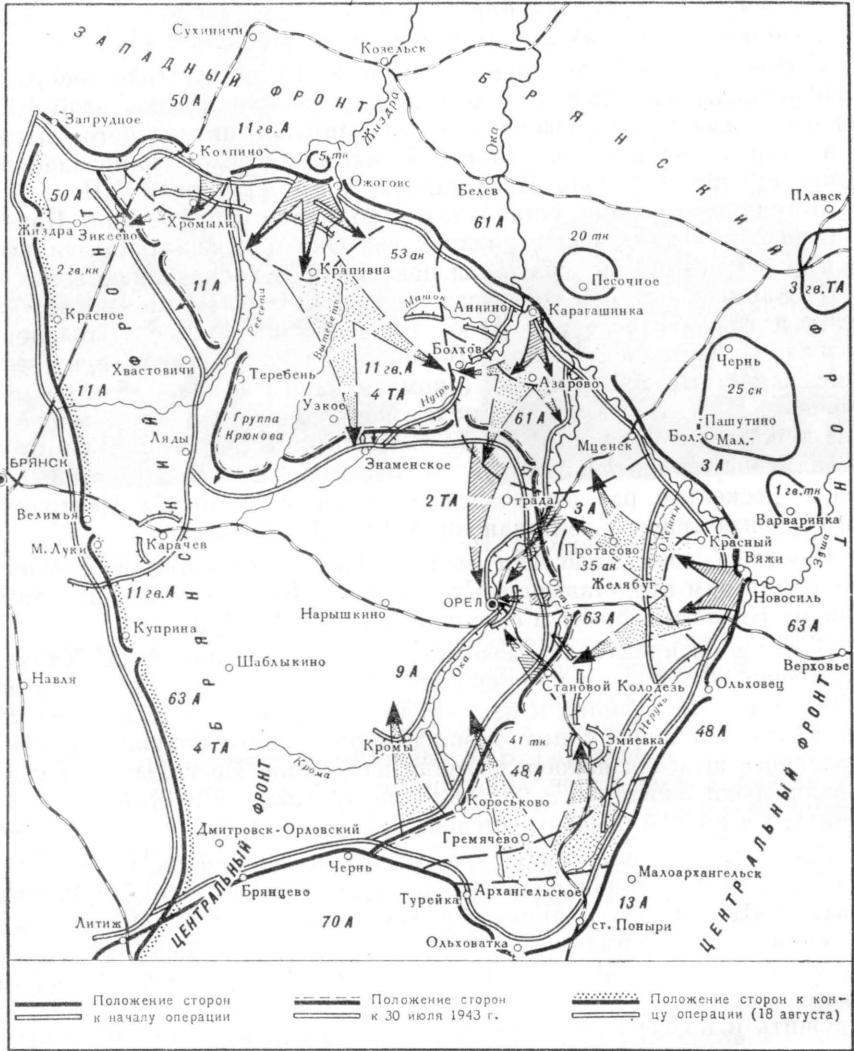
К середине июня под руководством моего заместителя генерала Сидельникова был подготовлен в дер. Дерюжинки фронтовой КП. Он был умышленно развернут не на направлении главного удара, а в стороне от него, на второстепенном мценском направлении. Одновременно в районе Повосиль строился фронтовой НП.

Погода в то время установилась по-настоящему летняя. Почва и дороги просохли даже в низинах рек Оки и Жиздры. Командующий фронтом стал выезжать для подготовки к наступлению войск и в 61-ю армию, которой год назад он командовал. Несколько раз он ездил и в левофланговую 11-ю гвардейскую армию Западного фронта. В последней генерал Попов детально увязывал предстоящие совместные действия как с командующим армией генерал-лейтенантом И. Х. Баграмяном, так и с командующим Западным фронтом генерал-полковником В. Д. Соколовским и его начальником штаба генерал-лейтенантом А. П. Покровским. А я с этой же целью несколько раз встречался с начальником штаба Центрального фронта генерал-лейтенантом М. С. Мамининым.

В увязке взаимодействия между фронтами огромную помощь оказывали нам представители Ставки А. М. Василевский и прпехавший на Брянский фронт в середине июня Н. Н. Воронов.

В то время начальник разведки фронта полковник А. А. Хлебов ежедневно докладывал командованию фронта уточненные данные о подготовке противника к наступлению с орловского плацдарма на юг. Такую же информацию командование фронта получало из Генерального штаба и непосредственно из Ставки. Несколько раз указывали сроки ожидаемого наступления противника и требовали находиться в полной боевой готовности.

Впоследствии мы узнали, что готовившаяся немецким командованием наступательная операция в курском выступе имела наименование «Цитадель». В приказе верховного главнокомандования вооруженных сил Германии от 15 апреля 1943 г. цель операции определялась так: «Массированным и быстро нарастающим ударом одной армии из Белгорода и одной армии из района южнее Орла окружить и в ходе концентрического наступления уничтожить силы противника, находящиеся в районе Курска». В приказе указывалось: «Этому наступлению придаётся первостепенное значение. Оно должно быть проведено быстро и успешно. Оно должно нам дать инициативу на весну и лето этого года. . . Каждый командир и каждый солдат должен проникнуться сознанием решающего значения этого наступления». Несколько раз немецкое командование откладывало начало операции, стремясь скопить как можно больше сил для наступления и создать невыгоднейшие условия для успеха операции. Враг сосредоточил перед наступлением на Курск до

Орловская наступательная операция 1943 г.

50 дивизий, до 10 тысяч орудий и свыше 2,7 тысячи танков и самоходных орудий.

В последних числах июня к нам на фронтовой КП приехали командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии генерал-полковник танковых войск Я. Н. Федоренко и командующий предназначавшейся нашему фронту 3-й танковой армии генерал-лейтенант танковых войск П. С. Рыбалко. В свое время мы все трое учились в одной группе в Академии имени М. В. Фрунзе и, естественно, были близкими друзьями.

— Я проверял его армию, — сказал мне после взаимных приветствий Федоренко, кивая на Рыбалко. — Переночую у тебя, а завтра буду смотреть ваши фронтовые корпуса.

Во время беседы генерал Федоренко поделился со мной своими впечатлениями о танковой армии. По его мнению, она была еще несокращенной. Подавляющую часть танков с танковыми экипажами армия получила недавно и еще продолжала получать. В 12-м и 15-м танковых корпусах больше половины подразделений сформированы заново. А 2-й механизированный корпус еще не совсем закончил формирование.

— Послать такую армию через многочисленные укрепленные рубежи противника на орловском выступе, использовать ее в качестве тарана при наступлении на Орел, а затем упереть в Оку едва ли разумно, — убеждал меня Федоренко.

— Разве фронт может теперь наступать без танковой армии? — возразил я.

— Под Орлом сложилась невыгоднейшая обстановка для наших войск, даже более благоприятная, чем на Волге, — продолжал Федоренко. — Уже теперь орловская группировка противника по существу находится в полуокружении. Если нанести одновременный удар крупными силами с севера и юга на Орел, то все вражеские войска восточнее Оки окажутся в мешке. Почему бы удары армий Баграмяна и Белова с севера на Орел не совместить в один мощный удар? Вот для развития этого удара навстречу войскам Рокоссовского и выгодно было бы ввести армию Рыбалко. Если бы вы от имени командования Брянского фронта внесли такое предложение в Ставку, вероятно, оно было бы принято.

Во время моего разговора с Федоренко Павел Семенович Рыбалко не вступал в беседу. Однако, судя по его репликам, Федоренко высказывал их общее мнение.

В моей памяти сохранились в общих чертах те возражения, которые я выставлял против предложений Федоренко. Основное возражение было вызвано недостаточностью, как я считал, сил. Именно поэтому в плане Орловской операции нами была заложена более скромная идея: раздробить орловскую группировку противника и разгромить ее по частям.

Указывал я Федоренко и Рыбалко на то, что при наступлении на Орел с юга вряд ли можно ожидать больших успехов от войск правого крыла Центрального фронта, которым предстояло отразить

наступление крупной вражеской группировки. А в таком случае наступление на Орел двух армий с севера (11-й гвардейской и 61-й) не получило бы завершения и могло бы привести лишь к образованию большой вмятины. В таких условиях и главный удар двумя армиями Брянского фронта из района Новосиль, будучи оторванным от других ударов на Орел, мог заглохнуть, не достигнув цели.

В заключение я сказал им:

— А кроме того, Ставка еще не приняла решения о передаче армии Рыбалко нашему фронту. Может быть, обстоятельства заставят перебросить ее для усиления войск Рокоссовского.

Не знаю, докладывал ли Я. Н. Федоренко кому-либо в Ставке свои соображения по Орловской операции. Но командование Брянского фронта не докладывало в Ставку о предложениях генерала Федоренко об изменении плана Орловской операции. В то время ни у командующего фронтом генерала Попова, ни у меня не было никаких сомнений в целесообразности использования 3-й танковой армии именно на нашем фронте. Мы твердо верили, что танковая армия, быстро вырвавшись к Оке, поможет войскам фронта форсировать ее и овладеть Орлом. Однако последующие события показали, что прав был генерал Федоренко, предлагая использовать 3-ю танковую армию для развития удара, наносившегося на Орел с севера. Видимо, командование Брянского фронта допустило ошибку, не поставив перед Ставкой вопроса о пересмотре плана операции с учетом предложений Федоренко. Чисто местнические интересы помешали нам правильно оценить его предложения.

На другой день после отъезда Федоренко на фронтовой КП прибыл пачальник ГАУ генерал-полковник артиллерии Н. Д. Яковлев, мой близкий товарищ, сослуживец по Белорусскому округу.

— Тщательно проверяем обеспеченность боеприпасами фронтов, наличие снарядов во фронтовых и армейских складах и в войсках, — пояснил он. — Если где нехватка, даем сразу команду о пополнении боеприпасами.

— Впервые видим такую заботу о нас со стороны Главного артиллерийского управления, — усмехаясь, сказал командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант артиллерии Н. В. Гавриленко.

— Ставка считает, что надвигающаяся Орловско-Курская операция будет иметь огромное значение для всего последующего хода войны, и поэтому особенно тщательно готовится к ней, — пояснил Яковлев. — Да и количество артиллерии теперь не то, что год назад. Вот у вас во фронте появились два новых артиллерийских корпуса прорыва, несколько отдельных артиллерийских и зенитных дивизий, огромное число артиллерийских частей различного назначения. И всех надо обеспечить достаточным числом снарядов и мин.

— Да, в первую мировую войну, а тем более в гражданскую, не были потребности в снарядах и минах такими астрономическими, — пошутил я.

После детального обследования обеспеченности боеприпасами на нашем фронте Н. Д. Яковлев приказал подвезти недостающее число снарядов и мин. А затем, перепочевав у меня в домике, он уехал в соседний, Западный фронт.

В первых числах июля разведка установила, что немецкие войска уже изготовились для наступления на Курск и что начало наступления намечено между 3 и 6 июля.

2 июля 1943 г. из Ставки пришло следующее предупреждение: «По имеющимся сведениям, немцы могут перейти в наступление на нашем фронте в период 3—6 июля. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Усилить разведку и наблюдение за противником с целью своевременного вскрытия его намерений. 2. Войскам и авиации быть в готовности к отражению удара противника».

К тому времени Центральный и Воронежский фронты готовились к отражению вражеских ударов, а Брянский и Западный закончили подготовку к наступлению.

В те дни для всесторонней помощи в подготовке наступательной операции на КП Брянского фронта съезжались представители Ставки и Главного Командования. Приехал заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков, а вместе с ним командующий ВВС Красной Армии генерал-полковник авиации А. А. Новиков и заместитель командующего артиллерией Красной Армии генерал-лейтенант артиллерии М. Н. Чистяков. Прибыли командующий авиацией дальнего действия Красной Армии генерал-полковник авиации А. Е. Голованов, начальник связи Красной Армии генерал-полковник И. Т. Пересыпкин, заместители начальника Главного политуправления генерал-майор А. С. Веселов и Н. В. Пупышев. А. М. Василевский уехал на Воронежский фронт.

5 июля началось вражеское наступление на Курск. В Генеральном штабе, в штабах фронтов, участвовавших в Курской битве, создалась довольно напряженная обстановка, особенно, разумеется, в Центральном и Воронежском фронтах. Штабы последних принуждены были ежедневно отвечать на запросы и Генеральному штабу и соседним фронтам. В течение дня воздушная армия Брянского фронта действовала по целям, которые указывал штаб Центрального фронта. Первый день принес уверенность, что Центральный фронт через свою оборонительную полосу врага не пропустит. Некоторые успехи противника обозначались на Воронежском фронте, но они носили частный характер. Так как у Ставки там были сосредоточены крупные резервы, опасаться за Воронежский фронт также не было оснований.

Однако и в последующие дни настороженность, напряженное состояние у представителей Ставки, у командования и в штабах фронтов не спадали. Хорошо помню, что погода тогда стояла знойная. В доме командования Брянского фронта в Юрьеве окна на солнечную сторону были закрыты ставнями, а все другие открыты настежь. В одной из комнат с 9 июля обосновался Г. К. Жуков. Пе-

риодически по телефону ВЧ он уточнял обстановку то у Рокоссовского, то у Ватутина; конечно, больше у последнего, так как положение там было более острым. Фронтной КП Воронежского фронта не раз перемещался, и телефонная связь с Ватутиным терялась. Тогда Георгий Константинович кричал в окно своему порученцу генерал-майору Л. Ф. Минюку: «Товарищ Минюк, узнайте по телеграфу, что нового на Воронежском фронте».

При обострении обстановки Г. К. Жуков звонил по телефону А. М. Василевскому, и они обменивались мнениями о развивающейся операции. Огромная ответственность в то время ложилась на них. Помимо помощи командованию фронтов в руководстве войсками, они должны были определить и дать мотивированные предложения И. В. Сталину, когда начать Орловскую операцию, когда и с какими задачами ввести в сражение Степной фронт.

В войсках Брянского фронта шли последние приготовления к наступлению. Оно было намечено на 12 июля. Пленные и перебежчики показывали, что немецкое командование знает о подготовке наступления. Чтобы отвлечь внимание противника от направлений главных ударов, в широких масштабах инсценировалась подготовка к наступлению под Мценском и на левом фланге 63-й армии. Из тыла к переднему краю выводились войска и танки. Артиллерия занимала новые позиции. Ночами имитировалось выдвижение на передний край танков. На этих же участках начальник политуправления фронта генерал А. П. Пигурнов организовал для немецких солдат радиопередачи через мощные громкоговорящие установки (МГУ).

В течение последних перед наступлением ночей важные объекты орловского плацдарма подвергались ударам авиации дальнего действия. А в ночь накануне наступления она нанесла массированный удар по узлам главной полосы обороны. Для нацеливания авиации генерал Голованов предложил по ночам жечь костры в 2—3 км от переднего края.

— За полчаса до прилета авиации костры зажигаются, — инструктировал меня Голованов. — У каждого летчика обозначены на карте точки нахождения горящего костра. Ориентируясь по ним, летчики и нанесут бомбовые удары по целям.

В ночь на 12 июля фронтной КП переместился в Дерюжинки. Командование фронта, представители Ставки и командующие родами войск Красной Армии на рассвете перебрались на фронтной НП в районе Новосиль.

— Ну и НП построили, не лучше дивизионного, — упрекал меня Н. П. Воронов.

— Надо было раньше предупредить, что к нам придет из Москвы около 50 человек, — оправдывался я.

Действительно, фронтной НП, сооруженный в 1,5 км от переднего края, ни по вместимости, ни по прочности не соответствовал составу и числу на нем находившихся.

Первый день наступления не принес ощутимых успехов Брянскому фронту. Несмотря на мощную артиллерийскую и авиационную поддержку атакующих войск, ударные группировки фронта прорвались 12 июля лишь на 5—8 км в глубину. Почти двухгодичная подготовка противником орловского плацдарма дала себя знать. За первой захваченной траншеей следовала вторая, за занятой позицией находилась следующая позиция, за одним рубежом вырисовывался следующий рубеж. В важнейших пунктах оказались доты. Танковые корпуса 12 июля в бой ввести не удалось.

Значительно успешнее в первый день операции развивалось наступление 11-й гвардейской армии Западного фронта. Это была очень сильная армия. Ее ударная группа лишь на четыре дивизии уступала ударным группам армий Брянского фронта вместе взятых. Надо отдать должное командованию Западного фронта. Оно отлично обеспечило гвардейскую армию для наступления. Помимо танковых и противотанковых полков, армии были приданы четыре танковые бригады и танковый корпус. Наступление поддерживала воздушная армия фронта. Мощный удар армии генерала Баграмяна на всем 14-километровом участке прорыва почти снес вражескую оборонительную полосу вместе с оборонявшимися ее войсками. За день боя части гвардейской армии продвинулись на 12 км.

Такой успех 11-й гвардейской армии оказался, вероятно, неожиданным, значение этого направления в Орловской операции было переоценено. Планируя наступление на Орел с севера и востока с ограниченной целью отвлечь силы врага с курского направления, Ставка не предусмотрела и не сосредоточила резервы для развития наступления на орловском направлении с более решительными целями, на случай если здесь будет достигнут успех. Поэтому, когда обозначился успех 11-й гвардейской армии, ее смогли усилить только 1-м танковым корпусом. Потом в спешном порядке было принято решение о передаче Западному фронту 11-й и 4-й танковой армий и вводе их в сражение в полосе 11-й гвардейской армии. Указанные армии, видимо, не предназначались для Орловской операции, так как к началу сражения они еще не были полностью сформированы и находились очень далеко от района, где их предстояло ввести в действие. Все это привело к тому, что успех 11-й гвардейской армии вовремя не был развит.

На следующий день войска 11-й гвардейской армии прорвали и вторую полосу обороны. Генерал Баграмян ввел в прорыв 1-й и 5-й танковые корпуса, которые быстро двинулись вперед. 13 июля войска 11-й гвардейской армии продвинулись еще на 13 км и расширили прорыв до 23 км.

В то время как 11-я гвардейская армия приближалась к Болхову с северо-запада, с северо-востока к нему медленно пробивалась ударная группа 61-й армии. Генерал Белов ввел в бой 13 июля 20-й танковый корпус генерал-майора танковых войск П. Г. Лазарева, но выдвинутые на промежуточный оборонительный рубеж

сильные резервы противника при поддержке авиации задержали наши войска.

А какие успехи принес второй день операции на главном направлении наступающих войск Брянского фронта? Утром 13 июля массированные сосредоточенные удары артиллерийского корпуса генерала М. М. Барсукова и 15-й воздушной армии генерал-лейтенанта авиации Н. Ф. Науменко проложили путь ударным группам 3-й и 63-й армий. Особенно успешным было наступление 41-го стрелкового корпуса 3-й армии, которым командовал генерал-майор В. К. Урбанович. Его 235-я и 380-я стрелковые дивизии — первая под командованием полковника А. Ф. Кубасова, а вторая — полковника А. Ф. Кустова, — вырвались вперед. Генерал Попов решил развить обозначившийся успех. На участок этих дивизий подтянули 1-й гвардейский танковый корпус генерал-майора танковых войск М. Ф. Панова. Его намечалось ввести в прорыв еще на рассвете 13 июля, но из-за сильных ударов немецкой авиации, обнаружившей корпус во время сосредоточения, ввод его в бой удалось осуществить только в полдень. До наступления темноты он несколько раз подвергался сильной авиационной бомбардировке, из-за чего на длительное время приостановил движение и не смог развить успех наступления 3-й армии. Наша истребительная авиация и зенитная артиллерия проявили беспомощность. И все же за два дня наступления войска Брянского фронта продвинулись на участке главного удара на 15 км. Вражеская оборона была прорвана на всю тактическую глубину.

Третий день операции, 14 июля, был днем важных решений как со стороны Ставки ВГК, так и со стороны немецкого командования. В этот день 11-я гвардейская армия вышла на р. Вытебеть западнее Болхова, а 61-я армия заканчивала преодоление промежуточного оборонительного рубежа и приближалась к Болхову с востока. Для болховской группировки противника создалось угрожающее положение. В это же время ударные группы 3-й и 63-й армий 14 июля подходили к р. Олешня, медленно, но неуклонно продвигаясь к Орлу.

Немецкое командование с первого дня нашего наступления определило направление и значение наших ударов. К участкам прорыва спешно перебрасывались войска; особенно много их выдвигалось против 11-й гвардейской армии, сила удара которой оказалась для противника неожиданной. Естественно, что на помощь 2-й немецкой танковой армии перебрасывались дивизии из соседней 9-й армии, так как ее наступление на Курск к этому времени было уже отбито. Дивизии 9-й армии, в первую очередь танковые и моторизованные, устремились к участкам прорыва сплошным потоком.

14 июля Гитлер объединил 2-ю танковую и 9-ю армии под общим командованием командующего последней генерала Моделя, который считался одним из лучших военачальников фашистской

Германии. На него была возложена ответственность за оборону орловского выступа.

Перегруппировка войск 9-й армии не осталась, конечно, незамеченной. 14 июля вечером войска правого крыла Центрального фронта изготовились для перехода в наступление на Кромь. В этот же день в полосу 11-й гвардейской армии начала выдвигаться 11-я армия. Ее командующим был назначен заместитель командующего Брянским фронтом генерал-лейтенант И. И. Федюнинский.

14 июля командующий фронтом и я пытались уточнить и у представителей Ставки и у руководителей Генерального штаба, когда будет передана в состав Брянского фронта 3-я танковая армия. Однако наши вопросы остались без ответа. Острая обстановка в районе Курска, особенно разгоревшееся танковое сражение под Прохоровкой могли, как нам говорили, притянуть туда и армию Рыбалко.

Около середины дня на фронтовой КП приехал с таким же вопросом П. С. Рыбалко. Он упрекал меня:

— Имеете в виду, что танковая армия не кавалерийский корпус. Не думаете ли вы, что я за одни сутки сумею еще не совсем укомплектованную и готовую для боя танковую армию вывести из района Плавска в район Новосиль, поставить войскам задачи, организовать взаимодействие с вашими армиями, с авиацией, артиллерийскими и зенитными войсками? Насколько я знаю, вам еще не приходилось вводить танковую армию в сражение. Вот поэтому-то вы и легко смотрите на это.

Кое-как я успокоил Павла Семеновича, и мы вместе с М. М. Поповым опять стали добиваться решения о подчинении нам танковой армии. С помощью Н. Н. Воронова нам удалось в ночь на 15 июля получить разрешение на выдвижение армии Рыбалко из Плавска в район Новосиль. И лишь спустя сутки И. В. Сталин в разговоре по телефону дал разрешение Попову на включение 3-й танковой армии в состав Брянского фронта для развития удара на Орел.

В то время как армии, выделенные из резерва Ставки на усиление Брянского и Западного фронтов, выходили из отдаленных на сотни километров районов формирования на свои направления, противник быстро перебрасывал из 9-й армии и с других участков советско-германского фронта дивизии для перехвата наших наступающих войск. Нужно сказать, что наша авиация, к сожалению, не смогла задержать подход резервов противника к полю сражения. Вследствие этого превосходство наших войск на участках прорыва день за днем уменьшалось. В течение последующих трех дней, 15—17 июля, наступление Брянского фронта все более замедлялось. За эти дни ударные группы 3-й и 63-й армий вышли к р. Олешне и с большим напряжением прогрызали тыловую оборонительную полосу, которую успели занять свежие дивизии противника (из них две танковые). Поскольку наступление 3-й армии

генерал-лейтенанта А. В. Горбатова развивалось успешнее, генерал Понов решил пробить здесь брешь во вражеской обороне. Утром 17 июля он ввел свой резерв — двухдивизионный 25-й стрелковый корпус генерал-майора П. В. Перервы. Этому корпусу совместно с танковым корпусом генерала Панова удалось на небольшом участке вклиниться в тыловую оборонительную полосу противника, но попытки завершить прорыв этой полосы не увенчались успехом. На рассвете 17 июля по изготовившимся к атаке нашим корпусам противник нанес мощный артиллерийский и авиационный удар, а во время наступления они подверглись многочисленным контратакам танковых частей и сильным ударам авиации. Штаб фронта и штабы армий не обеспечили, к сожалению, надежного прикрытия наступавших войск зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Поэтому оба корпуса, понеся потери, выполнить поставленную им задачу не смогли.

В это время ударная группа 61-й армии полностью преодолела промежуточный оборонительный рубеж. Ее передовые части к исходу 17 июля находились в 5—7 км от Болхова и соединились с наступавшими войсками 11-й гвардейской армии. Генерал Баграмян решил направить освободившийся левофланговый 36-й гвардейский стрелковый корпус на Хотынец, на помощь 1-му танковому корпусу. Утром 18 июля к 1-му танковому корпусу подошел из резерва фронта 25-й танковый корпус, и они перешли в наступление на Узкое, Хотынец. За ними выдвигался и 36-й гвардейский стрелковый корпус.

Вечером 17 июля войска генерала Баграмяна находились в 25 км от Карачева и в 15—20 км от Хотынца. Какие благоприятные возможности открывались для наступления на этом направлении, пока противник еще не успел стянуть туда значительные силы! К сожалению, 11-я гвардейская армия, фронт которой растянулся до 150 км, выделить что-либо для наступления на Хотынец, кроме 36-го гвардейского стрелкового корпуса, уже не могла.

Утром 18 июля наш фронтовой КП переместился из дер. Дерюжинки в лес западнее Новосиль. Большинство представителей Центра уехали в Москву. В армиях Горбатова и Колпакчи в тот день готовились к прорыву тыловой оборонительной полосы противника за р. Олешня. А командование фронта готовило ввести в прорыв танковую армию. Она сосредоточилась за левым флангом 3-й армии и нацеливалась на Протасово, Отрада. В первую очередь армия под командованием Рыбалко должна была быстро прорваться к Оке, захватить переправы на участке от Карандаково до устья р. Оптухи и отрезать войска противника, обороняющиеся в районе Мценска. Последующая задача танковой армии — форсировать Оку, захлестнуть болховскую группировку противника и вместе с армиями Баграмяна и Белова наступать на юг, в обход Орла с запада. Армия была обильно снабжена переправочными средствами. Часть танков первого эшелона армии была подготовлена для переправы через Оку под водой. С целью усиления мощи

удара танковой армии рядом с ней, примыкая к ее флангу, вошел фронтальной 1-й гвардейский танковый корпус.

На этот раз командование и штаб Брянского фронта приняли особо тщательные меры по обеспечению танковых войск от ударов с воздуха. Танковую армию прикрывали две зенитные артиллерийские дивизии и 1-й гвардейский истребительный авиакорпус генерал-лейтенанта авиации Е. М. Белецкого. И это сказалось. 17—18 июля в зону сосредоточения танковых войск не было допущено ни одного вражеского самолета. Свыше 10 немецких самолетов было сбито при подходе к зоне.

18 июля я и начальник разведки фронта допрашивали пленных летчиков и получили от них интересные показания о методах немецкой авиаразведки.

— Авиаразведка у нас ведется на различного типа самолетах. Для расширения оперативного кругозора летчиков-разведчиков с ними проводятся специальные занятия. На этих занятиях нам сообщили, что к намеченному для наступления или контрудара участку русские подводят обычно танковые корпуса или танковые армии. Ознакомили также, что в танковом корпусе от 150 до 200 танков. Летчик, который обнаружит крупное танковое соединение, на продолжительный срок прикрепляется к нему. Следит за его передвижением, наводит на него бомбардировщиков. Летчик, который первым обнаружил танковое соединение, как правило, награждается орденом и отпуском домой. А вот нам не повезло...

Утром 18 июля наша авиаразведка установила выдвижение с юга двух немецких танковых групп численностью больше 100 танков каждая. Периодическими массированными ударами нашей авиации танковые войска противника были остановлены юго-восточнее Орла.

Вскоре после допроса немецких летчиков мне позволил по телефону заместитель начальника Генерального штаба генерал Антонов и сообщил мне следующее предварительное распоряжение:

— Центральный фронт отбросил сегодня противника на его прежний, укрепленный рубеж и организует прорыв вражеской обороны. Чтобы помочь Рокоссовскому, Верховный приказал перепаделить 3-ю танковую армию в направлении Становой Колодезь. Кроме для удара по тылам противника и уничтожения его совместно с Центральным фронтом.

— Но у нас все подготовлено к вводу Рыбалко для окружения мценской и болховской группировок противника и совместного действия танковой армии с армиями Белова и Баграмяна на Орел, — возразил я.

— В полосу армии Баграмяна подходит 11-я армия, — успокаивал меня Антонов. — Туда же сегодня начали выдвигаться 4-я танковая армия из Нарофоминска и 2-й гвардейский кавалерийский корпус из Медыни. Они с лихвой возместят вам уход 3-й танковой армии с орловского направления на левый фланг.

Организуйте радиосвязь Рыбалко с штабом Рокоссовского, — предупреждал меня Антонов.

Без пояснений было видно, что с выходом к Кромам армия Рыбалко войдет в состав Центрального фронта.

Об изменении задачи 3-й танковой армии командующий фронтом вскоре получил приказание. В оставшиеся до атаки считанные часы генералу Рыбалко пришлось наскоро изменить задачи всем своим войскам и увязать их действия с войсками 63-й армии, в полосе которой им теперь предстояло наступать. Штабу фронта надо было по-новому организовывать взаимодействие войск. Даже топографические карты частям танковой армии пришлось выдать новые.

В ночь на 19 июля авиация дальнего действия под командованием генерала Голованова громила важные объекты в обороне противника и нанесла удар по обнаруженным танковым дивизиям противника на направлении наступления танковой армии.

Утром 19 июля при мощной поддержке артиллерии и воздушной армии войска 3-й и 63-й армий ринулись в атаку и на стыке армий прорвали вражескую оборону на всю глубину. Особенно отличились и сыграли важную роль в этих боях части стрелкового корпуса генерала П. В. Перервы, действовавшего на левом фланге 3-й армии. Этот корпус расширил прорыв до 10 км по фронту и дал возможность ввести в середине дня на своем участке танковую армию. Огромную помощь в организации прорыва тыловой оборонительной полосы противника и ввода в прорыв танковой армии нам оказал представитель Ставки Н. Н. Воронов.

Во второй половине дня танковые корпуса 3-й танковой армии оторвались от пехоты и, уничтожая на своем пути очаги вражеской обороны, подошли к Протасово. Отсюда генерал Рыбалко повернул свою армию на юго-запад на Становый Колодезь. К сожалению, танковой армии вскоре пришлось вступить в тяжелые бои с подброшенными ей навстречу с юга двумя танковыми дивизиями, в которых было много новых тяжелых танков — «тигров». А позже к месту боя подошла пехотная дивизия с большим числом противотанковой артиллерии. И корпуса первого эшелона армии Рыбалко остановились.

Вечером 19 июля ударные группы 3-й и 63-й армий и танковая армия генерала Рыбалко вышли на рубеж Протасово. Желябуг. Передовые части танкового корпуса генерала Панова находились в 12 км от Оки. Под угрозой отсечения своих войск, оборонявшихся восточнее Оки, противник в ночь на 20 июля начал отводить их за реки Ока и Оптуха.

Отход противника от р. Зуши был установлен сразу. Чтобы преградить путь отступающим войскам неприятеля, генерал Горбатов бросил к Оке свою ударную группу и 1-й гвардейский танковый корпус. Навстречу им с целью окружения мценской группировки генерал Белов выбросил фланговые части своей армии.

В ночь на 20 июля командующий фронтом разговаривал по телефону с Верховным Главнокомандующим и поставил его в из-

вестность об отходе войск противника от р. Зуша к Оке. Генерал Попов доложил И. В. Сталину о безуспешном наступлении на Становый Колодезь танковой армии и просил разрешения повернуть ее к Оке для перехвата отступающего противника. Разрешение было дано. Командующий фронтом указал Рыбалко прежние направления для наступления — Отрада. Быстро перестроившись, войска танковой армии на широком фронте, на больших скоростях устремились к Оке. Весь день 20 июля войска фронта громили отходившие за Оку вражеские части. А воздушная армия наносила непрерывные удары по колоннам противника и по переправам через Оку. В 19 часов 20 июля танковые корпуса армии Рыбалко прорвались к шоссе Орел—Мценск, разбили здесь все скопившиеся автоколонны и части противника, а вечером совместно с войсками 3-й армии вышли к Оке. Однако переправляться на другую сторону реки танковой армии было запрещено. Значительная часть мценской группировки противника оказалась зажатой в кольцо фланговыми войсками армий Белова и Горбатова. К сожалению, нескольким вражеским дивизиям удалось переправиться через Оку и занять на ее западном берегу оборону. Попытки войск 3-й армии форсировать реку с ходу, на плечах отходившего противника, не удалась.

— А все могло бы быть иначе, если бы танковая армия не отвлеклась на другое направление, — с огорчением отмечали фронтовые руководители и представитель Ставки Н. Н. Воронов.

Ударная группа 63-й армии в тот день овладела сильным оборонительным узлом Моховое и продвигались к р. Оптухе.

Командующий орловской группировкой противника Модель после отхода своих войск перед Центральным фронтом на прежний оборонительный рубеж не менее половины дивизий отвел во второй эшелон и резерв. Несколько дивизий он выбросил против 63-й армии, выдвигавшейся к р. Оптухе.

Такая же обстановка сложилась и в 11-й гвардейской армии. С 12 по 19 июля против нее было переброшено из 9-й немецкой армии свыше девяти дивизий, в том числе пять танковых. Поэтому армия Баграмяна к 20 июля потеряла превосходство и в пехоте и в танках. И вот, в полосе гвардейской армии, перед рубежом Карачев, Хотынец, Болхов развернулось своеобразное встречное сражение, в котором с обеих сторон приняло участие примерно равное число войск. Яростными контратаками, а на отдельных направлениях и контрударами, противник стремился остановить наши войска, не допустить окружения болховской группировки, удержать дорогу Болхов—Хотынец и железную дорогу Орел—Брянск. Эти дороги не раз перерезались нашими войсками. Об ожесточенности боев свидетельствуют огромные потери врага. Так, части особенно отличившихся в армии генерала Баграмяна 8-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора П. Ф. Малышева и 5-го танкового корпуса генерал-майора танковых войск М. Г. Сахно разгромили в Орловской операции три неприятельские дивизии.

пленили около 3 тысяч солдат и офицеров и захватили 64 танка, 18 самоходных орудий и 20 бронемашин.

Днем 20 июля после 160-километрового марша вступила в бой на правом фланге армии генерала Баграмяна — 11-я армия. Она сменила четырьмя подошедшими дивизиями правофланговый корпус 11-й гвардейской армии и перешла в наступление на Хвостовичи. Положение 11-й гвардейской армии улучшилось. Ее фронт наступления сократился.

На главном направлении Брянского фронта, под Орлом, события развивались в это время так: днем 21 июля ударная группа 3-й армии приступила к подготовке форсирования Оки. Ее левофланговые войска совместно с 63-й армией, медленно отвоевывая у противника пункт за пунктом, приближались к р. Оптухе. А танковая армия распоряжением Ставки опять рокировалась в полосу 63-й армии для наступления на Становый Колодезь. Из-за разбросанности танковых частей, отсутствия свободных дорог танковая армия двигалась медленно.

В первом часу 22 июля я узнал, что Москва вызывает по телефону командующего фронтом. Он был в войсках. Примерно через полчаса позвонили мне и сообщили, что со мной будет говорить Иванов (псевдоним Сталина при переговорах по телефону). Его вопросы и распоряжения я почти дословно тогда записал:

Иванов: Почему Рыбалко еще не занял Становый Колодезь?

Не дослушав до конца моих пояснений, Иванов сказал мне:

— Передайте командующему фронтом, что я недоволен управлением танковой армией.

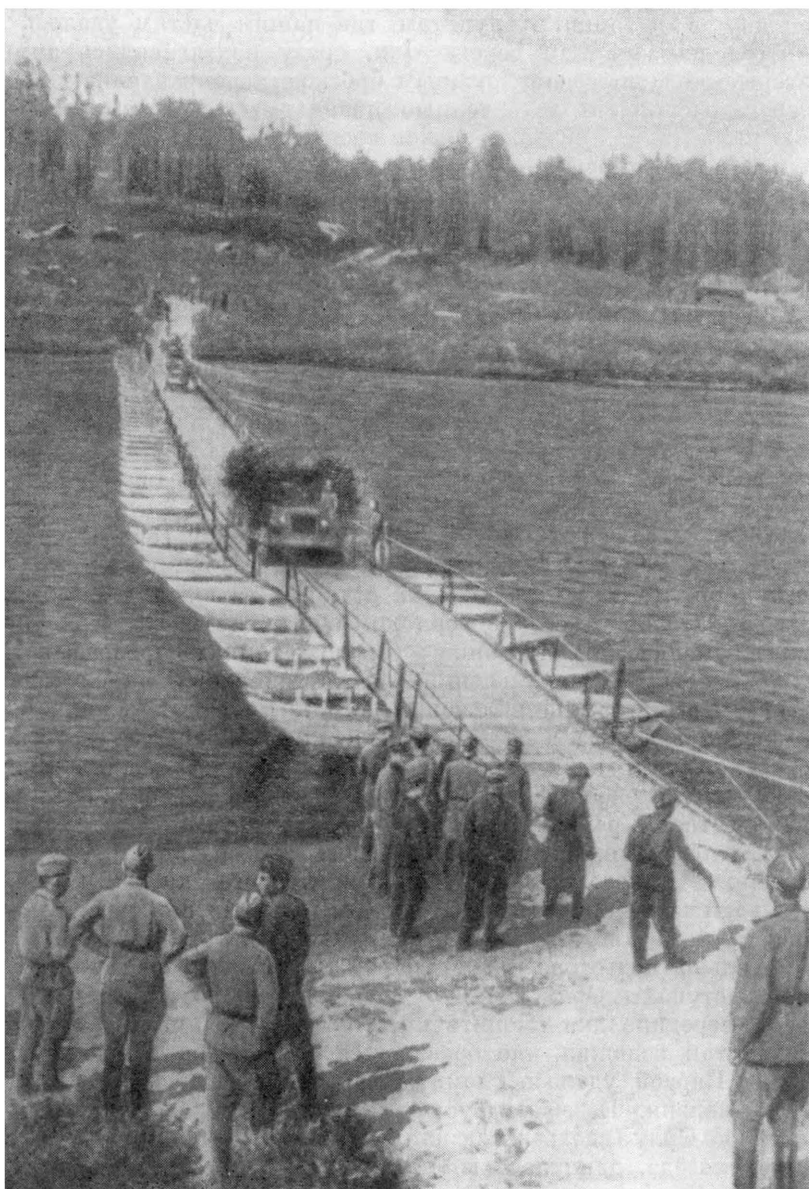
Пока я разыскивал по телефону генерала Попова, Москва, по-видимому, уже нашла его. Он позвонил мне сам и продиктовал для передачи Рыбалко приказание Верховного Главнокомандующего 22 июля овладеть Становым Колодезем. Командующий фронтом вновь потребовал направить мехкорпус И. П. Корчагина через Моховое на Становый Колодезь для того, чтобы совместным ударом с 12-м танковым корпусом М. И. Зиньковича уничтожить противостоящего противника³.

В течение двух дней войска Брянского фронта производили на главном направлении перегруппировку, подвозили боеприпасы, разведывали тыловой оборонительный рубеж противника, готовились к его прорыву и форсированию рек Ока и Оптуха.

Рано утром 25 июля я в сопровождении двух офицеров штаба пробрался на НП 3-й армии, оборудованный на восточном берегу Оки. Отсюда открывался отличный обзор западного берега реки. Солнце только взошло. День обещал быть ясным, жарким. Александр Васильевич Горбатов припимал по телефону донесения от войск армии о готовности к форсированию Оки, отдавал последние распоряжения. Вскоре при массовой поддержке авиации и артиллерии началось на широком фронте форсирование реки.

³ В последующем 3-й танковой армией перешла в состав Центрального фронта

Переправа через Оку

Вместе с пехотой переправлялись приспособленные для перехода по дну реки танки. К пунктам, где нашим частям удалось закрепиться на западном берегу Оки, сразу подтягивались армейские вторые эшелоны. Они дружным броском переправлялись на другой берег, расширяли захваченные плацдармы, а затем объединяли их, приводили в оборонительное состояние. С середины дня к двум таким завоеванным плацдармам начали строить через Оку мосты. Только тогда генерал Горбатов разрешил подать на НП завтрак.

— Теперь будем пробиваться к Орлу сразу по обоим берегам Оки, — с удовлетворением говорил он, угощая нас завтраком. — Я сейчас по телефону докладывал обстановку командующему фронтом, который находится на НП у Колпакчи. Он сообщил мне, что 63-я армия форсировала Оптуху и продвигается вперед.

28 июля было последним днем существования болховской группировки противника. Удары 11-й гвардейской и 4-й танковой армий с северо-запада и 61-й армии с востока завершились ее разгромом. Наши войска в этот день полностью очистили Болхов, взяли при этом свыше 5 тысяч пленных, около 100 танков и свыше 600 орудий.

Теперь войска Баграмяна и танковой армии генерал-лейтенанта Баданова все свои силы двинули на юг, в направлении ст. Нарышкино. На подступах к этой станции 29 июля завязались ожесточенные бои. Угроза потери коммуникации Орел—Брянск заставила немецкое командование в быстрых темпах перебрасывать сюда войска с других направлений. На другой день — 30 июля — армии генералов Баграмяна, Федюнинского и Баданова, а также группа генерала Крюкова в составе кавалерийского корпуса и нескольких стрелковых дивизий были переданы Ставкой в состав Брянского фронта. Для удобства управления войсками фронтовой КП пришлось переместить в район Мценска.

С этого времени Брянский фронт стал развивать два сосредоточенных удара: с юга — армиями правого крыла на Хотынец и с востока — армиями Горбатова и Колпакчи на Орел.

Утром 3 августа войска смежных флангов 3-й и 63-й армий тщательно подготовленным ударом прорвали оборону противника на подступах к Орлу.

В середине дня я опять посетил НП 3-й армии. Генерал Горбатов так изложил мне боевые действия войск под Орлом:

— Первой удалось сломить вражескую оборону 308-й стрелковой дивизии. Ее части, усиленные танковой бригадой, продвигались к Орлу вдоль железной дороги восточнее Оки. Используя успех соседа, двинулась вперед и левофланговая 380-я стрелковая дивизия.

— А войска 63-й армии? — спросил я.

Одновременно с левофланговыми дивизиями нашей армии перешли в наступление и правофланговые дивизии 63-й армии, — пояснил Горбатов. — В редких по ожесточенности схватках с вражескими частями развертывалось наступление наших дивизий.

В бою у предместий Орла, почти под стенами города, был на моих глазах смертельно ранен храбрый командир 308-й стрелковой дивизии генерал-майор Л. Н. Гуртьев. Я пробрался на его НП, подошел к Гуртьеву. Он был уже без сознания⁴.

Под угрозой окружения противник готовился в тот день уйти из Орла. Вечером 3 августа 380-я стрелковая дивизия 3-й армии под командованием полковника А. Ф. Кустова, 5-я стрелковая дивизия 63-й армии под командованием полковника П. Т. Михалицина опрокинули вражеские части под Орлом. На плечах противника в 4 часа 40 минут 4 августа части этих дивизий ворвались на восточную окраину города.

Одновременно с ними к городу приблизилась юга части 129-й стрелковой дивизии под командованием полковника И. В. Пинчука, а затем 308-й стрелковой дивизии. Начался штурм Орла. Дом за домом, улицу за улицей отвоевывали у врага наши войска. Только к вечеру они очистили от гитлеровцев восточную часть города. Ночью войска 3-й и 63-й армий переправились в Орле через Оку и на рассвете 5 августа полностью очистили город от врага. Радостно встречали своих освободителей жители города. В день освобождения Орла войска правого крыла Центрального фронта дрались под Кромами, а его левофланговая 65-я армия генерал-лейтенанта П. И. Батова готовила удар на Дмитров-Льговский.

Как известно, в ознаменование одержанных побед в столице нашей Родины Москве вечером 5 августа был произведен первый в истории Великой Отечественной войны артиллерийский салют.

После освобождения Орла войска Брянского фронта начали преследовать отступающего на запад противника. 11 августа армия генерала Баграмяна, совместно с 4-й танковой армией штурмом овладели селением и станицей Хотынец и перерезали железную дорогу Орел—Брянск. А 15 августа армии генерала Баграмяна, Федюнинского и Баданова освободили г. Карачев и устремились к Брянску.

Генерал-майор Л. Н. Гуртьев

⁴ Генерал-майор Леонтий Николаевич Гуртьев похоронен в Орле. Ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В Орле ему воздвигнут памятник

За успешное проведение Орловской наступательной операции командующему Брянским фронтом М. М. Попову было присвоено звание генерала армии, а командующему 11-й гвардейской армией И. Х. Баграмяну — генерал-полковника.

Поздравляя по телефону М. М. Попова с присвоением ему нового звания, И. В. Сталин пошутил:

— А свои генерал-полковничьи погоны вместе с моим поздравлением передайте Баграмяну.

К 18 августа войска Брянского фронта вместе с войсками правого крыла Центрального фронта подошли к заранее укрепленному противником рубежу восточнее Брянска. Весь орловский выступ был очищен от немецко-фашистских войск.

Орловско-Курская битва на этом, по существу, и закончилась. Последняя попытка немецко-фашистского командования осуществить большое летнее наступление и опять взять в свои руки стратегическую инициативу провалилась. Этой блестящей операцией окончательно был развеян миф гитлеровской пропаганды о неспособности советских войск наступать в летних условиях. По окончании Орловско-Курской битвы гитлеровское командование было вынуждено навсегда отказаться от наступательной стратегии и перейти до конца войны к оборонительной стратегии. В результате успешно проведенной Орловско-Курской битвы советские войска развернули общее наступление. Сразу после освобождения Орла перешли в наступление на смоленском направлении вначале Западный, а затем и Калининский фронты. В свою очередь Воронежский и Степной фронты устремились на Харьков, а Юго-Западный и Южный фронты развернули наступление против группировки противника в районе Донбасса.

Во второй половине августа Брянский фронт также пытался возобновить прерванное наступление, но без особых успехов. Задачу по освобождению Брянских лесов и выводу войск фронта за Десну пришлось решать фланговыми ударами, главным образом на правом крыле, в обход Брянских лесов с севера.

1 сентября повели успешное наступление к Десне, в направлении на Трубчевск, войска левого крыла фронта.

В это время на правом крыле фронта, в районе юго-западнее Кирова, готовила удар на Жуковку 50-я армия, недавно переданная нам из Западного фронта. Однако из показаний захваченных здесь пленных нам стало известно, что противник обнаружил сосредоточение главных сил 50-й армии в этом районе, установил их подготовку к наступлению и подтягивает сюда части с других направлений. Да и сам оборонительный рубеж противника под Кировом укреплялся, как мы знали, продолжительное время.

Не расчитывая при сложившихся условиях на успешное наступление из района Кирова, командующий фронтом стал искать другой, более выгодный для наступления на Жуковку участок. Он был найден в 50 км северо-западнее Кирова, в районе Дубровки, в полосе соседней 10-й армии Западного фронта. И наши

войска и противник оборонялись здесь на широком фронте. Прочных оборонительных сооружений у противника здесь не было, вторая оборонительная полоса отсутствовала.

Генерал армии Попов, согласовав нанесение отсюда удара войсками 50-й армии с командующим Западным фронтом и И. В. Сталиным, немедленно стал выдвигать из сосредоточенной в районе Кирова ударной группировки на выбранный участок две стрелковые дивизии. Вслед за ними на другой день должны были двинуться туда еще одна дивизия и кавалерийский корпус. Рокировать остальные войска к выбранному участку предполагалось в процессе наступательной операции.

6 сентября командование фронта переместилось на организованный возле КП 10-й армии вспомогательный пункт управления. Командующий этой армией генерал-лейтенант В. С. Попов тепло встретил меня:

— Передаю вам в аренду самый лучший участок для наступления. Вместе с войсками вашего фронта будет наступать и стрелковый корпус нашей армии под командованием известного вам защитника Тулы генерал-майора А. Д. Терешкова.

Утром 7 сентября на Кировском направлении для маскировки демонстрировалась артиллерийская и авиационная подготовка. Так как наши сосредоточенные там в первом эшелоне войска оставались на месте, противник не сомневался, что вот-вот из района Кирова начнется наступление.

А через несколько часов после мощного удара бомбардировщиков и 20-минутного артиллерийского налета главным образом гвардейских минометов войска 50-й армии генерал-лейтенанта И. В. Болдина совместно с войсками 10-й армии перешли из района Дубровки в наступление. Стремительной атакой нашей пехоты с танками, поддерживаемой авиацией и артиллерией, оборона противника была сметена. Его сохранившиеся подразделения или сдавались в плен, или бежали в леса. Для развития успеха войск фронта к участку прорыва сосредоточился 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Командир корпуса генерал-майор В. В. Крюков находился вместе с командованием фронта на НП командующего 50-й армией.

— Опять, как и в Погорело-Городищенской операции, прорыв совершаете с чужого арендованного участка? — шепнул он мне.

— Только не надо на этот раз опаздывать с вводом в прорыв корпуса, как тогда, — ответил я.

Во второй половине дня, когда наши войска уже далеко ушли вперед, командующий фронтом обратился к Крюкову:

— Задачи корпуса прорваться к Десне в районе Жуковки, захватить там за рекой плацдарм и удерживать его до подхода главных сил армии Болдина. Судя по данным разведки, крупных резервов противника на пути корпуса нет. Может быть, вам уже пора начать выдвижение вперед?

Однако осторожный Владимир Викторович попросил подождать, и кавалерийский корпус вошел в прорыв лишь перед вечером. На другой день вслед за конницей наступали уже шесть стрелковых дивизий 50-й армии, а еще через день пошла вперед и вся армия. 11 сентября, преодолев с упорными боями около 150 км, кавалерийский корпус вышел в район Жуковки, захватил там большие трофеи и овладел значительным плацдармом на западном берегу Десны⁵. Корпус вел упорные напряженные бои с наседавшими на него с трех сторон частями противника.

Вечером того же дня командующий и я обсуждали, как ускорить продвижение войск фронта к Десне, чем помочь кавалерийскому корпусу до подхода пехоты. В это время раздался телефонный звонок. Это маршал Буденный вызвал генерала армии Попова. Поздравив с успешным прорывом войск фронта к Десне, Семен Михайлович растроганно произнес:

— От всего сердца благодарю за то, что вы в своей удачно проводимой наступательной операции восстановили былую славу конницы, наглядно показали, что и в этой войне она может совершать победные рейды. Сегодня будет специальный приказ Верховного Главнокомандующего с объявлением благодарности за успешный рейд вашего кавалерийского корпуса к Десне.

Для через два командование Брянского фронта — Попов, Мехлис, я и новый заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант М. И. Казаков — поехали в район Жуковки на КП командира кавалерийского корпуса.

Командующий фронтом побывал в ряде частей корпуса и лично благодарил конников за успешно проведенную операцию. Передал на усиление корпуса прибывшие с нами танковые части. Сообщил, что вот-вот подойдут транспорты с боеприпасами, которые у конницы были на исходе. Все это, несомненно, повысило боеспособность кавалерийского корпуса. Затем мы организовали встречи с отрядами брянских партизан, сражавшихся в районе Жуковки совместно с конницей. Узнали их нужды, обещали прислать обмундирование и особый госпиталь для лечения раненых и больных партизан.

Напуганный мощным фланговым ударом войск правого крыла Брянского фронта, противник быстрыми темпами перебрасывал войска к району Жуковки с кировского направления и из района Брянска. По ослабленной обороне противника ударили и другие армии фронта. 17 сентября, после трехдневных упорных боев, был освобожден 11-й армией генерала Федюнинского г. Брянск. На другой день подошли к Десне, переправились через нее и приступили к преследованию отступающего противника все войска фронта. Для быстрого прорыва к Днепру была выброшена в направлении Унеча, Рогачев конно-механизированная группа в со-

---

⁵ «Военно-исторический журнал», 1959, № 10, стр. 32.

ставе кавалерийского корпуса и танковой бригады. Эта группа под командованием опытного энергичного командира генерал-лейтенанта М. И. Казакова вырвалась вперед армий фронта через Унечу к Ветке на р. Сож.

* * *

В конце сентября 1943 г. раскинувшиеся на сотни километров Брянские леса — свидетели прославленной в многочисленных рассказах и песнях двухлетней героической партизанской войны — были очищены от вражеских войск. Прекратилась артиллерийская канонада, смолкла ружейно-пулеметная стрельба. Вышли из лесов и соединились с войсками многочисленные партизанские отряды. В Брянских лесах наступила непривычная тишина. Шум боя сменился шепотом вековых могучих деревьев. Войска Брянского фронта в это время вышли из Брянских лесов на открытую равнинную местность и, пользуясь наступившей солнечной сухой погодой, безостановочно преследовали отступающего на запад противника. В конце сентября они овладели городами Унеча, Кричев, Погозыбков, достигли рек Пропя и Сож и устремились к Днепру.

- Агеев Г. А. 238
 Агеев Я. Ц. 303
 Акименко А. З. 190, 192, 197
 Акулин Н. В. 68
 Александров П. А. 102, 104, 112, 132, 167, 170
 Алексеев Д. Ф. 295, 301
 Антипенко Н. А. 319, 325
 Антонов А. И. 21, 24, 321, 323—329, 331—334, 336, 337, 351, 352
 Антропов Б. С. 247, 248, 311, 336
 Апанасенко И. Р. 29
 Аргунов Н. Е. 189, 190, 207, 208, 218, 219, 221, 226, 229, 242
 Арман П. М. 284, 285, 296, 297
 Артинцев 220
 Ахлюстин П. Н. 91, 150
- Баграмян И. Х. 12, 22, 24, 174, 175, 194, 245, 323, 336, 342, 347, 350, 351, 353, 355—358
 Баданов В. М. 356
 Базанов В. И. 189
 Бакунин Ф. А. 153, 155, 156, 166
 Бандурко М. А. 97
 Баранов Г. П. 301
 Барбаросса Ф. 56
 Барсуков М. М. 318, 348
 Баснястый Н. Е. 24
 Баталов Ф. А. 158
 Батов П. И. 310, 312, 316, 357
 Бахаров Б. С. 165, 168, 171, 183
 Белецкий Е. М. 351
 Белов В. М. 212
 Белов Ю. Ф. 248, 251, 288
 Белов И. П. 24—30
- Белов П. Г. 50, 63, 68, 69, 72, 76, 78, 90
 Белов П. А. 306, 336, 347, 350, 351—353
 Белишев Л. Л. 248, 250
 Березкин К. Н. 29, 37, 45
 Березовский П. Н. 203
 Берестов П. Ф. 295, 296, 299, 301
 Берков Ф. Ф. 97, 124
 Бирюзов С. С. 141, 145, 146, 149, 160, 165, 167, 168, 170, 216, 217, 219, 313, 314, 316, 317
 Битюцкий С. П. 266, 267
 Блюментритт 72, 76, 113, 134
 Богданов С. И. 68, 69, 86, 87, 94, 95, 96, 101, 102, 104, 116, 117, 119, 121, 126, 127
 Боголюбов А. Н. 12, 19, 24
 Бок 259, 268
 Боков Ф. Е. 317, 328, 336, 337
 Болдин И. В. 37, 244, 359
 Болотов Н. Н. 68
 Бондаренко М. Т. 234
 Бондарь В. И. 220, 230
 Борисов 173
 Борисов В. Б. 29
 Ботмер 305
 Браунич 268
 Брахтман Г. П. 98
 Брут Х. 152
 Буденный С. М. 20, 30, 125, 130, 132, 138, 174, 192, 193, 360
 Будыхин П. К. 249, 258, 260, 267
 Булганин П. А. 265, 284, 289
 Бурда А. 213
 Гурмистренко М. А. 194
 Вурунов И. 275
 Бутин М. П. 82
- Вакулич П. И. 18
 Васецкий Ф. И. 325
 Василевский А. М. 12, 20, 24, 231, 239, 270, 307, 308, 309, 317, 321, 323, 332, 333, 336, 337, 338, 339, 340, 345, 346
 Васильев К. Ф. 70, 80, 86, 87
 Ватутин Н. Ф. 12, 15, 18, 19, 21, 23, 24, 56, 323, 328, 331, 346
 Веселов А. С. 345
 Верховский А. И. 14, 17
 Вильгельм I 127
 Владимиров 303
 Владимирский А. В. 318
 Власов 264
 Волнянский Г. М. 234
 Ворожейкин Г. А. 157
 Воронин 303
 Воронов Н. И. 342, 346, 349, 352, 353
 Воронов Н. Ф. 137
 Ворошилов К. Е. 9, 30, 154
- Гавриленко Н. В. 344
 Гаврилов П. М. 82
 Гайскан 220
 Галанин И. В. 297, 300
 Галочкин Н. А. 267
 Гальдер 185, 256, 259
 Гапанович Д. А. 154, 157, 159, 160, 162, 170
 Гарин 220
 Гастелло Н. Ф. 118
 Гастилович А. И. 12, 24
 Гейер 239
 Герасименко В. Ф. 131, 132, 133, 138, 151, 152, 153, 160
 Геринг 128
 Гетман А. Л. 285, 300, 303
 Гитлер А. 12, 45, 48, 56, 66, 73, 135, 136, 173, 243, 244, 246, 255, 268, 273, 348

- Глебов И. С. 24
 Глуздовский В. А. 286
 Говоров М. А. 11, 13, 14, 21, 22, 24, 323
 Гоголь П. В. 152
 Гожев В. 280
 Гожев Ж. 280
 Гожева И. Е. 280
 Голкин Ф. П. 298, 309, 313, 319, 331, 332, 333
 Голованов А. Е. 345, 346, 352
 Голосов Д. М. 327
 Голубев К. Д. 19, 20, 24, 54, 93, 160, 165, 166, 171, 172, 173
 Голушкевич В. С. 43
 Горбатов А. В. 340, 350, 353, 355, 356
 Горбенков Н. П. 77
 Гордов В. Н. 169, 172
 Городнянский А. М. 173, 183, 203, 204, 216, 217, 219, 223, 224, 228, 245
 Городовиков О. П. 138, 155, 156, 158, 161, 163, 164, 166, 169, 171, 173, 294, 299, 300
 Горшков А. П. 238
 Горунов Н. 267
 Готовцев А. П. 18
 Грендаль В. Д. 43
 Гречко А. А. 24
 Грибова А. В. 267
 Григорьев Н. П. 102, 103, 189
 Гриценко А. П. 255, 257, 261
 Грицов Ф. Г. 129
 Грицук 300
 Гришин И. Т. 149, 165, 168, 170, 171, 222
 Громадин М. С. 242
 Грызлов А. А. 24
 Гризнов 260
 Губанов Б. С. 85
 Гудерман Г. 39, 56, 61, 66, 72, 73, 75, 84, 85, 87, 89, 94, 95, 96, 106, 107, 112, 113, 119, 120, 123, 124, 127, 128, 130, 137, 139, 142, 148, 150, 152, 155, 156, 158, 164, 165, 173—176, 178—187, 190—193, 195, 196, 197, 200, 202—206, 208, 211, 213, 215, 217, 218, 220, 222—224, 226—236; 239, 240, 243, 244, 268, 302, 317
 Гудков 238
 Гуртьев Л. Н. 357
 Гусев В. 213
 Гусев Н. П. 35
 Давыдов 262
 Данилов С. Е. 204
 Денисов П. П. 47, 111, 112, 115
 Дмитриев 133
 Дмитриев М. П. 120, 121, 136, 147, 159, 170, 171, 175, 190, 202, 221, 224, 227
 Доватор И. М. 269
 Дюгов И. А. 76, 77, 78, 103, 106, 136, 142, 143, 154, 176, 177, 184, 189, 210, 218, 221, 224, 226
 Донской Д. 243
 Дородных 82
 Дороченков С. Г. 252, 279, 296
 Днитрук Н. П. 95
 Дубовко В. Н. 177, 189, 190, 204, 207, 213, 219, 221, 245
 Дюльдин А. В. 67
 Евграфов А. Ф. 145, 150
 Егоров А. И. 9
 Егоров П. Е. 303
 Еременко А. П. 37, 131, 165, 171, 172, 174, 175, 178, 185, 188, 190, 200, 201, 203, 208—210, 213—215, 228
 Ермаков А. Н. 178, 180, 181, 187, 188, 190, 192, 197, 198, 200, 201, 203—206, 208, 215, 219, 221—225, 233, 242, 300
 Ерохин М. Е. 202
 Ефремов М. Г. 149, 155, 157, 165—172, 175, 224
 Жаворонков В. Г. 231—233, 239, 241
 Жадов А. С. 119, 125, 126, 130, 142, 150, 152, 153, 156, 176, 215, 222, 227
 Жидов 86
 Жуков Г. К. 219, 259, 264, 273, 276, 280, 284, 288, 289, 296, 302, 304, 306, 309, 321, 323, 333, 345
 Загорас 325
 Запорожец А. И. 43, 54
 Захаров Г. Ф. 24, 175—177, 180, 181, 184, 187, 189, 190, 191, 200, 203—211, 214, 215, 218, 225, 228, 229, 230, 231, 235, 242, 244, 245, 264, 268, 269
 Захаров М. В. 8, 20, 21, 24, 323
 Захаров Ф. Д. 248, 252, 295, 299, 303, 304
 Зинькович М. П. 355
 Злобин В. М. 24
 Золотарев П. Ф. 303
 Зубков 233
 Зубов В. А. 121
 Зыков П. М. 102
 Иванов В. Д. 36
 Иванов С. П. 229, 231—231, 242
 Иванушкин 260
 Иванюк Д. И. 105, 106, 113, 120
 Ивашкин М. В. 144, 145, 168, 170, 171, 183, 184, 198, 228, 229, 232, 245, 316, 318
 Илларионов А. А. 83
 Исаев 262
 Иссерон Г. С. 18
 Истомин Н. А. 315
 Кабанов 101, 175, 190, 211, 232, 233, 237, 242
 Кагамлык Г. 327
 Каган Н. С. 267
 Казаков В. И. 316
 Казаков М. П. 19, 20, 23, 24, 309, 316, 323, 360, 361
 Казанкин А. Ф. 127, 144, 150
 Калиш А. К. 266, 301
 Калмыков К. Г. 202, 229
 Калягин А. Я. 83, 190, 191, 192, 197, 200, 201, 202, 209—211
 Камер И. П. 253
 Карбышев Д. М. 11, 17, 51
 Карл XII 255
 Карпенко Е. Г. 295
 Картечкин И. 275
 Катаев В. П. 271
 Катуюков М. Е. 220, 263—269, 271, 273
 Квасс П. Д. 85
 Кеслер 305
 Киреев 266
 Кирпонос М. П. 194
 Кирьянов П. В. 267
 Кислицын А. С. 91
 Клаузевиц 17
 Клейст 193

- Климанов П. Ф. 295
Климовских В. Е. 21, 40, 43, 44, 45, 46, 54, 72, 91, 92, 125
Клюге 39, 61, 66, 268
Ковалев М. П. 34—36, 41, 43, 46
Ковтуненко 82
Ковтюх Е. И. 32—34, 47, 116
Козлов М. А. 160, 183, 216, 223, 227, 311, 313, 324
Козырев М. Е. 110, 141, 143
Колпакчи В. Я. 269, 336, 350, 356
Кондратьев А. К. 54
Копев П. С. 280, 309
Копонов П. В. 95, 101, 107, 127, 133, 134
Копалев Ц. Н. 257
Корзун С. А. 146, 147, 313, 316, 318, 336, 338, 339
Коробков А. А. 59, 62, 63, 65, 66, 70—72, 74, 77, 79, 86, 91, 93, 95, 96, 100, 103, 106, 111, 114—119, 122, 123, 125, 126, 130, 131, 133, 136
Коровин Т. И. 253
Король Ф. П. 249, 252, 253, 255, 257, 260, 263—268, 273
Корчагин И. И. 355
Кочетков М. А. 184, 190, 198, 201, 202, 204, 210, 211, 228, 245
Кравченко А. Г. 258, 260
Крейзер Я. Г. 185, 205, 214, 221, 222, 224, 226—239, 245
Кривошеев Г. А. 39, 57, 74, 79, 111
Кривошеин С. М. 39, 57, 138, 139, 148, 149, 156, 160, 189
Крутиков А. Н. 24
Крюков В. В. 298, 303, 305, 306, 356, 359, 360
Кубасов А. Ф. 348
Кудинов 176, 179—181, 188
Кудрявцев С. И. 85
Кудюров Ф. Ф. 99, 107, 127, 133, 134
Кузнецов 115
Кузнецов 207
Кузнецов А. П. 80
Кузнецов В. И. 32, 37, 54, 55, 158, 169—171, 174, 191, 211, 262, 275
Кузнецов В. И. 190, 198, 209, 210, 212, 213, 232, 237, 242, 245
Кузнецов Ф. И. 137, 138, 154—157, 159, 165, 166
Кузнецов Ф. Ф. 332, 333
Кузьмин Г. Е. 266
Кулешев 273
Кулиев И. К. 165
Куликов П. И. 247—249, 253, 256—258, 260, 263, 264, 265, 268, 271, 272, 277, 279—282, 286, 295, 297, 300—302, 304
Кунцевич Н. М. 172
Курцов 257
Курасов В. В. 15, 24
Курдюмов В. Н. 103
Куркин А. В. 220
Курочкин П. А. 15, 23, 24, 323
Курский В. С. 77
Кустов А. Ф. 348
Кутузов М. В. 243
Кучинский Д. А. 9, 13, 14
- Лавриенко Д. Ф. 263
Лазарев И. Г. 347
Лазаренко И. И. 65, 110
Лелюшенко Д. Д. 208, 213, 220, 221, 227, 230
Ленин В. И. 5, 18, 225, 255
Либенштейн 217, 244
Лиддл-Гарт 113
Лизюков А. И. 248, 250, 251, 260, 261, 265
Литвиненко А. И. 67, 74, 100, 103, 176, 177, 179, 188, 208, 232
Ложкин 133
Ломов Н. А. 24
Луговкин П. П. 168
Лукин Г. С. 121
Луначарский А. В. 154
Лысенко Ф. П. 97
- Маврин А. А. 80, 85, 235
Магон Э. Я. 145, 150, 153, 165—168
Мажаяев 86
Мазепов П. И. 188, 208, 209—211, 214, 215, 225
Макаров В. Е. 192, 208, 209
Макаров В. С. 104, 189
Макаров Л. М. 105
Маландин Г. К. 15, 24, 130, 131, 137, 140, 323
Малнин М. С. 264, 307, 309, 329, 342
Маллиновский Р. Я. 168, 316
Малышев П. Ф. 353
Маневич А. Е. 92, 97, 101
Маненков И. А. 267
Манштейн 316, 317, 319
Марков С. Н. 248, 289
Марухин 257
Маслов А. С. 289, 296
Маслюков Я. И. 189
Матвеев Д. И. 82, 99
Мезис А. И. 31
Меликов В. А. 16, 17
Мехлис Л. З. 338, 360
Милонидов 236
Милославский М. П. 24
Минин К. 243
Милюк Л. Ф. 346
Михалицын П. Т. 357
Модель 348
Мольте 17
Москаленко К. С. 323
Москин И. Г. 300
Мыларчиков В. П. 262
- Назаров А. В. 86, 109
Наполеон 127, 255, 268
Науменко Н. Ф. 348
Невский А. 243
Недвинин С. И. 99, 107, 111, 132—134, 156, 157
Нечаев Н. Н. 183
Никитин А. Г. 111, 117, 118, 123, 125—127
Цикифорова К. И. 36
Никишев 24
Никоненко И. В. 301
Ниценко К. Б. 87
Новиков 257
Новиков А. А. 345
Новосельский Ю. В. 328, 329
Носевич В. М. 266
Носовский И. В. 126
- Оборин С. И. 58, 63, 67, 91, 95, 96, 101, 106, 114, 123
Обухов В. Т. 127
Озеров Ф. П. 19, 24
Оласаев Г. М. 204
Ольгневский В. П. 98
Ординарцев В. В. 267
Остапенко 213
Остапенко Ф. А. 95, 97, 101, 112, 113, 124, 127, 133, 142, 170

- Павлов Д. Г. 46, 54, 55, 58, 71, 74, 75, 92, 100, 103, 111, 117, 124, 125
 Павлов Н. П. 280
 Панин П. К. 334
 Панов М. Ф. 348
 Пархоменко Ф. А. 118, 130
 Паскевич-Ереванский 154
 Паулос Ф. 316, 317, 326
 Пахомов К. Ф. 267
 Паша С. И. 247, 277, 281
 Перемытов А. М. 27—29
 Перерва П. В. 350, 352
 Пересыпкин И. Т. 251, 345
 Петров 232
 Петров А. В. 198
 Петров К. П. 279, 296
 Петров М. П. 178, 226
 Петровский Г. П. 157
 Петровский Л. Г. 26, 33, 34, 47, 116, 137, 138, 157, 158, 161, 164—170, 172
 Петрушевский А. В. 24, 39, 151, 205, 312, 324
 Пигурнов А. П. 189, 210, 221, 225, 308, 311, 324, 346
 Пилипенко А. П. 332, 333
 Пименов Г. С. 97, 124
 Пинчук П. В. 357
 Писаревский Д. С. 194
 Плиев П. А. 24, 269, 271—274, 298
 Поветкин С. И. 114, 117, 121, 123, 127—130
 Подлас К. П. 179
 Пожарский Д. 243
 Покровский А. И. 24, 289, 323, 342
 Поленов В. И. 282, 300
 Подтавская Е. Я. 267
 Польшин Ф. И. 178, 199, 201, 222, 245
 Пономаренко К. И. 154, 157, 219
 Попов В. С. 51, 64, 65, 79, 91, 95, 98, 111, 112, 116, 117, 119, 121, 123, 137, 140—144, 147—150, 152, 153, 233, 234—243, 359
 Попов М. М. 338—343, 349, 352, 353, 358—360
 Попов С. Н. 124, 126
 Попсуй-Шапко М. А. 98, 99, 101, 111, 117, 134, 142, 144, 150, 167, 168
 Потапов М. И. 194
 Потапов М. М. 320, 337
 Почема Е. И. 236
 Предько Н. И. 129
 Прищепа Н. А. 158
 Прокофьев Ю. М. 249, 251, 255, 260, 268, 269
 Прошликов А. И. 64, 66, 101, 111, 116—118, 121, 122, 144, 160, 170, 190, 232, 233, 237
 Псурцев Н. Д. 289
 Пурганов В. И. 73, 82, 83, 91, 95, 98
 Пузырев М. И. 52, 53, 70, 141
 Пуньшев П. В. 325, 345
 Пуркаев М. А. 36—38, 40, 41, 43—45, 173, 174
 Пустовалов А. И. 109
 Пухов Н. П. 216, 311, 312, 319, 320, 321, 324—326, 328
 Пуховский Н. Ф. 258
 Пэрн Л. А. 92, 93, 178, 205
 Пятыхин П. Г. 319
 Радзивилл 38, 127
 Радзиевский А. И. 24, 273
 Раковский В. С. 158
 Рафтокулло А. 213
 Регини Ф. П. 266, 267
 Рейтер М. А. 162, 163, 175, 191, 207—210, 220, 221, 229, 269, 276—289, 295—297, 299, 301—314, 316—321, 323, 325—329, 331—338
 Ренке 295
 Ремизов Ф. Т. 248, 249, 251, 252, 260—269, 271, 272, 273
 Риббентрон 45
 Рогачев Д. А. 92
 Родионов 257
 Рожков С. С. 63, 72, 90, 122
 Рокоссовский К. К. 250, 262, 264, 265, 307, 309, 310, 328—330, 332, 337, 344, 346, 351, 352
 Романенко П. Л. 318
 Рудаков З. Я. 43
 Рухле П. Н. 205, 211
 Рыбалко П. С. 324, 334, 343, 349—353, 355
 Рябцев 86
 Рякин Н. В. 236, 242
 Саваян В. М. 129
 Садовников 238
 Саковнин А. А. 318
 Самофленко Ш. С. 291
 Самохин А. Г. 313—315
 Самсонов Ф. А. 190, 192, 207, 229
 Саидалова Е. И. 71, 78
 Саидалова Т. 71
 Сафонов Д. П. 112
 Сахно М. Г. 353
 Свечин А. А. 14, 16, 17
 Свиридов В. И. 24
 Святополк-Мирский А. 37, 38
 Святополк-Мирский В. 38
 Сименков В. М. 78, 106
 Семенов В. Я. 43
 Семенов П. О. 29
 Семенов П. С. 255, 265, 282, 283
 Семиков Н. И. 189
 Серафимович А. С. 32, 33
 Сергеев П. А. 176, 180
 Сидельников Н. П. 334, 342
 Сидорин Т. М. 25, 104, 120
 Скобелев 37
 Скоробогаткин К. Ф. 18, 19
 Спизнько 220
 Смирнов С. С. 82
 Смородинов И. В. 42, 43
 Соколовский В. Д. 251, 261, 264, 265, 269, 270, 309, 342,
 Соловьяников А. Ф. 196
 Солодовник Н. С. 248, 250, 295, 297
 Соломатин М. Д. 298, 301, 303, 304
 Сорокин К. Л. 208, 230, 233, 236, 242
 Ставцев 102
 Сталин И. В. 167, 175, 185, 192, 208, 240, 242, 243, 270, 308—312, 317, 319, 321, 329, 330, 333, 337, 346, 349, 353, 355, 358, 359
 Стафеев Г. Д. 93, 94
 Стрешин 168
 Суворов А. В. 49, 243
 Сурин Б. Н. 69, 86
 Сусайков П. З. 34, 308, 310, 311, 316, 318, 319, 320, 335, 336, 338
 Сухомлин А. В. 19, 24
 Тагунов Б. В. 262
 Тер-Гаспарян Г. А. 106, 120, 123, 128, 143, 144, 147, 152, 183, 184, 188
 Татарчук К. С. 301
 Терешков А. Д. 237, 241, 242, 359
 Тетешкин С. И. 328, 330, 331

- Тимошенко С. К. 42, 43, 45, 55, 130, 131, 133, 138, 142, 143, 148, 151, 160, 193, 194, 245
- Типпельсдорф К. 243, 244, 268, 307
- Токарев М. А. 266
- Триандафилов В. К. 12
- Трофименко С. Г. 24
- Трубицын Я. С. 266
- Трубицков К. П. 233, 236, 237
- Трутко П. П. 16
- Труфанов В. Я. 266
- Тулинов В. П. 266
- Тупиков В. П. 173, 174, 194
- Тургенев П. С. 338, 339
- Турумов Ф. 77
- Тутаринов И. В. 67, 96, 114, 116, 117—120, 123, 126
- Тухачевский М. Н. 9, 10
- Тюленев И. В. 54
- Тюрин А. А. 206, 288, 306
- Тютин 212
- Уборевич И. П. 9
- Урбанович В. К. 348
- Уткин Ф. Е. 165, 172
- Ухов А. С. 260
- Федоров А. 258
- Федоренко Я. Н. 240, 241, 343, 344
- Федосинский П. П. 288, 304, 311, 337, 349, 356, 360
- Филиппи А. 193
- Фоканов Я. С. 158, 236, 237
- Фоминых А. Я. 46
- Фурсин 41
- Хабаров П. П. 93, 118
- Халюзин Г. А. 313, 315, 316, 318
- Хлебков А. А. 342
- Хохлов В. Д. 236, 242
- Хрулев А. В. 207, 325
- Хрущев Н. С. 332, 333
- Цвангер С. В. 248
- Чепуров С. Ф. 237
- Черевиченко Я. Т. 269
- Черняховский П. Д. 332, 333
- Чертов Е. Г. 83
- Четвериков Н. И. 24
- Чибисов П. Е. 326, 332, 333
- Чистяков П. М. 253, 258, 259, 266
- Чистяков М. Н. 345
- Чмутов Н. И. 233, 239, 241
- Чупрыгин П. М. 129
- Чуйков В. П. 37, 39, 41, 43, 46—53, 55, 57
- Шамиль 26
- Шамсутдинов Ш. Г. 301
- Шапошников Б. М. 9, 35, 125, 126, 146, 147, 164, 166—168, 172, 192, 193, 206, 208, 209, 215, 222, 242, 246—248, 251, 258, 295
- Шевальдин Т. П. 32
- Шевченко П. П. 295
- Шеклапов Ф. П. 222
- Шиллов 266
- Шиманаев А. П. 16
- Шипилов В. П. 267
- Шпытков Ф. И. 48, 49, 58, 59, 65, 71, 90, 91, 93, 96, 101, 105, 106, 115, 116, 119, 121—123, 125, 137—139, 141, 143, 144, 146, 152, 159
- Шмиголь П. В. 141
- Шляпин Н. А. 226
- Шкрылев Т. К. 327
- Штейнлухт М. А. 253, 255, 265
- Шульгин Л. М. 85
- Шумилкин М. 266
- Шышлов В. П. 112
- Эбербах 240
- Ющук И. И. 236, 239, 240, 241, 242
- Якир И. Э. 9, 11
- Яковлев Н. Д. 29, 340, 344, 345

Оглавление

	Предисловие Маршала Советского Союза М. В. Захарова	5
	Пролог	9
Часть первая.	В предвоенные годы	25
	1. В войсках Белорусского округа	25
	2. На защиту Западной Белоруссии	34
	3. Под Брестом накануне войны	47
Часть вторая.	На варшавско-смоленском направлении	74
	1. Так началась война	74
	2. На юго-западных подступах к Минску	109
	3. Оборона на Березине и отход за Днепр	121
Часть третья.	Рокировка на направление Гомель, Брянск, Тула	136
	1. Удары во фланг и тыл врагу со стороны Гомеля	136
	2. Сражение под Гомелем	154
	3. Брянский фронт бьет по флангам и тылам группы Гудериана	175
Часть четвертая.	В боях за столицу	196
	1. Враг устремился на Орел и Москву	196
	2. Под стенами Тулы	227
	3. На Солнечногорск, Волоколамск, Шаховскую	245
Часть пятая.	Врага отбрасывают от Москвы все дальше и дальше	276
	1. Первая наступательная операция в летних условиях	276
	2. На Касторное, Курск	307
	3. Разгром вражеских полчищ в Орловско-Курской битве	335
	Указатель имен	362

Леонид Михайлович Сандалов
На московском направлении

Редактор *Э. Г. Демидова*
Художник *Г. В. Дмитриев*
Технический редактор *И. А. Макозинова*

Сдано в набор 22/IV 1970 г.
Подписано к печати 30/XI 1970 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 23. Уч.-изд. л. 26,1.
Тираж 50 000 экз. Т-17093. Тип. зак. 927.
Цена 1 р. 97 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

